

Институт нового индустриального развития
имени С.Ю. Витте
Конгресс работников образования, науки, культуры
и техники (КРОН)

Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире

Сборник материалов VI Международного конгресса
«Производство, наука и образование
в эпоху трансформаций:
Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО-VI)

Под общей редакцией С.Д. Бодрунова

Том I

Москва, 2020

ББК 65.04 65.050 65.23 65.9(2)

Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI). Том 1. / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020. – 424 с.

ISBN 978-5-00020-073-5

ISBN T. 1 – 978-5-00020-074-2

В сборнике представлены статьи, подготовленные на основе докладов участниками шестого международного конгресса «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО-2019). Конгресс был организован Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте при поддержке Московского финансово-юридического университета МФЮА, философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Конгресса работников образования, науки, культуры и техники (КРОН), Общероссийского общественного движения «Образование – для всех».

Авторы сборника затрагивают широкий круг вопросов, связанных с вызовами технологического развития, новыми формами интеграции производства, науки и образования, проблемами возможных трансформаций российской экономической модели и развития креатосферы. Ставятся вопросы оптимальных направлений социально-экономической политики на нынешнем этапе технико-экономического развития.

Тексты опубликованы в авторской редакции.

© Коллектив авторов, 2020

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020

Содержание

Введение	7
II глава 1. Технологические трансформации: социально-экономические драйверы и результаты	
<i>Бодрунов С.Д.</i> Развитие технологий и человеческих качеств предполагает новые приоритеты экономической, социальной и инвестиционной политики.....	13
<i>Гринберг Р.С.</i> Размышления о противодействии глобальным вызовам	26
<i>Иванов В.В.</i> Методологические аспекты стратегического планирования в контексте глобальных трансформаций	31
<i>Клейнер Г.Б.</i> Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний	44
<i>Ленчук Е.Б.</i> Готова ли Россия к технологическому рывку?	57
<i>Миронов В.В.</i> Деформация образования в условиях трансформации современной культуры	66
<i>Смолин О.Н.</i> Экономический рост и социальная политика.....	75
<i>Сорокин Д.Е.</i> Политическая экономия технологической модернизации России	88
III глава 2. Четвертая промышленная революция: на пути к новой экономике	
<i>Белокрылова О.С., Ситуха А.Н.</i> Структурные преобразования прекариата как следствие Четвертой промышленной революции	103
<i>Букреев В.В., Рудык Э.Н.</i> Защита суверенитета промышленного производства России как императив.....	111
<i>Вайнгорт В.Л.</i> Метаморфозы социально-экономического положения русской этноязыковой части населения Эстонии при постиндустриальном её развитии	122
<i>Варшавский А.Е.</i> Актуальные проблемы реиндустриализации и импортозамещения	133

<i>Доржиева В.В.</i> Цифровая трансформация промышленности: тенденции, стратегия развития и международный опыт	147
<i>Дроздов Б.В.</i> Перспективные направления индустриализации процессов ремонта, реконструкции и развития техносферы жизнеобеспечения	154
<i>Манахова И.В.</i> Новая архитектура мировой экономики в условиях глобального информационного общества	163
<i>Молчанов И.Н.</i> Финансы домохозяйств в условиях цифровизации: организационные новшества	172
<i>Симченко Н.А., Цёхла С.Ю.</i> Принципы исследования экономических эффектов развития цифровых двойников	187
<i>Эпштейн Д.Б.</i> Социализация капитализма: потенциал и пределы	196

211 глава 3. Экономика России: драйверы развития в эпоху глобальных трансформаций

<i>Баркова Е.А.</i> Тенденции становления цифровой (информационной) экономики в современном обществе ...	213
<i>Благих И.А., Аверьянова О.В., Рябухина А.А.</i> Социализация экономических доктрин в России в условиях реформ середины XIX столетия	219
<i>Воронин Д.В.</i> Проблемы и перспективы развития научоемкого производства: региональный аспект	229
<i>Дектерёв В.И.</i> Ограничители производства в России	235
<i>Евсеев В.И.</i> Власть и бизнес в экономике России: что мешает развитию?	242
<i>Иванова Е.А., Капкаев Ю.Ш.</i> Роль государства в развитии бизнес-среды в России	252
<i>Розанова Л.И.</i> Влияние крупных экономических группировок на инвестиционную активность и накопление основного капитала	261
<i>Тебекин А.В.</i> Проблемы развития знаниеемкого производства в России и потенциальные пути их решения	273
<i>Шачин С.В.</i> Опыт осмысления проблемы цифрового неравенства в России на основе идей немецких социологов и психологов	282

<i>Шорохов Ю.И.</i> Системный анализ состояния и перспектив социально-экономического развития России (экология менталитета как индикатор состояния и перспектив развития)	295
<i>Юдина Т.Н., Купчишина Е.В.</i> Формирование институциональной инфраструктуры «цифровой» экономики в Российской Федерации	308

317 глава 4. Наука и образование в России: системные противоречия начала XXI в.

<i>Белокрылова О.С.</i> Институциональные провалы Болонской реформы российского образования	319
<i>Казанцева Д.Б.</i> Изменяющаяся социальная реальность и трансформация духовно-нравственного потенциала личности россиян	330
<i>Катаргин Н.В.</i> Теоретические основы и практика бюрократизации науки и образования в России	336
<i>Когут М.Т.</i> Поиски стратегии планирования образования в современной России	346
<i>Костенко И.П.</i> Ложные «научные» теории – орудия разрушения образования России	356
<i>Решетова Л.В.</i> Проблемы образования в России в рамках тенденций разделения и объединения труда	364
<i>Сайфитдинова А.Ф.</i> Последствия необдуманной политики поддержки молодежи в сфере науки и образования для женщин	373
<i>Федосюк А.П.</i> Система образования и образовательные технологии в рамках целеполагания российской социальной системы	382
<i>Щеброва С.Я.</i> Проблемы российского образования в эпоху [де]глобализации	392
<i>Щепеткина С.В.</i> Ветеринария в номенклатуре научных специальностей: сельскохозяйственная или медицинская наука	402
<i>Яковлева Н.Г.</i> Социально-экономические основания коммерциализации и финансиализации образования	412

Введение

4 декабря 2019 г. в Московском финансово-юридическом университете МФЮА прошел VI Международный конгресс «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО–2019). Конгресс был организован Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте при поддержке Московского финансово-юридического университета МФЮА, философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Конгресса работников образования, науки, культуры и техники (КРОН), Общероссийского общественного движения «Образование – для всех».

Участниками конгресса стали более 400 человек, представлявших большинство регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья (в частности, Беларусь, Украину, Австрию, Бразилию). С докладами выступили представители ведущих научно-исследовательских институтов, вузов, представители исполнительной и законодательной власти, руководители предприятий реального сектора экономики, активисты общественных движений.

Ключевыми темами дискуссий стали вызовы четвертой промышленной революции, адаптация общества к новым технико-экономическим реалиям, роль различных общественных институтов (в том числе, государства) в социально-экономическом развитии, отношения человека и природы, новый глобальный миропорядок и геополитические противоречия, проблемы реиндустриализации, новые формы взаимосвязи производства, науки и образования, поиск новых целей образовательного и воспитательного процесса, дебюрократизация системы образования на разных уровнях.

С докладами на пленарном заседании выступили: доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономиче-

ского общества России, президент Международного Союза экономистов С.Д. Бодрунов; доктор философских наук, профессор, академик РАО, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке О.Н. Смолин; доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, председатель движения «За возрождение отечественной науки» Б.С. Кашин; доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель президента Российской академии наук В.В. Иванов; доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН Р.С. Гринберг; доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель научного руководителя, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» Центрального экономико-математического института РАН Г.Б. Клейнер; доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.В. Миронов; доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель, директор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ Д.Е. Сорокин; доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики РАН Е.Б. Ленчук; доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ О.А. Александрова; доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова С.Н. Бобылев.

В ходе Конгресса прошла работа 16 семинаров, участники которых обсудили широкий круг междисциплинарных вопросов, касающихся производственной, научно-исследовательской, образовательной сфер.

Поднятые проблемы актуальны для всего мира в целом, хотя больший акцент был сделан на вопросах, которые наиболее остро стоят для России. Отечественная социально-экономическая система нуждается в трансформациях, ориентированных на вхождение страны в число лидеров технологического развития. Промедление в реализации необходимых мер экономической политики чревато угрожа-

ющим отставанием нашей страны в условиях непростой геополитической обстановки.

Не вызывает сомнений важность продолжения подобных дискуссий для поиска ответов на новые вызовы социально-экономической реальности. При этом следует помнить, что цена ошибок или бездействия может оказаться очень высокой для нашей страны.

глава I

Технологические
трансформации:
социально-
экономические
драйверы и результаты

Бодрунов С.Д.,

*доктор экономических наук, профессор,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
президент Вольного экономического общества России,
президент Международного Союза экономистов*

**Развитие технологий и человеческих качеств
предполагает новые приоритеты экономической,
социальной и инвестиционной политики¹**

Аннотация. Текст посвящен анализу трансформаций современной экономической системы, вызванных стремительным технологическим развитием последних лет. Становление нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) меняет цели социально-экономического развития. Все более важным становится обогащение человеческого потенциала вместо максимизации материального потребления. Данные сдвиги служат продвижению к новому этапу хозяйственной системы – ноономике.

Ключевые слова: технологическое развитие, знаниеемкое производство, НИО.2, человеческие качества, ноономика

Bodrunov S.D.,

Doctor of Econ. Sc., Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, President of Free Economic Society of Russia, President of International Union of Economists

¹ На основе текста доклада С.Д. Бодрунова на пленарном заседании VI Международного конгресса «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО-VI), Москва, 4 декабря 2019 г.

The Development of Technologies and Human Qualities Implies New Priorities of Economic, Social and Investment Policies

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern economic system transformations which caused by the rapid technological development in recent years. The emerging of the new industrial society of the second generation (NIS.2) changes the goals of socio-economic development. Enrichment of human potential is becoming increasingly important instead of maximizing material consumption. These shifts serve to advance to a new stage of the economic system that is noonomy.

Keywords: technological development, knowledge-intensive production, NIS.2, human qualities, noonomy

Уважаемые коллеги!

Наш конгресс, посвященный проблемам развития производства, науки и образования, сегодня собрался вот уже в шестой раз. Сделано многое. И это – не только книги с докладами его участников и сотни наших статей. Создана трибуна для квалифицированного обмена мнениями весьма компетентных в этой сфере специалистов. Это, что важно, – еще и изменяющееся общественное мнение: если пять лет назад тезис о необходимости приоритетного развития знаниеемкого производства, интегрированного с наукой и образованием, воспринимался как теоретическая гипотеза, даже – в некотором роде как мечта, то сегодня он звучит как вполне очевидный императив времени. Наконец, что еще важнее, формируемое с нашим, коллеги, участием это самое общественное мнение базируется не на произвольных умопостроениях, а на выверенной, в том числе нашим конгрессом, глубоко проработанной научной базе, и в этом – и сила, и неопровержимость наших идей и предложений. Безусловно, не все наши предложения (используем корректные, академические формулировки) транслированы в практические действия – путь от теории к практике всегда был тернист, не прост он и в данном случае. Но – позитивные сдвиги просматриваются.

Я неспроста начал свой сегодняшний доклад именно с этого. Я не стал бы преуменьшать значение общественного мнения. Идея

становится реальной силой, когда она овладевает, что называется, массами. В том числе – критической массой тех, кто принимает решения и воплощает их в практику. Это – во-первых. Во-вторых, я бы не стал преуменьшать и влияние общественного мнения на политический класс: необходимость приоритетной ориентации на технологический прорыв, не реализуемый в условиях новой индустриально-технологической революции без принципиальной интеграции знаниеемкого производства, передовой науки и современного образования, сегодня осознана руководителями страны. Неслучайно в числе приоритетных – национальных! – проектов возник такой, как «Наука». В качестве важного шага, определяющего приоритеты инновационно-технологического и, скажу больше, экономического развития, можно считать формирование и начало реализации имеющей высокий интеграционный потенциал Национальной технологической инициативы. Отмечу, что сопряжение национальных проектов, определяющих конкретные шаги и этапы решения экономических проблем, и Национальной технологической инициативы, определяющей, если можно так выразиться, направления этих шагов, позволит перевести реализацию задачи реиндустриализации российской экономики в реальную практическую плоскость. И мы на этом продолжаем настаивать.

И все же основные из тех задач, которые мы обсуждаем, еще предстоит сначала осознать как приоритетные, не говоря уже об их практической реализации.

О чем идет речь?

Выделю в этом докладе только три аспекта.

Первый – определение целей развития.

К сожалению, не только в России, но и в мире в целом – от США до Китая – едва ли не главным задачей, которую обсуждают и политики, и эксперты, и СМИ, являются темпы роста.

Но давайте задумаемся, о чем идет речь?

Речь идет о количественном наращивании объема выпуска всего, что потребляется. Укоренившийся со второй половины прошлого века подход мерить удовлетворение потребностей людей количественными показателями даже на заре своего широкого вхождения

в экономический инструментарий и обиход далеко не идеально отражал те замерыемые феномены, для измерения которых он был введен. В нынешнем же мире (мире всё более возрастающих, а всё чаще – искусственно возгоняемых! – симулятивных потребностей!) такой инструмент вообще малопригоден, ведь потребляются далеко не только те блага, которые обеспечивают позитивное технологическое развитие, содействуют прогрессу человека, решению социальных и экологических проблем. Рост валового внутреннего продукта зачастую скрывает все возрастающее продуцирование и удовлетворение потребностей в том, что в лучшем случае – бесполезно, а в худшем – разрушает экономику и общество.

Кроме того, не забудем и о том, что этот рост может быть экстенсивным, достигаться за счет увеличения нагрузки на человека (который зачастую сегодня вынужден работать – особенно в сфере образования и науки – на двух-трех должностях), а также – нагрузки на природу; рост может осуществляться в ряде случаев и без модернизации технологической основы экономики, на том же технологическом базисе. И даже – это парадокс, но не выдуманный, реальный – при его деградации.

Нужен ли нам такой рост? Вопрос, в контексте вышеизложенного, фактически – риторический.

Вот почему научное и экспертное сообщество должно вновь и вновь настойчиво продвигать вывод о том, что **главная проблема (и, следовательно, задача) экономики XXI века – не просто рост как таковой, важна его структура, или, шире говоря, качество.**

Эта, очевидная для нас, постановка вопроса, тем не менее, все еще не находит должного отклика при выработке приоритетов стратегического развития общества ни со стороны экономистов-теоретиков, ни со стороны государственных лидеров. Первые в основном спорят о том, какие проценты роста ВВП можно получить на основе той или иной модели экономической политики; вторые акцентируют в качестве главных результатов, которые должны быть достигнуты, опять же темпы роста ВВП, и лишь как некое производное – повышение качества жизни людей, образование, медицина, жилище, природная среда, социалка. Однако ясно, что вот это главное и это производное далеки от корреляции, и нельзя мерить простой алгеброй цифр гармонию реальных общественных потребностей и интересов!..

Нужна другая постановка стратегических задач.

Ориентация на качество роста или, точнее, на **развитие**, предполагает решение в первую очередь задач обеспечения экономического, социального и гуманитарного прогресса с учетом решения глобальных (и, в частности, – сегодня это уже императив! – экологических) проблем. А для этого необходимо выделение соответствующих приоритетов в долгосрочной экономической политике, я бы даже сказал – в нашей экономической доктрине.

Таковыми приоритетами могут и должны стать два – развитие технологий и прогресс человеческих качеств.

Почему?

Ответ на этот вопрос мы уже давали в наших предыдущих докладах и серии публикаций последних лет (многие участники наших конгрессов уже могли с ними ознакомиться, желающие смогут сделать это после окончания пленарного заседания). Мы утверждали и утверждаем: с наступлением нынешней новой технологической революции (а ее справедливо всё чаще называют революцией индустриальной, предполагающей качественное изменение индустрии на основе шестого технологического уклада) экономика, общество, человек обретают новое качество – не будет преувеличением сказать, что мир вступает в новое качество бытия. Мы его назвали Новым индустриальным обществом второго поколения, НИО.2.

Это – общественно-экономическая система, в которой (напомню коротко ключевые выводы, которые мы уже обсуждали):

- во-первых, преодолевается пагубный тренд деиндустриализации, и главной сферой развития вновь становится индустриальное материальное производство; для нашей аудитории данное положение стало очевидным уже несколько лет назад, но важно то, что сегодня оно становится очевидным для большинства экспертов;
- во-вторых, это – индустриальное производство нового типа, второго поколения, где – отметим его важнейшую особенность – главным фактором становится знание, а не материальные ресурсы; т.е. это – знаниеемкое производство;
- в-третьих, это производство, в которое знание имплементируется, должно быть интегрировано с наукой и образованием – сферами, где знание генерируется и персонифицируется.

Что касается прогресса человеческих качеств как одного из двух важнейших приоритетов **развития**, а не просто роста, то эти качества

опять же формируются и реализуются (давайте вспомним азы социальной философии) в том числе и прежде всего – в процессе труда. Но – не всякого. Труда – содержательного, развивающего человека, а не превращающего его в придаток к станку, конвейеру, кассовому аппарату. В индустриальном обществе второго поколения труд постепенно становится преимущественно творческим актом, основанным притом на серьезном владении знаниеемкими технологиями и их эффектами, включая как позитивные, так и негативные для общества.

А содержательный, знаниеинтенсивный творческий труд и образование подпитываются наукой.

И, конечно же, развитие творческих способностей человека осуществляется в сфере образования и культуры.

В этой связи не могу не заострить проблему возрождения образования не просто как утилитарной коммерциализованной системы усвоения знаний, но и как пространства формирования личности, креативного работника, человека, способного генерировать инновации и обеспечивать их разумное применение, а не просто специалиста, обладающего неким набором профессиональных компетенций. Но для этого необходимо глубокое реформирование существующей системы образования, решающее проблемы образования для всех и через всю жизнь, преодоления бюрократизации и финансиализации образования и науки, обеспечения реальной интеграции образования и науки с современным производством и многие другие.

Так мы опять выходим на приоритет той триады, которая поставлена в центр наших конгрессов: знаниеемкое производство, наука, образование.

Намеренно повторяю: то, что я только что сказал, сейчас, в этой аудитории выглядит достаточно очевидным.

И еще больше нам всем вместе предстоит поработать для того, чтобы это стало очевидным большинству граждан России, лидерам научного, образовательного, экспертного сообщества, политическому классу.

Для продвижения в этом направлении уже сделано немало. Укажу только на опыт мероприятий, проводимых под эгидой Вольного экономического общества России и Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. Это – наш с вами ежегодный конгресс по интеграции производства, науки и образования; это – ежегодный

Санкт-Петербургский экономический конгресс (СПЭК). Вместе с Российской академией наук мы в прошлом году организовали крупнейшую научную площадку в стране – Московский академический экономический форум (МАЭФ), и уже подписаны документы с РАН о продолжении этой работы также ежегодно. С момента учреждения правительством по нашей инициативе профессионального праздника – Дня экономиста, мы ежегодно, в этот день, 11 ноября, проводим Всероссийское экономическое собрание. Вот – те представительнейшие площадки, с трибуны которых академики, руководители крупнейших научных и образовательных центров страны, депутаты Государственной Думы, капитаны бизнеса говорили именно о технологическом прогрессе и развитии человека как о важнейших задачах, стоящих перед Россией. Не о количественном росте. Не о финансовой сбалансированности (важность которой на всяком оперативном пространстве текущих экономических задач никто не отрицает) – нет, мы говорили и продолжаем говорить о вещах стратегических – о прогрессе технологий и человека.

Да, это пока – по преимуществу идеи. Но когда идеи, еще раз повторю, овладевают массами, они становятся материальной силой. Это было сказано задолго до меня, и это так и есть.

Второй аспект, который я хочу подчеркнуть, – **средства** достижения поставленных целей. Названные выше два приоритета могут быть реализованы только при условии решения сложного связанного комплекса задач в трех рассматриваемых нами пространствах. *Первое* из них – реальный сектор, и прежде всего – индустрия и ее становление именно как знаниеемкого производства, внедрение технологий новых укладов и перевод на этой базе всей экономики на новое мирохозяйственное устройство. *Второе* – это наука (в единстве фундаментальной и прикладной) как сопряженная с производством сфера генерации новых знаний. *Третье* – образование как (сделаю новый акцент!) система отношений, формирующих «знаниеемкого» работника, способного повышать знаниеемкость производства и обеспечивать прогресс науки.

Существенно, что между названными выше целями и средствами их достижения существует как прямая, так и обратная связи, основа

которых – дуалистичность, двоякое бытие человека творческого. Этот человек – и высшая ценность, цель развития, и, в то же время – главное средство общественного прогресса.

Поэтому, с одной стороны, приоритетное развитие технологий и человеческих качеств предполагает акцентированное внимание к новому качеству производства, прогрессу науки и образования.

С другой стороны, прогресс нового по своему качеству производства, науки и образования приводит к формированию необходимых предпосылок для технологического прогресса и прогресса человеческих качеств.

Что из этого вытекает?

Названная двоякая связь обуславливает необходимость как «локальной», так и «большой» интеграции ПНО. Первая – на уровне производственного звена (корпорации, сети корпораций); она предполагает включение интеграционных механизмов производственных структур и субъектов сфер науки и образования. Мы об этом не раз говорили, не буду детализировать. Вторая интеграция – названная мною «большой» – шире. Речь идет об интеграции собственно самих этих трех пространств, но – не сводится к макроэкономической (на национальном уровне) интеграции лишь секторов производства, науки и образования. Она предполагает экстенсивное и интенсивное скоординированное развитие всех элементов производственного, научного и образовательного процессов в рамках *единой социально-экономической, технологической, научной и образовательной политики*.

Такой постановки вопроса на уровне правительства пока, к сожалению, нет. Нет широкой дискуссии по этой проблеме и в обществе. Но в рамках наших конгрессов проблема поставлена именно так: нужна единая социально-экономическая и технологическая, равно как и научно-образовательная политика. Более того, нужна единая программа – стратегическая, долгосрочная, – в которой бы были соединены воедино цель, задачи, ресурсы развития и институты, обеспечивающие решение этих задач. И соединены так, чтобы и производство, и наука, и образование, и обслуживающая эти сферы кредитно-денежная система согласованно и целенаправленно обеспечивали реализацию тех приоритетов, о которых мы говорили: технологии и человек – как две стороны одной медали, имя которой – развитие, а не простой рост.

Скажу больше: мне представляется, что для формирования и реализации этой комплексной и приоритетной задачи нужен, если хотите, штаб предельно высокого уровня, государственный орган, наследующий лучшие достижения ГКНТ и Госплана, но работающий в условиях рынка и поощрения частной инициативы. Такой полномочный орган, координируя деятельность ведомств, мог бы помочь и сократить объем чиновничьего аппарата, оккупировавшего ныне многие десятки министерств, и дать весомую экономию средств, растрачиваемых на проекты зачастую низкоэффективные, дублирующие, а порой – и противодействующие решению указанной двудеиной задачи. И еще: он должен быть демократически работающим институтом, опирающимся на экспертное и научно-образовательное сообщество, которое сможет решать многие задачи лучше, профессиональнее чиновников, и работать на общенациональные интересы, а не на интересы тех или иных лоббистских группировок. И орган этот сможет стать таковым, если будет действовать прозрачно и под активным общественным контролем, научные основы которого мы с вами, коллеги, призваны заложить.

Третий аспект – ресурсы. Перестройка управления – задача необходимая, но не достаточная. Ключевой механизм практической реализации названных приоритетов развития – инвестиции. И если мы говорим не о росте, а о развитии, то отсюда прямо следует вывод: **качество и структура инвестиций, а не просто их объем, являются решающим фактором реализации задачи развития.**

Эта постановка проблемы опять же выглядит приоритетной, но, к сожалению, у нас на практике не является таковой. В России сегодня объем инвестиционной активности не только неприлично мал (доля накопления в РФ почти в два раза меньше, чем в Китае), но и структурно – используем опять же корректный термин – неакцентирован. А первые примеры больших инвестиционных проектов и их относительно успешной реализации есть. Это – и олимпийские объекты в Сочи, и Керченский мост, и возрождение ряда отраслей оборонного комплекса. Но это – не более чем отдельные и далеко не в полной мере удачные примеры реализации программного подхода к инвестиционной активности.

Возражений против резкого повышения инвестиционной активности государства, особенно в публичном пространстве, много. Это – и инфляционные риски, и коррупционные, и т.п. Не вдаваясь в такого рода пафос и дискуссии, рассмотрим проблему в академической плоскости. Прогресс инвестиционной активности требует решения проблемы так называемых «провалов» государства в современной экономике и экономике будущего. Эти провалы хорошо известны. Главные из них – бюрократизм и коррупция. Преодоление их – задача опять же необходимая, но не достаточная. Не менее важно правильно определить функции государства в знаниеемкой рыночной экономике XXI века. И если первая проблема – борьба с бюрократизмом и коррупцией – по преимуществу политическая, то вторая – **перезагрузка экономической деятельности государства в соответствии с требованиями знаниеемого производства**, прежде всего – экономическая. И в немалой степени – теоретико-экономическая. Даже – политико-экономическая.

И потому именно на ней мы сосредоточим свое внимание.

Я неслучайно сделал акцент на том, что современная экономика не просто рыночная, но еще и знаниеемкая. Это – эпохи генезиса нового индустриального общества второго поколения. А это, в свою очередь, равно как и акцент на развитии, а не просто росте, обуславливает то, что и к вопросу о функциях государства требуется не количественный, но качественный подход.

Для экономики XXI века требуется одновременное решение двух диалектически единых задач.

С одной стороны, задачи либерализации в определенных сферах экономики при сокращении ряда функций государства. Речь идет прежде всего о тех его функциях, которые нацелены на реализацию бюрократических амбиций чиновничества, а не интересов общества; нам не нужно государство, главная задача которого – порождать бюрократический восторг чиновников. Кроме того, либерализация необходима там, где рыночные механизмы саморегулирования обеспечивают оптимальные результаты, где достаточно личной инициативы, предприимчивости, чтобы получить прорывной результат.

С другой стороны, есть сферы, где прорыв в будущее невозможен без мобилизации усилий на масштабных, долгосрочных проектах. Здесь стоит задача развития таких функций государства, как **актив-**

ная промышленная и социальная политика, стратегическое планирование и прогрессирование государственно-частного партнерства. Об этом мы говорили уже не раз, поэтому позволю себе пойти дальше.

Я начал свой доклад с определения целей, средств и ресурсов развития. И действительно, названные выше приоритеты и нацеленная на их реализацию целостная социально-экономическая, технологическая, научная и образовательная политика, системные инвестиции могут создать предпосылки для выхода нашей страны на траекторию опережающего, а не догоняющего развития.

Но вот какой поворот мне кажется особенно важным при такой постановке вопроса: а какое будущее для своей страны мы видим? Чего мы в итоге хотим достичь? Просто «войти в пятерку»? А дальше?

В СССР в 1930-е годы был такой станок – ДИП. Расшифровывался он просто: «Догнать и Перегнать». Но тогда была сформулирована, пусть и умозрительная, далекая, но все же – была сформулирована некая стратегическая, пусть умозрительная (да простит меня А.В. Бузгалин!) цель – коммунизм. В той достаточно упрощенной постановке, в какой эта цель подавалась массам, мы сейчас эту цель не ставим. В Китае одна из целей – достижение «пинь инь», общества средней зажиточности. Президент США провозглашает: «Сделаем снова Америку великой!». А каковы наши сформулированные долгосрочные цели? Очевидно, мы сегодня остро нуждаемся в ответе на этот вопрос.

Почему? И какие подходы могли бы быть взяты за приоритет в поиске обществом такого ответа?

Мы видим, что мир претерпевает качественные трансформации. Какие?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо принять во внимание, что интеграция производства, науки и образования есть проявление в частном случае глобального интеграционного тренда в развитии, вызванного расширением пространства знания. А это – пространство не только науки. Это – еще и пространство технологий и образования.

Далее. Интеграция наук есть одно из слагаемых того же тренда, проявляющегося, в частности, в актуализации междисциплинарно-

сти, приоритизации решений на стыках наук. Последнее есть так же проявление особенности знания как особого феномена, ибо его специфика состоит в том, что расширение знания происходит со всё большим пересечением локусов знания, «отдельных» наук и теорий. В технологическом аспекте говорят об интеграции базовых технологий, т.н. НБИКС-интеграции. Эта интеграция, слияния наук в одну метанауку есть важнейшая особенность нового технологического уклада, который является материальной базой нового индустриального общества второго поколения.

Здесь опять-таки уместно вспомнить об интеграции производства, науки и образования как интеграции общесистемной, осуществляемой в пространстве общества-системы.

Но и этого мало.

Далее встает перспектива симбиоза человека и производственной системы на основе подчинения последней задачам развития человека, а не наоборот, чем всячески нас пугают футурологи. Все это – проявление гигантского опосредованного влияния развития знаний емкости технологий на общественное устройство, которое подводит нас к рождению нового феномена – **ноономики и, соответственно, нообщества.**

Черты этого нового общественного состояния видный уже сегодня. «Умное» производство, в котором человек берет на себя преимущественно творческие функции. Прогрессирующий на основе «ускорения ускорения» технологический прогресс. Ненасильственное вытеснение симулятивных потребностей и формирование в качестве приоритетных новых ценностей, среди которых первое место займет знание. Новый тип неравенства – не в собственности и доходах, а в креативном потенциале. Диалог с природой, а не хищническое разграбление ее ресурсов. Переход на этой основе «по ту сторону» собственно экономического бытия, переход в сферу ноо-жизни.

Все это – уже заметные тренды сегодняшнего дня, указывающие на возможный облик будущего. Ноономика – это будущее, которое рождается сегодня. И наша задача состоит в том, чтобы сделать это рождение максимально безболезненным, эффективным, гуманным. Возможно, такого рода идеи могли бы в какой-то мере помочь в поиске ответа на смыслы нашего общественного развития.

И – еще об одном, в завершение.

Было в XIX веке, у К. Маркса, такое образное выражение: насилие есть повивальная бабка истории. Однако практика человеческой цивилизации вполне твердо подтвердила русскую народную мудрость: насильно мил не будешь. Никогда насилием не удавалось достичь ни долгосрочных целей развития, ни консенсуса, ни справедливости. Наша задача – задача XXI века, на новом уровне познания исторических закономерностей – быть не «повивальной бабкой», а ученым-врачом-учителем, прокладывая дорогу в будущее не насильственными методами, а путем интенсификации развития технологий и человека.

Собственно, именно для этого мы с вами, уважаемые коллеги, и проводим наши конгрессы, пишем статьи и книги. Говорим. И это – не только и не просто разговоры. Это, уверен – первый шаг в будущее, ибо, как сказано в известной всем и самой популярной в мире книге, **в начале было Слово.**

Спасибо!

Гринберг Р.С.,

*доктор экономических наук, член-корреспондент РАН,
профессор, научный руководитель
Института экономики РАН*

Размышления

о противодействии глобальным вызовам¹

Аннотация. Обсуждаются вопросы противодействия глобальным вызовам (разрушение окружающей среды, геополитические угрозы и обострение социальных конфликтов). Приводится критика чрезмерной коммерциализации науки, образования, культуры и здравоохранения. Подчеркивается, что без государственного участия нельзя решить важнейшие проблемы современности; с другой стороны, это участие может привести к самым разным последствиям.

Ключевые слова: глобальные вызовы, рыночный фундаментализм, рыночная экономика, количественные показатели, расслоение населения по доходам, государственное вмешательство в экономику

Grinberg R.S.,

*Doctor of Econ. Sc., Corresponding member of the Russian
Academy of Sciences, Professor, scientific adviser
at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*
Reflections on Countering Global Challenges

Abstract. The article touches upon the the issues of countering global challenges (environmental destruction, geopolitical threats and aggravation of social conflicts). The author criticizes the excessive com-

¹ Материал статьи опубликован в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 1 (63), 2020, с. 15–17).

mercialization of science, education, culture and health. It is emphasized that without state participation it is impossible to solve the most important problems of our time; on the other hand, this participation can lead to a variety of consequences.

Keywords: global challenges, market fundamentalism, market economy, quantitative indicators, stratification of the population by income, government intervention in the economy

Прежде всего хочу отметить доклад Олега Николаевича Смолина¹ на VI Международном конгрессе «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире». Я считаю его одним из самых компетентных и серьезных защитников образования, науки, культуры и здравоохранения в Государственной Думе. Цифры, приведенные Олегом Николаевичем, говорят о том, что в России идеологическая преданность правящего дома идеям рыночного фундаментализма не исчезает. Еще недавно казалось, что две великие утопии – директивного плана и свободного рынка – умерли. Но сегодня мы наблюдаем живучесть мифа свободного рынка и вытекающего из него требования коммерциализации науки, культуры, здравоохранения и образования. Недавно я был в Екатеринбурге, где в государственном университете девять из десяти студентов – «коммерческие». Данный тренд подтверждает слова О.Н. Смолина: образование не является приоритетом в политике правительства. Далее, хотел бы обратить внимание на высказывание профессора С.Д. Бодрунова² о том, что во всем мире наблюдается кризис коли-

¹ Краткое содержание доклада профессора О.Н. Смолина приведено в обзоре конгресса, выполненном Г. А. Масловым. См. *Маслов Г.А. Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в (де)глобализирующемся мире // Экономическое возрождение России. № 1. 2020. с. 56–62 на странице 58.*

² Краткое содержание пленарного доклада профессора С.Д. Бодрунова приведено в обзоре конгресса, выполненном Г.А. Масловым. См. *Маслов Г.А. Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в (де)глобализирующемся мире // Экономическое возрождение России. № 1. 2020. с. 56–62 на с. 57–58 (прим. ред.).*

чественных показателей, особенно в контексте тех угроз, перед которыми стоит человечество.

Недавно, беседа с одним из самых проницательных экономистов Джозефом Стиглицем о судьбах мира, мы договорились до того, что количественные показатели вредны уже сегодня, но других нет. И это – не самое важное. Главная проблема – в том, что рыночная экономика построена на эгоизме и корыстолюбии, общественные интересы в ней не являются приоритетными. Но чем ее заменить? Как показал наш исторический опыт, она более эффективна, чем дискредитировавшая себя экономика с директивным планированием. Ведь именно рыночная экономика создает больше товаров и услуг, чем любая другая. При этом, однако, без регулирования рыночных отношений невозможно противостоять трем большим вызовам, которые могут сработать одновременно.

Первый из них – климатический: сегодня разрушающее вмешательство человека в среду обитания очевидно. Некоторые специалисты считают, что через 10...15 лет можно говорить о точке невозврата. Конечно, по срокам может быть ошибка, но угроза действительно велика.

Второе – социальные факторы: расслоение населения по доходам очень велико повсеместно, но самое главное – скачок неравенства в развитых странах. Если в развивающихся странах уже привыкли к такому расслоению, то в развитом мире по-другому. Впервые за 250 лет белые образованные американцы живут хуже родителей. По словам Стиглица, в последнее время заметно сократилась продолжительность жизни белых образованных американцев («смерть от отчаяния»). Мы не знаем, как будут развиваться события. Но вот еще недавно слово социалист было в Америке ругательным, а теперь, если бы от демократической партии был выставлен Берни Сандерс, настоящий социалист, больше даже коммунист, то он вполне мог бы стать президентом. Как бы то ни было, социальные конфликты повсюду, и нет консенсуса по поводу того, как с ними бороться: правящий класс очень не хочет социального выравнивания, а других способов, по-видимому, не существует.

Третье – геополитика, которая, похоже, вернулась в своем самом отвратительном виде, с взаимными подозрениями и угрозами. По-видимому, начинается «холодная война – 2», и она хуже первой, при

которой существовали какие-то многосторонние соглашения, а сейчас почти все эти соглашения почилы в бозе. Так что ядерный конфликт возможен просто по недоразумению. Конечно, его никто не хочет, но взаимное недоверие при отсутствии правил и легковесном отношении к войне – явление очень опасное.

Что касается экономики, главный вопрос современности – как сохранить рыночную экономику без жажды наживы? Многие уже поговаривают о пострыночном мире, пострыночной экономике, как бы забывая наш 70-летний опыт... Тем не менее многим кажется, что это хорошо: «прошлое никогда не было таким прекрасным, как сегодня».

Теперь – *еще об одном противоречии нашего времени*. Принято считать: чем меньше государство вмешивается в экономику, тем для нее лучше. Но как сегодня можно без государственного участия предотвратить разрушение окружающей среды, сократить массовую бедность и растущее неравенство? При этом надо иметь в виду, что само это участие может иметь самые разные последствия. Господство духа рыночного фундаментализма привело к тому, что жизнь требует государственной активности, которая очень часто игнорирует общественные интересы. В наше время даже в самых цивилизованных странах имеет место эрозия демократических институтов. Тот же Стиглиц заметил, что дело идет к тому, что «не один человек – один голос, а один человек – один доллар»¹, а это уже совсем другая песня. Я помню, как мы смеялись над замечанием Ленина о диктатуре денежного мешка, подрывающего демократические институты. Сегодня мы видим, что это – реальность. Чтобы выявить и реализовать общественный интерес, требуется укрепление демократических институтов, а они испытывают растущую зависимость от так называемой финансовой номенклатуры.

Есть очень важная вещь, которая внушает некоторый оптимизм. Технический прогресс, в отличие от морально-этического, развивается очень быстро и здесь возникают возможности. Речь идет о безусловном базовом доходе – это построение коммунизма без утраты рыночной экономики. Сегодня он тестируется в разных странах,

¹ Стиглиц Дж. Экономика должна служить обществу / Дж. Стиглиц // Финансы и развитие. 2014. № 51. С. 18–19.

и по прагматическим соображениям этот безусловный базовый доход может быть введен, потому что замена живой рабочей силы будет происходить быстрее, чем введение новых профессий.

Либертарианцы так не думают. Они считают, что так было всегда: с революцией отмирают одни профессии и появляются другие. Я согласен с теми, кто утверждает, что теперь этого не будет. Из прагматических соображений безусловный базовый доход придется вводить как средство против массовой безработицы. А это – победа над порабощающим человека разделением труда, как говорил Маркс. И последнее. Мой немецкий друг говорит: не верь статистике, которую сам не сфальсифицировал. Оказывается, что из всех людей в мире, работающих по найму, только 15% довольны своей работой, остальные просто зарабатывают на пропитание и содержание семьи. Безусловный базовый доход, несомненно, будет этому способствовать. Словом, у человека появляется возможность посвятить себя творческому труду, творческой жизни и отказаться от той профессии, которой он случайно занимался всю свою жизнь.

Список литературы

1. Маслов Г.А. Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в (де)глобализирующемся мире // Экономическое возрождение России. № 1. 2020. с. 56–62
2. Стиглиц Дж. Экономика должна служить обществу / Дж. Стиглиц // Финансы и развитие. 2014. № 51. с. 18–19.

Иванов В.В.,

*доктор экономических наук,
кандидат технических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
заместитель президента РАН, руководитель
Информационно-аналитического центра «Наука» РАН*

**Методологические аспекты
стратегического планирования
в контексте глобальных трансформаций¹**

Аннотация. Вопросы стратегического планирования рассматриваются с позиций глобальных трансформаций. Анализируются большие вызовы; показано, что мир вступил в период гуманитарно-технологической революции, где главным приоритетом становится повышение качества жизни на основе новых технологий и формирование нового мирового уклада. Государства, имеющие наиболее развитый научно-технологический потенциал, станут глобальными лидерами. Система стратегического планирования должна обеспечить присутствие России в числе стран – глобальных лидеров.

Ключевые слова: глобальные процессы, качество жизни, гуманитарно-технологическая революция, стратегическое планирование

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ №18-011-00567-а «Междисциплинарный и методологический анализ технологий проектирования будущего и цифровой реальности» и программы президиума РАН «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования». Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 1 (63), 2020, с. 6–14).

Ivanov V.V.,

*Doctor of Econ. Sc., Candidate of Techn. Sc.,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Professor, Deputy President of the Russian Academy
of Sciences, Head of the Information and Analytical Center
«Science» of the Russian Academy of Sciences*

**Methodological Aspects of Strategic Planning
in the Context of Global Transformations**

Abstract. Issues of strategic planning are considered in the context of the global transformation. Key challenges are analyzed. It is shown that the World has entered the stage of the humanitarian technological revolution. Improving of the quality of life based on new technologies becomes the main priority of development. As a result, a new world order will be formed. States with the most developed scientific and technological potential will become global leaders. The strategic planning system should ensure Russia's presence among the global leading countries.

Keywords: global processes, quality of life, humanitarian technological revolution, strategic planning

Введение

Мир вступил в эпоху глобальных трансформаций. Об этом свидетельствуют участвовавшие экономические и политические кризисы, локальные военные конфликты. Отличительная черта текущей ситуации – возрастающее неравенство как между отдельными государствами, так и внутри них. Исходными причинами такого неравенства стали неравный доступ к природным ресурсам и современным технологиям, асимметрия информации, разрыв между уровнями культуры, социально-экономического и научно-технологического развития. Мир находится в точке бифуркации, после перехода которой будет сформирован новый мировой уклад, а при неблагоприятном стечении обстоятельств может наступить глобальная катастрофа с непредсказуемыми последствиями.

В такой ситуации суверенные государства должны четко выстроить стратегию своего поведения, чтобы занять достойное место в новом мировом укладе.

Начальные условия

Теоретические основы развития Российской Федерации в постсоветский период базировались на тезисе о свободном рынке и конкуренции как единственных факторах развития. При этом декларировалось, что государство должно уйти из экономики, а в качестве главного конкурентного преимущества России рассматривался ресурсно-сырьевой сектор. Основным критерием успешности провозглашалось финансовое благополучие – финансы стали главной целью и приоритетом развития.

Предлагаемые подходы изначально носили сугубо теоретический характер, и для их практической реализации требовалась тщательная научная проработка механизмов, обеспечивающих развитие страны. Очевидно, что в первую очередь речь должна была идти о сохранении фундаментальной науки, научно-технологического комплекса и системы образования как базовых институтов, необходимых для модернизации и развития экономики, ее адаптации к новым условиям.

Однако был выбран путь, предполагающий не развитие государства и решение социально-экономических проблем, а ликвидацию социально-экономической системы СССР и встраивание в западную систему отношений. Очевидно, что это было возможно только ценой потери значительной части экономического суверенитета, поскольку, по сути, означало отказ от конкурентной борьбы на мировом пространстве.

К началу XXI в. в РАН были разработаны подходы к переходу России на инновационный путь развития [1–7]. Они учитывали не только положение внутри России, но и тенденции глобального развития, явно указывавшие на возрастающую роль науки в решении вопросов развития и занятия лидирующих позиций на мировом рынке. Однако заданная в 1990-е гг. траектория развития осталась неизменной.

В результате проведенных трансформаций экономика страны практически полностью перешла на ресурсный тип развития и попала в зависимость от мировых цен на углеводородные энергоносители. Ситуация усугублялась существенным сокращением научно-технологического комплекса и наукоемкой промышленности. На мировом рынке наукоемкой продукции страна представлена в основном продукцией атомной промышленности и ОПК. При этом были

существенно сокращены прикладные исследования и разработки, что резко снизило возможности создания новых технологий, продукции и формирования новых рынков. За 1991–1999 гг. численность работников в сфере исследований и разработок снизилась более чем вдвое, бюджетные ассигнования на гражданскую науку сократились в 4,6 раза, а с учетом затрат на содержание научной инфраструктуры затраты на исследования и разработки уменьшились примерно в 10 раз [8, с. 290].

Система образования была переведена на подготовку «квалифицированных потребителей». В соответствии с этим подходом законодательно была ликвидирована научная аспирантура, которая из первого этапа научной карьеры была превращена в очередную ступень образования. В стратегической перспективе это грозит стране утратой технологического суверенитета из-за отсутствия высококвалифицированных кадров, способных самостоятельно разрабатывать новейшие технологии.

В той же логике в 2013 г. была проведена так называемая реформа РАН, и Академия наук лишилась статуса независимой научной организации – высшей научной организации России, которой она по факту и по закону являлась с 1724 г. Собственно РАН получила статус Федерального государственного бюджетного учреждения (наряду с объектами социального обеспечения). Кроме того, Российской академии наук было законодательно запрещено заниматься наукой. Так произошла дезинтеграция сектора фундаментальных научных исследований – основного поставщика знаний, необходимых для развития образования и культуры, создания новых технологий и образцов продукции, выработки важнейших государственных решений (см. рис. 1).

Общее состояние России на мировом пространстве характеризуется позициями в мировых рейтингах [9] (см. таблицу 1).

Таким образом, в результате политических и социально-экономических трансформаций Россия заняла устойчивое место среди развивающихся стран. И только наличие мощного оборонного потенциала, основу которого составляют научно-технологические заделы, созданные во времена СССР, позволяет России отстоять статус страны, определяющей правила игры на мировой арене. Однако при сохранении существующих тенденций высок риск утраты и этих преимуществ.

Рис. 1. Фундаментальная наука как базовый институт развития государства и общества

Таблица 1. Россия в мировых рейтингах

Рейтинг	Индекс	Место
Глобальная конкурентоспособность (2017–2018 гг.)	4,64	38 из 144
Глобальный инновационный индекс (2017 г.)	38,8	45 из 121
Индекс человеческого развития (2015 г.)	0,804	49 из 188
Количество университетов в ТОП–100 (Рейтинг университетов мира QS–2018 по странам)		МГУ им. М.В. Ломоносова, позиция 95
Количество университетов в ТОП–100 (Рейтинг университетов мира THE–2018 по странам)		Нет
Качество государственного управления		44,2 из 100

Глобальные трансформации

На исходе XX в. резко усилились трансформационные процессы на глобальном пространстве. Участвовавшие экономические, политические кризисы и военные конфликты явно указывают, что существующая модель капиталистического развития исчерпала свои возможности и нуждается в переформатировании. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Со времени окончания Второй мировой войны и до распада СССР на глобальном пространстве конкурировали две принципиально различные системы, каждая из которых доказала свою эффективность и право занимать в мире лидирующие позиции. Устранение одной из систем с конкурентного поля означает не столько победу другой системы, сколько перевод всей мировой системы в неустойчивое положение. В результате произошел резкий скачок межстранового неравенства в доступе к ресурсам (природным, энергетическим, финансовым), их концентрация в ограниченной группе структур [10].

Изменилась и суть капитализма, который отошел от своего прямого назначения:

«Задача предприятия – производить для потребления, а не для наживы или спекуляции. А условия такого производства – ...чтобы продукты эти служили на пользу народу, а не только одному производителю. ...Стоит народу сообразить, что производитель ему не служит, и конец его недалек» [11, с. 16–17]. Сегодня доминирующей парадигмой экономической деятельности на государственном уровне и на уровне отдельного человека является получение финансовой прибыли. Однако: «Мотив только лишь прибыли ...не практичен, целью его является повышение цен для потребителя и уменьшение заработной платы» [12, с. 31]. Таким образом, в начале текущего века капитализм изменил свою сущность и превратился в институт накопления богатств узкой группой собственников. Это стало одним из основных факторов развития неравенства.

Ограниченная емкость рынка потребовала качественно новых видов продукции, что стимулировало интенсивное технологическое развитие и повышенный спрос на результаты фундаментальных научных исследований. Тем более что итоги Второй мировой войны и последующая холодная война убедительно показали, что авторитет и суверенитет любого государства определяются состоянием научно-технологического и промышленного комплекса, а также системы образования. Основу научно-технологического комплекса составляет фундаментальная наука, призванная изучать закономерности развития природы, человека и общества.

На глобальном пространстве научно-технологический комплекс создает качественно новые образцы продукции, на основе которых формируются новые рынки. Государство (группа государств), обла-

дающее наиболее развитым научно-технологическим комплексом, будет определять правила игры на глобальном рынке, а также систему международных отношений. Отметим, что военный потенциал является необходимым условием обеспечения внешней стабильности. Уровень развития оборонного потенциала – важнейший показатель конкурентоспособности, поскольку только страны, имеющие высококвалифицированных специалистов, сильную науку и производство, могут самостоятельно (!) выпускать современные образцы вооружений, прежде всего, на новых физических принципах.

С экономических позиций научно-технологическое развитие определяется следующими законами

По мере социально-экономического и научно-технологического развития коммерческая и социальная ценность фундаментальных научных результатов постоянно возрастает. Это естественно, потому что область применения результатов фундаментальных научных исследований невозможно определить на стадии их открытия. Но с течением времени именно на этой основе создаются новые отрасли, производства и формируются новые рынки. Наиболее наглядно это прослеживается на примере фундаментальных законов механики и электричества.

1. Коммерческая стоимость наукоемкой продукции постоянно падает. Действительно, по мере разворачивания массового производства высокотехнологичной продукции снижаются издержки на ее производство и расширяются рынки.

Массовый выпуск высокотехнологичной продукции сформировал технологическую среду обитания человека, которая стала постоянно расширяющимся барьером между человеком и природой. Это также требует формирования новой культуры, обеспечивающей безопасное использование новых технологий. Таким образом, следствием технологического развития является трансформация среды обитания человека, которая из традиционной биологической превращается в систему биология – технология – культура.

Альтернативой капиталистической модели развития является концепция постиндустриального общества [13], в которой главным приоритетом значится качество жизни, обеспечиваемое научно-технологическим прогрессом. Высокое качество жизни позволяет сконцентрировать на своей территории самый главный ресурс – челове-

ческий потенциал. В современных условиях именно качество жизни является основным показателем конкурентоспособности государства [2, с. 47–72].

При этом, как отмечал Д. Белл: «В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки. Поэтому характер и формы государственной поддержки науки, ее политизация, социологические проблемы организации научных исследований заняли центральное место среди политических проблем постиндустриального общества».

Характерная черта происходящих трансформаций – интеграция технологических и гуманитарных процессов, что указывает на начало гуманитарно-технологической революции [14–16], итогом которой станет формирование нового мирового уклада. Лидирующее место в этом укладе займут страны, которые смогут обеспечить высокое качество жизни за счет новых технологий.

Анализ протекающих трансформаций позволил определить три глобальных вызова текущего столетия:

- исчерпание действующей модели капиталистического развития, что требует смены экономической парадигмы – не «человек для экономики», а «экономика для человека»;
- гуманитарно-технологическая революция;
- трансформация среды обитания человека.

Новый вектор развития России

Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. был задан новый вектор развития страны:

- повышение качества жизни;
- технологическое развитие, прежде всего ликвидация технологического отставания от стран – технологических лидеров;
- развитие территорий;
- обеспечение обороны и безопасности.

В развитие этих направлений были разработаны 12 национальных проектов по стратегически важным направлениям, задача которых – до 2024 г. создать условия для перехода на траекторию раз-

вития страны, позволяющую в обозримой перспективе войти в клуб стран – мировых лидеров.

Кроме того, 1 декабря 2016 г. Указом Президента России была утверждена Стратегия научно-технологического развития до 2035 г., а 13 февраля 2019 г. Председатель Правительства подписал Стратегию пространственного развития.

Новый вектор развития страны, по сути, означает кардинальную смену политики в целом: переход от ресурсной экономики к инновационной. Реализация этой стратегии потребует существенной корректировки, а в ряде случаев – кардинальной переработки стратегических документов. При этом необходимо совершенствование системы стратегического планирования, в первую очередь качественное улучшение научного обеспечения.

Методологические вопросы организации стратегического планирования

Исходя из выявленных тенденций, глобальных вызовов и существующих социально-экономических реалий, формируются стратегические цели развития государства, достижение которых обеспечивается системой стратегического планирования.

Понятие «Стратегическое планирование» определим как комплекс научно-организационных мероприятий, направленных на разработку согласованных по целям, задачам, срокам, ресурсам и исполнителям государственных программ и проектов, обеспечивающих в стратегической перспективе (25 и более лет) устойчивое развитие страны по заданным направлениям.

Собственно стратегическое планирование осуществляется на основе приоритетов, формулируемых по результатам аналитических (стратегический анализ) и прогнозных (стратегический прогноз) исследований. С учетом высокой степени неопределенности долгосрочных прогнозов стратегическое планирование целесообразно осуществлять на трех уровнях:

- долгосрочный (30...50 лет) – доктрина;
- среднесрочный (10...30 лет) – концепция, стратегия, основные направления;

- краткосрочный (до 10 лет) – планы, проекты, программы.

При этом документы долгосрочного и среднесрочного стратегического планирования подлежат периодической корректировке с учетом динамики ситуации.

Стратегические цели и приоритеты развития государства формируются исходя из трех групп факторов:

- исторические условия развития;
- глобальные тенденции развития;
- текущий уровень и тенденции социально-экономического развития. Методология стратегического планирования, являясь научной основой разработки прогнозов, проектов, программ и планов, должна давать ответы на следующие вопросы:

1. каковы цели развития соответствующего объекта стратегического планирования;
2. какой должна быть последовательность процесса разработки управленческих
3. решений в форме стратегических прогнозов, программ и планов;
4. какими должны быть стратегические прогнозы, программы и планы, каким требованиям они должны удовлетворять;
5. какие методологические подходы и решение каких проблем стратегического планирования следует использовать;
6. какие показатели наиболее адекватно описывают состояние объекта и системы в целом?

Процедуру стратегического планирования определяют ее структурные элементы:

- целеполагание – определение и формирование целей, достижение которых предполагается в планируемом периоде;
- анализ динамики развития объекта стратегического планирования и его состояние на начало планируемого периода;
- определение объема и структуры потребностей государства и общества;
- определение объема и структуры ресурсов, имеющихся на начало планируемого периода, и потребности в них в планируемом периоде;
- согласование выявленных потребностей и ресурсов, подготовка управленческих решений, стратегических прогнозов, программ и планов.

Одной из важнейших (и на практике наиболее сложных) задач стратегического планирования является обеспечение соответствия выделяемых ресурсов определенным целям и приоритетам.

Главным принципом стратегического планирования является системность – рассмотрение в комплексе всех факторов, обеспечивающих развитие государства. Для создания такой системы требуется соответствующий институт, имеющий возможность анализировать ситуацию с учетом различных групп факторов и разрабатывать на этой основе стратегические прогнозы и рекомендации. Очевидно, что на уровне федеральных органов исполнительной власти создать такую систему проблематично, поскольку эти органы работают только в пределах электорального цикла и не ориентируются на долгосрочную перспективу.

В этой связи представляется целесообразным сосредоточить вопросы стратегического планирования в президентских структурах, в аппарате Совета безопасности, а научное, экспертное и аналитическое сопровождение возложить на Российскую академию наук, тем более что экспертная деятельность является основной содержательной функцией РАН. При таком подходе РАН могла бы обеспечить научно-методическое сопровождение системы стратегического планирования:

- организацию и проведение аналитических и прогнозных исследований, выявление глобальных тенденций развития, рисков и угроз;
- разработку методологии, в том числе математических моделей социально-экономических процессов в РФ;
- сбор, хранение, обработку и анализ распределенной информации, содержащейся в федеральных, региональных и муниципальных информационных ресурсах и системах, данных официальной государственной статистики;
- мониторинг и оценку состояния и динамики социально-экономического развития;
- разработку сценариев развития
- научную поддержку принятия управленческих решений.

Научные подходы к совершенствованию документов стратегического планирования предполагают широкий спектр аналитических и прогнозных исследований, использование современного математи-

ческого аппарата. Эти работы предусмотрены в проекте Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации, одобренной Общим собранием РАН и внесенной на рассмотрение Правительства Российской Федерации [17, 18].

Список литературы

1. *Иванов В.В.* Национальные инновационные системы: теория и практика формирования / В.В. Иванов. – М.: Абелия, 2004.
2. *Иванов В.В.* Инновационная парадигма XXI. – 2-е изд. / В.В. Иванов. – М.: Наука, 2015.
3. *Голиченко О.Г.* Национальная инновационная система России: состояние и пути развития / О.Г. Голиченко. – М.: Наука, 2006.
4. *Голиченко О.Г.* Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России / О.Г. Голиченко. – М.: Наука, 2011. – 634 с.
5. *Иванова Н.И.* Национальные инновационные системы / Н.И. Иванова. – М.: Наука, 2002.
6. *Инновационная экономика* / под ред. А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. – 2-е изд. – М.: Наука, 2004.
7. *Макаров В.Л.* Экономика знаний – уроки для России / В.Л. Макаров // Вестник РАН. – 2003. – № 5.
8. *Белая книга.* Экономические реформы в России. 1991–2001. – М.: Алгоритм, 2002.
9. *Россия в зеркале международных рейтингов: Информационно-справочное изд.* / отв. ред. В.И. Суслов; науч. редакторы О.В. Валиева, Н.А. Кравченко; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2019.
10. *Стиглиц Д.* Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Д. Стиглиц. – М.: ЭКСМО, 2016.
11. *Форд Г.* Моя жизнь. Мои достижения / Г. Форд. – М.: АСТ, 2015.
12. *Форд Г.* Сегодня и завтра. Кодекс миллиардера / Г. Форд. – М.: АСТ, 2014.
13. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999.
14. *Иванов В.В.* Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы / В.В. Иванов // Инновации. – 2017.

15. Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С. Н. Сиренко. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 344 с.

16. *Иванов В.В.* Философские основания гуманитарно-технологической революции / В.В. Иванов, Г.Г. Малинецкий // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 4. – С. 76–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-76-95

17. *Козлов В.В.* О проекте программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период: докл. академика РАН В.В. Козлова // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 9. – С. 923–925. doi: 10.31857/So869-5873899923925

18. *Иванов В.В.* Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период: принципы формирования, структура, управление: докл. чл.-корр. РАН В.В. Иванова // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 9. – С. 926–928. doi: 10.31857/So869-5873899926-928.

Клейнер Г.Б.,

*доктор экономических наук, член-корреспондент РАН,
профессор, заместитель научного руководителя
Центрального экономико-математического института
РАН, зав. кафедрой системного анализа в экономике
Финансового университета при Правительстве РФ*

**Интеллектуальная экономика нового века:
экономика постзнаний¹**

Аннотация. Анализируются основные особенности стадии развития российской и мировой экономики, следующей за стадией экономики знаний. Если на стадии экономики знаний основным ресурсом и результатом экономической деятельности является знание, то на следующей стадии, названной в статье «экономикой постзнаний», основным фактором и результатом производства становится интеллект. Под интеллектом понимается способность человека, коллектива, общества выявлять возникающие проблемы и находить пути их решения. Интеллект становится драйвером перехода от имеющегося знания к новому знанию через осознание незнания. Естественный, искусственный и социальный интеллект объединяются в понятие системного интеллекта. Исследуются основные экономические характеристики нового высокоинтегрированного общества, формулируются требования к его членам.

Ключевые слова: экономика знаний, интеллект, интеллектуальная экономика, интеллигентность, образование

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00835. Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 1 (63), 2020, с. 35–42).

Kleiner G.B.,

Doctor of Econ. Sc., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Deputy Scientific Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of System Analysis in Economics at the Financial University under the Government of the Russian Federation

**The intellectual economy of the new century:
the post-knowledge economy**

Abstract. The article analyzes the main features of the stage of development of the Russian and world economies expected after the stage of the knowledge economy. If at the stage of the knowledge economy the main resource and result of economic activity is knowledge, then at the next stage, called in the article «post-knowledge economy», the primary factor and result of production is intelligence. Herewith intelligence should be understood as the ability of a person, a collective, or society to identify problems that arise before them and find ways of solving it. Intelligence thereby becomes the driver of the transition from existing knowledge to new knowledge through awareness of ignorance. Natural intelligence, artificial intelligence, social intelligence are combined into a joint concept of system intelligence. The article explores the basic economic characteristics of a new highly integrated society, formulates the requirements for its members.

Keywords: knowledge economy, intelligence, intellectual economy, intellectuality, education

Введение

Развитие российской экономики и общества в первые 20 лет XXI в. привело к ситуации «ожидания перемен» [1]. Речь идет не о смене власти, а об осознании системных проблем, накопившихся в обществе и не имеющих очевидного решения. С учетом вековой цикличности общественного развития России можно сделать вывод, что российская экономика в начале 2020 г. находится на пороге нового века. При этом новый век будет начинаться не с нулевых, а с 2020-х

гг. (как это было в XIX, XX и других веках в истории России). Чтобы понять фундаментальные особенности наступающего века, необходимо «заглянуть за горизонт» и сформулировать определяющие черты не только данного, но и следующих за ним циклов.

Обычно считается, что после экономики труда и капитала нас ждет экономика знаний, где труд и капитал станут лишь промежуточными факторами, ведущими от имеющегося знания как ресурса к новому знанию как результату [2–5]. Ниже мы показываем, что в перспективе роль основного ресурса и результата экономической деятельности должна перейти к интеллекту как к способности человека, коллектива, общества опознавать и осознавать возникающие проблемы и находить пути их решения. Естественный, искусственный и социальный интеллект объединяются понятием системный интеллект, свойственным в разной степени различным социально-экономическим и социотехническим структурам. Знание здесь выступает как один из ресурсов интеллектуальной деятельности. В итоге следующий за экономикой знаний период социально-экономического развития страны может именоваться «экономикой постзнаний».

1. От экономики знаний к экономике постзнаний

Традиционное представление о периодизации общественного развития опирается на трехэтапную последовательность стадий: *индустриальная экономика* – экономика, основанная на производстве товаров при широком применении машин как основного средства труда; *постиндустриальная экономика*, в которой приоритет переходит от производства товаров к производству услуг; *экономика знаний*, характеризующаяся высокой долей знаний как ключевого фактора и результата экономической деятельности. Заметим, что на всех указанных стадиях взаимодействие между производителем продукта и его потребителем носит, как правило, кратковременный, «импульсный» характер. В экономике товарного производства после реализации товар «отделяется» от производителя и переходит под контроль потребителя. Образно говоря, работает своеобразная «товарная гильотина», разрывающая связь между товаром и его производителем. Даже в случае послепродажного обслуживания права

собственности на товар обычно принадлежат приобретателю, а не производителю. Последнее время мы видим расширение арендных взаимоотношений и случаев совместного использования благ (лизинг, шеринг, коворкинг, коливинг и т. п.). Права собственности размываются, распределяются во времени и пространстве между разными субъектами, переплетаются между собой, образуя своеобразный «ковер полномочий» [6]. В экономике знаний разрыв между создателем знания как товара и его потребителем сокращается, поскольку права на интеллектуальную собственность имеют менее жесткие границы, чем права на материальные ценности. Для экономики знаний характерны во многом те же условия создания и потребления благ, которые свойственны креатосфере [7].

Следующая за экономикой знаний стадия общественного производства – *экономика постзнаний* – будет основана не просто на передаче вновь созданных знаний от производителя (донора) к потребителю (реципиенту), но и на влиянии интеллекта производителя на интеллект потребителя. При этом уровень интеллекта относится к числу кумулятивных переменных, накапливается и обычно не снижается со временем. Поэтому между производителем и потребителем формируется тесная связь, не прекращающаяся (в отличие от товарного производства) после завершения транзакции. Именно эта связь и является основным результатом проведенной транзакции. Тем самым в экономике постзнаний проведение транзакции является ответственным решением, что влечет существенное изменение всей системы взаимодействия субъектов экономики.

Экономика постзнаний станет, по сути, отношенческой экономикой. Можно полагать, что усиление отношенческой компоненты в транзакционных контактах будет способствовать усилению влияния потребителей на деятельность производителей, а, следовательно, повышению качества производимых товаров и услуг. В общем случае основными объектами межсубъектного взаимодействия в экономике постзнаний являются бинарные комплексы, включающие приращение знаний и интеллекта, возникающие в результате процессов создания, трансляции и использования знаний. Соответственно, результатом деятельности производителя является приращение его знаний и интеллекта, которые транслируются в сферу знаний и интеллекта потребителя. В экономике постзнаний конфликт работни-

ков знания и работников экономического производства, о котором говорили П. Друкер [3] и Д. Белл [2], будет успешно преодолен [8].

Если воспользоваться популярным в России в период перехода к рынку образом «рыбы и удочки», то объектами трансакции в экономике постзнаний являются и рыба (знание), и удочка (интеллект). При этом знания играют роль предмета труда, а интеллект – средства труда. Таким образом, постзнание – это комплекс из предмета и средства труда, находящихся в тесном взаимодействии и в большинстве случаев нерасторжимых. Это обусловлено тем, что процессы создания и потребления новых единиц знания неразрывно связаны с процессами приращения интеллекта: без нового интеллекта невозможно создание и использование новых знаний.

Рассмотрим более детально экономический смысл объектов трансакций в экономике постзнаний. Согласно [9], знания или приращение знаний представляют собой обобщенные, прошедшие общественную экспертизу и институционализацию сведения о фактах или закономерностях окружающего мира. Это означает, что по содержанию знания отражают ситуацию в прошлом (факты и их обобщения, включая экстраполяцию). Иными словами, знания обращены в прошлое и, следовательно, статичны. А интеллект, используемый для получения новых знаний, обращен в будущее. Именно интеллект порождает осознание проблемы и, соответственно, несовершенство имеющихся знаний. В итоге и производитель, и потребитель в экономике постзнаний превращаются в своего рода машину производства знаний и интеллекта. Отсюда следует, что предприятия в экономике постзнаний преобразуются в своеобразные исследовательские центры, производящие новые единицы знания и развивающие свой интеллект и интеллекты своих сотрудников. Страна, экономика которой достигла стадии экономики постзнаний, становится, говоря словами В.И. Лебедева-Кумача, «страной мечтателей, страной ученых». Отметим попутно, что экономика Советского Союза в 1960–1970-е гг., в период широкого развития процессов автоматизации народного хозяйства на базе ЭВМ, была в определенном смысле близка к этому идеалу [10]. Таким образом, стадия, следующая за экономикой знаний, может быть охарактеризована как стадия интеллектуальной экономики, или экономики постзнаний.

Дуэтный характер постзнания как основной ценности, создаваемой в экономике (приращение знания плюс приращение интеллекта), ставит перед обществом новые задачи, связанные с интеграцией процессов создания нового знания и процессов освоения этого знания экономическими агентами. В масштабах макроэкономики это требует нового подхода к взаимодействию науки как источника фундаментальных знаний; образования как системы трансляции знаний; управления как организации освоения знаний; нравственного воспитания как оценки последствий принимаемых в этой сфере решений. Учитывая ограниченную отторжимость знаний от их производителя в экономике постзнаний, мы приходим к выводу о неизбежности перехода от раздельного функционирования производства, науки, образования и культуры к системе их синтетического, а в дальнейшем и синкретического функционирования. Такой синтез, характерный для эпохи донаучного знания, практически исчез в эпоху формирования и развития науки как совокупности отдельных дисциплин, включая стадию экономики знаний, и должен возобновиться на новом, синтетическом уровне в эпоху экономики постзнаний.

Согласно положениям системной экономической теории, устойчивое соединение социально-экономических систем наиболее вероятно, если его участниками являются системы четырех различных типов: объектные, проектные, процессные и средовые. Такой комплекс называется тетрадой. При таком соединении появляется возможность снять или ослабить ограничения, свойственные системам каждого типа и обусловленные особенностями их доступа к ресурсам пространства и/или времени [11]. Если соединение систем проводится по такой схеме, то возможности каждой из систем расширяются (расширительное соединение). Если же данное условие не соблюдается, то возникают системные дисфункции, приводящие к сужению возможностей систем (ограничивающее соединение) [12].

На макроуровне производство экономических благ можно рассматривать как совокупность (популяцию) дискретных в пространстве экономических агентов; науку – как совокупность дискретных в пространстве и во времени актов решения задач (создание новых знаний); образование – как непрерывные в пространстве и дискретные во времени процессы распространения знаний; культуру – как непрерывную в пространстве и во времени соединительную среду

функционирования производства, науки и образования. Таким образом, синтезирование указанных четырех сфер в виде тетрады «производство – культура – образование – наука» можно рассматривать как предпосылку устойчивого развития экономики постзнаний. На каждом историческом этапе роль национального лидера возлагается на одну из указанных систем, причем «эстафетная палочка» лидерства передается циклически по цепочке «производство – культура – образование – наука – производство» [13]. В зависимости от того, какой из систем принадлежит лидерство, в стране устанавливается один из четырех типов социально-политического уклада (аналог четырех типов организационной культуры по Ч. Ханди [14]) с доминированием:

- производственной сферы (уклад Зевса);
- институционально-культурной сферы (уклад Диониса);
- сферы образования (уклад Аполлона);
- научной сферы (уклад Афины).

Институты экономики постзнаний должны обеспечивать бескризисную передачу лидерства от одной из указанной сфер к другой в рамках данного цикла.

2. Интеллект и новая интеллигентность в экономике постзнаний

Развитие экономики постзнаний основано на углублении и расширении пространства знаний. Каждый шаг этого процесса заключается в осознании задач, стоящих перед обществом в конкретной сфере, придании им предметной формы и поиске ответов на сформулированные вопросы. Переход от незнания к новому знанию осуществляется, как мы видели выше, на базе использования интеллекта. Таким образом, функции интеллекта включают: а) уточнение границ имеющегося знания; б) осознание проблемы; в) формулировку проблемы в терминах, входящих в тезаурус существующего знания; г) создание нового знания как ответа на поставленные вопросы. Иными словами, интеллект играет роль локомотива, движущего нас от познанного к непознанному и далее от незнания к новому знанию. В современном мире именно интеллект является той

силой, которая ведет общество, включая науку, технологию, экономику, политику, по пути прогресса. В настоящее время в общественном дискурсе понятие «интеллект» применяется по отношению не только к человеку, но и к техническим и социотехническим системам (устройство, предприятие, город, государство).

Обобщая, можно говорить о понятии «системный интеллект». Систему можно называть интеллектуальной, если она в состоянии самостоятельно идентифицировать проблемные ситуации, требующие перехода от незнания к новому знанию. Подобно тому как базы знаний способны самостоятельно расширять перечень учитываемых в моделях факторов, высокоинтеллектуальные системы должны определять точки бифуркации во времени и пространстве, выводящие за пределы имеющегося знания (для технических систем – заложенных в них при создании алгоритмов; для социальных систем – существующих в обществе институтов).

Системный интеллект – это сложное переплетение интеллектов участников данной системы. В некоторых случаях объединение в систему придает ее интеллекту более высокий уровень, чем уровень интеллекта любого из участников; в других – объединенный интеллект может уступать интеллекту некоторых участников. Об этом, в частности, говорит известная русская пословица: «Мужик умен, да мир дурак». Условия такого расширяющего/ограничивающего объединения могут быть определены на основе анализа системных типов участников и структуры их взаимосвязи в рамках системы. Такой анализ представляет собой спецификацию анализа возможности соединения систем, о котором говорилось, применительно к системному интеллекту.

Все сказанное говорит о необходимости усиления внимания к развитию интеллекта общества и его составляющих как основного фактора движения вперед – через экономику знаний к экономике постзнаний. Общеизвестно, что Россия обладает огромными и воспроизводимыми запасами интеллекта, прежде всего интеллекта ее граждан. Задача государства и общества в этих условиях – обеспечить такую структуру взаимодействия членов общества и общественных процессов, при которой интеллект общества будет выше интеллекта его членов, а интеллект последних сможет неограниченно развиваться. Такая постановка требует серьезного изменения всей системы

общественных институтов – от дошкольного обучения до назначения на государственные должности. В процессе движения общества от индустриальной и постиндустриальной экономики к новой экономике знаний и сверхновой экономике постзнаний очерченные ранее задачи должны обрести конкретные формы и способы решения. Это должно стать основной миссией интеллектуальной элиты общества.

Возрастание степени связности экономических агентов, обусловленное особенностью взаимодействия агентов как создателей и реципиентов неотторжимого знания, с одной стороны, и приращение их интеллекта, с другой стороны, требует нового подхода к понятию интеллигентности. В современном мире интеллигентность понимается как способность человека к эмпатии и рефлексии, готовность к компромиссу, терпимое отношение к убеждениям других людей, уважение традиций, институтов и обычаев, принятых в обществе. На стадии экономики постзнаний роль экономических агентов выполняют не только физические и юридические лица, но и разнообразные социально-экономические и социотехнические системы [15]. Подобно тому, как понятие интеллекта человека расширяется до понятия интеллекта социально-экономической и социотехнической системы, понятие новой интеллигентности распространяется от человека к системе. Во всех случаях интеллигентность означает априорно толерантное, неагрессивное восприятие данной системой всех сигналов и воздействий, поступающих извне, в частности от других систем. На индивидуальном уровне новая интеллигентность – это сплав интеллигентности человека и интеллигентности окружающих его систем. Функционально новая интеллигентность в экономике постзнаний будет смягчать отношения неравенства, возникающие в многоуровневых экономических системах, в том числе в конструкциях «принципал – агент».

В этом контексте одной из главных задач системы образования, в особенности высшего профессионального образования, следует признать воспитание молодежи в духе новой интеллигентности. Если при движении общества к экономике знаний в качестве критерия эффективности образования используется понятие компетентности, то при ориентации на экономику постзнаний в качестве такого критерия следует применять понятие новой интеллигентности.

Основные различия между стадиями экономики знаний и постзнаний суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Экономика знаний и постзнаний

Аспекты сравнения	Экономика знаний	Экономика постзнаний
Место в последовательности стадий развития экономики	Следующая стадия за постиндустриальной экономикой	Следующая стадия за экономикой знаний
Тип экономики	Товарная экономика	Отношенческая экономика
Основной вид ресурса	Знания	Знания и интеллект
Основной вид товара	Знания	Знания и интеллект
Характер связи между производителем и продуктом производства	Продукт производства после транзакции отделяется от производителя и переходит под контроль потребителя	Продукт производства после транзакции находится под контролем как производителя, так и потребителя
Характер связи между производителем и потребителем	Связь импульсная, ослабляется после завершения транзакции	Тесная связь, не прекращающаяся после завершения транзакции и реализующая взаимное влияние интеллектов производителя и потребителя
Основной результат транзакции	Приращение запаса знаний у потребителя	Приращение запаса знаний у потребителя; приращение интеллекта у потребителя и у производителя; установление устойчивой связи между ними
Основной источник интеллекта общества	Индивидуальный интеллект	Системный интеллект
Роль образования	Получение знаний	Воспитание «человека системного», способного эффективно работать в качестве участника социально-экономических и социотехнических систем
Критерий эффективности образования индивида	Компетентность	Новая интеллигентность

Заключение

Стремление охарактеризовать основные черты будущей экономики, мысленно перешагнув через экономику знаний, потребовало введения в научный оборот понятия экономики постзнаний. Разумеется, экономика постзнаний – не конечная точка развития человечества, а лишь ближайший к экономике знаний этап. Содержанием этого этапа является радикальное расширение роли интеллекта репрезентативного члена нового общества. На этой стадии знания играют двоякую роль: предмета труда и результата труда. Интеллект также выполняет две функции: средства труда и его продукта. Усиливается связь между товаропроизводителем и его продуктом – знанием и, соответственно, между знанием как ресурсом и его потребителем. Кардинально возрастает степень интегрированности экономики, взаимозависимости функционально связанных между собой экономических агентов.

Интеллект становится ключевым ресурсом производства и переносится от производителя к потребителю. Экономический интерес как основной критерий принятия решений уступает место интеллектуальному интересу – спросу на новые элементы пространства знаний и пространства интеллекта. Институционализируется роль интеллекта в осознании и решении проблем развития общества, в переходе от знания к незнанию и далее к новому знанию и новому уровню интеллекта. В экономике постзнаний новое качество приобретают основные институты регулирования общественной жизни, появляется потребность в интеллектуальном управлении, интеллектуальном проектировании, интеллектуальной кадровой политике на всех уровнях управления, интеллектуальном маркетинге и ценообразовании. Решение этих стратегических задач, необходимых для устранения барьеров на пути к «послезавтрашней» стадии развития общества – экономике постзнаний, требует целенаправленных скоординированных усилий государства, общества, экономики и бизнеса.

Список литературы

1. Выжutowич В. В ожидании перемен / В. Выжutowич // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 258 (8016) – URL: <https://rg.ru/2019/11/14/valerij-vyzhutovich-u-vlasti-boleeshirokoe-ponimanie-peremen.html> (дата обращения: 31.12.2019).
2. Bell D. The Coming Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973.
3. Drucker P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society / P. F. Drucker. – London: Heinemann, 1969.
4. Мильнер Б.З. Управление знаниями: эволюция и революция в организации / Б. З. Мильнер. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 177 с.
5. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России / В.Л. Макаров // Вестник Российской академии наук. – 2003 (6). – Т. 73. – № 5. – С. 450.
6. Клейнер Г.Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2018. – № 8. – С. 118–127.
7. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? / А.В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 43–53.
8. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
9. Макаров В.Л. Микроэкономика знаний / В.Л. Макаров, Г. Б. Клейнер. – М.: Экономика, 2007. – 204 с.
10. Клейнер Г.Б. Потерянный рай. СССР / Г.Б. Клейнер // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 6. – С. 72–85.
11. Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г.Б. Клейнер // Вестник РАН. – 2011. – Т. 81, № 9. – С. 794–811.
12. Клейнер Г.Б. Системная экономика и системно-ориентированное моделирование / Г.Б. Клейнер // Экономика и математические методы. – 2013. – № 3. – С. 71–93.
13. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории: Ч. 2 / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 117–138.

14. *Handy C.B. Understanding Organizations* / C.B. Handy. – Harmondsworth: Penguin Books, 1983.

15. Клейнер, Г.Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2017. – № 8. – С. 56–74.

Ленчук Е.Б.,

доктор экономических наук,

директор Института экономики РАН

Готова ли Россия к технологическому рывку?¹

Аннотация. Анализируется важность перехода России к новой модели развития, базирующейся на структурной перестройке, технологической модернизации и инновациях, для достижения стратегических целей, поставленных в рамках нового политического цикла. Сделана попытка вскрыть причины невосприимчивости российской экономики к инновациям, несмотря на принятие различных программ и стратегий в сфере технологического развития. Обосновывается необходимость активизации роли государства для преодоления технологического отставания и решения структурных проблем экономического развития; предлагаются основные инструменты и механизмы для ускоренного технологического развития.

Ключевые слова: научно-технологический фактор, четвертая промышленная революция, инновационное развитие, конкурентоспособность, стратегическое планирование, технологическая модернизация, промышленная политика

Lenchuk E.B.,

Doctor of Econ. Sc.,

Director of the Economics Institute of the Russian

Is Russia Ready for a Technological Breakthrough?

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 1 (63), 2020, с. 43–49).

Abstract. The article analyzes the importance of Russia's transition to a new development model, based on the structural restructuring, technological modernization and innovation, to achieve the strategic objectives set out in the framework of the new political cycle. The author made an attempt to reveal the reasons for the immunity of the Russian economy to innovation, despite the fact that many programs and strategies in the field of technological development have been adopted in the country. The article substantiates the need to enhance the role of the state in order to overcome the technological gap and solve the structural problems of economic development, and suggests the basic tools and mechanisms aimed at accelerated technological development.

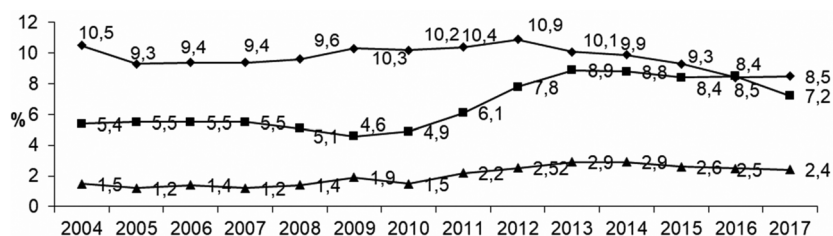
Keywords: scientific and technological factor, fourth industrial revolution, innovative development, competitiveness, strategic planning, technological modernization, industrial policy

Россия из-за низких темпов экономического роста постоянно находится под угрозой скатывания в рецессию. Поэтому по-прежнему актуальна дискуссия о необходимости смены модели экономического развития, контуры которой вполне очевидны: структурная перестройка и развитие реального сектора экономики на базе самых передовых технологий и инноваций [2, с. 46]. Лишь на такой основе можно решить ключевые задачи, заявленные Президентом Российской Федерации на новый политический срок: вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира; обеспечение темпов роста выше мировых; создание в базовых отраслях высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора на базе новых технологий; ежегодное 5%-ное повышение производительности труда и т. д. В своем Послании Федеральному Собранию президент впервые подчеркнул важность технологического рывка для России [3].

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос: насколько готова Россия к технологическому рывку? В век динамичного развития научно-технологического прогресса, четвертой промышленной революции технологический фактор становится определяющим в обеспечении конкурентоспособности и процветания страны. На протяжении не менее 20 лет мы декларируем переход к инновационной модели развития, но продвинуться в этом направлении не удалось. Так, анализ динамики основных показателей инновацион-

ной деятельности за последние 15 лет показывает, что они практически не меняются (рис. 1). По этим показателям мы заметно уступаем развитым и многим развивающимся странам. Это подтверждает тот факт, что экономика остается невосприимчивой к инновациям несмотря на множество стратегий и программ, направленных на решение этой задачи.

Рис. 1. Динамика изменения основных показателей инновационной деятельности в России [1, с. 26]:

◆ удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем числе организаций;

■ удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров;

▲ удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров

Степень технологической зависимости остается довольно высокой. Мы имеем отрицательное сальдо в торговле технологиями, слабую динамику роста создания передовых производственных технологий, из которых лишь 10...11% соответствуют мировому уровню [1, с. 241–242]. В отдельных отраслях, например в станкостроении, импортозависимость доходит до 70...90%, что усиливает уязвимость страны в условиях обостряющейся геополитической обстановки и разного рода санкций.

На протяжении двух десятилетий доля России на мировом высокотехнологичном рынке составляет 0,3%. По отдельным рынкам высокотехнологической продукции позиции России выглядят следующим образом: в авиакосмической отрасли доля России в 2017 г. со-

ставляла 0,91% (против 0,74% в 2014 г.); в фармацевтической – 0,13% (против 0,7%); в области электронной промышленности, оптической и компьютерной техники – 0,15% (против 0,21%) (см. таблицу 1).

Сегодня можно говорить лишь о точечных успехах нашей страны в ряде сегментов передовых производственных технологий и потенциальных возможностях их расширения.

*Таблица 1. Доля отдельных стран на рынках высоко-технологичной продукции в 2017 г., % к общему объему**

Виды продукции	Удельный вес на рынке отдельных стран			
Авиакосмическая промышленность	США 31,91	Франция 15,02	Германия 11,81	Россия 0,91 Китай 1,74
Компьютерная, электронная и оптическая промышленность	Китай 22,05	США 8,0	Южная Корея 6,69	Россия 0,15
Фармацевтическая промышленность	Германия 15,23	Швейцария 13,43	США 8,74	Россия 0,1 Китай 2,74

* Составлено автором по Main Science and Technology Indicators/OECD Volume 2019/1.

Вместе с тем, если мы хотим двигаться в рамках мирового тренда новой индустриализации, активно осваивать технологии четвертой промышленной революции (а без этого нельзя говорить о выполнении майского Указа № 204), необходимо ответить на вопрос: что тормозит технологическое развитие России? Почему вот уже два десятилетия мы не можем двинуться вперед?

Отвечая на этот вопрос, отметим, что формированию инновационной модели развития не содействовала и не содействует макроэкономическая среда:

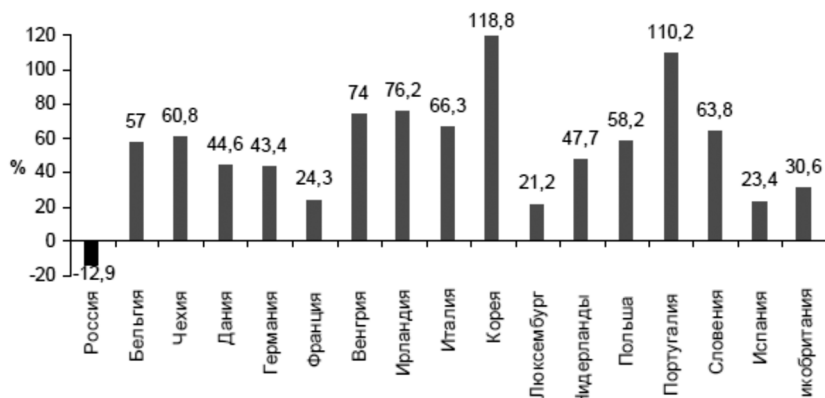
1. Прежде всего, этому не способствует приверженность курсу на обеспечение финансовой стабильности, таргетирование инфляции, сохранение высоких процентных ставок, низкого уровня монетизации. Все это лишает компании возможности получения длинных денег (инвестиционных ресурсов), необходимых для реализации крупных инновационных проектов.

2. Подавляет экономическую мотивацию перехода к инновационной модели экономического развития деиндустриализация, которую мы наблюдаем в последние 20 лет. В условиях стремления к финансовой стабильности все центры прибыли формировались в экспортно-сырьевых отраслях, отличающихся высокой степенью рентабельности по сравнению с отраслями промышленного производства.

3. Деиндустриализация, вымывание технологически емких отраслей, с одной стороны, снижает спрос на технологические инновации, с другой – ведет к деградации материальной базы для практического освоения нарабатываемого научно-технического задела. В результате национальная инновационная система лишается промышленного производства – важнейшего элемента, формирующего спрос на технологические инновации.

Происходит сворачивание научно-технологического потенциала страны. Россия является единственной страной в группе G20, в которой на протяжении последних 20 лет снижается научно-технологический потенциал (рис. 2).

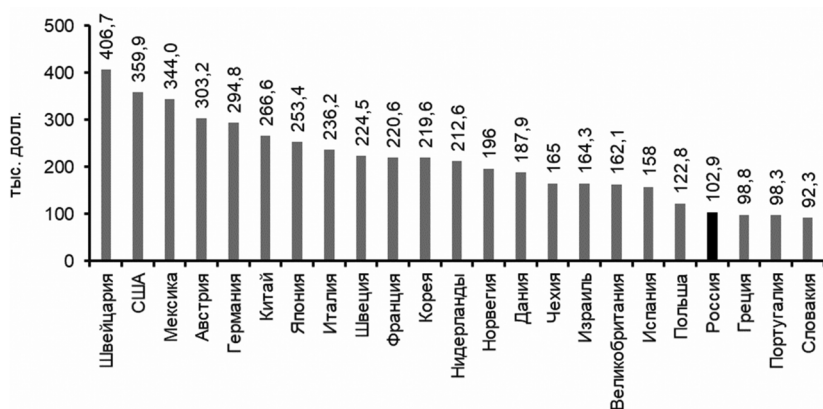
Рис. 2. Изменение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в России и некоторых странах ОЭСР в 2016 г., % к 2005 г. [4]

Прежде всего это связано с количественным сокращением кадрового потенциала и снижением его качества. В последние годы наблюдается устойчивое сокращение численности докторов и кандидатов наук, в ближайшие годы вряд ли удастся преодолеть этот тренд.

Кроме того, Россия заметно отстает от развитых стран по финансовым затратам на науку. Так, Китай, Южная Корея по показателю внутренних затрат на науку в ВВП уже давно перешагнули за 2,5%, а мы в рамках принятой Стратегии научно-технологического развития планируем приблизиться к 2% только через 10 лет. При этом, по данным Росстата, сегодня на одного исследователя мы тратим в 2–3 раза меньше, чем развитые страны (рис. 3).

Рис. 3. Внутренние затраты на исследования и разработки в России и зарубежных странах в расчете на одного исследователя, тыс. долл.

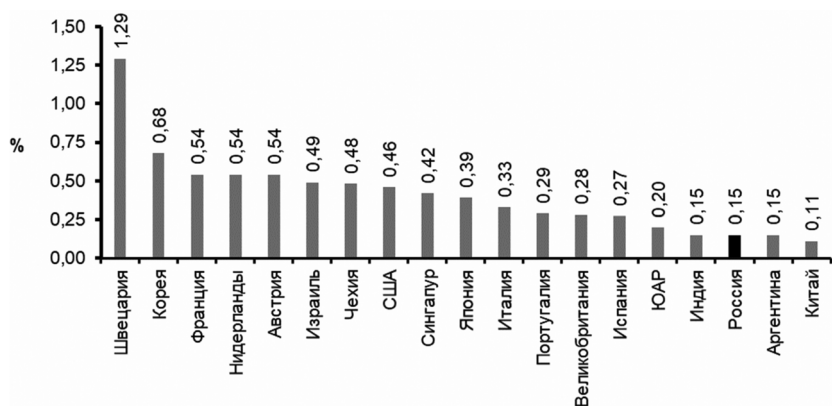
Еще значительное недофинансирование фундаментальной науки, создающей задел для технологического развития на ближайшие 10...15 лет (рис. 4). При этом преимуществами России являются наличие комплексной фундаментальной науки и весьма конкурентных заделов по некоторым актуальным проблемам.

Формирующаяся новая модель организации науки пока не привела ни к осязательному повышению результативности в сфере НИОКР, ни к активизации инновационного развития и технологической модернизации. Реформирование академической науки «обеспечило» разрушение фундаментальной науки. Существует угроза потери ряда важных направлений фундаментальной науки, а что касается прикладной науки, то она была разрушена еще в 1990-е гг. в ходе рыноч-

ных трансформаций. Университетский и корпоративный секторы компенсировать развитие данных научных направлений не смогли, поскольку сильно уступают академической науке по квалификационному составу, опыту, навыкам исследовательской работы у персонала и технической оснащенности.

Очевидно, что без мощной государственной поддержки совершить технологический рывок не удастся: «Невидимая рука рынка должна быть дополнена «видимой рукой государства». И здесь уместно вспомнить, что все страны, добившиеся успеха и вышедшие на траекторию инновационного роста, сделали это благодаря поддержке государства [5, с. 36].

Рис. 4. Внутренние затраты на фундаментальные исследования в России и других странах, % к ВВП (по данным Росстата)

Роль государства является определяющей и в решении структурных проблем экономического развития, в формировании приоритетов промышленной политики, неотъемлемой частью которой является научно-технологическая и инновационная политика. Только при таком триедином подходе можно осуществить комплексную модернизацию современной экономики, обеспечивающую динамичный рост ее конкурентоспособности.

В российской практике такая взаимоувязка возможна в рамках ФЗ РФ №172-ФЗ «О стратегическом планировании РФ», принятого в

2014 г. Однако до сих пор не сформирована система стратегических документов планирования и механизмов их реализации. Прежде всего, отсутствует базовый документ – Стратегия социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, которая должна бы определить общий вектор развития. Налицо оторванность стратегии научно-технологического развития от решения задач индустриального развития. По-прежнему далеки от реальных потребностей экономики, и прежде всего промышленного комплекса, нацпроекты «Наука» и «Цифровая экономика». Так, например, и Стратегия научно-технологического развития, и нацпроект «Наука» закрепляют целевые ориентиры развития научного сектора страны, но не конкретизируют пути дальнейшего его влияния на рост, эффективность и конкурентоспособность экономики. Нацпроект «Цифровая экономика» предусматривает разработку передовых производственных технологий, но также в отрыве от решения насущных задач технологической модернизации и цифровизации промышленного производства.

В этой связи следует уточнить содержание документов стратегического планирования научно-технического развития и обеспечить их нацеленность на новый уровень экономического развития на базе освоения достижений разворачивающейся научно-технологической революции.

Только после формулирования четких целей, задач и структурных взаимоувязанных приоритетов промышленного и научно-технологического развития необходимо сформировать инструменты и механизмы их реализации. Подчеркнем, что при всей значимости институтов для эффективного функционирования экономики сама институциональная система должна ориентироваться на специфику поставленных целей и задач, учитывать общеэкономические условия, ресурсные ограничения и доступные методы их преодоления. Она должна характеризоваться широким разнообразием.

С точки зрения формирования институтов для инновационной модели развития чрезвычайно важной задачей является укрепление и развитие собственной науки, как фундаментальной, так и прикладной.

Концепция реформирования научной и научно-технической сферы требует безусловной коррекции, без которой Россия не просто не

сможет полноценно ответить на глобальные технологические вызовы, но рискует превратиться в периферию рынков научных разработок и технологий.

В заключение хочу сказать, что в Стратегии инновационного развития США, принятой в 2015 г., есть очень важная фраза: «Стране, которая полностью сосредоточится на инновациях сегодня, будет принадлежать глобальная экономика завтра» [6, с. 10]. Если мы хотим совершить технологический рывок, нам нужно провести серьезную и очень грамотную работу над корректировкой курса научно-технологического развития.

Список литературы

1. Индикаторы науки 2019: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2019.
2. Ленчук Е.Б. Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1. – С. 46–51.
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
4. Ресурсное обеспечение Российской науки: проблемы и решения. – М.: ИПРАН РАН, 2019. – 160 с.
5. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России / Е.Б. Ленчук, В.И. Филатов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. II, № 4. – С. 35–47.
6. A Strategy for American Innovation. – Washington, DC. – 2015. – October. – P. 120. – Режим доступа: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/strategy_for_american_innovation_october_2015.pdf

Миронов В.В.,

*доктор философских наук, член-корреспондент РАН,
профессор, декан философского факультета
МГУ имени М.В.Ломоносова,
зав. кафедрой онтологии и теории познания*

Деформация образования в условиях трансформации современной культуры¹

Аннотация. Ставится вопрос об особенностях изменения системы образования в контексте глобализационных процессов. Показано, что за наукометрической модой стоят глубинные процессы трансформации современной культуры и ее составляющих (науки и образования). Система локальных культур, доминировавшая до начала XX в., трансформируется из относительно замкнутой семиотической системы в глобальное коммуникационное пространство. Сделаны выводы о возможных последствиях процесса цифровизации, об изменении характера образовательного процесса, роли преподавателя и появлении зависимости от электронных средств коммуникации.

Ключевые слова: образование, дигитальная культура, глобализация, наукометрия

Mironov V.V.,

Doctor of Philos. Sc., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Head of Ontology and Theory of Knowledge Department

¹ Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 1 (63), 2020, с. 50–55).

Deformation of Education in Conditions of modern Culture Transformation

Abstract. The article raises the question of the features of reforming the education system in the context of globalization processes. The system of local cultures that dominated until the beginning of the twentieth century is transformed from a relatively closed semiotic system into a global communication space. The possible consequences of the cultural transformation are then reviewed in connection with digitalization process, changes in the nature of the educational process, the role of teachers and dependence on electronic tools.

Keywords: education, digital culture, globalization, scientometrics

Начиная с последней трети XX в. взрывной характер технологических открытий, возникновение масштабных коммуникационных систем порождают изменения, требующие серьезного анализа. Необходимо уточнить само понимание культуры, способы ее функционирования и влияние происходящих изменений на все формы общественного сознания, на систему ценностей, прежде всего на образование как системообразующую часть культуры. На процессы трансформации влияют два фактора: глобализация и новейшие технологические открытия, которые буквально врываются на все уровни культуры.

Природа глобализации весьма противоречива. С одной стороны, есть международное сотрудничество, а в ряде случаев – сотворчество, результаты которого воплощаются в товарах, услугах или культурных ценностях. С другой стороны, это единое пространство производства, экономического сотрудничества и т. п. направлено в конечном итоге на увеличение прибыли транснациональных акторов и, кроме того, далеко не однородно. Более того, как показывают новейшие тенденции, глобализация разнонаправленна, обременена импульсами дифференциации, локализации и т. п. Страны менее развитые в области науки и технологий занимают второстепенное место, которое очень трудно изменить. К тому же наиболее развитые в технологическом отношении страны не заинтересованы в таком изменении.

Соответственно, и образование, ориентированное на науку, становится важной сферой борьбы за лидерство, которое впоследствии

может обеспечить стратегические преимущества. И сохранение стабильности в мире связывается с устойчивостью глобальной системы, в рамках которой происходят дифференциация и закрепление места страны в системе образования.

Возникают образовательные зоны, где «политически» нецелесообразно развивать образование, ибо это самый естественный и удобный путь блокирования развития научных технологий, а значит самостоятельности государства в целом. Модные ныне многочисленные рейтинги, схемы учета наукометрических показателей выступают дополнительными барьерами, создающими эффект объективности оценки.

За наукометрической модой стоят глубинные процессы трансформации современной культуры и ее составляющих – науки и образования. Медицина, наука и образование начинают повсеместно трактоваться как сферы услуг. На них распространяются критерии эффективности, соответствующие прежде всего рынку, и главным из этих критериев выступает прибыль. В науке это приводит к диспропорции между фундаментальной ее частью и необходимостью получить быстрые технологические результаты. Следствием становится уменьшение финансирования именно фундаментальной науки. За этим лежит непонимание того, что истинные прорывы в технологической сфере связаны с открытиями в области фундаментальных наук. Наука переводится на грантовую систему финансирования, часто это проявляется в принципе «утром деньги, вечером стулья», т. е. быстрый результат и отказ от серьезного государственного финансирования фундаментальной науки, в котором гранты выступают как сопровождающая и вспомогательная компонента.

Эти тенденции еще сильнее проявляются в образовании. С расширением сферы платного образования оно превращается в сферу услуг, с навязыванием критериев рыночной системы купли-продажи, где условия диктует потребитель. Таким образом, удар наносится прежде всего по университетской системе образования [1]. Возникает необходимость ранжирования источников дохода, чтобы дифференцировать выделяемые государственные или частные средства. И здесь удобнее всего именно количественные показатели. В результате умственный труд, который всегда рассматривался как наиболее свободный, начинает подчиняться академическому капиталу. Это требует

жесткого вертикального управления, для чего лучше всего подходят упрощенные показатели, результаты, индикаторы и пр. Ученые и преподаватели превращаются в наемных работников, которым можно установить любые параметры трудовой деятельности, заставив их работать более интенсивно, что было предсказано еще К. Марксом.

Такая система удобна для управленческого менеджмента. Простые критерии оценки упрощают принятие решений (в том числе о вкладе ученого или преподавателя в работу) и жестких кадровых резолюций. Например, талантливый преподаватель, который пишет мало научных работ (что не связано напрямую с его преподавательским статусом и умением преподавать), может не пройти конкурс и быть уволенным. Схожим образом начинают ранжировать научные и учебные учреждения в целом.

В результате мы просто механически подгоняем сущность нашего образования под различные рейтинги и сравнительные таблицы, занимаясь имитацией. Реформа образования длится уже почти четверть века и, по сути, превращается в контрреформу, не улучшая, а ухудшая и даже разрушая систему образования. Вместо выработки и реализации собственной стратегической парадигмы мы часто выбираем в качестве ориентира устаревшие модели, от которых в мире отказываются или вообще не вводили. Например, ЕГЭ как единственный критерий для поступления в вузы существует в очень малом количестве стран и даже в этом случае дополняется собственными критериями отбора.

Результатом становится деформация, может быть, самого главного в высшем образовании – мотивированности поступающего при выборе будущей профессии. К сожалению, это лежит в русле модели проведения реформ в России начиная с Петра Первого. Мы все время наблюдаем «устойчивое чередование реформаторских и контрреформаторских волн», и реформы «всякий раз фатально не столько лечат, сколько калечат российское общество» [2].

В основу идеологии процесса модернизации была положена задача либерализации системы управления образованием и приведения ее механизмов в соответствие с новыми социальными и экономическими условиями. Главным регулятором объявили рынок образовательных услуг, что усилило деформацию системы образования, во многом привело к отказу от нацеленности на фундаментальную

науку, а значит, к отставанию в технологиях и безудержному росту числа студентов, получающих высшее образование. Это непосредственно связано с трендами, порождаемыми господствующей системой общественных отношений. Такая система генерирует коммерциализацию образования, все большую его ориентацию на получение финансовых результатов, а в ряде стран (США и др.) – тренд на финансиализацию образования [3, 4]. Но присутствуют и иные тенденции. Технологический прогресс обуславливает необходимость продвижения в сторону «знаниемного» производства [5, 6], предполагающего интеграцию высокотехнологичного производства, науки и образования.

В последние годы говорят о необходимости государственной поддержки высшего образования, что связано с увеличением государственного финансирования. Однако, опять же несколько странным образом, когда критерием выступает не качество работы и соответствующий рост зарплаты, а рост зарплаты сам по себе, часто от качества оторванный или сводящий его к количественным параметрам. «По отношению к объему ВВП доля расходов раздела «Образование» составит в 2017–2018 годах 0,7 %, в 2019–2020 годах – 0,6 %. Доля в общем объеме расходов федерального бюджета по разделу «Образование» в 2018–2020 годах по сравнению с 2017 годом (3,7 %) увеличится и составит 4,0 % ежегодно» [7].

Однако это важно оценивать и по структуре статей расхода, которая деформирована, так как средства уходят во многом на зарплату. Кроме того, мы значительно отстаем от других стран по расходам на высшее образование, которые, по расчетам специалистов, должны составлять «от 15 до 20 процентов всех расходов на государственное образование» [8, с. 23].

Тенденции последних лет также весьма неутешительны: наблюдается сокращение расходов на все виды образования – и дошкольное, и общее, и среднее профессиональное, и высшее.

Кроме указанных процессов в обществе происходит трансформация самой сущности коммуникации, на наших глазах возникли и играют все большую роль технологии, изменяющие не только формы, но и содержание межличностных коммуникаций, человеческих отношений. Формируются взаимодействия, опосредованные отчужденными от индивида информационными системами, подчиняющи-

ми человека внешним условиям бытия и вытесняющими непосредственный межличностный диалог, замещаемый генерированием стандартных схем (вместо индивидуализированного творчества), потреблением унифицированных продуктов (подчеркнем – потреблением, а не распродумыванием), обозначением (но не сопереживанием) стандартных (а не индивидуальных) эмоций и т. д. Мир переходит от бытия в культуре, причем культуре всякий раз особенной – национальной, исторически определенной, к глобализированному, обезличенно-стандартным коммуникациям, порождающим псевдокультурное поле. Возникает общение ради общения, без смысла и вне смыслов [9].

В цифровой культуре изменяются роль экспертизы, а также место и роль экспертов; идет экспансия процесса, суть которого – потребление, использование накопленных знаний, поиск путей подтверждения полученной информации, нахождения аналогов и т.п., к чему зачастую сводится роль исследователя, качество работы которого оценивается по объему процитированных и упомянутых источников [10]. Это также сильно влияет на образование и ту роль, которую в нем играют преподаватель и обучающийся.

Система образования базировалась на том (и это ее сущностная черта), что преподавателем был человек более опытный, обладающий информацией, которой не обладает большинство обучающихся. Соответственно, одна из целей процесса образования заключалась в выполнении преподавателем функции ретранслятора информации.

Сегодня молодые люди имеют доступ к информации без посредника. Более того, как правило, они быстрее осваивают новые технологии, а поэтому лучше пользуются новыми возможностями. Изменяется характер образовательного процесса. Мир информации становится полностью доступным, и функция преподавателя не может сводиться к роли ретранслятора информации.

Главными проблемами становятся отбор нужной информации, ее интеллектуальное просеивание, умение отличать ложную от истинной, а также сравнивать и выбирать. И здесь налицо разрыв поколений: старшие не включены во все многообразие коммуникационных технологий, которыми овладели младшие, а младшие склонны отождествлять процесс образования с использованием имеющихся в информационном пространстве готовых результатов и отчуж-

дены от процесса сотворчества, который составляет суть деятельности старших [10]. Информация в огромных объемах становится одинаково доступной, значит, главное заключается в методах ее выбора. Не понимающий этого преподаватель выглядит слабо продвинутым подростком, тогда как процесс образования объективно все в большей степени должен становиться диалогом, беседой, ибо информационный фон приблизительно одинаков и доступен.

Именно здесь происходят существенные трансформации в понимании образования, одним из проявлений которых является нарастание разрыва между преподавателем и обучающимся. И тут работает целый спектр пересекающихся проблем – от зарплаты и условий пенсионного обеспечения, возможности использования труда пожилых преподавателей до работающего механизма притока в образовательную систему молодых и талантливых людей с достойной зарплатой.

Электронная культура возвращает нас к визуальным образам, создаваемым на новейшей технологической основе. Ее особенность в том, что смыслы возникают в результате прямого восприятия, которое может достаточно далеко отстоять от сознательной рациональной деятельности. Написанный или напечатанный текст всегда связан с внутренней интерпретацией понятий и слов. Визуальный образ воздействует непосредственно, как бы отключая рациональное осмысление. Например, раньше, чтобы научиться читать, человек должен был потратить много времени на освоение алфавита, научиться складывать слова из букв. Сегодня человек приобщается к электронным средствам информации очень рано, задолго до освоения алфавита. И это реализуется на уровне оперирования с визуальными объектами. Возникают ситуации, когда современные средства передачи информации оказывают на потребителя воздействие, которое можно сравнить с гипнотическим [11], что создает предпосылки для манипуляции.

Электронная культура делает жизнь человека более комфортной (пластиковые карты, чипы и пр.). А человек никогда не отказывается от комфорта, даже если комфорт превращается в свою противоположность.

Три года назад в Германии выбрали название, которое наиболее точно описывает нынешнее поколение – «Generation Kopfunten» (буквально – «поколение с опущенной головой») [12]. В результате – и

это главное – свободное время заполняется бесконечным информационным потоком, который тоже формируется не нами, а поисковыми системами и геолокационными данными. «Отфильтрованный на основе нашего цифрового следа и истории интернет превращается в так называемый тоннель реальности – это тот узкий спектр явлений и мнений, которые мы видим, находясь внутри сформированной алгоритмами реальности. Мы перестаем воспринимать сложность и взаимосвязанность в мире и видим только то, что находится на цифровом «блюде» перед нашим носом» [13].

Сегодня необходима «цифровая гигиена» – сознательное обучение людей умению отказываться от избыточной траты времени на социальные сети в ущерб реальному общению.

Вряд ли Платон, описывая знаменитую пещеру, мог догадываться о современных технологиях, которые превратят его метафору в своеобразную реальность. Перед нами – тоже пещера, современная дигитальная пещера. А ведь Платон показывал, что это не безобидно, это трансформирует восприятие человеком мира: его имитацию (тени) он принимает за реальность, становясь удобной мишенью для манипуляционных технологий.

Список литературы

1. Чепуренко А.Ю. Маркс в университете 3.0? / А.Ю. Чепуренко // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 26–34.
2. Пантин В.И. Волны политической модернизации в истории России / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – Режим доступа: <http://ss.xsp.ru/st/003> (28.12.2019).
3. Яковлева Н.Г. Противоречия образования XXI века: взгляд сквозь призму марксистской методологии / Н.Г. Яковлева // Вестник Московского университета. – Серия 7: Философия. – 2018. – № 6. – С. 45–62.
4. Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования / Н.Г. Яковлева // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 104–114. DOI: 10.31857/ S013216250007744-1
5. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.

6. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.

7. Расходы бюджета РФ на образование в 2018 году составят 663 млрд рублей // RNS, 2017. – Режим доступа: <https://rns.online/economy/Rashodi-byudzheta-RF-na-obrazovanie-v-2018godu-sostavyat-663-mlrd-rublei-2017-09-29/> (28.12.2019)

8. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: докл. Всемирного банка / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003.

9. Миронов В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации / В.В. Миронов // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86, № 2. – С. 99–107.

10. Миронов В.В. Цифровая пещера как возможный вектор развития культуры / В.В. Миронов // Доклады участников XIX Международных Лихачевских научных чтений «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». – 2019. – С. 183–186. – Режим доступа: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/MironovVV_plen_rus_izd.pdf

11. Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data / В.В. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, № 1. – С. 4–24.

12. «Generation Kopf unten» – Wie einsam macht das Smartphone? // Welt. – 2014. – Режим доступа: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/boulevard_nt/article127898591/Generation-Kopf-unten-Wie-einsam-macht-das-Smartphone.html (28.12.2019).

13. Жданов С. Тоннель реальности: как соцсети вызывают «ожирение» мозга и продают нас корпорациям / С. Жданов // Нож. – 2018. – Режим доступа: <https://knife.media/dark-social/>

Смолин О.Н.

*доктор философских наук, академик РАО, профессор,
первый заместитель председателя Комитета
Государственной Думы по образованию и науке*

Экономический рост и социальная политика¹

Аннотация. Рассматривается одна из важнейших проблем социальной и экономической политики России: связь между этими направлениями внутренней политики государства, в том числе между доходами населения и экономическим ростом. На основе решения Московского академического экономического форума (май 2019 г.) и анализа работ виднейших экономистов (А.Г. Аганбегяна и др.) делается вывод об обратной зависимости экономического роста от социальной политики правящей политической элиты. Показано, что искусственное сдерживание роста доходов населения тормозит экономический рост и не позволяет реализовать важнейшую национальную цель, заявленную в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204, – обеспечение экономического прорыва и темпов развития отечественной экономики выше среднемировых.

Ключевые слова: экономический кризис, стагнация, международные санкции, темпы экономического роста, прогнозы социально-экономического развития, отток капитала, ключевая ставка ЦБ РФ, реальный сектор экономики, платежеспособный спрос, национальное богатство

¹ В основу статьи положен расширенный текст выступления на пленарном заседании Государственной Думы (см. стенограмму пленарного заседания от 19 сентября 2019 года). Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 1 (63), 2020, с. 26–34).

Smolin O.N.,

*Doctor of Philos. Sc., Academician of the Russian Academy
of Education, Professor, First Deputy Chairman
of the State Duma Committee on Education and Science*
Economic Growth and Social Policy

Abstract. The article is devoted to one of the most important problems of social and economic policy of Russia, namely the issue of the relationship between these two areas of domestic policy of the state, including the relationship between household income and economic growth. Since 2013, the Russian economy has been stagnating, and citizen's incomes have not grown over the past six years. Based on the decisions of the Moscow academic economic forum and the work of prominent economists (Aganbegyan and others), the author seeks to show the inverse dependence of economic growth on the social policy of the ruling political elite. In particular, artificial restraint of growth of incomes of the population hinders economic growth and does not allow to implement the most important national goal stated in the Decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2018 №. 204 – ensuring an economic breakthrough and the rate of development of the domestic economy above the global average. The article is based on the author's speeches at the Moscow academic economic forum and plenary sessions of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The resignation of the Government of the Russian Federation in January 2020 can serve as indirect proof of the correctness of this position.

Keywords: economic crisis, stagnation, international sanctions, economic growth rate, forecasts of socio-economic development, capital outflow, key rate of the Central bank of the Russian Federation, real economic sector, effective demand, national wealth

В апреле 2019 г. в Совете Федерации на экспертной сессии Вольного экономического общества патриарх российской экономической науки академик А.Г. Аганбегян представил свою новую книгу «О приоритетах социальной политики».

В мае того же года в рамках Московского академического экономического форума (МАЭФ) была принята резолюция, подписанная президентом Российской академии наук А.М. Сергеевым и президентом

Вольного экономического общества профессором С.Д. Бодруновым: «Состоявшийся по инициативе Вольного экономического общества России (ВЭО России), Российской академии наук (РАН) и Международного союза экономистов (МСЭ) 15–16 мая 2019 года первый международный Московский академический экономический форум (МАЭФ), собравший более двух с половиной тысяч участников из 62 регионов России, а также 24 стран Европы, Азии, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки, представляющих академическое, научно-экспертное и университетское сообщества, считает необходимым донести основные позиции его участников до органов государственной власти Российской Федерации и широкой общественности» [1].

Мы представили депутатам анализ и предложения отечественной академической экономической науки, которые могли бы стать платформой для широкого национального согласия.

1. Не успев выйти из кризиса 2008–2009 гг., экономика страны оказалась в состоянии стагнации, которая началась в 2013 г. – за год до начала международных санкций и наших контрсанкций. Неслучайно в конце 2014 г. Президент России утверждал, что на 25% экономические проблемы России от санкций, а на 75% «мы сами не доработали».

По данным научного руководителя Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академика В. В. Ивантера, в 2008–2013 гг. темпы роста российской экономики выросли на 1,2%¹; в 2014–2017 гг. снизились на 0,2%. По данным академика А.Г. Аганбегяна, в 2013–2018 гг. темпы роста увеличились на 0,4%. По оценкам первого заместителя Председателя Правительства, министра финансов РФ А.Г. Силуанова, в 2018 г. экономический рост был рекордным – 2,3%, однако в 2019 г. экономика практически остановилась (табл. 1).

Таблица 1. Экономический рост: перспективы 2019 г.

Согласно федеральному бюджету на 2019 г.	+ 1,3%
Согласно прогнозам председателя Счетной палаты РФ А.Л. Кудрина	+ < 1%
Фактический экономический рост за первое полугодие	+ 0,7%

¹ См. выступление В.В. Ивантера на IV Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК–2018) «Форсайт “Россия”: новое индустриальное общество. Будущее» (02.04.2018).

Динамика доходов граждан России за первое полугодие 2019 г. – 1,3%
(по данным Росстата)

2. Среднесрочные перспективы экономического роста в стране весьма неопределенны и расходятся даже на уровне официальных прогнозов, которые постоянно меняются (преимущественно в сторону понижения).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 российская экономика к 2024 г. должна войти в пятерку крупнейших экономик мира, развиваясь темпами выше мировых при инфляции не выше 4%¹.

По прогнозу, заложенному в Федеральный закон от 29.11.2018 № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов», темпы роста ВВП страны должны составить: 2019 г. – (+1,3% к 2018 г.); 2020 г. – (+4,64% к 2019 г.); 2021 г. – (+6,93% к 2020 г.). Однако, согласно Федеральному закону от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 годов», план роста ВВП на 2020 г. снижен с первоначально предполагавшихся 2,1% до 1,7%, т. е. по отношению к росту, запланированному № 459-ФЗ (4,64%), – более чем в 2,5 раза.

«Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2], подготовленный Минэкономразвития РФ, дает совершенно другие показатели роста ВВП: 2019 г. – 1,3%; 2020 г. – 2,0%; 2021 г. – 3,1%; 2022 г. – 3,2%; 2023 г. – 3,3%; 2024 г. – 3,3%.

С учетом прогнозируемого снижения роста мирового ВВП с 3,9% в 2018 г. до 3,2% к 2024 г. рост российской экономики может достигнуть мировых темпов лишь к 2024 г., а превзойти их должен за пределами шестилетнего периода.

Согласно консервативному сценарию Минэкономразвития, в 2020 г. рост ВВП составит 1,1%, далее будет возрастать и к 2024 г.

¹ В настоящее время ВВП России в долларовом исчислении составляет 1,77 % от мирового – 12-е место; 5-е место занимает Великобритания – 3,84 %. В пересчете по паритету покупательной способности доля ВВП России в общемировом оценивается в 3,21 % – 6-е место; на 5-м месте находится Германия (3,33 %).

выйдет на уровень 2,5%: 2021 г. – 1,9%; 2022 г. – 2,3%; 2023 г. – 2,5%; 2024 г. – 2,5% [2].

Очевидно (и это подтверждается экспертами Финансового университета при Правительстве РФ¹), что прогноз не обеспечивает реализации главных задач, поставленных в Указе Президента РФ.

Во-первых, чтобы реализовать предусмотренное указом увеличение ВВП на душу населения к 2024 г. в 1,5 раза, необходимы темпы экономического роста на уровне 7,2% ежегодно. Однако прогноз даже по оптимистическому сценарию предусматривает лишь 2,8%, т.е. в 2,5 раза меньше. Экономический прорыв, провозглашенный Президентом РФ, фактически отменяется.

Во-вторых, согласно прогнозу, уровень реальных доходов граждан в 2024 г. лишь на 1% превысит аналогичный показатель 2013 г. С точки зрения социальной политики 2014–2023 гг. оказываются потерянным десятилетием. Совершенно не понятно, как предполагается решать задачу двукратного снижения бедности в стране, если доходы граждан не растут.

Члены Правительства РФ неоднократно заявляли об ускорении экономического роста в результате реализации национальных проектов. Однако ожидаемый дополнительный экономический эффект в результате реализации таких проектов (4 трлн рублей в год) составит:

- по данным «Альфа-банка» – (+ 0,2 %) в год;
- по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН – (+ 0,6 %) экономического роста.

Того и другого явно недостаточно для реализации национальных целей, поставленных в Указе Президента РФ № 204.

Еще более скептически оценивает ситуацию председатель Счетной палаты РФ А.Л. Кудрин [3]: «Это настолько сложно – добиться 3% роста в год, это сверхтяжелая задача. Многими нацпроектами она не решается». Поскольку прогнозы Минэкономразвития и А.Л. Кудрина представляются нам гораздо более реалистичными, есть основания полагать, что при продолжении современной экономической и социальной политики еще в течение шести лет отставание отече-

¹ Оценка прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период 2019–2024 гг. (сентябрь, 2019 г.).

ственной экономики от мировой будет нарастать, а в общей сложности период нарастания такого отставания составит, как минимум, 16 лет – 2008–2023 гг. И это при благоприятном сценарии развития, если не сбудутся прогнозы относительно ожидаемого мирового экономического кризиса.

3. По мнению академика А.Г. Аганбегяна, стагнация принципиально отличается от кризиса, как минимум, по двум позициям [4, с. 10–18]:

- во-первых, в самой природе кризиса заложены механизмы его преодоления, тогда как стагнация таких внутренних механизмов не имеет;
- во-вторых, в отличие от кризиса, стагнация может продолжаться сколь угодно долго.

Поэтому преодоление стагнации требует чрезвычайных усилий со стороны власти.

4. Приведем выполненный А.Г. Аганбегяном анализ причин стагнации отечественной экономики, связанных с экономической политикой правительства [4, с. –116]:

1. *Отток капитала*: в 2008–2018 гг. утечка капитала из страны на 840 млрд долларов превысила его приток, т. е. происходила со средней скоростью почти 80 млрд в год. По данным Росфинмониторинга, незаконный вывоз капитала из страны, например, в 2017 г. составлял именно 80 млрд долларов.

2. *Бюджетная политика*: в 2013–2018 гг. в постоянных ценах расходы консолидированного бюджета страны сокращались. На взгляд академика, с которым трудно не согласиться, профицит бюджета при стагнации экономики и росте бедности есть социальный и экономический абсурд¹.

¹ Тема инфляции, доходов граждан и профицита бюджета 26 сентября 2019 г. стала предметом дискуссии при рассмотрении проекта федерального закона «Об исполнении федерального бюджета за 2018 год». Мой вопрос А.Л. Кудрину: «...после недавней дискуссии между президентом и министром экономики возникает вопрос о достоверности статистики, на основе которой рассчитывается бюджет. Напомню: министр утверждал, что инфляция снижается ниже официальных показателей, а президент заметил, что это ЦБ подкручивает статистику. С кем см. на след. странице

3. *Высокая ключевая ставка* Центрального банка и дорогой кредит. Несмотря на неоднократное снижение этой ставки в последнее время, она составляет 6,5% против 1...2% в странах-конкурентах. В

см. на предыдущей странице

согласна Счетная палата: инфляция действительно снижается или статистику подкручивает ЦБ, или Минэкономразвития, или все вместе? Как оценивает Счетная палата инфляцию общую – средний рост цен и социальную – рост цен на товары первой необходимости? Почему, несмотря на профицитный бюджет, доходы граждан не растут?»

Ответ А.Л. Кудрина (воспроизводим фрагментарно):

1. «Я считаю статистику по инфляции достоверной. [...] Это мандат Центрального банка влиять на инфляцию. [...] ... я это воспринял как то, что инструменты так были задействованы, что инфляция пошла ниже... Я в этом смысле понял, а не в смысле недостоверности тех показателей, которые применяются».
2. Председатель Счетной палаты признал, что инфляция по товарам первой необходимости зачастую растет быстрее, чем общая средняя инфляция: «В этом смысле на эту группу товаров нужно обращать внимание, и поддержку социально незащищенных слоев населения, скорее, ориентировать по такой инфляции...».
3. Реальные доходы населения зависят прежде всего от экономического роста, но по социально незащищенным группам населения доходы больше зависят от бюджетных выплат.
4. В России нет бедных пенсионеров, поскольку они получают доплаты до прожиточного минимума (это заявление вызвало в стране бурную дискуссию).
5. Один из факторов падения реальных доходов – рост платежей населения по кредитам и ипотеке.
6. «... профицит бюджета – это то, что не тратится государством. В этом смысле он ничем не может помочь в снижении реальных доходов населения».

В последнее время А.Л. Кудрин неоднократно выступал с предложениями уменьшить профицит бюджета и направить часть средств на развитие человеческого потенциала. Задавая вопрос, я рассчитывал получить поддержку Счетной палаты в присутствии министра финансов. Однако ответ А.Л. Кудрина показал, что его позиция по-прежнему много ближе Минфину, чем экспертному сообществу.

результате средняя ставка по кредиту для производственных целей в России составляет около 12%, причем снижение ключевой ставки ЦБ в краткосрочной перспективе не приводит к снижению этого показателя в государственных и частных банках.

4. *Высокие налоги для реального сектора экономики.* В частности, повышение НДС на 2% – одна из главных причин замедления темпов экономического развития России в 2019 г. по сравнению с 2018 г.

5. *Выбытие основных фондов* (особенно в машиностроении) со скоростью 0,5% в год. Так, 23% основных фондов в стране работают дольше нормативных сроков амортизации.

6. *Низкий уровень инвестиций в основной капитал:* 17% в год вместо минимально необходимого для роста 21%.

7. *Снижение объемов жилищного строительства* с 85 млн м² в 2015 г. до 75 млн м² в 2018 г. При этом снижение объемов строительства на 5 % в год означает падение ВВП на 1 %! Ряд экспертов прогнозируют замедление темпов жилищного строительства по сравнению с плановыми в связи с введением в действие федерального закона от 27.06.2019 № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». По этому закону застройщикам разрешено собирать средства с граждан только посредством введения эскроу-счетов.

5. Согласно анализу академика А.Г. Аганбегяна, стагнацию вызывает и усиливает не только экономическая, но и социальная политика правительства [4, с. 109–116]:

1. *Падение* в течение шести лет уровня жизни населения, которое приводит к снижению платежеспособного спроса. По оценкам Федерации независимых профсоюзов России, доходы более 50 % российских работников и подавляющего большинства пенсионеров ниже минимального потребительского бюджета (по данным ФНПР, это около 39 тыс. рублей). Однако экономическая наука обращает внимание на другое: низкие доходы тормозят экономическое развитие. Бизнес не имеет стимулов для производства товаров, поскольку их невозможно продать. Неслучайно президент проводил специальное совещание с членами правительства по поводу медленного роста

(читай – падения) доходов граждан¹. Правда, после этого расходы на социальную политику в бюджете 2020 г. увеличены лишь на 3%, что более чем вдвое ниже среднего роста бюджетных расходов.

2. *Снижение рождаемости* в течение трех лет примерно на 300 тыс. человек, что не компенсируется даже миграционным притоком населения.

3. *Высокая смертность* в трудоспособном возрасте. По некоторым оценкам, она втрое выше, чем была в середине 1960-х гг., а номинальное увеличение продолжительности жизни достигнуто лишь за счет снижения младенческой смертности. Между тем, по оценкам А.Г. Аганбегяна, смерть одного человека в трудоспособном возрасте приводит к потерям доходов бюджетной системы в среднем на 4,4 млн рублей.

4. *Сокращение численности трудоспособного населения* на 5 млн человек с 2010 г.

5. *Недопустимо низкий уровень вложений в человеческий капитал*. По данным академика А.Г. Аганбегяна, доля экономики знаний составляет в США 40%, в Евросоюзе – 30 %, в России – 14%. При этом в федеральном бюджете на 2020 г., как и годом ранее, предусмотрено выделение 100 млрд рублей в виде трансфертов (субсидий) региональным бюджетам на заработную плату работников бюджетной сферы.

6. Анализ ситуации специалистами МАЭФ и академиком А.Г. Аганбегяном не сильно отличается от того, о чем регулярно говорят депутаты от оппозиционных фракций в Государственной Думе. Не слишком отличается и предложенная учеными программа в области экономической и социальной политики. Прочитирую в очередной раз обращение МАЭФ: «Реализация имеющегося потенциала социально-экономического развития, по мнению участников МАЭФ, возможна при условии существенной корректировки сложившихся приоритетов экономической политики.

Осуществление прорывного технологического развития требует постановки этой цели в качестве приоритетной, подчинения ей всех мер бюджетной, налоговой и денежно-кредитной политики.

¹ Совещание с членами Правительства. Москва, Кремль, 25 августа 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61643>. (Дата обращения: 06.09.2019).

Необходимо всемерно использовать накопленный опыт достижения успеха в отраслях *ОПК и аграрной сфере*, распространяя его на приоритетные отрасли, обеспечивающие необходимые структурные сдвиги и рост производительности труда.

Необходимо в полном объеме ввести в действие принятый еще в 2014 г. Закон о стратегическом планировании, обеспечив тем самым системное развитие экономики, снижая *неопределенность экономической политики, являющейся*, по оценке предпринимательского сообщества, *тормозом инвестиционной активности*» [1].

Из текста следует, что Российская академия наук и Вольное экономическое общество:

- а) признают современную экономическую политику тормозом инвестиционной активности;
- б) требуют ее существенной корректировки;
- в) считают необходимым подчинить бюджетную, налоговую и финансовую политику задачам обеспечения экономического прорыва;
- г) настаивают на полноценном введении в действие закона о стратегическом планировании.

Помимо этого, по мнению академика А.Г. Аганбегяна, полумерами экономическую стагнацию преодолеть невозможно.

7. Одним из важнейших с точки зрения практической политики и управления остается вопрос: на чем может и должен базироваться экономический прорыв? Распространено мнение, что источником процветания России должны быть ее природные богатства. Однако сравнительно недавно была опубликована их официальная оценка (табл. 2).

Если эти данные верны, то разведанные запасы нефти в России в денежном выражении сопоставимы с двумя федеральными бюджетами, а запасы золота – около 2,5% от величины одного бюджета. При этом, по мнению ведущих экономистов, во всех развитых странах человеческий капитал уже давно оценивается в 1,5...2 раза выше, чем накопленное вещное богатство. Полагаю, что ситуация в России аналогична.

Другими словами, построить экономику XXI в. главным образом на природных богатствах невозможно. Более того, еще в XX в. хорошо известна история экономического прорыва Японии при практическом отсутствии у нее природных богатств, а на рубеже веков –

история экономического прорыва Китая при сравнительно скромных запасах нефти и газа. Не случайно популярные в начале XXI в. заявления о России как о великой энергетической державе в настоящее время практически отсутствуют.

Таблица 2. Оценка природных ресурсов России

Природные богатства	Официальная оценка	Доля от расходной части годового федерального бюджета (приблизительная оценка), %
Нефть	39,6 трлн р.	Два годовых фед. бюджета
Газ	11,3 трлн р.	56,5
Коксующийся уголь	2 трлн р.	10
Железная руда	808 млрд р.	4
Золото	480 млрд р.	2,5
Алмазы	505 млрд р.	2,5
Лес	500 млрд р.	2,5

Однако в последние годы общественному сознанию все чаще предлагается другой миф – о нефтяном проклятье. На нем явно или не явно держится представление о том, что страна не должна тратить нефтегазовые доходы, которые якобы достаются ей даром. На самом деле эти доходы следует вкладывать в высокие технологии и человеческий потенциал нации.

8. В переводе на язык конкретных предложений в области экономической политики, сформулированных академиком А.Г. Аганбегяном, это означает [4, с. 12–19]:

1. *Форсированный рост инвестиций* в современное производство и человеческий капитал не менее чем на 10 % ежегодно. В этом случае через три года есть реальные шансы получить экономический рост более 3 % ВВП в год.

2. *Увеличение расходов* по отношению к современному уровню:

- на развитие производства – не менее чем на 2 трлн рублей в год (особенно в электронику, фармацевтику, строительство);
- на развитие человеческого капитала – не менее чем на 1,5 трлн рублей в год.

3. *Снижение ключевой ставки ЦБ* до 3...4%.

4. *Дешевый банковский кредит* – не более 5% годовых, в том числе на развитие инфраструктуры – не более 3% годовых.

5. *Снижение налогов на реальный сектор экономики*, в том числе увеличение инвестиционных налоговых льгот и налоговых каникул.

6. *Переход к дефицитному бюджету*. Дефицит бюджета в 3 % ВВП (около 3 трлн рублей) безопасен и необходим для экономического роста.

9. Московский академический экономический форум выразил крайнее неудовлетворение политикой искусственного сдерживания роста доходов населения [1]:

- «... необходим пересмотр политики роста реально располагаемых денежных доходов населения;
- сценарии их восстановления до уровня 2013 г. лишь к 2023 г. несовместимы с задачами двукратного сокращения бедности и технологического прорыва.

Сдерживание роста реально располагаемых денежных доходов населения неизбежно сужает внутренний рынок и тем самым де-стимулирует инвестиционную активность предпринимателей».

В свою очередь, академик А.Г. Аганбегян сформулировал конкретные предложения в области социальной политики [4, с. 430–433]:

- прожиточный минимум – не менее 20 тыс. рублей;
- минимальная зарплата и пенсия – не менее 25 тыс. рублей;
- медианный доход граждан – не менее 40 тыс. рублей;
- средняя зарплата – не менее 65 тыс. рублей.

Очевидно, речь может идти только о поэтапном движении в этом направлении, но не об однократном действии. В противном случае ситуация будет развиваться по формуле классика российской словесности В.С. Черномырдина: «... мы продолжаем делать то, что мы уже много наделали!»

Примечательно, что, когда фракция КПРФ внесла законопроект о поэтапном повышении минимальной заработной платы до 25 тыс. рублей, нас обвинили в популизме и безответственности. Интересно, что сказали бы наши обвинители патриарху российской академической науки академику А.Г. Аганбегяну, а равно и президенту РАН академику А.М. Сергееву или президенту ВЭО профессору С.Д. Бодрунову?»

10. Я обратился к руководству Государственной Думы с предложением: поручить Комитетам Государственной Думы по экономи-

ческой политике; по бюджету и налогам; по труду, социальной политике и делам ветеранов; по промышленности совместно с правительством проанализировать материалы МАЭФ и предложения академика А.Г. Аганбегяна с приглашением авторов. По итогам обсуждения принять соответствующие рекомендации Правительству РФ.

Закончить хочу строками, пожалуй, самого философского из российских поэтов – Евгения Баратынского:

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежды и волнения,
Иль безнадежность и покой.

До сих пор правительство явно выбирало «безнадежность и покой». Пора поменять парадигму, иначе из стагнации страна не выйдет и экономический прорыв не состоится.

Отставка Правительства Российской Федерации 15 января 2020 г. может служить симптомом того, что в рамках обозначенной дилеммы Президент России выбрал «надежды и волнения»...

Список литературы

1. Обращение Московского академического экономического форума (МАЭФ). URL: <https://maef.veorus.ru/about/archive/2019> (Дата обращения 03.09.2019).
2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593/prognoz24svod.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593> (Дата обращения: 09.12.2018).
3. Председатель Счетной палаты РФ А.Л. Кудрин на X Гайдаровском форуме «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды». (М., 2019, 16 января) // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190116/1549456785.html> (Дата обращения: 17.01.2019).
4. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики / А.Г. Аганбегян. – М., 2018.

Сорокин Д.Е.

*доктор экономических наук, член-корреспондент РАН,
профессор, научный руководитель
Финансового университета при Правительстве РФ*

Политическая экономия технологической модернизации России¹

Аннотация. Рассматриваются объективные причины исторически сложившегося в России тренда догоняющего технологического развития. Обосновывается гипотеза, что технологическое отставание порождено прежде всего избыточным присутствием государства в российской экономике, обусловленным рядом объективных обстоятельств – от природно-географических до геополитических. В результате главным инструментом конкуренции предпринимателей становится не технологическое развитие, а доступ к покровительству со стороны представителей государственной власти. Делается вывод, что экономическая стратегия России должна быть нацелена: 1) не на достижение всеобъемлющего технологического лидерства, а на недопущение опасного технологического отставания в секторах, являющихся критическими для гарантированного обеспечения национальной безопасности; 2) на создание институтов, предотвращающих перерастание объективно необходимой для России роли государства в огосударствление экономики.

Ключевые слова: технологическая модернизация, производительные силы, конкуренция, государство, экономическая стратегия, технологическое лидерство, институты

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету. Статья опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (№ 1 (63), 2020, с. 18–25).

Sorokin D.E.,

*Doctor of Econ. Sc., Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Professor,
Scientific Director of the Financial University
under the Government of the Russian Federation*

**Political Economy
of Technological Modernization of Russia**

Abstract. The article analyzes the objective causes of the historical trend of catching up with technological development in Russia. The author substantiates the hypothesis that technological lag is caused primarily by the excessive presence of the state in the Russian economy, due to a number of objective circumstances – from natural-geographical to geopolitical. As a result, the main tool for competition among entrepreneurs is not technological development, but access to patronage by government officials. The author concludes that Russia's economic strategy should be aimed at: 1) not to achieve comprehensive technological leadership, but to prevent dangerous technological lag in sectors that are critical for guaranteed national security; 2) to create institutions that prevent the development of the role of the state objectively necessary for Russia in the nationalization of the economy.

Keywords: technological modernization, productive forces, competition, state, economic strategy, technological leadership, institutions

Постановка в майском (2018 г.) Указе Президента Российской Федерации в качестве первоочередной цели осуществления технологического прорыва [1, с. 1] отражает реалии, в которых сегодня находится Россия. С одной стороны, история свидетельствует, что именно технологическое лидерство является материальной базой экономического успеха. При этом социумы, которые первыми осваивают новый технологический уклад, получают весомые конкурентные преимущества. Социумы, в которых такое освоение задерживается, превращаются в объект экспансии со стороны технологически продвинутых соседей, стремящихся расширить свою ресурсную базу. Не объемы экономики, а ее технологическая база обеспечивает конкурентные преимущества. Приведем классический пример: к началу XIX в. (1820 г.) совокупный ВВП стран Азии (без Японии) более чем

в два раза превосходил совокупный ВВП Австралии, Западной Европы, Канады и США [2, с. 161–162], однако именно крупнейшие государства Азии превратились в зависимые от западных стран территории.

Причина – технологическое преимущество западных держав, сумевших освоить передовые по тем временам технологии, обеспечившие им экономическое и военное превосходство.

С другой стороны, усилия по преодолению сложившегося в СССР отставания национальной экономики в освоении нового технологического уклада, что признавалось на высшем уровне государственной власти, так и не дали результатов.

В этой связи напомним, что в проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации (2001 г.) на период до 2010 г. предусматривалось создание к 2007–2010 гг. условий «для кардинального технологического перевооружения основных экономически значимых секторов производства и увеличения доли современной конкурентоспособной на мировом уровне продукции» [4, с. 37]. Однако, если в 2000 г. доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных предприятий составляла 10,6 %, то в 2007 г. – 9,4%¹, чего было явно недостаточно для технологической модернизации экономики. На научной сессии Общего собрания РАН в декабре 2008 г. констатировалось, что российская экономика находится, в основном, в рамках четвертого технологического уклада (ТУ) с элементами пятого, в то время как экономики основных геополитических конкурентов России функционируют, как правило, в рамках пятого ТУ и начинают осваивать элементы шестого [5].

В Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 г. была поставлена задача преодолеть сложившееся отставание, доведя долю промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, до 40...50 % [6], однако в 2017 г. доля таких предприятий составила лишь 9,2 %. Майский (2018 г.) указ президента переносит срок выполнения задачи на 2024 г. [1, с. 1].

В чем же причина отсутствия сдвигов в решении жизненно важной для существования государства задачи? Ответ лежит на поверхности –

¹ Здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата.

ошибки (непоследовательность, некомплексность и т. п.) проводимой экономической политики. На это указывают все представители экспертного сообщества.

Соответственно предлагаются различные меры по устранению допущенных ошибок и введению институтов, способствующих преодолению сложившейся ситуации. Вместе с тем, действенность таких мер зависит от того, насколько они опираются на фундаментальные положения экономической теории.

Главным двигателем технологического развития является конкуренция предпринимателей, о чем писал еще К. Маркс, ссылаясь на публикации полуторавековой давности [7]. В XX в. это положение легло в основу теории экономического развития Й. Шумпетера [8]. В Стратегии инновационного развития России до 2020 г. отмечается, что отсутствие предпринимательского интереса к использованию технологических инноваций (в частном и в государственных секторах) является ключевой проблемой, сдерживающей технологическую модернизацию российской экономики [9].

Отсюда следует необходимость устранения институтов, ограничивающих свободу предпринимательской деятельности, прежде всего институтов ее государственного директивного планирования [10]. Функционирование экономических систем советского типа подтверждает теорию. Обеспечив мобилизацию ресурсов и их концентрацию для решения масштабных экономических и научно-технологических задач, эти системы демонстрировали впечатляющие результаты на выбранных направлениях. С другой стороны, эти же механизмы директивного планирования экономической деятельности оказались неспособными решить задачи перевода экономики в целом на новые технологические уклады и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, что обусловило «возвращение» к рыночным механизмам хозяйствования.

Экспертное сообщество не отрицает, что в российской экономике, несмотря на переход к рынку, присутствует избыточное вмешательство в предпринимательскую деятельность. Как правило, это отмечается в тех сферах, где его не должно быть. В то же время там, где оно необходимо, налицо дефицит регулирующей роли государства. Результатом является снижение предпринимательского интереса к использованию технологических инноваций.

Рассматривая развитие российской экономики в исторической ретроспективе, отметим, что с переходом на индустриальную базу экономического роста и на протяжении всей своей истории она находилась в положении догоняющей. Так было в период первой индустриализации России в начале XVIII в., второй на рубеже XIX–XX вв. и третьей в 1930-е гг.

При всей условности показателя выработки ВВП в расчете на одного занятого он может служить иллюстрацией организационно-технологического уровня производства в России в сопоставлении с другими технологически развитыми странами на протяжении XX в. Так, в начале века российская экономика (в границах Российской империи без Польши и Финляндии) отставала от США в 4 раза, а от Западной Европы в 2,5 раза, и такой разрыв сохранялся до начала Первой мировой войны. В ходе индустриализации 1930-х гг. удалось восстановить указанное соотношение после разрухи, вызванной военными действиями и дезорганизацией хозяйства (табл. 1).

После Второй мировой войны к 1980 г. СССР удалось существенно сократить разрыв. Однако затем отставание в освоении возможностей нового ТУ привело к нарастанию отставания в производительности труда, а последующий системный кризис вернул ситуацию к началу века по отношению к США, разрыв относительно Западной Европы увеличился почти в 1,5 раза (табл. 2).

Таблица 1. Выработка ВВП в расчете на одного занятого в России, % от стран (рассчитано по данным [11, с. 539, 540, 544])

Годы	1900 ¹	1913 ¹	1929 ²	1938 ²
США	24,2	23,5	17,6	22,3
Западная Европа	41,4	46,8	40,9	42,8

¹ Территория Российской империи без Польши и Финляндии; ² в границах СССР.

Таблица 2. Выработка ВВП в расчете на одного занятого в России, % от стран (рассчитано по данным [11, с. 539, 540, 544])

Годы	1900 ¹	1960 ²	1980 ²	1990 ²	2000 ³
США	24,2	49,0	48,5	38,3	23,4

Западная Европа	41,4	89,5	74,9	59,7	28,6
-----------------	------	------	------	------	------

¹ Территория Российской империи без Польши и Финляндии; ² в границах СССР; ³ в границах РФ.

В этой связи можно предположить наличие общих для всех периодов экономического развития России механизмов, тормозящих ее технологическую модернизацию. При этом речь не идет об отставании научно-технологической мысли России. Наиболее ярким примером может служить создание универсального парового двигателя, положившего начало первой промышленной революции. Созданный впервые в России и показавший свою экономическую эффективность всего за полгода эксплуатации, он был выброшен после первой поломки. В результате промышленная революция началась не в России, а в Великобритании, где аналог такого двигателя был запатентован двадцатью годами позже. Аналогичные примеры есть и в других областях (от радио, телевидения, авиации до кибернетики и генетики).

С учетом изложенного общей чертой экономической жизни России является огромная роль государства в организации экономической жизни общества. Особенно ярко это проявилось в ходе технологических модернизаций. В период правления Петра I именно государство выступило драйвером технологической модернизации. Идеолог второй модернизации С. Витте отмечал: «Правительство... должно было энергично войти в самую глубь интересов разнообразных отраслей народного хозяйства и положительным воздействием возбуждать и поддерживать частную предприимчивость в желательном направлении» (цит. по [12, с. 160]). В СССР роль государства в регламентировании деятельности субъектов экономической жизни была доведена до максимально возможных пределов. Однако, как уже указывалось, применение таких полномочий для реализации мобилизационного эффекта возможно лишь на отдельных направлениях и на относительно короткий период времени. Об этом свидетельствуют и затухание модернизационного импульса, заданного Петром I, и резкое замедление темпов роста важнейших экономических показателей в третьей советской пятилетке (1938–1940 гг.) при существенном отставании от плановых показателей (табл. 3). Последнее послужило причиной созыва XVIII конференции ВКП(б) 15–20 февраля 1941 г., на которой в качестве главных причин неудовлетвори-

тельного положения дел отмечались низкая эффективность производства, нарушения технологической дисциплины, срывы планов внедрения новой техники [13, с. 194].

Аналогичная ситуация сложилась во время восьмой советской пятилетки (1956–1960 гг.), в результате ее выполнение было прервано в 1958 г. под предлогом перехода к семилетнему планированию. Неудовлетворительное выполнение планов стало причиной смены высшего руководства СССР в 1964 г. Однако после некоторого оживления экономики в 1970-х гг. вновь началось снижение темпов развития и стало нарастать технологическое отставание.

*Таблица 3. Среднегодовые приросты в экономике СССР
в 1938–1940 гг. [14, с. 452; 13, с. 54, 56, 77; 15, с. 41; 16, с. 56]*

Показатели	1933–1937 гг.	1938–1940 гг.	
	Факт	План	Факт
Национальный доход, %	16,7	12,6	9,4
Производство электроэнергии, кВт·ч	4,5	7,7	4,0
Добыча нефти, млн т	1,4	4,8	0,9
Выплавка стали, млн т	2,4	2,1	0,2
Производство проката	1,7	1,6	0,05
Выпуск автомобилей, тыс. шт.	35,2	40,0	–18,5

Так, если в середине 1960-х гг. доля продукции, производимой на предприятиях гражданского машиностроения свыше 10 лет, т.е. морально устаревшей, составляла чуть более 16%, то к началу 1980-х гг. она превысила 30% [17, с. 92]. При этом лишь 14% продукции станкостроения и 17 % приборостроения были конкурентоспособными на мировых рынках [18, с. 15]. В результате в общем объеме экспорта страны доля машин, оборудования и транспортных средств СССР (включая реэкспорт) сократилась с 21,5% в 1975 г. до 13,6% в 1985 г. [19, с. 575]. Все это происходило в период, когда система управления экономикой была нацелена на реализацию установки: «Соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства».

Причина заключалась не только в том, что централизованно-директивная система управления, в принципе, неспособна обеспе-

читать технологические сдвиги в масштабах всего хозяйства. Необходимо иметь в виду, что власть государства всегда персонифицирована в конкретных госслужащих (как в центре, так и на местах). Избыточная власть государства выражается в избыточных (по отношению к объективным закономерностям функционирования рыночных отношений) полномочиях конкретных государственных служащих. Именно они, а не хозяйствующие субъекты на каждом уровне власти решают, что, как и когда производить. Такая безусловная власть неминуемо приводит к тому, что главной задачей субъектов хозяйства становится стремление не к развитию, а к «налаживанию отношений» с теми, от кого они зависят. «Издержки для бизнеса могут колебаться – ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от степени «расположения» к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае – не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой «договорившийся» бизнес в свою очередь будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников... вместо того, чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий» [20]. В этой ситуации у госслужащих возникает возможность конвертировать свою власть, стремление предпринимателей «договориться», в личные доходы. Технологическое развитие не рассматривается предпринимателем в качестве инструмента конкуренции.

В принципе, такая ситуация типична для любой экономики, функционирующей в условиях рыночных отношений. Президент РСПП А. Шохин в одном интервью свидетельствовал: «Как ни странно, несмотря на рыночность европейской экономики, многие боятся потерять контракты и расположение властей. Как ни странно, европейская экономика и западная не такие уж либеральные» (цит. по [21, с. 3]). Тем не менее схожая ситуация не влечет за собой того торможения технологического прогресса, которое исторически наблюдается в России. В порядке обсуждения выскажем следующее предположение.

Любому государству в силу его природы имманентна тенденция к патернализму, который при отсутствии сдерживающих механизмов может реализоваться в комплекс «Большого брата». В тех стра-

нах, где наличествуют сдерживающие механизмы, прежде всего в формах развитой политической демократии, патерналистские тенденции имеют существенные ограничения, не позволяющие в широких масштабах использовать «близость» к представителям государственной власти. В этих условиях технологическое развитие продолжает выступать в качестве одного из важнейших инструментов конкуренции.

Здесь можно привести аналогию с монополией, являющейся порождением конкуренции. Заняв господствующее положение на рынке, монополия получает возможность подавлять потенциально опасных конкурентов не только имеющимися возможностями обеспечения своего технологического превосходства, но и иными, зачастую менее затратными в применении инструментами. Отсюда присущая монополии тенденция к технологическому застою. Однако в реальной экономической жизни данный сценарий не реализуется в «чистом» виде. На рынке (особенно глобальном) всегда присутствует пусть ограниченное, но достаточное для конкуренции число производителей (пример – «Boing» и «Airbus»), что стимулирует борьбу за технологическое превосходство. К тому же государство, понимая негативные стороны монополизма, нивелирует их различными способами – вплоть до принудительного разделения сложившихся монополий. Таким образом, технологическое развитие продолжает оставаться действенным инструментом конкуренции.

Однако в России механизмы ограничения власти государства не получили развития. В результате государство присутствовало в экономике не только в силу экономической целесообразности, но и сверх того – избыточно. Предприниматели пользовались этой ситуацией как главным инструментом конкуренции вместо того, чтобы применять организационно-технологические новшества.

Представляется, что данная ситуация в России является следствием объективных обстоятельств. Размеры территории российского государства, ее географические и природные характеристики, демографические и цивилизационные параметры населения, геополитическое положение, сохранение целостности (политической и экономической) государства требуют активного использования мобилизационных механизмов. Последние могут быть реализованы лишь через развитие вертикальных систем управления политической и

экономической жизнью общества¹, что неминуемо тормозит развитие политических и экономических свобод. Такая ситуация вызывала устойчивые тенденции к сдерживанию социально-экономического развития. В этом смысле «избыточность» присутствия государства в российской экономике с точки зрения как теории «чистой» рыночной экономики, так и государств, чья экономика успешно развивается на базе этой теории, должна рассматриваться не как нечто негативное, а как объективно необходимое условие выполнения российской экономикой главной функции – быть материальным фундаментом сохранения целостности государства.

Судя по всему, в обозримом будущем исторически сложившаяся в России роль государства в экономике будет сохраняться. А это означает, что Россия должна обеспечить поддержание своего места в качестве одного из мировых центров силы при сохранении определенного технологического, а, следовательно, и социально-экономического, отставания от стран-лидеров современного мира. Экономическая стратегия России не должна ставить задачу достижения всеобъемлющего технологического лидерства – такая постановка будет означать нерациональное расходование ресурсов. Необходимо сосредоточиться на тех направлениях технологического развития, которые являются критическими для гарантированного поддержания национальной безопасности. При этом, учитывая складывающиеся реалии, наряду с традиционными сферами национальной безопасности, особое внимание следует уделить технологической базе, обеспечивающей безопасность в сфере денежного обращения и фондового рынка.

Задачей обществоведческой мысли становится научное обоснование институтов, с одной стороны, обеспечивающих пресечение злоупотреблений властными полномочиями со стороны органов государственной власти и их представителей, с другой – не допускающих, чтобы такие действия превращались в борьбу за ослабление

¹ «Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада» [22].

объективно необходимой роли российского государства в регулировании политической и экономической жизни общества. Последствия победы в такой борьбе ярко проявились в России в конце XX в. Возможно, нам следует внимательно изучить опыт Китая, экономика которого также функционирует при активном государственном вмешательстве в деятельность хозяйствующих субъектов. Злоупотребления представителей госаппарата в Китае, по некоторым оценкам, не меньше, чем в России. Тем не менее, обеспечиваются те темпы и качество роста, которые при сохраняющемся технологическом отставании от индустриально-развитых стран Запада позволяют Китаю уверенно чувствовать себя в системе глобальной экономики и в геополитике.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2017 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [www // http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf](http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf)

2. Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: цивилизационный контекст / С.И. Лунев // Восток – Запад – Россия: сб. статей. – М.: Прогресс – Традиция, 2002.

3. Рыжков Н.И. О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны / Н.И. Рыжков. – М.: Политиздат, 1987.

4. Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу: проект. – 2001 г. // <http://www.economy.gov.ru/document.html>

5. Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России // Вестник РАН. – 2009. – Март. – Т. 79, № 3.

6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года // <http://static.government.ru/media/files/aa00FKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf>

7. Маркс К. Капитал. – Т. 1. – Гл. 10 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 23.

8. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
9. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. // static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156azibUMjILtn9oA.pdf
10. Ф.А. фон Хайек. Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005.
11. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И.С. Королева. – М.: Экономистъ, 2003.
12. «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур». Записка Минфина. Утв. 30.10.1893 г. // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. – М.: Институт российской истории РАН, 2016.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 7.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 4.

глава 2

Четвертая
промышленная
революция:
на пути
к новой экономике

Белокрылова О.С.,

доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической теории экономического факультета Южного федерального университета

Ситухо А.Н.,

студентка бакалавриата экономического факультета Южного федерального университета

Структурные преобразования прекариата как следствие Четвертой промышленной революции

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования прекариата как отдельного класса, его дефиниции и критерии, выделяемые отечественными и зарубежными учеными. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время прекариат еще является прото-классом, однако под влиянием структурных сдвигов на рынке труда будет происходить усиление поляризации и размывание среднего класса. В итоге это приведет к сплочению данной социальной группы и ее трансформации в особый класс, обладающий общественной силой.

Ключевые слова: Четвертая промышленная революция, прекариат, рынок труда, неолиберальная политика, изменение структуры спроса

Belokrylova O. S.,

Doctor of Econ. Sc., Honored Scientist of Russia, Professor of chair of Economic Theory of Southern Federal University

Situkho A. N.,

Bachelor of Econ. Sc. of Southern Federal University

**Structural Transformations of the Precariat
as a Result of the Fourth Industrial Revolution**

Abstract. The paper deals with the process of Precariat formation as a separate class, its definitions and criteria distinguished by domestic and foreign scientists. The authors conclude that at present the Precariat is a protoclass, but under the influence of structural shifts on the labor market there will be increased polarization and blurring of the middle class. This will eventually lead to the consolidation of this social group and its transformation into a separate class with social power.

Keywords: Fourth industrial revolution, precariat, labour market, neoliberal policy, change in demand structure

В XIX веке М. Вебер впервые ввел понятие «классовое общество». Идея разделения общества на классы была принята многими его современниками, в т. ч. К. Марксом. Маркс создал собственную классовую теорию, согласно которой все общество делилось на три основных класса: капиталисты – лица, которые владеют собственностью; рабочие и крестьяне – которые не имеют собственности, но способные продавать свой труд за определенное вознаграждение; интеллигенция – не имеет собственности (или она незначительна) и занимается деятельностью, не связанной с производством, созданием и распределением капитала.

Современные социологи выработали иной способ определения иерархии статусов в обществе и общественных отношениях. Так, появился процесс стратификации на слои – страты. Согласно этой классификации, общественные классы следует рассматривать как определенные слои, которые отличаются друг от друга по конкретным признакам. Они не являются строго структурированными, а образуют сложную мозаику. Главными признаками, по которым людей приписывают к той или иной страте, являются: уровень доходов; социальное положение в иерархии конкретной профессии; качество человеческого капитала (образование); возраст; наличие/отсутствие собственности; сфера деятельности, профессия; круг интересов и общения. Исходя из этих критериев социологи делят современное общество на 9 слоев или на три основных: высший, средний и низший.

В 50–60-е гг. прошлого столетия социал-демократические государства приступили к реализации концепции «государства всеобщего благосостояния» (welfare state), в рамках которой рабочему классу было предоставлены новые социально-экономические права и

гарантии. В то же время ряд работников не могли воспользоваться ими, т.к. являлись временно занятыми или не оформлялись официально (фрилансеры). В первую очередь, под эту категорию попадали сельскохозяйственные работники и мигранты. Таким образом, появилась новая страта, впервые описанная П. Бурдьё и названная им «прекариат».

В эпоху Третьей промышленной революции изменилась структура экономики (из индустриальной она стала постиндустриальной), в т. ч. произошли изменения в структуре прекариата. Г. Стэндинг в работе «Прекариат – новый опасный класс» охарактеризовал прекариат как социально-экономическую группу, представители которой не обеспечены штатными рабочими местами (т.е. не имеют полной гарантированной занятости) и не получают дополнительных социальных гарантий в виде пенсий и пособий по безработице. Появление прекариата связано с неолиберальной политикой, под воздействием которой разрушаются традиционные формы стабильной занятости при реформировании общественного сектора [4], и с вызовами цифровой трансформации институтов занятости в условиях возникающих новых рынков и профессий. Также формирование прекариата связано с неформальной (теневой) занятостью и инерционностью системы образования.

На наш взгляд определение понятия «прекариат» Г. Стэндинга нуждается в некотором уточнении, поскольку прекариат нельзя отнести к отдельному, уже сложившемуся классу, т. к. его представители крайне разнородны и не ощущают себя частью единой группы, у которой есть общие цели и установки [2]. Не идентифицирована также роль прекариата в производственных отношениях современной рыночной экономики, не оценена ее значимость для воспроизводства общественной системы в целом [3].

Некоторые современные социологи и экономисты характеризуют прекариат как «протокласс» или «класс в процессе становления». Например, Ж. Тощенко указывает, что прекариат может стать новым социальным классом, поскольку возник объективно и активно пользуются в реализации неолиберальной политики. При этом он указывает на новые формы классовой самоорганизации и возможности возникновения новой идеологии у прекариата, в структуру которого он включает [6]:

- занятых постоянно на временной работе (30–40 % трудоспособного населения);
- работающих неполный рабочий день или перебивающихся сезонными и случайными приработками;
- безработное население;
- самозанятых «творческих профессий»;
- работников наёмного труда;
- часть мигрантов, которые часто подвергаются дискриминации;
- стажёров и студентов, соглашающиеся на работу ниже своих возможностей в надежде занять устойчивое положение в обществе и профессии.

На наш взгляд, структура прекариата постоянно меняется, включая в себя все большее количество людей с различными профессиональными навыками и социальными взглядами. Особенно значительные изменения структуры прекариата являются результатом Четвертой промышленной революции.

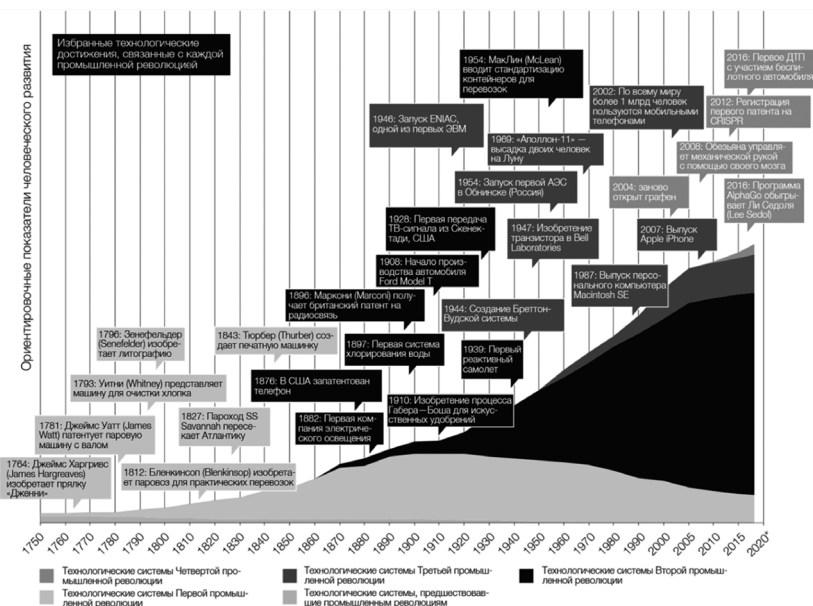
Еще недавно развитие мирового хозяйства определяла глобализация, укреплявшая экономические взаимосвязи между странами, сформировавшая мировые товарные и финансовые рынки. И хотя современная геополитическая обстановка поставила вопрос о деглобализации, глобализация, на наш взгляд, стала объективным следствием промышленных революций, ознаменовавшихся массовым внедрением новых механизмов, кардинально менявших образ жизни и мышления, т.е. трех предшествующих промышленных революции: начало Первой (1760–1840-е гг.) связано с изобретением парового двигателя и строительством железных дорог; Второй (1870–1910-е гг.) – распространением электричества и внедрения конвейера; Третьей (1960–1990-е гг.) – открытием и развитием полупроводников, используемых для ЭВМ и, позднее, компьютеров.

В настоящий момент также появляется большое количество радикально новых технологий: блокчейн, платформы, интернет вещей (Internet of things), 3D-печать, «большие данные» и др., поэтому человечество стоит на пороге новой, Четвертой промышленной революции. Однако необходимо учитывать, что любая экономическая революция происходит не в тот момент, когда изобретается новая технология, а когда она начинает оказывать существенное влияние на структуру общества, его уровень благосостояния, формальные и

неформальные институты, поэтому невозможно сказать с полной уверенностью, как будет выглядеть общество после Четвертой промышленной революции и что будет ее катализатором. Тем не менее, современное поколение уже видит изменения в организации производства и труда, условиях конкуренции и методах ведения бизнеса, поэтому можно выдвинуть несколько обоснованных предположений о будущих структурных изменениях экономической и социальной систем.

В первую очередь отметим, что любая революция способствовала повышению уровня жизни населения, росту среднедушевого дохода и сокращению неравенства. На рисунке 1 представлен вклад каждой промышленной революции в человеческое развитие до 2020 г. для стран ОЭСР. Очевидно, наиболее значимые изменения несет Четвертая промышленная революция. Прогнозируются серьезные негативные изменения на рынке труда, среди которых наиболее опасным признается усиление дифференциации по уровню квалификации и заработной платы и изменение структуры спроса на труд.

Рисунок 1. Влияние промышленных революций на мировой показатель человеческого развития [8]

Как отмечает К. Шваб, «занятость будет расти в высокодоходных когнитивных и творческих профессиях и в низкодоходном ручном труде, но она значительно снизится в среднедоходных монотонных стандартных профессиях» [7]. Следовательно, усилится поляризация на рынке труда за счет размывания среднего класса, который в настоящее время является основой стабильности политических и экономических систем в развитых странах. Но наиболее негативным последствием усиления неравенства на рынке труда станет потеря внутренних стимулов к труду. Это связано с двумя факторами: во-первых, из-за гиперспециализации люди теряют ощущение значимости их работы, не осмысливают свое участие в создании общего продукта. Поэтому у работников, особенно молодежи, складывается ощущение, что их деятельность бессмысленная работа в компании ограничивает их возможности к самореализации. Во-вторых, в эпоху Четвертой промышленной революции постепенное уменьшается доля труда в структуре валового внутреннего продукта развитых и развивающихся стран за счет его замещения капиталом. Поэтому от Четвертой промышленной революции в первую очередь выигрывают поставщики специализированного интеллектуального или физического капитала, т.е. разрыв между людьми, живущими результатами своего труда, и владеющими капиталом, увеличивается. Вследствие этого работники теряют внутреннюю трудовую мотивацию, веру в то, что смогут увеличить свой реальный доход.

В результате каждой промышленной революции наблюдается изменение структуры спроса на труд, прогнозируется рост безработицы, сокращение рабочих мест, невозможность найти работу, т.к. предложение труда будет гораздо больше спроса в целом. Однако на практике люди находят другие сферы применения своих способностей и резкого увеличения безработицы не происходит. Падение спроса на труд в одних отраслях компенсируется ростом спроса в других, а также появлением новых отраслей.

Например, Сколково опубликовало атлас новых профессий, согласно которому до 2030 года исчезнет 57 профессий и одновременно появится 186 новых [1]. Поэтому в долгосрочной перспективе не произойдет увеличения доли структурной безработицы. Уже сейчас на рынке труда просматривается тенденция к изменению условий труда и его организации.

Одна из таких тенденций – изменение методов ведения бизнеса и найма сотрудников: успешные организации постепенно отказываются от иерархической структуры управления и переходят к моделям, определяемых сетевым взаимодействием, т.е. организации взаимодействуют на удаленной основе с сотрудниками и распределенными командами с помощью гражданско-правовых договоров. Однако такие сотрудники фактически теряют социальные гарантии, предоставляемые при официальном трудоустройстве, и становятся представителями прекариата.

Хоть прекариат уже существует, он не оказывает какого-либо влияния на экономическую ситуацию в силу своей разобщенности и неорганизованности. Однако эту социальную группу постепенно пополняют представители среднего класса, которые будут уволены из-за автоматизации и/или смены модели бизнеса. Поэтому со временем можно ожидать, что данный класс станет более сплоченным и приобретет общественную силу.

Многие ученые считают прекариат «опасным классом», т.к. его представители отличаются неустойчивым социальным положением, нестабильным доходом, отсутствием/незначительным количеством социальных гарантий, вследствие чего более склонны к оппозиции по отношению к официальной власти [5]. Учитывая массовость данного явления, это может привести к политическим и социальным потрясениям. Следовательно, государству необходимо принять превентивные меры для сохранения стабильности в обществе и предоставить данной категории населения гарантии реализации прав по трудоустройству.

Таким образом, Четвертая промышленная революция приведет к значительным сдвигам на рынке труда: многие профессии станут невостребованными и исчезнут, а условия труда претерпят изменения доли безработных, однако постепенно будут исчезать внутренние стимулы к труду из-за сильной поляризации уровня доходов между высококвалифицированным творческим и низкоквалифицированным трудом. Существующая на данный момент прослойка среднего класса будет постепенно исчезать, а его представители пополняют ряды прекариата, сплотив эту социальную группу.

Список литературы

1. Атлас новых профессий: вторая редакция / под ред. Д. Варламовой – М.: Эксмо, 2015. – 288 с.
2. Бирюков А.А. Появление прекариата или возвращение пролетариата? (О книге Гая Стэндинга «Прекариат – новый опасный класс») / А.А. Бирюков // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 158–162.
3. Бусыгина И.М. Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г. Стэндинга) / И.М. Бусыгина // Общественные науки и современность. – 2016. – № 3. – С. 35–46.
4. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
5. Сургуладзе В.Ш. Прекариат – новый революционный класс информационной эпохи: глобальная трансформация рынка труда и ее социально-экономические и политические последствия / В.Ш. Сургуладзе // Проблемы национальной стратегии. – 2018. – № 4 (49). – С. 210–227.
6. Тощенко Ж.Т. Новое явление в социальной структуре общества – прекариат / Ж.Т. Тощенко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Т. 1. – №3 (3). – С. 6–22.
7. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб – М.: Эксмо, 2019. – 209 с.
8. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции /К. Шваб, Н. Дэвис – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.

Букреев В.В.,

доктор экономических наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный
университет имени Серго Орджоникидзе

Рудык Э.Н.,

доктор экономических наук, профессор,
Государственный университет «Дубна»,
главный научный сотрудник Института социэконо-
мики Московского финансово-юридического университе-
та (МФЮА)

Защита суверенитета промышленного производства России как императив

Аннотация. В статье обосновывается актуальность решения исследуемой проблемы. Выделены и охарактеризованы основные технологии внешнего управления стратегическими промышленными предприятиями России. Предложен комплекс мер по противодействию этому процессу. Дана оценка перспектив сохранения экономического суверенитета России в ключевых отраслях отечественной промышленности.

Ключевые слова: Внешнее управление, технологии внешнего управления, приватизация, коррупция, цифровизация, деофшоризация, национализация, социализация, директивно-договорное планирование, агенты влияния

Bukreev V.V.,

Doctor of Econ. Sc., Associate Professor, Russian State
Geological Exploration University
named after Sergo Ordzhonikidze

Rudyk E.N.,

*Doctor of Econ. Sc., Professor, State University "Dubna",
Chief Researcher Institute of Socioeconomics Moscow
University of finance and law (IFLA)*

**Protection of the Sovereignty of Industrial Production
in Russia as an Imperative**

Abstract. The article substantiates the relevance of solving the investigated problem. The main technologies of external management of strategic industrial enterprises of Russia are highlighted and characterized. A set of measures is proposed to counter this process. An assessment is given of the prospects for preserving Russia's economic sovereignty in key sectors of domestic industry.

Keywords: External management, external management technologies, privatization, corruption, digitalization, deoffshorization, nationalization, socialization, contract-based planning, agents of influence

Угрозу экономическому суверенитету и национально-государственной безопасности России представляет «внешнее управление» стратегическими промышленными предприятиями России, при котором главный субъект принятия ключевых управленческих решений в отношении таких предприятий находится вне страны их расположения.

Выделим *основные технологии внешнего управления.*

Технология первая. Вывод спорных вопросов в сфере промышленного производства из-под юрисдикции РФ под предлогом приоритета принципов и норм международного права. «По некоторым оценкам, девять из десяти существенных сделок, заключенных крупными российскими компаниями, включая... компании с государственным участием, не регулируются отечественными законами» (14). Констатация печальна. Вопрос: как дожили до жизни такой, и кто конкретно позволил до этого довести? В этой связи следует отметить предложение Президента РФ В.В. Путина, сделанное в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. об отмене конституционного положения о приоритете принципов и норм международного права над российскими.

Технология вторая. Вхождение России с высокой степенью её импортной зависимости в ВТО, правила которой – свобода перемеще-

ния в мире капиталов и товаров. Это способствует захвату в России, страны полупериферийного капитализма, жизненно важных её промышленных объектов иностранным капиталом. Как заметил Президент России В.В. Путин, мы «зарубежные капиталы... подпускаем к действительно «лакомым кускам», в частности в топливно-энергетическом комплексе. наших же инвесторов за рубежом особо не привлекают, а зачастую демонстративно оттирают в сторону» (15). Констатация такого факта опять не радостная и вопрос остается тот же.

Технология третья. Вхождение иностранных резидентов в капитал российских стратегических промышленных компаний с последующим наращиванием собственного участия, вплоть до приобретения контрольного пакета акций. Начало данного процесса положила широко-масштабная, ускоренная и насильственная приватизации, прежде всего, стратегически значимых и ликвидных государственных активов. Продолжающийся в России процесс отчуждения стратегического государственного имущества далек от завершения. Правительство России предполагает продажу большей части оставшейся госсобственности, как правило, с привлечением иностранных инвесторов. Уже в настоящее время российский законодатель довел долю участия иностранных инвесторов в капитале отечественных компаний с 10% до 25%. Владение лишь одной дополнительной акцией позволяет блокировать неугодные им решения (19). При этом реальное присутствие нерезидентов в российских приватизированных и подлежащих приватизации предприятиях нередко замаскировано. В качестве акционеров зачастую используются подставные «россияне», за которыми скрыты истинные хозяева-бенефициарии, во многих случаях зарегистрированные в офшорах. Депутат Госдумы РФ Е.А. Федоров обнародовал следующие цифры: 95% крупных предприятий и банков, которые принято считать «российскими», управляются из офшоров (10).

Технология четвёртая. Понуждение иностранных инвесторов, работающих на российском рынке, в рамках санкций, введенных против России со стороны США и её союзников, временно прекращать работу подконтрольных им компаний стратегического характера (как они туда попали – вопрос отдельный) до снятия санкций или закрывать эти компании, выводить из страны капиталы, а также проводить другие карательные действия. Как представляется, нынешние санкции – лишь «цветочки», «ягодки», похоже, впереди.

Технология пятая. Требование полной или частичной замены российского менеджмента в российских компаниях, включая стратегические, иностранным. Это одно из условий отмены или смягчения введенных по отношению к ним и их владельцев санкций (пресловутые американские «списки Кремля»). А именно: требование принудительной замены топ-менеджмента российских компаний под угрозой «замораживания» активов их владельцев, конфискации их имущества в случае, если западным судом будет доказана сомнительность его происхождения. Пример – изменение состава совета директоров компании «Русал»¹. Без комментариев.

Технология шестая. Установление внешнего контроля над формально отечественными стратегическими компаниями, государственными и частными, с применением закулисных операций и использованием коррупционных схем в стране, в которой, как признал В.В. Путин, коррупция носит системный характер (16).

Технология седьмая. Цифровизация управления российской экономикой на основе использования или копирования разработок США систем управления базами данных – мирового лидера в этой области и главного скрытого бенефициария цифровой ренты. Приходится констатировать факт того, что на протяжении последних 30 лет разработки в этой сфере на мировом уровне в нашей стране практически не велись (надеемся, что в оборонно-промышленном комплексе ситуация иная). Такое положение в условиях нарастающего процесса цифровизации, носящего глобальный характер, чревато утратой Россией суверенитета в экономической сфере, пока ещё в ла-

¹ Принятый в России закон о противодействии санкциям в качестве основных мер воздействия (противодействия) со стороны России предлагает (ст. 2): во-первых, прекращение или приостановление международного сотрудничества с «санкционистами». Во-вторых, запрет или ограничение на ввоз или вывоз «санкционистами» из России продукции (сырья), а также на выполнение ими и подконтрольными им российскими организациями работ (услуг) для государственных и муниципальных нужд. В-третьих, запрет на участие «санкционистов» и аффилированных с ними лиц в приватизации государственного или муниципального имущества, а также в продаже федерального имущества (20). Это первый шаг в верном направлении.

тентном режиме, даже без фактического, более дорогого силового захвата извне отечественной экономики и страны в целом.

Технология восьмая. Подготовка управленцев и специалистов по «западным лекалам», пропитанных западной идеологией и культурой, что не может негативно не сказаться на обеспечении суверенитета страны, в особенности на этапе заявленной цифровизации и глобализации отечественной экономики.

Технология девятая. Засилье представителей «пятой колонны» – «агентов влияния» Запада, в центрах принятия решений, как государственных, так и частных¹, стремящихся стать «младшим партнёром» зарубежных экономических гигантов и действие или бездействие которых (объективно либо субъективно) не отвечает интересам России и, соответственно, ставит под угрозу национально-государственную безопасность и суверенитет страны².

Российское государство, если оно национально и социально ориентировано (таковым оно пока не является), должно:

1. Прекратить либо, по крайней мере, приостановить приватизацию ликвидных и стратегически значимых отечественных промышленных предприятий. У государства есть право лишить то или иное лицо его собственности «в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом». Это признано в Европейской конвенции по правам человека, принятой Советом Европы (11, с. 407). В нашем

¹ «Пятая колонна» – компрадорская часть российского частного крупного капитала и аффилированных с ними чиновников высокого ранга, обогатившихся во время грабительской приватизации и пресловутых залоговых аукционов 90-х гг. прошлого века.

² Под агентом влияния в настоящей публикации понимается физическое или юридическое лицо, действия или бездействия которого вольно или невольно отвечают интересам иностранного государства или иностранного бизнеса. Что касается «невольного» агента влияния, то вспоминается ответ В.В. Путина на вопрос, заданный ему на активе «Единой России» профессором приближенной к власти Высшей школы экономики, который предложил передать управление Арктикой международному сообществу. «Президент ответил «Придурок! Потом ...добавил, что “Арктика уже несколько веков – российская территория и таковой останется”» (9).

случае, это касается, в первую очередь, тех российских стратегических предприятий, против которых введены санкции, либо в которых доля иностранных инвестиций превышает уровень, допустимый с точки зрения обеспечения национальных интересов страны.

2. Провести обобществление (социализацию) приватизированных стратегически значимых отечественных промышленных предприятий, поскольку государственная форма собственности препятствует, хотя бы формально, ее отчуждению посредством введения внешнего управления. В результате обобществления (социализации) государственными станут крупные частные компании. В первую очередь, те из них, которые являются потенциальными объектами внешнего управления, захвата иностранным капиталом. Речь идёт не о примитивном огосударствлении отечественного промышленного производства, которое, по крайней мере, теоретически, препятствует введению «внешнего менеджмента», а о социализации (обобществлении) указанных активов. Социализация может стать реальностью при обеспечении демократического общественного контроля их использования в интересах большинства социума, как внутри, так и вне деприватизированных хозяйствующих субъектов (7, с. 17–26; 8, с. 160–184). Потребность в новых иностранных технологиях на национализированных предприятиях может быть отчасти удовлетворена посредством разрешения доступа иностранных инвесторов с новыми технологиями с возможностью отчуждения ими не более 25% их акционерного капитала в виде привилегированных акций.

3. Ограничить роль и сферу действия рынка, а также степень открытости российской экономики. Вплоть, до восстановления государственной монополии – полной или частичной – на проведение внешне-торговых операций, а также введения государственной монополии на экспорт жизненно важной промышленной продукции в рамках перехода к модели мобилизационной экономики с использованием стратегического директивно-договорного планирования национальной экономики. Следует также учитывать то обстоятельство, что не представляется возможным эффективно противодействовать санкциям США, не говоря уже о необходимости прорыва в экономическом и социальном развитии страны, без мобилизации всех ресурсов страны – человеческих, производственных, финансовых. Цель – обеспечение во многом утраченного экономического, технологического,

внешнеэкономического суверенитета страны, во многом по причине доминирования исключительно или преимущественно рыночных инструментов. Многолетний опыт их использования в качестве единственного или главного средства решения важнейших проблем России показал малую результативность. К тому же российские реалии вынуждают власть, представители которой в своём большинстве продолжают оставаться приверженцами философии рыночного фундаментализма (рынок решит все), использовать чуждые мифическому свободному рынку административные методы принятия решений в экономике либо даже вводить ручное управление народным хозяйством в явном или теневом исполнении (18, с. 40–62).

4. Приостановить членство России в ВТО до снятия санкций. Правила ВТО формально запрещают санкции, но эта организация не защищает Россию от их неправомерного введения со стороны части членов ВТО во главе с США.

5. Провести деофшоризацию экономики страны. Российская власть пока ограничивается призывами вывести капиталы из офшоров, а также заключить соглашение на европейском уровне, которое призвано выявить в офшорах т.н. «конечных бенефициариев» таких компаний.

6. Отказаться от принципа абсолютного иммунитета имущества иностранных государств на территории РФ. В том числе, приобретённого в ходе внешнего управления. Это сделает возможным обращение такого имущества в российскую собственность. Тем более, что в ряде стран (США, Канада, Великобритания, Австралия, ЮАР и Сингапур) действует принцип так называемого ограниченного иммунитета.

7. Применить в полном объёме статьи 20 «Незаконное обогащение» Конвенции ООН против коррупции, ратифицированной Россией, согласно которой любое должностное лицо обязано доказать законность полученных доходов. В противном случае – их конфискация, равно как и иного, принадлежащего этому лицу имущества. Кроме того, антикоррупционную роль может и должна сыграть отмена срока давности для коррупционных преступлений. Представляется целесообразным, критически использовать зарубежную успешную практику борьбы с коррупцией. Например, опыт Италии, где в 1992–1993 гг. была проведена операция «Чистые руки». Тюремные сроки получило более 500 политиков, в том числе два бывших премьер-мини-

стра. Чтобы избежать обвинений в коррупции, с государственной службы вынуждены были уволиться более 80% чиновников. Осужденные коррупционеры получили не только тюремные сроки. Их имущество, а также имущество аффилированных с ними лиц было конфисковано (1). Заслуживает внимания также успешный сингапурский опыт борьбы с коррупцией: посадить в тюрьму провинившихся друзей и родственников (22). Наконец, интересен опыт Китая. Там удалось только за 2014 г. обнаружить в 66 странах и регионах мира более 930 бежавших из КНР коррупционеров и вернуть их в Поднебесную, чтобы отдать под суд и вынудить возратить средства, которые они получили незаконным путем (12). Что касается опыта России в отношении к коррупционерам, то здесь можно было бы вспомнить старое, но эффективное «гуманное» средство, предложенное ещё Императором Всероссийским Александром III – Царём-Миротворцем: повешение врагов России, как внутренних, так и внешних¹.

8. Разработать Национальный проект создания оригинальных отечественных цифровых технологий, востребованных и конкурентных на внутреннем и внешних рынках. Представляется также важным, критически использовать, в этой связи, богатый советский опыт. Поучительна история проекта «Общегосударственная автоматизированная система управления советской экономикой» (ОГАС), который был первой, не имеющей аналогов в мире попыткой построения информационного общества на базе общественной собственности с использованием централизованного планирования, помог бы стране обогнать, не догоняя США в области разработки и использования вычислительной техники не был реализован. Наконец, пред-

¹ «Извинений никому не приносить. А есаулу отправить телеграмму следующего содержания: “Поздравляю полковником! Если бы повесил этих англичан, стал бы генералом. Александр”. Текст телеграммы опубликовать в газетах». Это ответ царя-миротворца Александра III на ультиматум английской королевы Виктории. Она требовала принести британской короне извинения и строго наказать казачьего есаула. Он приказал по казачьему обычаю выпороть, а затем отпустить двух английских офицеров, которые под видом географов вели разведку на границе России и Афганистана и как бы случайно оказались в компании контрабандистов. По традиции тех лет их расстреляли (13).

ставляется важным, обеспечить отечественные предприятия высокотехнологичным обрабатывающим оборудованием для создания деталей размером до 1 микрона (0,001 мм) и меньше (2, с. 49). Без таких технологий планы цифровизации российской экономики не представляются реальными (17, с. 71–78).

9. Нейтрализовать прозападную часть российской «элиты» правовыми методами и отсечения её представителей от СМИ и финансовых потоков. «Медведь свою тайгу никому не отдаст» – знаковая фраза В.В. Путина. Эта фраза созвучна афористическому выражению А.И. Фурсова: «Тайга – штука суровая, медведь в ней и прокурор, и исполнитель приговора» (21). Разумеется, за словами должны следовать дела.

10. Принять комплекс мер по подготовке национально ориентированных высококвалифицированных отечественных управленцев для стратегических промышленных предприятий страны, способных противостоять планам внешнего управления экономикой России, используя передовой мировой, а не только американский, опыт с учётом национальных традиций, морально-этических ценностей и российской культуры.

Насколько реалистичны предложения авторов относительно противодействия внешнему управлению стратегическими промышленными предприятиями России и не являются ли они утопичными? Ответ на поставленный вопрос зависит от того, что считать утопией – фантазией, несбыточность, неосуществимую мечту или то, что может быть и должно быть, в особенности в такой стране, как Россия, которую китайцы еще в XVIII в. называли «страной неожиданностей». Приходится только надеется, что «неожиданность» (в управленческой науке подобная ситуация определяется как неопределённость, степень которой в современных условиях резко возрастает) окажется в исторической перспективе благоприятной для нашей страны и большинства её народа (3, с. 92–101).

Список литературы

1. Андрианов В.Д. Практика и методы борьбы с коррупцией в Италии // viperson.ru/articles/praktika-i-metody-borby-s-korrupsiesy-v-ital (дата обращения: 12.01. 2020).

2. Букреев В.В. Является ли цифровизация панацеей для российской экономики // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4.

3. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Противодействие внешнему управлению стратегическими промышленными предприятиями России // Альтернативы, 2019. – № 2.

4. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Противодействие государственному экономическому терроризму в сфере недропользования в условиях санкционной геополитики // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2018. – № 2.

5. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Государственный экономический терроризм США: инструментарий противодействия захвату стратегических промышленных предприятий России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. – 2018. – № 4.

6. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Экспансии США в сфере недропользования: уроки истории для России // Управление собственностью: теория и практика. – 2016. – № 4.

7. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Национализация или социализация собственности в сфере недропользования // Управление собственностью. – 2016. – № 2.

8. Букреев В.В., Рудык Э.Н. Реиндустриализация на основе социализации собственности – императив возрождения российской экономики // Альтернативы. – 2016. – № 2.

9. Владимир Путин назвал профессора Высшей... <http://babr24.com/baik/?IDE=119282> (дата обращения: 12.01. 2020).

10. Внешнее управление Россией: мифы и реалии / <http://podiemvtn.ru/vneshnee-upravlenie-rossiej-mify-i-realii> (дата обращения: 12.01. 2020).

11. Гомье Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. – М.: Издательство Московского независимого института международного права. 1998.

12. Китайская «Охота на лис» в США // Политпазл. politpuzzle.ru/1615-kitajskaya-ohota-na-lis-v... (дата обращения: 12.01. 2020).

13. Малышев В. Как Россия на ультиматумы отвечала. Не навдаться ли казакам в гости к Борису Джонсону? // Столетие 19.03.2018 – [www. Stoletie.Ru](http://www.Stoletie.Ru)) (дата обращения: 16.12. 2019).

14. Послание Президента России Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.

15. Путин В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. 2012 г. 30 января.

16. Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, № 225, 7 февраля 2012 г.

17. Рудык Э.Н. Формирование цифровой экономики в королевстве кривых зеркал государственной статистики (постановка проблемы) // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 3.

18. Рудык Э.Н. Директивно-договорное планирование – императив создания российской промышленности нового поколения в современных геополитических реалиях // Альтернативы. – 2018. – № 1.

19. Федеральный закон от 16.11. 2011 г. № 322-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственных обществах, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

20. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»).

21. Фурсов А.: «Удел тех, у кого нет идеологии, – пикник на обочине Истории» // <http://portal-kultura.ru/articles/person/72658-andrey-fursov-udel-tekh-u-kogo-net-ideologii-piknik> (дата обращения: 12.01. 2020 г.).

22. Цитаты: Куан Ю Ли // wisdomcode.info/ru/quotes/authors/ (дата обращения: 12.12.2019); «Чтобы побороть коррупцию, начните с того, что посадите трех своих друзей» // bubr.ru/post/view (дата обращения: 12.12. 2019).

Вайнгорт В.Л.,

доктор экономических наук, член правления,
Консалтинг «Кардис»

Метаморфозы социально-экономического положения русской этноязыковой части населения Эстонии при постиндустриальном её развитии

Аннотация. Среди населения Эстонии около 30 % доля «русского» этноязыкового сообщества (кроме этнических русских также лица других этносов с домашним русским языком). В его положении после развала СССР видны 3 этапа: с 1991 по 2004 год – время общего превращения *Homo sovieticus* в *Homo economicus*; с 2005 по 2014 год – ликвидация русского высшего образования и экономический кризис; с 2015 года – переход Эстонии к постиндустриальному развитию с распадом среднего класса на креативный высокооплачиваемый слой, определяющий уровень «экономики блокчейна» и малооплачиваемый прекариатизирующийся слой малоквалифицированного труда, где преобладают «русские», вследствие резкого снижения уровня образования в этом сообществе, а также исчезновения русской интеллигенции.

Ключевые слова: метаморфозы русской интеллигенции в постсоветской Эстонии; изменение структуры общества в постиндустриальной экономике; вымывание лиц русского этноязыкового сообщества из креативного класса

Vaingort V.L.,

Doctor of Econ. Sc., Member of the Board, "Kardis" Consulting
**Metamorphoses of the Socio-Economic Situation
of the Russian Ethnolanguage the Population of Estonia
during its Post-industrial Development**

Abstract. Among the population of Estonia, about 30% is the share of the “Russian” ethnic-speaking community (except ethnic Russians are also the faces of other ethnic groups with home Russian). In his after the collapse of the USSR, 3 stages are visible: from 1991 to 2004 – the time of general transformations of *Homo sovieticus* into *Homo economicus*; from 2005 to 2014 – liquidation Russian higher education and the economic crisis; from 2015 – Estonia’s transition to post-industrial development with the breakdown of the middle class into creative a highly paid layer that determines the level of the “blockchain economy” and low-paid “precaritized” layer of low-skilled labor, where “Russians” prevail due to a sharp decrease in the level of education in this community, as well as the disappearance of the Russian intelligentsia.

Keywords: metamorphoses of the Russian intelligentsia in post-Soviet Estonia; changing the structure of society in the post-industrial economy; face wash Russian ethnic community from the creative class

Начиная с 1950-х годов, общество Эстонии заметно разделяется на два этноязыковых подмножества:

- «эстонское» (этнические эстонцы и лица других этнических групп, домашний язык которых эстонский);
- «русское» (постоянно проживающие в Эстонии лица разных этносов, домашний язык которых русский).

Точного их соотношения статистика не давала и не даёт (данные о национальном составе населения не совпадают с языковыми границами), но учитывая миграцию не эстонского населения после распада СССР, можно считать к 2020 году долю «русского» подмножества около 30 %. В Таллине соотношение обоих подмножеств примерно 60 к 40 %, а во втором по величине промышленном городе страны – Нарве – доля русской этноязыковой части – около 85 %. Исследование возникновения «русского» этноязыкового подмножества в Эстонии содержится в работе автора (1). На личностном уровне толерантные отношения между людьми из обоих подмножеств не менялись и не меняются, начиная, примерно, с 1960-х годов. А в государственной политике, определяющей положение русского этноязыкового подмножества (экономическое, политическое и культурно-образовательное) за постсоветский период хорошо видны три этапа или три периода.

Первый – с 1991 по 2004 год (от выхода Эстонии из СССР и до вступления её в Евросоюз). Второй – с 2005 по 2013 год. Третий – с 2014 по текущий 2020 год.

В течение первого периода в экономическом смысле существенной разницы в положении обоих подмножеств не было. Обвальная деиндустриализация начала девяностых в промышленно развитой Эстонии сломала сложившуюся к концу восьмидесятых годов структуру общества, базировавшуюся на монополии советского среднего класса (верхний слой которого образовывала партийная, советская и хозяйственная номенклатура, не отличавшаяся по доходам, но имевшая большие возможности в информационно-культурном пространстве, а также некоторый приоритет потребительского характера).

Стремительному преобразованию из общества *Homo sovieticus* в Эстонии способствовало несколько факторов. Главный – полная отмена государственного регулирования любой предпринимательской деятельности, включая внешнеэкономическую, что позволило направлять через Эстонию «на запад» как легальный, так и с некоторым криминальным оттенком поток российских ресурсов: цветные и чёрные металлы, удобрения, лес и т.п., а также продавать куда угодно военное имущество застрывших в Эстонии частей Советской армии. Вторым существенным фактором стал самодеятельно развивавшийся товаропоток потребительских товаров на рынки не только Эстонии, но и крупных городов Северо-Запада РФ. Оказалось, инженерно-технический персонал высокотехнологичных предприятий (с учётом лучшего, чем в других регионах постсоветского пространства знанием английского языка) сумел мгновенно перестроиться не только в эффективно действующих «челноков», но и в организаторов «челночного» бизнеса. В результате ВВП на душу населения в Эстонии с 3589 \$ 1990 года дошёл до 7163 \$ в 2003 году (самый высокий показатель на постсоветском пространстве).

Третьим фактором стал приход в Эстонию с начала 2000-х годов шведских и финских банков, обеспечивших кредитование приватизации основных фондов промышленности под 8–10 % годовых и неограниченную ипотеку для населения под 2–6 % годовых. При этом ни в приватизации жилья, ни в приватизации производства не было никаких этноязыковых ограничений. Приоритет имел советский директорский корпус. А поскольку директорами предприятий т. н.

союзного подчинения были – в основном – лица не эстонской национальности, в складывающейся экономической элите доля представителей двух этноязыковых множеств была, примерно, одинаковой. Правда, в 1998 году в результате банковского кризиса были ликвидированы два банка, создателями и руководителями которых были фигуры из русской этноязыковой группы, но в тот момент это не воспринималось как акт дискриминации.

В сфере образования и культуры также не происходило реальной дискриминации: продолжали выходить две ежедневные газеты на русском языке, работали все русские школы, возникло более десяти коммерческих (на частном капитале) высших (с магистратурой) и среднеспециальных учебных заведений с преподаванием на русском языке. Многие из них работали в паре с иностранными университетами и вузами (российскими, американскими, итальянскими).

В политической сфере ситуация была сложнее. С одной стороны, возникло две партии, отражавшие интересы русского этноязыкового подмножества: Русская партия и Объединённая народная партия (ОНП). Обе были представлены в двух созывах республиканского парламента, имели крупные фракции в Таллинском горсобрании, а в городах Нарва, Кохтла-Ярве и Силламяэ депутаты этих партий находились в большинстве. Их успех на выборах обеспечивался наличием русской этноязыковой интеллигенции. Председателями партий были кандидаты технических наук (Русской партии – Николай Маспанов и ОНП – Виктор Андреев). Депутатом от ОНП в парламенте был доктор филологических наук, профессор Сергей Исаков (сменивший в должности заведующего кафедрой в Тартуском университете известного учёного Юрия Лотмана). В правлениях партий преобладали доктора и кандидаты наук (что обеспечивало высокий интеллектуальный уровень и толерантность проводимой партиями политики).

Однако представительству «русских» фракций в парламенте не хватало голосов остановить принятие законов дискриминационного характера: о безгражданстве; о языке; о сокращении объёма русского образования. Правда, до 2004 года, кроме ограничений избирательных прав для неграждан, реальной языковой и образовательной дискриминации люди не ощущали, поскольку, во-первых, основная масса взрослого эстонского населения страны владела русским языком и, во-вторых, многие законодательные ограничения

имели сроки включения в действие на годы вперёд. Потому напряжения в обществе не возникало. Тем более, в русской этноязыковой среде бытовала надежда, что вступление страны в Евросоюз обусловит распространение на внутриэстонскую политику принципов европейской толерантности. Широко известна была критика безгражданства в Эстонии со стороны комиссара ЕС по вопросам нацменьшинств, а также осуждение безгражданства другими европейскими структурами. Потому в ходе референдума о вступлении в ЕС подавляющее большинство лиц русского этноязыкового сообщества поддерживало евроинтеграцию. Существенно было также, что нормально складывались торгово-экономические отношения Эстонии с Россией.

Второй этап в положении русского этноязыкового сообщества (с 2004 по 2013 год) распадается на два периода. С 2004 по 2006 год в результате обширного банковского кредитования при сравнительно невысоких зарплатах (и хорошей квалификации работников), а также льготной для бизнеса налоговой системе (отсутствие подоходного налога на юридических лиц) в Эстонии развернулись трудоёмкие производства (в основном т.н. отвёрточной сборки). Вместе с практически безграничной ипотекой это обусловило исчезновение безработицы и быстрый рост городского среднего класса. Правда, исчезало сельхозпроизводство, что создало существенное напряжение в эстонском этноязыковом пространстве, значительную долю которого составляло сельское население. Приближались выборы в парламент 2007 года, где по этой причине могла проиграть правящая элита. И она решила канализировать протестные настроения в этническую область.

Правящая коалиция партий сделала ставку на ограниченный этноязыковой конфликт, затеяв перенос мемориала погибшим советским воинам (нашумевшее дело «Бронзового солдата»). В самый разгар избирательной кампании прошла известная «Бронзовая ночь» со всеми атрибутами молодёжного бунта. А последовавший в 2008–2010 годах общеевропейский экономический кризис только способствовал росту межэтнического напряжения. В ту же сторону сыграла реакция России на «Бронзовые события», резко ограничившей товарооборот между странами и транзит через эстонские порты. Фактически тогда возникли первые экономические санкции (2).

Падение ВВП в Эстонии на 25 % в эти годы стало самым крупным в Евросоюзе. Вторичная деиндустриализация страны и сокращение

ипотечного кредитования строительства жилья обусловил и взрыв безработицы, спасение от которой обеспечил открытый рынок труда в Евросоюзе. Логика этноязыкового противостояния привела к насильственной ликвидации коммерческого высшего образования на русском языке. Упал уровень образования в русских школах, поскольку преподавателей-предметников для русских школ в республике не готовили, а обучение эстонскому языку из-за отсутствия методологии и кадров не обеспечивало возможности выпускникам русских школ получать инженерные, медицинские и другие востребованные в стране специальности на эстонском языке.

Естественное старение специалистов советской поры и отъезд на учёбу в страны ЕС креативных молодых людей из русского этноязыкового сообщества привели к фактическому исчезновению в нём интеллигенции. Без какого-либо административного давления исчезли ежедневные русские газеты. Фактически прекратилась деятельность славянского культурного общества и других аналогичных структур. Образовательный уровень «русских» резко пошёл вниз. Самоликвидировались обе политические партии, связанные с русским этноязыковым сообществом. Здесь сработало несколько факторов. Во-первых, осознав собственное бессилие из-за малочисленности представительства в парламенте (чему способствовало лишение избирательных прав т. н. неграждан) наиболее ответственные и самодостаточные фигуры ушли из политики. Оставшиеся «русские» политики превратили партии в обычные бизнес-проекты, что быстро осознал их электорат. Во-вторых, талантливый политик, один из руководителей Народного фронта времён перестройки и первый премьер-министр Эстонской Республики после её конституирования в 1991 году – Эдгар Сависаар привлекательные для русского этноязыкового подмножества лозунги сделал программными для руководимой им Центристской партии, которая привлекла большинство «русского» электората. В опирающейся на голоса этой части электората Центристская партия привела к власти на муниципальном уровне, а также на несколько мест в парламенте крайне малообразованных и тривиально мыслящих «русских» политиков. За исключением двух фигур: бывшего председателя Нарвского горсовета Михаила Стальнухина и единственного молодого политика Михаила Кылварта (человека русской культуры) на политическом поле не появилось ни

одного сколь-нибудь заметного депутата либо функционера из русского этноязыкового сообщества. Это так же стало результатом исчезновения интеллигенции в русском этноязыковом сообществе.

В таком состоянии рассматриваемое подмножество подошло к 2014 году – времени, когда эстонская экономика переориентировалась на постиндустриальное развитие. В её структуре доля промышленности с 1990 по 2016 год упала с 39,6% до 20,9%. Сельхозпроизводство снизилось с 15,7% до 2,6%. Растёт только доля услуг (включая ИТ). За тот же период она увеличилась с 23,1% до 42,6%. В структуре ВВП Эстонии услуги составляют почти 78%. Соответственно меняется структура общества. Практически, исчезает средний класс («синие» и «белые» воротнички, офисный планктон и т.п.). Он разделяется на креативный слой (высокооплачиваемый и в большой мере атомизированный) и обслуживающий малооплачиваемый слой работников низкой квалификации (вроде французских «жёлтых жилетов»). В этой новой структуре верхний слой (или по определению Флориды – «креативный класс») опирающийся на высокий образовательный уровень почти не включает лиц из русского этноязыкового сообщества.

По ежегодно публикуемым газетой «Деловые ведомости» (одним из двух еженедельников, выходящих в Эстонии на русском языке) рейтингам самых успешных предприятий по видам деятельности хорошо видно убывание в этих предприятиях собственников и менеджеров из числа русского этноязыкового сообщества. 18 декабря 2019 года по данным за 2018 год ситуация показана в табл. 1 (4).

Таблица 1. «Русские» среди собственников успешного бизнеса в Эстонии

№ п/п	Вид деятельности	Всего предприятий в рейтинге	В том числе, где собственники «русские»	Номера в рейтинге предприятий «русских» собственников
1	Инфотехнологии	100	7	1, 5, 13, 27, 41, 76, 98
2	Типографские услуги на экспорт	86	6	11, 36, 54, 55, 70, 73
3	Производители мебели	101	5	7, 14, 15, 18, 94

4	Экспедирование и агентирование	80	25	1, 3, 5, 14, 18, 24, 29, 31, 33, 35, 49, 50, 52, 53, 61, 63, 66, 71, 72, 75, 77, 78, 79
---	-----------------------------------	----	----	---

О снижении роли представителей русского этноязыкового сообщества в бизнесе свидетельствует также «Топ выплаты дивидендов» за 2018 год (3). Из 100 самых крупных выплат дивидендов: от 34 млн € до 601 500 € – «русских» получателей 15 (!). При этом в первой десятке (от 34 млн € до 3,2 млн €) – двое: на третьем месте Олег Осинковский (8,5 млн €) – железнодорожные перевозки; и на пятом – Сергей Петров (4,5 млн €) – складирование и логистика. Ни один из «русских» в топе дивидендов не ведёт бизнес в сфере «знаний». Они все либо связаны с транзитом, либо в сфере промышленности (не наукоёмкой). Нет «русских» и в среде ста самых высокооплачиваемых республиканских чиновников. При том на муниципальном уровне «русские» – только мэр Таллина (Михаил Кылварт) и три из шести вице-мэров, а также мэры Нарвы и Силламяэ.

Статистика средних зарплат по отраслям показывает, что в «экономике блокчейна» самые высокие зарплаты в знаниеёмких отраслях. В табл. 2 показаны зарплаты за ноябрь 2019 года по основным отраслям функционирующим в Эстонии (по нарастающей) (5). Из данных по всем регионам Эстонии автором сведены в табл. 2 данные по трём городам: Таллину (где «русское» этноязыковое множество составляет почти половину населения – около 40 %); Нарве – где «русские» преобладают; и Тарту, где преобладает «эстонское» этноязыковое население.

Таблица 2. Средняя зарплата по отраслям представленным в
Таллине, Тарту и Нарве за ноябрь 2019 г., в €

Вид деятельности (отраслевой)	Средняя зарплата, в €		
	Таллин	Тарту	Нарва
Размещение и питание	963	878	611
Прочее обслуживание населения	1172	1009	711
Адм. и вспомогательная деятельность	1269	1032	898
Опт. и розн. торг., ремонт мотор. трансп. средств	1292	1176	708
Грузоперевозки и складская деятельность	1386	1040	661

Искусство, развлечение и св. время	1392	1153	835
Водоснабж., канализ., переработка отходов	1400	1404	1203
Обрабатывающая пром.	1415	1301	1043
С/х, лесное хоз., рыболовство	1515	1557	543
Деятельность в сфере недвижимости	1517	1157	699
Строительство	1534	1292	894
Образование	1697	2008	1169
Здравоохран. и соцопека	1724	2039	1421
Профессиональная научная деятельность	1805	1531	844
Горная пром.	1920	1051	–
Публ. адм., госбез, обязат. соцстрахование	2058	1429	1060
Снабжение: электр., газ., пар. и кондиц. воздухом	2182	1807	1354
Финанс. и страх. деятельность	2226	2301	574
Инфо и связь	2377	2414	817

Легко заметить, что выше всего в Таллине и Тарту оплата в сфере инфотехнологий. Однако эта же отрасль в «русской» Нарве находится по оплате в самой низкой зоне (ниже медианной). То есть в городе, практически, не представлена самая знаниеёмкая отрасль. Нет «русских» специалистов сферы ИТ. Далее – банковское дело. Третий результат в здравоохранении и соцопёке. И четвёртый – в образовании. Такая расстановка в рейтинге отраслевых зарплат в городе, где почти 95 % составляют представители «эстонского» этноязыкового сообщества. И чем меньшую роль играют в отрасли знания, тем ниже в ней средние заработки. Уровень зарплат во всех отраслях выше в столице республики – Таллине. Но тренд тот же. Самая высокая средняя зарплата в ИТ-отрасли, далее идут банки. Уровень зарплат в медицине и образовании отстаёт от административного сектора (что понятно – столица). Но совершенно иное отраслевое распределение зарплат в «русской» Нарве, где преобладает «русское» население (около 90 %) и потому уровень образования ниже. Самая высокая средняя зарплата в здравоохранении (понятно – врачи имеют высокий уровень знаний) и в образовании. А далее следуют коммунальные отрасли. Так работает экономика знаний в этноязыковой сфере.

Политики, за которыми не стоит высокообразованная часть электората, обречены на популизм, отражая настроения ресентимента низкоквалифицированных и малооплачиваемых слоёв и последу-

ющее лавирование в политической среде, формируемой «креативным классом».

Выводы

В связи с невозможностью получать высшее образование на русском языке наиболее креативная молодёжь из русской этноязыковой среды (особенно обучающаяся в нескольких платных коммерческих школах с русским, английским, немецким языком преподавания) ориентирована на послегимназическое обучение (в колледжах, институтах прикладного высшего образования и университетах), уезжает на учёбу в страны «старой Европы», где возможно учиться на английском либо немецком языках (платно либо бесплатно). После получения магистерского либо бакалаврского дипломов эти лица, в подавляющем большинстве трудоустраиваются в странах Евросоюза с высоким уровнем жизни и этнически толерантных.

Некоторые молодые люди из русской этноязыковой среды получающие гимназическое образование в бесплатных школах на эстонском языке получают и завершают образование в университетах Эстонии, после чего – в подавляющем большинстве – оказываются в составе эстонской этноязыковой части населения страны. То есть они ассимилируются и, чаще всего, к «русскому миру» себя не относят.

В результате в русском этноязыковом подмножестве Эстонии стремительно снижается образовательный уровень. Соответственно эта часть населения находится в малочисленных и прекариатизирующихся слоях. А это, в свою очередь делает «русское» этноязыковое сообщество в электоральной сфере лёгкой добычей популистов, лишая его реального представительства в органах представительской власти.

Таким образом, русское этноязыковое сообщество расслаивается по образовательному уровню на ассимилированную немногочисленную часть, обучающуюся на эстонском (или английском языке) в Эстонии, нацеленной на отъезд в страны ЕС, как лучшую перспективу либо оказывающимися в составе «эстонского» сообщества и массу малоквалифицированных (в силу малой образованности) слоя малооплачиваемых людей, охваченных resentimentом из-за посто-

янной опасности прекариатизации. Поэтому «бедная Эстония» и «русская Эстония» оказываются синонимами.

Список литературы

1. Вайнгорт В.Л. Безынтелигентность «русской Эстонии» / В.Л. Вайнгорт // Вестник № 3. По материалам Международной конференции РАО «Русская интеллигенция – 90 лет на благо Эстонии»; 18 ноября 2010. Национальная библиотека Эстонии (Большой зал) / Русское академическое общество Эстонии. – Таллин: WMP-Tr kk, 2010. – С. 28–36.

2. Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». – Тарту: Крипта, 2009. – 576 с.

3. Топ дивидендов [Электронный ресурс] // Деловые ведомости – Режим доступа: <https://dv.ee/top/2019/12/16/dividendi-top-kristjan-rahul-lukkas-rekordkohalt-margus-linna>.

4. Топ ИТ-компаний [Электронный ресурс] // Деловые ведомости – Режим доступа: <https://dv.ee/top/2019/10/31/luchshej-it-kompaniej-jestonii-stala-firma-iz-ida-virumaa>.

5. Ettevõtluse statistika, jaanuar–november 2019. a [Электронный ресурс] // Maksu- ja Tolliamet – Режим доступа: https://emta.ee/sites/default/files/kontaktid-ja-ametist/maksulaekumine-statistika/kov/ettevotluse_statistika_2019_jaanuar-november.xlsx.

Варшавский А.Е.,

*доктор экономических наук, кандидат технических наук,
профессор, г.н.с, руководитель лаборатории ЦЭМИ РАН,
Москва, Россия*

**Актуальные проблемы
реиндустриализации и импортозамещения**

Аннотация. В работе рассмотрены основные проблемы и факторы, определяющие процессы реиндустриализации и импортозамещения, в том числе, состояние обрабатывающей промышленности, проблемы цифровизации в условиях значительной деиндустриализации, характеризующиеся чрезмерной концентрацией внимания на сфере услуг.

Ключевые слова: реиндустриализация импортозамещение, обрабатывающая промышленность, цифровизация, деиндустриализация, сфера услуг

Varshavsky A.E.,

*Doctor of Econ. Sc., Candidate of Techn. Sc., Professor,
Doctor of Economics, Head of Laboratory, CEMI RAS,
Moscow, Russia*

**Actual Problems
of Reindustrialization and Import Substitution**

Abstract. The paper considers the main problems and factors that determine the processes of reindustrialization and import substitution, including the state of the manufacturing, the problems of digitalization in conditions of significant deindustrialization, characterized by excessive concentration on the service sector.

Keywords: import substitution reindustrialization, manufacturing, digitization, de-industrialization, the service sector

Введение

В данной работе сформулированы основные проблемы и факторы, определяющие процессы реиндустриализации и импортозамещения, рассмотрены основные вызовы и угрозы реализации импортозамещения, некоторые показатели импортозамещения, состояние обрабатывающей промышленности, проблемы 4-й промышленной революции и цифровизации в условиях значительной деиндустриализации, обусловившей особенности цифровизации, во многом вызванные концентрацией внимания на сфере услуг.

Основные проблемы

Основные проблемы и факторы, определяющие процессы реиндустриализации и импортозамещения, требуют проведения анализа в следующих областях:

- состояние производственно-технологической базы;
- проблемы развития сферы НИОКР, образования;
- проблемы 4-й промышленной революции и цифровизации в условиях значительной деиндустриализации;
- возможность появления и распространения проблемных инноваций;
- влияние внешней среды на сферу науки, технологий и инноваций.

Необходимо отметить следующие основные вызовы и угрозы реализации импортозамещения:

- глубокая деиндустриализация экономики;
- значительная зависимость производственного потенциала страны от зарубежной техники и технологий;
- расширение сферы влияния мультинациональных компаний;
- использование санкций и различного рода дискриминационных мер, ограничение доступа к зарубежным передовым технологиям;

- экономическое, политическое и информационное противодействие доступу к ведущим ключевым технологиям и новейшим результатам зарубежных НИОКР;
- недостаточная подготовленность общественного мнения относительно необходимости ускоренного развития сферы научных исследований и разработок и наукоемких, высокотехнологичных производств России;
- значительное снижение качества подготовки специалистов в системе общего, среднего и высшего профессионального образования в результате непродуманных реформ;
- отсутствие внутреннего спроса со стороны экономики (в первую очередь из-за спада в наукоемком секторе) и общества в целом на отечественные достижения в сфере научных исследований и разработок и др.;
- отсутствие понимания того, что Россия, как и любая другая страна, не может быть первой во всех областях науки и технологии, т.е. она многое должна заимствовать за рубежом (следует напомнить то, что, говорил еще вице-президент АН СССР академик В.А. Котельников, «В электронике мы действительно отстаем. Отстаем и в области информационных технологий. Но мы должны их вести, если мы хотим быть самостоятельной страной»¹)

Наиболее сложная ситуация наблюдается с импортозамещением в высокотехнологичных производствах. Так, развитие парка ПР требует восстановления и дальнейшего развития производств ОП – основных потребителей ПР. В условиях деиндустриализации – неизбежно переключение внимания на цифровизацию не сферы материального производства, а сферы услуг, что усугубляет риски цифровизации.

Следует учитывать также влияние внешней среды на сферу науки, технологий и инноваций, низкое место России в мире по уровню финансирования НИОКР; проблемы микрополитики, вызванные, в первую очередь, чрезмерным неравенством доходов, решение которых путем перераспределения доходов, позволит получить дополнительные ресурсы для развития экономики и сферы инноваций.

¹ Варшавский А.Е. О Владимире Александровиче Котельникове // в книге «В.А. Котельников. Судьба, охватившая век». Т.1 Воспоминания коллег. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011, с. 294–299

Некоторые показатели импортозамещения

В настоящее время, по данным Центра конъюнктурных исследований ВШЭ, доля предприятий,купающих импортное оборудование, растет. При этом инвестиционная активность предприятий промышленности возросла (данные опросов руководителей организаций, проводимых Росстатом, и обследования более 1000 предприятий в 30 регионах, проведенного в 2018 г. ВШЭ). Но при этом в 2018 г. наиболее активно инвестировали в производство добывающие производства – 67% (64% в 2017 г.), а в обрабатывающей промышленности доля таких предприятий уменьшилась с 59 до 54%, соответственно.

Среди наиболее импортозависимых отраслей – машиностроение, где за 2000–2013 гг. импорт машин, оборудования и транспортных средств увеличился почти в 15 раз, доля импорта машин и оборудования в общем объеме импорта возросла с 31,4 до 48,5%. Во многих случаях отсутствуют отечественные аналоги не только машин и оборудования, но также комплектующих, сырья и материалов. Как показали результаты опросов Института Гайдара, в 2019 г. в промышленности предприятия еще не преодолели зависимость от зарубежных компонентов и оборудования.

Следует отметить, что импортозамещение необходимо не только в машиностроении, но и в легкой промышленности, в частности, в производстве обуви, где основной проблемой является дефицит отечественных материалов и комплектующих (в стране всего четыре крупных кожевенных завода с очень узким ассортиментом продукции, практически не выпускаются подкладочный мех и фурнитура для обуви, нет качественных ниток, иголок, клея, необходимо обновление оборудования и технологической оснастки). Следует учитывать, что инвестиции в производство комплектующих окупаются дольше, чем в строительство обувной фабрики – более десяти лет. По оценкам экспертов, для производства комплектующих целесообразно, чтобы 50% или более 200 млн пар ежегодно продаваемой обуви было отечественного производства (в 2015 г. в России производилось 50–80 млн пар обуви в год; в соответствии с расчетами, для увеличения выпуска обуви на 100 млн. пар необходимо создать 200 обувных фабрик общей стоимостью 100 млрд руб.). В качестве положительного решения следует отметить, что в 2017 г. Минпромторгом

введен временный запрет на вывоз необработанной кожи за пределы России¹.

Долговременная ориентация на экспортоориентированную модель экономики привела к деградации инвестиционного сектора, деиндустриализации.

Обработывающие производства в 2018 г. еще не достигли уровня 1991 г. (объем производства продукции в 2015 г. по данным Росстата составил 85,7% по сравнению с 1991 г., в том числе текстильное и швейное производство – 21,7%., производство кожи, изделий из кожи и производство обуви – 27%, производство машин и оборудования – 44,0%, обработка древесины и производство изделий из дерева – 49,5%, производство прочих неметаллических минеральных продуктов – 51,9%, производство транспортных средств и оборудования – 68,2% от уровня 1991 г.).

Следует отметить, однако, что, как свидетельствуют данные Росстата: доля импортных потребительских товаров в товарных ресурсах розничной торговли сократилась с 42% в 2014 г. до 36% во втором квартале 2019 г. и продовольственных товаров – с 34 до 24%, соответственно. При этом произошел рост цен на продовольственные, и непродовольственные товары почти в 1,5 раза (цены на новые легковые автомобили за 5 лет повысились на 76%), учитывая, что рубль подешевел по отношению к доллару почти в 2 раза².

Проблема внутреннего рынка, по мнению ряда экспертов, заключается в том, что он не обеспечивает спроса на импортозамещающую продукцию, в результате чего, несмотря на то, что господдержка предприятиям оказывается, зависимость от импорта сохраняется и цены на внутреннем рынке растут. Основная проблема для импортозамещения, таким образом, – это отсутствие российских аналогов.

Отсутствие полноценной промышленной политики, рассчитанной на долгосрочные цели является значительным препятствием реализации импортозамещения и источником противоречивых предложений. Например, в Российском экспортном центре (РЭЦ) отмечается изменение парадигмы – основное внимание предлагается

¹ РГ 07.11.2017. Свои ботинки ближе к телу

² Башкатова А. Импортозамещение сошло на нет. НГ, 24.09.2019

уделять не импортозамещению, а в большей степени расширению экспортного потенциала.

Ситуация в высокотехнологичных производствах

Наиболее сложная ситуация с импортозамещением наблюдается в высокотехнологичных производствах. В качестве примера можно привести радиоэлектронную промышленность и авиастроение.

Так, поставлена задача к 2022 г. довести уровень российского производства для радиоэлектронной промышленности (РЭП) до 60% по всем направлениям. Но у нас не производятся отдельные виды оборудования для РЭП (оборудование ионной имплантации, литографы с высоким разрешением; утрачена производственная и конструкторская база ионному легированию, необходимо восстановление высокоточной проекционной фотолитографии, электронной литографии и т.д.). По некоторым позициям в 2015 г. производилось от 5% до 20% российского оборудования, часть оборудования не соответствовала современному уровню.

Главные причины спада в РЭП заключаются в следующем:

- отсутствие на государственной комплексной политики и стратегии сохранения РЭП, достигнутого научно-технологического задела, кадров и кооперационных цепочек;
- таможенно-тарифная политика, основанная на беспошлинном ввозе готовых электронных изделий и высоких пошлинах на ввоз компонентов, которая подорвала развитие РЭП в России;
- вхождение России в ВТО, которое закрепило отставание РЭП.

Можно привести один показательный пример существования значительных проблем в РЭП: в 2018 г. был объявлен банкротом производитель чипов «Ангстрем»; сейчас для его восстановления выделено 20 млрд руб. (размеры этой суммы можно сравнить с объемом затрат на бордюры в Москве за последние 5 лет, которые составили по данным газеты Коммерсант 13 млрд руб.), и на расширение производства выделяется еще 67 млрд руб., но ставка делается на производство крупных чипов с размерами значительно больше 28 нм).

Производство электронной техники характеризуется низким местом России по объему производства среди 53 стран (2012 г.): элек-

тронная техника и оборудование в целом – 30-е место; компьютеры – 26-е; офисное оборудование – 13-е; оборудование для контроля и приборы – 28-е; медицинское и промышленное оборудование – 24-е; оборудование для радиосвязи и радары – 34-е; телекоммуникационное оборудование – 30-е; потребительская техника – 17-е; компоненты (пассивные компоненты, полупроводники и пр.) – 30-е.

Среди 12 восточноевропейских стран Россия занимает по объему производства электронной техники только 5-е (5536 млн долл.), значительно уступая Венгрии (14968 млн долл.), Чехии (3565 млн долл.). Но на рынке электроники из-за значительных объемов импорта Россия в несколько раз опережает эти страны.

Что касается гражданского авиастроения, то наиболее яркий пример – это самолеты SSJ и MC-21, где импортными являются не детали, а системы (двигатель, гидравлические и топливные системы и т.д.), что значительно затрудняет и затягивает процесс импортозамещения, так как эти системы должны встраиваться в готовый самолет [^{1, 2, 3, 4}].

Очевидно, импортозамещение должно происходить в условиях импорта и последующего освоения и воспроизведения ряда необходимых для обновления производственного потенциала технологий, которые отсутствуют в стране, с тем, чтобы на их основе быстро начать производить, использовать в стране и затем экспортировать прогрессивную продукцию.

В частности, для восстановления производства станков и электронного оборудования и в целом повышения доли машиностроительных производств в добавленной стоимости обрабатывающей

¹ Дворак М. Приключения электроники. Профиль, №34, 9.09.2019, с. 19–24

² Безруков А. Приключения электроники: ищем ответы на неудобные вопросы 6 июля 2018. <https://gs-group.com/blog/list/technologies/priklyucheniya-elektroniki-ishchem-otvety-na-neudobnye-voprosy/>

³ Панасенко Е. Импортозамещение в радиоэлектронной промышленности: вызовы и реальность для Зеленограда. <http://новостизеленограда.рф>. 26 августа 2015

⁴ Варшавский А.Е. О стратегии научно-технологического развития российской экономики. Общество и экономика, № 6, 2017, с. 5–27.

промышленности необходимо быстрое заимствование зарубежных технологий и срочное копирование их силами отечественных ученых и инженеров. Иначе нельзя ожидать успехов в реализации 4-й промышленной революции. В связи с этим еще раз следует указать на нынешнее состояние обрабатывающей промышленности.

Проблемы обрабатывающей промышленности

Проблемы 4-й промышленной революции и цифровизации в условиях значительной деиндустриализации характеризуются следующими показателями.

Доля промышленности снизилась в ВВП с – 35,4% (1990 г.) до 23,6% (2016 г.), а в выпуске – с 48,6% (1990 г.) до 37,7% (2016 г.).

Особенно следует выделить проблемы станкостроения: в 1990 г. в России, по данным Росстата, выпускалось 74,2 тыс. МРС, в том числе с ЧПУ – 16,7 тыс., в 2011 г. – 3,2 и 0,2 тыс., соответственно, и в 2017 г. – 4,4 тыс. МРС. Резко сократился станочный парк (данные Минпромторга), тыс. шт. При этом на НИОКР в соответствии с программой развития выделялось ежегодно всего около 5 млрд руб. (для сравнения: в Москве на реагенты зимой тратят 5 млрд руб.).

Можно также указать на проблемы, связанные с использованием промышленных роботов (ПР). Основные области применения ПР: сварка (22%), литейное производство (15%), механообработка (12%), сборка (6%).

В СССР было выпущено более 100 тыс. ПР, они заменили более 1 млн рабочих. Однако за 1992–1994 гг. почти все они выбыли. В итоге парк роботов в России составил 5 тыс. ед 2004 г., и в 2015 г. – 8 тыс. ед.

В 2018 г. в России было продано 860 ПР (на 147 больше, чем в 2017 г.), только 5% из них – отечественного производства. Плотность роботизации на 10 тысяч занятых у нас составляет всего 4 ПР (в ЕС – 106, США – 91, в Азии – 75). По данным НАУРР, разработка ПР, как правило, – это дополнительный бизнес российских компаний. Роботов редко производят серийно – в основном это изготовление штучных экземпляров под заказ.

Очевидно, развитие парка ПР требует восстановления и дальнейшего развития производств ОП – основных потребителей ПР. [6].

Поэтому в условиях деиндустриализации основное внимание может уделяться и уделяется только сервисной робототехнике. В этой области, по прогнозам экспертов, у России есть потенциал.

В России нет единой системы учета компаний сервисной робототехники. По оценкам НАУРР, работают около 100 предприятий, но данные предоставляют только 10 из них. За 2017 г. продажи этих 10 компаний выросли на 50% и составили 340 млн руб., в том числе продажи роботов для общественных пространств (144 млн руб.), обучения (108 млн руб.), медицины (49 млн руб.), логистики (19 млн. руб.) и сельского хозяйства (12 млн руб.). Около 20% (303 ед.) российских сервисных роботов в 2017 г. выпускалось на экспорт (доходы от экспорта профессиональных роботов – 45 млн руб., персональных – 6 млн руб.). По данным лаборатории робототехники Сбербанк, самые перспективные направления в сервисной робототехнике – логистические роботы, беспилотники, промышленные экзоскелеты и персональные ассистенты. О предпочтениях не ПР, а сервисных роботов говорит, в частности, тот факт, что этим интересуются такие организации, как Сбербанк.

Низкий уровень финансирования НИОКР

По абсолютному уровню затрат на НИОКР по ППС (2012 г.) Россия занимает 9-е место (около \$24,5 млрд по ППС в ценах 2005 г.); по затратам на НИОКР на душу населения, по ППС, – 28 место – 284,9 долл. (2013 г.)¹.

Очевидно, спрос на НИОКР определяет затраты на НИОКР в % ВВП. В первую очередь он находится в зависимости от доли машиностроения и химпрод в ВВП (см. выше).

Проблемы цифровизации

Особое внимание следует уделить проблемам цифровизации. В России концентрация внимания наблюдается в сфере услуг, так как

¹ Варшавский А.Е. О «Национальном докладе об инновациях в России 2015». Инновации, №2 (208). 2016, с. 39–47.

в условиях деиндустриализации – неизбежно переключение внимания на цифровизацию не сферы материального производства, а сферы услуг. Как справедливо отмечается в [7], «В России понятие «цифровизация» в настоящий момент сконцентрировано исключительно на создании новых видов сервисов, базирующихся на сборе и анализе данных с различных физических объектов... И не охватывает вопросы кардинального изменения ситуации в производственной системе, подходов к проектированию, производству, сбыту и эксплуатации этих физических объектов, что заложено в концепцию Индустрии 4.0».

Следствием этого является появление рисков цифровизации, в том числе:

- возможность идентифицировать личность любого человека в любой точке мира, прозрачность частной жизни;
- электронный концлагерь;
- злоупотребления, рост киберпреступлений;
- разработка и распространение проблемных инноваций;
- неэффективное использование ресурсов;
- «утечка мозгов»;
- создание в глобальных масштабах нового огромного «финансового пузыря», мировой кризис.

Влияние внешней среды

Большую роль играет влияние внешней среды на сферу науки, технологий и инноваций. Здесь особое внимание следует уделять проблемам управления, макроэкономической политики, деформации системы приоритетов при ориентации на экономическую эффективность, микроэкономической политике, особенно негативно-му влиянию чрезмерной дифференциации доходов.

Что касается макроэкономической политики, то, очевидно, спрос на инновации при акцентировании внимания на привлечение иностранного капитала и обеспечение низкой величины госдолга значительно снижается, так как желаемого для Минфина результата легче добиться при повышенной инфляции, высокой процентной ставке, бездефицитном бюджете, стабилизации денежной массы. Роль экономического роста, индустриализации и ускорения инно-

вационного развития экономики при такой макрополитике отходит на второй план [8].

Среди проблем микрополитики наиболее серьезным, на наш взгляд, является чрезмерное неравенство доходов.

По оценкам специалистов [^{1, 2, 3, 4, 5, 6}], коэффициент Джини превышает 47 (по данным Росстата он ниже: в РФ – 42 (2014г), 41,2 (2016г.), в Москве – 45,2 (2014 г.) , 42,1 (2016г.). Очевидно, данные Росстата занижены. Следует учитывать, что в СССР в 1989 г. он составил всего 23,8. Кроме того, необходимо учитывать регрессивную ставку ЕСН (в 2019 г.: 30,2% от 0; 27,3% от 865000; 15,3% от 1150000 руб. в год).

Соответственно, соотношение коэффициентов Джини до и после уплаты НДФЛ в России равно примерно 1,0 из-за отсутствия перераспределения, т.е. НДФЛ и трансферты не снижают неравенство (в странах ЕС это соотношение равно 1,45 – 1,84; в США – 1,31). При этом основную роль играет стремление элиты сохранить свои доходы. Как показывают расчеты, увеличение доли доходов 1% наиболее богатых на 1 пп приводит к сокращению отношения коэффициентов Джини до и после выплаты налога на 0,085. В настоящее время в политике нового правительства России не предполагаются изменения в этой области.

¹ Матыцин М.С., Ершов Э.Б. Исследование дифференциации российского населения по реальным доходам. Экономический журнал ВШЭ, т.16, N 3, 2012

² Суворов А.В. Доходы и потребление населения: макроэкономический анализ и прогнозирование. М.: МАКС Пресс, 2001

³ Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. – М.: М-Студио, 2009

⁴ Овчарова Л.Н., Пишняк А.И., Попова Д.О., Шепелева Е.В. Изменения в доходах и потреблении российских домашних хозяйств. SPERO, № 18, 2013

⁵ Колеников С.О., Айвазян С.А. Уровень бедности и дифференциация населения России по расходам. Научный доклад 01/01. Российская программа экономических исследований 2001

⁶ Варшавский А.Е. Чрезмерное неравенство доходов – проблемы и угрозы для России // Социологические исследования. 2019. Том 10. № –19. С. 52–61 DOI: 10.31857/S013216250006136–2

Так, во многих средствах массовой информации приводится высказывание нового премьер-министра М. Мишустина о том, что на данный момент переход на прогрессивный налог неэффективен и неактуален.

Очевидно, ресурсы, необходимые для реиндустриализации и ускорения инновационного развития, могут быть получены за счет перераспределения доходов. Например, в 2017 г. налоговые доходы бюджета Москвы составили 1, 796 трлн руб., НДФЛ – 819,3 млрд. руб. (39,1% налоговых доходов). При этом в Москве в 2014 г. на 20% наиболее богатых приходилось 50,3% всех доходов (по данным Росстата коэффициент фондов был равен 20,9 и коэффициент Джини – 45,2). Как показывают расчеты, повышение ставки для 20% наиболее богатых в Москве с 13% до 25% привело бы к росту дохода от НДФЛ примерно на 320 млрд руб. в 2015 г. и 418 млрд руб. в 2017 г.

Несколько примеров для сравнения:

- эта сумма выше дефицита бюджета Пенсионного фонда России (в 2018 г. он составил 256,8 млрд руб.), а также существенно превышает объем финансирования учреждений РАН (несколько более 90 млрд руб.);
- на эти деньги можно было бы дать единовременное пособие при рождении на каждого ребенка в России (1,9 млн./год) – около 220 тыс. руб., что составляет около половины материнского капитала (466 тыс. руб. в 2020 г. при рождении первого ребенка и т.д.

Заключение

Рассмотренные проблемы свидетельствуют о значительной сложности реализации намеченных в майском Указе задач и о необходимости незамедлительной организации проведения сценарных расчетов и прогнозов для среднесрочной и долгосрочной перспективы. При оценке перспектив реиндустриализации необходим также и учет инерционности процессов научно-технологического развития.

Для успешного осуществления реиндустриализации и импортозамещения необходимы:

- ориентация на цели долгосрочного развития, разработка долгосрочной комплексной программы научно-технологического развития страны (аналог КП НТП, разрабатывавшихся в СССР);

- приоритетное развитие обрабатывающей промышленности, инвестиционного комплекса, в первую очередь машиностроения, отраслей ОПК, восстановление станкостроения, авиапрома, РЭП и др.;
- значительное снижение ставки рефинансирования, дифференциация ставок кредитования в соответствии с приоритетами развития и т.д.; эмиссия «длинных денег» – государственные ценные бумаги; жесткий контроль государством использования кредитных и валютных ресурсов; контроль вывоза капитала и т.д.;
- пересмотр бухгалтерского отношения к дефициту бюджета на этапе реиндустриализации при условии, что средства бюджета будут направлены на эффективные инновационные программы, обеспечивающие долгосрочный рост экономики;
- бюджетно-налоговая политика должна быть нацелена на реальную модернизацию экономики и ускорение темпов научно-технологического развития.

Список литературы

1. Башкатова А. Импортозамещение сошло на «нет» НГ, 24.09.2019
2. Безруков А. Приключения электроники: ищем ответы на неудобные вопросы 6 июля 2018. <https://gs-group.com/blog/list/technologies/priklyucheniya-elektroniki-ishchem-otvety-na-neudobnye-voprosy/>
3. Варшавский А.Е. О «Национальном докладе об инновациях в России 2015». Инновации, №2 (208). 2016, с.39–47
4. Варшавский А.Е. О Владимире Александровиче Котельникове // в книге В.А.Котельников. Судьба, охватившая век. Т.1 Воспоминания коллег. – М.: Физматлит, 2011, с. 294–299
5. Варшавский А.Е. О стратегии научно-технологического развития российской экономики. Общество и экономика, № 6, 2017, с.5–27
6. Варшавский А.Е. Основные проблемы реализации четвертой промышленной революции в России. Производство, наука и образование России: технологические революции и социально-экономические трансформации. Сборник материалов V международного конгресса (ПНО-V)/ Под общ. Ред. С.Д. Бодрунова. М.: ИНИР им.С.Ю. Витте, 2019,с. 95–105.

7. *Варшавский А.Е.* От деиндустриализации к реиндустриализации. Современные проблемы науки и образования. Материалы 15-й Международной междисциплинарной научно-практической конференции 24 июня – 03 июля 2016г. / Харьков: Украинская Ассоциация «Женщины в науке и образовании», Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, 2016, с. 21–29.

Дворак М. Приключения электроники. Профиль, №34, 9.09.2019., с. 19–24

8. *Панасенко Е.* Импортзамещение в радиоэлектронной промышленности: вызовы и реальность для Зеленограда. <http://новостизеленограда.рф>. 26 августа 2015, РГ 07.11.2017. Свои ботинки ближе к телу

Доржиева В.В.,

кандидат экономических наук, в.н.с.,

*Центр инновационной экономики и промышленной
политики, Институт экономики РАН*

**Цифровая трансформация промышленности:
тенденции, стратегия развития
и международный опыт**

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы развития цифровой промышленности России. На основе сопоставительного анализа тенденций и программ цифровой трансформации промышленности в США, ЕС, Китая и России сделан вывод о том, что развитие цифровой трансформации российской промышленности по сравнению со странами-лидерами находится на начальной стадии, а достижение поставленных амбициозных задач в отечественных программах цифровизации промышленности требует высокой инновационной активности и реализации грамотной промышленной политики.

Ключевые слова: цифровая трансформация промышленности, цифровое производство, технологическая модернизация

Dorzhieva V.V.,

Candidate of Econ. Sc., Leading researcher,

*Center for innovative Economics and industrial policy,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*

**Digital Transformation of Industry: Trends,
Development Strategy and International Experience**

Abstract. The article discusses the prospects for the development of the digital industry in Russia. Based on a comparative analysis

of trends and programs for digital transformation of industry in the United States, the EU, China and Russia, it is concluded that the development of digital transformation of Russian industry in comparison with the leading countries is at an initial stage, and achieving the set ambitious goals in domestic programs for digitalization of industry requires high innovation activity and the implementation of a competent industrial policy.

Keywords: digital transformation of industry, digital production, technological modernization

Цифровая трансформация промышленности (или цифровизация промышленности), как процесс перехода к цифровому производству на основе использования самых передовых производственных технологий и новых бизнес-моделей, способствует ускорению экономического роста, создает предпосылки для повышения конкурентоспособности национальной экономики. По оценкам Всемирного экономического форума, в ближайшее десятилетие мировая цифровизация промышленности несет огромный потенциал для бизнеса и общества и до 2025 года может привнести дополнительно более 30 трлн долл. США доходов для мировой экономики [10]. Благодаря цифровизации производства, по мнению Министерства торговли США, ежегодное сокращение издержек американских промышленных компаний может составить 57 млрд долларов [11]. ЕС цифровизация промышленности может дать дополнительно объем валовой добавленной стоимости в размере 1,25 трлн евро [9]. Согласно мнениям отечественных экспертов, цифровизация обрабатывающей промышленности добавит до 2 трлн руб. к ВВП России до 2025 г. за счет оптимизации производств и повышения производительности [8].

На наш взгляд, сдерживающими факторами цифровизации российской промышленности являются низкий уровень развития технологий, слаборазвитая цифровая инфраструктура, высокий износ основных средств, достаточно высокая степень зависимости от импортного оборудования и ПО, низкая квалификация человеческих ресурсов (несовершенство системы подготовки исследовательских, инженерно-технических кадров и IT-специалистов).

В отечественной промышленности в основной массе преобладают старые технологии, слабо используются достижения современной науки и техники, существующий парк оборудования большей частью

не поддерживает цифровизацию. По оценкам Министерства промышленности и торговли России и компании «Цифра» (группа компаний Ренова) только 14% заводов соответствуют базовым условиям цифровизации по оснащенности оборудованием с числовым программным управлением (ЧПУ) и готовности к внедрению в производство цифровых технологий, затраты 55% промышленных предприятий России на цифровизацию и развитие IT-инфраструктуры не превышают 1% от их бюджета и лишь у 6% затраты составляют более 5% бюджета. При этом в западной промышленной практике этот показатель также редко превышает 5% [5].

На сегодня самой оцифрованной из промышленных отраслей России является автомобильная промышленность с учетом иностранного производства. Однако автомобили завода ВАЗ не отличаются повышенной конкурентоспособностью в сравнении с автомобилями подобного класса компаний «Рено», «Ниссан», «Киа», хотя бы потому, что отечественные автомобили не имеют ни одного узла, обладающего патентной чистотой. Аналогичная ситуация и в гражданском самолетостроении, морском и речном судостроении.

Если говорить о российской промышленности в целом, то к неконкурентоспособным относится примерно 15% имеющихся мощностей, а в производстве инвестиционных товаров (машиностроение, производство стройматериалов) их доля доходит до 20–25% (имеется в виду оборудование, которое старше 10 лет и не используется пять и более лет) [7]. Например, в сегменте «Производство машин и оборудования» сохраняется серьезное отставание России на мировом рынке, где ее доля составляет менее 1%. Так, согласно данным J'son & Partners Consulting, Россия по объемам экспорта в этом сегменте уступает Китаю более чем в 90 раз, США – в 35 раз, Германии – 32 раза, а полученные доходы ниже показателей Китая в 70 раз, США – в 16 раз, Индии – в 2 раза [4].

Низкий уровень конкурентоспособности отечественной продукции в основном обусловлен процессами деиндустриализации (деградации) российской промышленности. Отстающая технологическая база сегодня не позволяет увеличить производительность труда и делает проблемным выход на экономический рост даже 2% ВВП. Например, деградация производственных фондов в машиностроении проявляется как в сокращении общего парка станков, так и в увеличении доли физически изношенного оборудования. Средний возраст про-

изводственного оборудования в российском машиностроении превышает 20 лет, что определяет высокий средний уровень его физического износа – около 45% парка станков и другого промышленного оборудования полностью физически изношены и, соответственно, должны быть выведены из эксплуатации. На российских машиностроительных предприятиях на 1 станок приходится в среднем 4,7 работников, в то время как в странах ЕС на один станок приходится 0,6 работника, а производительность труда в машиностроении ЕС в 6 раз выше, чем в российском машиностроении [4].

Результаты имеющихся исследований свидетельствуют о том, что индустриальные страны, разработавшие конкретные национальные стратегии и определяющие, каким образом они будут внедрять и использовать новые цифровые технологии для решения задач и проблем в различных отраслях, имеют наилучшие возможности для достижения успеха. Лидерами являются Китай с его всеобъемлющей программой «Сделано в Китае 2025», Германия с ее стратегией «Индустрия 4.0» и США с их Консорциумом промышленного интернета (Industrial Internet Consortium).

По сути, для России технологическая модернизация, связанная с цифровизацией промышленности, носит стратегический характер и закреплена в Указе Президента РФ от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2], в паспорте национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], а также в ведомственном проекте Министерства промышленности и торговли РФ «Цифровая промышленность».

Модель цифровой трансформации промышленности представлена на рис. 1.

На поддержку разработки цифровых платформ и программных продуктов Минпромторг планирует выделить из федерального бюджета 6 млрд рублей в течение трех лет (по 2 млрд рублей ежегодно с 2019 по 2021 года), в том числе в форме субсидий через Фонд развития промышленности. В результате Минпромторг рассчитывает увеличить объем выручки проектов на основе сквозных цифровых технологий со 100% в 2020 году до 250% – в 2024 году. Кроме того, количество средних и крупных предприятий обрабатывающих отраслей промышленности, прошедших оценку уровня цифровой трансформа-

ции (получивших «цифровые паспорта») и подключенных к сервисам ГИСП, должно вырасти с 3,7 тыс. в 2020 году до 14,4 тыс. в 2024 году.

Рис. 1. Модель цифровой трансформации промышленности России

- ☑ **НАПРАВЛЕНИЕ 1. СОЗДАНИЕ РЕГУЛЯТОРНОЙ СРЕДЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**
 - 1.1. Развитие законодательной и нормативно-технической баз в сфере цифровых технологий
 - 1.2. Развитие информационных мер государственной поддержки
 - 1.3. Создание программ переподготовки и повышения квалификации для каждой отрасли обрабатывающей промышленности
- ☑ **НАПРАВЛЕНИЕ 2. СОЗДАНИЕ, ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ПЛАТФОРМ ГИСП**
 - 2.1. Платформа эффективного инвестирования в промышленность
 - 2.2. Платформа по созданию и развитию производства промышленных предприятий
 - 2.3. Платформа подбора комплекса мер господдержки, их получение и контроля достижения показателей эффективности проекта
 - 2.4. Платформа обеспечения производства и продвижения промышленной продукции на внутреннем рынке
 - 2.5. Платформа продвижения продукции на внешнем рынке, увеличения объемов экспорта
 - 2.6. Платформа анализа и прогноза развития производства на базе объективных статистических данных
- ☑ **НАПРАВЛЕНИЕ 3. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**
 - 3.1. Сформирован центр компетенций по цифровой трансформации промышленности.
 - 3.2. Обеспечена оценка уровня цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности. Выявлены системные проблемы цифровой трансформации промышленности.
 - 3.3. Реализованы меры государственной финансовой поддержки, направленные на стимулирование разработки цифровых платформ, программных продуктов, базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры, а также масштабирования внедрения существующих на рынке решений в целях цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности

Сравнительный анализ стратегий развития цифровой промышленности Китая, Германии, США и ведомственного проекта Министерства промышленности и торговли РФ «Цифровая промышленность» дает следующие результаты: в Китае трансформация осуществляется по принципу «сверху вниз», поскольку Государственный совет определяет стратегию на основе десятилетнего плана. Такая ясность цели позволяет китайскому правительству мобилизовывать ресурсы в масштабах, превосходящих другие страны, что открывает возможности для приобретения целого ряда инструментов и технологий, а также иностранных конкурентов или компаний. Германия предпочла комбинированный подход, сочетающий инициативы частного и государственного секторов, а в Соединенных Штатах подход чрезвычайно широкий, платформенный и органичный [6, с. 73]. В России согласно проекту Минпромторга «Цифровая промышленность» отраслевая направленность цифровой трансформации предусматривает 24 отраслевых направления обрабатывающей промышленности и более 263 тыс. предприятий, в т.ч. 18,4 тыс. средних и

крупных. Кроме этого, планируется создать центр компетенций и разработать меры господдержки по стимулированию разработки цифровых платформ, программных продуктов, базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры (рис.1).

В целях активизации процессов цифровизации промышленности в России, на наш взгляд, необходима разработка и реализация единой национальной стратегии/программы развития цифровой промышленности, которая бы представляла видение внедрения новых передовых производственных технологий в производство, цели и задачи цифровой трансформации промышленности и определила приоритеты с точки зрения развития отраслей. Подход должен основываться на понимании важности отрасли для поддержания национальной конкурентоспособности с одной стороны, и относительной легкости внедрения цифровых технологий в данной отрасли с другой.

В соответствии с Федеральным законом от 31.12.2014 №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [1] основой принятия решений по обеспечению цифровизации промышленности является организационно-процедурный механизм о предоставлении тех или иных мер государственной поддержки, соответствующий стратегическим документам, учитывающих переход к цифровой экономике и реализация которых осуществляется на основе системы взаимосвязанных документов государственного стратегического планирования – Стратегии национальной безопасности РФ, Стратегии научно-технологического развития РФ, отраслевых стратегий развития, государственных программ и национальных программ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О промышленной политике в Российской Федерации» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330906&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.49676729675805475#0028072625492669312>

2. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской

Федерации на период до 2024 года» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/

3. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 №7) – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=74F797AC43A67D40B51AA780D4EFAE79&req=doc&base=LAW&n=328854&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3Do#20h5fmwiweq>

4. Аналитический отчет J'son & Partners Consulting «Экономические эффекты от цифровизации и внедрения IoT в машиностроении в России». Август, 2018.

5. Баленко Е. Минпромторг оценил готовность российских предприятий к цифровизации / РБК, 2018. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/07/2018/5b3a26a89a794785abc9f304

6. Доклад о развитии цифровой экономики в России. Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для России. Всемирный банк. Сентябрь 2018 г. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/competing-in-digital-age>

7. Доклад Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) «Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России». М., 2017.

8. Цифровая Россия: новая реальность / McKinsey, 2017. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>

9. Цифровая трансформация промышленности, Roland Berger, 2015. – URL: http://bdi.eu/media/user_upload/Digital_Transformation.pdf

10. Digital Transformation Initiative (DTI), Всемирный экономический форум – URL: <http://reports.weforum.org/digital-transformation/introducing-the-digital-transformation-initiative/>

11. What's Stopping the Smart Factory Revolution? – URL: <https://www.industryweek.com/leadership/whats-stopping-smart-factory-revolution>

Дроздов Б.В.,

*доктор технических наук, генеральный директор
НИИ информационно-аналитических технологий*

**Перспективные направления
индустриализации процессов ремонта,
реконструкции и развития
техносферы жизнеобеспечения**

Аннотация. Рассматриваются перспективные направления индустриализации процессов ремонта, реконструкции и развития техносферы жизнеобеспечения. Выделяются следующие направления – организационно-технологическое, производственно-технологическое, проектно-конструкторское, резервирование и дублирование технологических схем и обеспечение мобилизационной готовности ремонтных комплексов. Рассматривается индустриализация связанных сфер исследования и разработок и организационного формообразования.

Ключевые слова: индустриализация, ремонт, развитие, организация, технологии, жизнеобеспечение

Drozдов B.V.,

*Doctor of Techn. Sc., general director,
Institute of information-analytical technology*

**Perspective Directions Industrialization
of Processes of Repair, Reconstruction
and Development Life Supporting Technology**

Abstract. Perspective directions industrialization processes of repair, reconstruction, and development of life supporting technology on

new Russia industrialization stage are discussed. Next directions transformation are discussed: organization- technology, production- technology, project- technology, create reserve lines, readiness to create repair. Research and development industry, organization designer industry are discussed.

Keywords: industrialization, repair, development, organization, technology, life supporting

Проблема радикального совершенствования процессов ремонта, реконструкции и развития техносферы жизнеобеспечения становится все более актуальной в наступившую эпоху новой индустриализации. В эту эпоху на передний фронт научно-технологического развития выдвигается широкое применение системных методов организации и проведения комплекса работ во всех ведущих видах производственной деятельности. Эффективные, высокопроизводительные и природо-сберегающие технологии начинают широко применяться не только в традиционных сферах промышленного производства, но и во всех необходимо связанных с ними видах человеческой деятельности. К ним относятся такие жизненно важные сферы, как производство систем и средств жизнеобеспечения, сфера исследования и разработок, организационное формообразование, а также содержание, ремонт, реконструкция и развитие техносферы жизнеобеспечения. Комплексность, взаимное согласование технологических уровней развития тесно связанных между собой смежных видов деятельности, выполняемых на высоком индустриальном уровне, составляет суть современного этапа новой индустриализации. Место и взаимосвязи индустрии поддержания, ремонта, реконструкции и развития в системе других индустрий отражено в работах (2, с. 14–20, 3, с. 41–45).

Рассматриваемая ремонтная деятельность становится все более значимой и определяющей в жизни современного социума. Особое значение эта деятельность имеет для крупных городов и городских агломераций, которые представляют собой зоны концентрации тесно взаимосвязанных технических комплексов жизнеобеспечения. В технотронную эпоху техносфера жизнеобеспечения становится неотъемлемой частью повседневной жизни. Созданная и функционирующая техника требует к себе каждодневного внимания, требует усилий по ее эксплуатации, содержанию в работоспособном состо-

янии, ремонту, совершенствованию и развитию. Эта деятельность по уровню своей организации, технической и технологической оснащенности должна соответствовать уровню технологического развития тех сфер, на обеспечение эффективной работоспособности которых она должна быть направлена. В сфере промышленного производства и жизнеобеспечения, особенно в больших городах, создаются все более сложные индустриальные, энергонасыщенные и пространственно протяженные, разветвленные и мощные технические комплексы. Но с течением времени эти комплексы естественным образом устаревают, техника изнашивается, оборудование по разным причинам выходит из строя. Степень износа техносферы (так называемых основных фондов) в стране недопустимо высока (5, с. 35). Возникает объективная необходимость своевременного и качественного ремонта, реконструкции и развития всей созданной техносферы, и в первую очередь – техносферы жизнеобеспечения. Это требует привлечения все большего количества трудовых, материальных и финансовых ресурсов. Минимизация затрачиваемых ресурсов при сохранении необходимой эффективности и качества проводимых работ может быть достигнута за счет применения индустриальных технологий, которые бы полностью соответствовали уровню индустриализации сфер промышленного производства и жизнеобеспечения.

Основные проблемы современной сферы организации и производства ремонтных работ заключаются в несоответствии технологий и технического оснащения этих работ уровню и сложности того технического комплекса, который является объектом ремонта. Чаще всего архаичные, традиционные, патриархальные технологии проведения ремонтных работ приводят к увеличению сроков и недостаточному качеству их проведения. А это, в свою очередь, снижают уровень работоспособности и эффективности функционирования уже отремонтированной (восстановленной) техники. Некачественно выполненный ремонт иногда приводит к тяжелейшим катастрофам, авариям с материальными потерями и человеческими жертвами (1, с.281).

Таким образом, сфера ремонта, реконструкции и развития техносферы жизнеобеспечения нуждается в радикальной трансформации. Ниже излагаются основные индустриальные направления этой трансформации.

1. Организационно-технологическое направление

Это направление связано с повышением уровня координации и кооперирования работ между всеми организационными звеньями, причастными к выполнению ремонтных работ. Такими организационными звеньями являются организации – проектировщики объекта ремонта и реконструкции, разработчики проектов организации ремонтных работ, производители готовой продукции (головной производитель, поставщики комплектующих изделий, монтажные и пуско-наладочные предприятия), эксплуатирующие организации (операторы функционирующего объекта инфраструктуры жизнеобеспечения) и организации, непосредственно выполняющие ремонт. При подготовке и проведении ремонта должны быть найдены наиболее эффективные формы участия всех организационных звеньев в производстве ремонтных и ремонтно-восстановительных работ. Особая роль при этом принадлежит проектным организациям, которые не только разрабатывают проект проведения работ, но и выполняют функцию так называемого авторского сопровождения. В процессе такого сопровождения накапливаются профессиональные знания разработчика, повышается уровень взаимодействия между всеми участниками ремонтного процесса. Установившаяся при новых рыночных условиях так называемая система определения исполнителя всех работ по тендеру нарушает сложившуюся систему кооперации и специализации. Принятая организационная форма проведения ремонтных работ должна обеспечивать эффективную интеграцию накопленных каждым из участников создания технического объекта жизнеобеспечения компетенцию, опыт, знания и операционно-технологические заделы.

2. Производственно-технологическое направление

Для обеспечения высокой эффективности и качества ремонтные работы должны приобретать непрерывный, поточно-технологический характер. Должна обеспечиваться непрерывность протекания ремонтных работ на участке ремонта (на выделенной и огороженной для ремонта территории) и непрерывность загрузки специализированными работами ремонтных бригад и спецтехники. Это должно

обеспечить максимальную концентрацию, синхронизацию и координацию всех этапов технологических процессов, минимизацию простоев соисполнителей работ, ремонтного оборудования, ремонтно-строительных площадок и территорий, несогласованности из-за природно-климатических особенностей. При этом обеспечивается непрерывность проведения смежных работ на одном объекте (объект не простаивает из-за отсутствия исполнителя работ, комплектующих изделий, материалов или ремонтного оборудования), исключается несовместимое пересечение исполнителей в одно и то же время на одном объекте. Для каждого исполнителя обеспечивается непрерывность выполнения им однотипных работ на разных объектах. Тем самым обеспечивается максимизация скорости выполнения потока работ, отсутствие нерациональных задержек в началах работ из-за неподготовленности объекта или занятостью объекта другим (смежным) исполнителем. Такая направленность индустриальной технологии ремонтных работ позволяет достигнуть максимальной производительности всего действующего комплекса соисполнителей, минимальных потерь комфорта и качества обслуживания для конечного потребителя услуг жизнеобеспечения. Объект ремонта в итоге минимально возможно допустимое время для пользователя находится в нефункциональном состоянии.

Показательный пример организации таких работ – технологии скоростного поточного монтажа в строительстве. Идеологом и автором проекта реализации такой технологии является первый отечественный профессиональный инженер В.Г. Шухов (6, с.192). Необходимым элементом новой индустрии ремонта и реконструкции является соответствующее индустриальное оснащение этих работ высокопроизводительными, индустриальными машинами, механизмами, приборами и устройствами. Уровень такого оснащения должен полностью соответствовать индустриальному уровню самих средств жизнеобеспечения (энергетика, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство).

3. Проектно-конструкторское направление

Без проектно-конструкторской поддержки невозможно организовать при проведении ремонтных работ указанный выше скорост-

ной поточный монтаж. Проектная обеспеченность ремонтных работ является одним из основных принципов индустриальной технологии ремонта. Основные этапы проектного обеспечения ремонтных работ – разработка проекта организации проектных работ (ПОРП) и проекта производства ремонтных работ (ППРП). На этих этапах путем предварительного согласования, координации, балансировки потребных мощностей на проектном уровне формируется индустриальная технология скоростного поточного монтажа.

Проекты проведения ремонтных работ включают не только технологии производственной деятельности, но и технологию организации совместной, скоординированной, взаимно согласованной деятельности всех участников процесса ремонта, реконструкции и развития.

*4. Создание на время проведения ремонта систем
жизнеобеспечения компенсирующих, резервных
и дублирующих технологических цепей*

Всякий процесс выполнения ремонта, реконструкции и развития на комплексах жизнеобеспечения (энергетика, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство) сопряжен с определенной потерей функциональности этих систем. Индустриализация процесса ремонта и реконструкции должна минимизировать эти функциональные потери, а в идеале – полностью исключить такие потери. Это можно обеспечить, прежде всего, созданием необходимых временных (на время проведения ремонта) резервных или дублирующих технологических систем (технологических потоков).

Введение таких резервных систем в каждой отдельной сфере жизнеобеспечения предполагает применение следующих специальных производственно-технологических мероприятий.

В сфере электроэнергетики. Ввод дополнительных (резервных) мощностей генерации, подключение резервных линий транспортирования электроэнергии, подключение резервных систем коммутации и распределения электроэнергии.

В сфере транспорта. Создание резервных (дублирующих, компенсационных) маршрутов движения транспорта (маршрутов наземного транспорта общего пользования), дополнительных маршрутов

рельсового транспорта, мобилизацию подвижного состава автомобильного транспорта.

В сфере жилищно-коммунального хозяйства. Ввод в действие резервного жилищного фонда, организация резервных линий газо- и теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения.

Все эти резервные, дублирующие системы и мероприятия нуждаются в предварительном проектировании, обеспечении готовности обслуживающего персонала этих систем для оперативной реализации заранее разработанных мобилизационных планов.

5. Обеспечение мобилизационной готовности ремонтно-восстановительного комплекса

Мобилизационная готовность (особенно при аварийно-восстановительных работах) достигается – применением активных методов (деловые игры, оперативно-штабные учения).

Большой положительный опыт в этой области накоплен в транспортном комплексе города Москвы для ситуаций прекращения движения поездов на линиях метрополитена (4, с. 434–436). Здесь были заранее проанализированы наиболее вероятные ситуации прекращения движения поездов метрополитена и организация для этих случаев специальных экстренных (дублирующих, компенсационных) маршрутов автобусов. Результат такой работы был зафиксирован в комплексе мобилизационных планов действий, предусматривающих участие служб самого метрополитена, наземного городского пассажирского транспорта, служб организации дорожного движения и охраны общественного порядка. Был предусмотрен комплекс мер организационного порядка для экстренного запуска дублирующих автобусных маршрутов. Для обеспечения беспрепятственного движения автобусов предусматривались временные (на время действия маршрутов движения автобусов) изменения схемы организации дорожного движения, места посадки и высадки пассажиров ограждались от доступа индивидуального транспорта и маршрутных автобусов, вводились средства обеспечения общественного порядка в местах массовой посадки пассажиров. Проводилось массовое информирование пассажиров о вводимой схеме перевозки пассажиров и др. мероприятия.

Для того, чтобы обеспечить мобилизационную готовность всего оперативно-диспетчерского и обслуживающего персонала к выпол-

нению разработанных мобилизационных планов был применен метод регулярного проведения оперативно-штабных игр. Сами оперативные планы постоянно актуализировались и согласовывались со всеми участвующими городскими службами.

Деятельность по ремонту, реконструкции и развитию техносферы жизнеобеспечения тесно связана со сферой исследования и разработок и сферой организационного формообразования (организационного проектирования). Это область интеллектуальной деятельности (мышления, конструирования, поиска, испытаний, экспериментов). Данная область в настоящее время наименее индустриализована, т.е. выполняется, в основном, традиционными кустарными методами. Это серьезным образом тормозит переход сферы ремонта и реконструкции на индустриальный уровень. Например, переход ремонтных работ на технологию скоростного поточного монтажа может быть реализован при индустриальном характере проектирования скоростных потоков работ. Индустрия ремонта в значительно большей степени связана с индустрией проектирования, чем индустрия промышленного и строительного производства.

Наступающая эпоха новой индустриализации вслед за необходимостью перевода на индустриальные рельсы процессов ремонта, реконструкции и развития ставит задачу создания индустрий исследования и разработок (Индустрии–4) и индустрии организационного формообразования (Индустрии–5) (2, с.14–20).

Список литературы

1. Беззубцев-Кондаков А.Е. Почему это случилось? Техногенные катастрофы в России/ А.Е. Беззубцев-Кондаков – Санкт-Петербург, 2010 – 288 с.
2. Дроздов Б.В. Перспективные направления новой индустриализации России/ Б.В. Дроздов// Мир новой экономики. –2014. – С. 14–20.
3. Дроздов Б.В. Перспективы развития инфраструктуры жизнеобеспечения в России – новая индустриализация/ Б.В. Дроздов//Россия: тенденции и перспективы развития. – 2011. – Выпуск 6. – С. 41–45.
4. Дроздов Б.В. Направления инновационного развития систем управления транспортными комплексами крупных городов / Б.В. Дроз-

дов // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития / – 2012 / – часть 1. – С. 434–436.

5. *Остапович Г.* Износ основных фондов / Г. Остапович // Вольная экономика. – 2019. – апрель-июнь. – С. 35.

6. *Шухов В.Г.* Избранные труды. Строительная механика / В.Г. Шухов. – Москва: Наука, 1977. – 192 с.

Манахова И.В.,

*доктор экономических наук, профессор
кафедры экономической безопасности Саратовского
социально-экономического института Российского
экономического университета им. Г.В.Плеханова*

**Новая архитектура мировой экономики
в условиях
глобального информационного общества**

Аннотация. В статье исследуется смена моделей международного географического разделения труда и распределение экономической активности по регионам. Анализируется динамика доли отдельных стран и их групп в ВВП, в экспорте товаров и услуг и населения мира. Делаются выводы, что на международном уровне экономический рост привел к концентрации производства и потребления на разных полюсах мира.

Ключевые слова: глобальное информационное общество, цифровая экономика, удельный вес стран в ВВП мира, многополюсная модель экономики

Manakhova I.V.,

*Doctor of Econ. Sc.,
Russian Economic University in honor of G.V.Plekhanov*
**The New Architecture of the Global Economy
in Global Information Society**

Abstract. The article examines the change of models of the international geographical division of labor and the distribution of economic activity by region. The dynamics of the share of individual countries

and their groups in GDP, in the export of goods and services and the world population is analyzed. It is concluded that at the international level, economic growth has led to the concentration of production and consumption at different poles of the world.

Keywords: global information society, digital economy, specific gravity of countries in the world's GDP, multipolar model of the economy

Объективной закономерностью современного социально-экономического развития является становление глобального информационного общества и цифровой экономики. На этапе постиндустриальной цивилизации и информационной революции компьютерные и телекоммуникационные технологии, современные средства связи резко ускоряют общемировую интеграцию по всем направлениям, наделяя процессы предшествующей индустриальной цивилизации новыми качествами и динамикой. Формируется коммуникационное единство мира, в котором скорость распространения невиданных объемов информации намного больше скорости передвижения людей и товаров. Глобальное информационное пространство преобразует экономическую, политическую, общественную, культурную деятельность. Информационные технологии многократно повышают интенсивность связей между людьми, народами и цивилизациями. Техносфера определяет жизнь людей, расширяет возможности развития человека, а интеллектуальная деятельность приобретает большую власть. Капитал как фактор производства уступает место информации, знаниям, интеллекту. Глобализация и информатизация меняют жизненные уклады во многих странах мира, ускоряет время, уплотняет пространство, размывает границы, резко интенсифицирует социальные процессы.

Все страны мира развиваются в направлении информационного общества, формируя собственные социально-экономические и культурные модели, даже если цифровая трансформация затрагивает только главные функции и процессы, связанные с глобальными сетями создания материальных богатств и обработки информации [1].

Появление теории постиндустриального общества, предложенной в конце 60-х начале 70-х годов, позволило выделить три основные общественные системы: доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная, которые принципиально различаются по основным

факторам производства, ведущим сферам экономики, и базовым социальным группам, включенным в процессы производства и потребления. С этих позиций стало возможным осмыслить масштабные качественные изменения социально-экономического развития, базирующиеся на ускорении технического прогресса, снижении доли материального производства в ВВП, росте сферы услуг, повышение роли информации, науки, образования, и как следствие формирование нового типа экономики.

Многие исследователи считают, что становление информационного общества и цифровой экономики идет революционным путем. Особого внимания заслуживают следующие подходы:

- *Научно-техническая революция. Компьютерная революция. Информационная революция* (Т.Сакайя, Дж. Бенигер. Дж. Несбит, Т. Умесло) Научно-технический прогресс позволил современным обществам овладеть невиданными прежде технологическим потенциалом, огромным объемом информации, ноу-хау, управленческого мастерства и финансовых средств; радикальным сдвигам подверглась структура общественного производства и занятости; стало возможным почти полное удовлетворение материальных потребностей населения; коренным образом изменились мотивы и ценностные ориентиры людей.

- *Глобальная социальная революция.* Концепция «революции доходов» (Дж. Гэлбрейт, С. Кузнец, Э. Хансен, и др.) проявилась в существенных изменениях распределительных отношений, росте общественного благосостояния, процессах выравнивания доходов, формирования общества «2/3» и количественном расширении среднего класса. Становление систем социального и пенсионного обеспечения, позволило выравнить жизненные шансы населения во многих странах мира. Исследователи утверждают, что произошел революционный переворот в распределении валового национального дохода, сущность которого состоит в постепенном сближении доходов разных слоев населения [2].

- *Глобальная интеллектуальная революция.* Управленческая революция (П. Друкер, Дж. Бернхем, А. Берли) Авторы отмечают, если в прошлом веке лидерство в мировой экономике зависело от умения добиться высокой производительности физического труда, то в XXI веке это лидерство перейдет к странам, которым удастся наиболее

систематически и максимально эффективно повышать производительность умственного труда. П. Друкер выделяет две важнейшие группы: 1) «*knowledge workers*» – работники умственного, интеллектуального труда, генерирующие новые знания; 2) «новые служащие», которые сочетают в себе качества работников как интеллектуального, так и физического труда, т.е. применяют самые передовые знания в своем повседневном труде, но не генерируют новые знания [3]. Также анализируются новые функции управления в процессах акционирования и демократизация структуры менеджмента

• *Предстоящая «революция власти»*. Э. Тоффлер в своей работе «Метаморфозы власти» [4] построение в будущем целостной гуманной цивилизации связывает с переходом через революцию власти, которая выступает источником многих изменений на основе фактора знаний.

Как отмечает А.А. Пороховский, развитие информационной экономики революционным образом повлияла на содержание, формы и скорость социально-экономического развития, предопределила бурный рост нововведений во всех сферах жизнедеятельности [5].

Васильчук Ю.А. выдвинул идею, что структура мира перевернулась: ранее материальное производство как базис определяло надстройку, т.е. социальную структуру и интеллектуальное производство, теперь иносфера, развивающаяся на основе интеллектуальной деятельности, стала главным источником богатства, подчиняя техносферу реальной экономики [6].

Глобальная экономика глубоко асимметрична, меняется геометрия пространства, происходит смена моделей международного географического разделения труда, концентрация распределения экономической активности по регионам. На международном уровне экономический рост привел к концентрации производства и потребления на разных полюсах мира. Потребительскими центрами становятся развитые страны, производство перемещается в развивающиеся и периферийные страны [7]. Первые страны «золотого миллиарда» (35 стран) представляют 1/7 часть света, где проживают примерно 1 млрд человек. Суммарное население этих стран представляют собой глобального потребителя в планетарном масштабе. Высокий уровень жизни «золотого миллиарда» создается за счет других, более бедных стран, что усиливает противостояние государств и целых регионов.

Это подтверждает гипотезу А. Тойнби о «внешнем пролетариате», который присоединяется к утверждению Линь Бяо (Китай) предстоящем превращении борьбы классов в борьбу наций.

Производство из развитых стран переносится в бедные страны, где более дешевая рабочая сила и близко расположены сырьевые ресурсы. Трансфер технологий сопровождается для них неблагоприятными внешними экстерналиями: высокотехнологичная продукция не находит потребителя на внутреннем рынке и вынуждено идет на экспорт [8]. За время кризиса на Западе осознали опасность утраты производства и потери рабочих мест. Однако возврат на прежней технологической основе усложняется тем, что роботизация, автоматизация, компьютеризация производственных процессов ведет к сокращению рабочих мест. Современное оборудование капиталоемкое, что способствует сохранению безработицы.

По итогам последних лет половина мирового ВВП проходила на страны Северной Америки, Западной Европы и Японии (табл. 1).

Таблица 1. Динамика доли отдельных стран и их групп в ВВП, в экспорте товаров и услуг и населении мира в 2011 г. и 2017 г., (в %)

Показатели	Число стран		ВВП		Экспорт		Население	
Страны	2011	2017	2011	2017	2011	2017	2011	2017
Развитые экономики	34	39	51,1	41,3	62,4	63,6	14,9	14,4
Основные индустриальные страны:	7		38,5	30,6	34,2	33,9	10,8	10,3
США	1		19,1	15,3	9,5	10,4	4,5	4,4
Япония	1		5,6	4,3	4,2	3,9	1,9	1,7
Германия	1		3,9	3,3	8,2	7,7	1,2	1,1
Франция	1		2,8	2,2	3,5	3,7	0,9	0,9
Италия	1		2,3	1,8	2,9	2,7	0,9	0,8
Великобритания	1		2,9	2,3	3,5	3,5	0,9	0,9
Канада	1		1,8	1,4	2,4	2,2	0,5	0,5
Страны зоны евро	17	19	14,3	11,6	25,9	26,3	4,8	4,6
Развивающиеся и со становящимся рынком страны:	150	155	48,9	58,7	37,8	36,4	85,1	85,6
Китай	1		14,3	18,2	9,4	10,7	19,6	18,8

Индия	1		5,7	7,4	1,9	2,2	17,6	17,8
Бразилия	1		2,9	2,5	1,3	1,1	2,8	2,8
Мексика	1		2,1	1,9	1,6	1,9	1,7	1,7
СНГ + Грузия, Украина	13	12 (без Монголии)	4,3	4,5	4,0	2,7	4,2	3,9
Россия	1		3,0	3,2	2,6	1,8	2,1	2,0

Источники. World Economic Outlook (April 2012) – Washington, IMF, 2012, p. 179; World Economic Outlook (October 2018) – Washington, IMF, 2018, p. 131.

Примечание. ВВП и доля отдельных стран подсчитаны по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют.

ВВП мира в 2011 году по рыночному обменному курсу валют составил 69,7 трлн долл, по ППС валют – 78,9 трлн долл. [9]. К 2018 году ВВП мира вырос в абсолютном выражении более, чем на 10 трлн долл. и по рыночному обменному курсу валют достиг 80,4 трлн долл., по ППС валют – 127,5 трлн .долл. [10]. Россия занимает весьма скромное место в глобальном предложении товаров и услуг – всего 3,2% производства мирового ВВП, то есть в 5 раз меньше, чем США, и почти шесть раз меньше, чем Китай. Производительность труда, как доля ВВП на одного работника, в РФ незначительно увеличивается. Медленными темпами растет уровень жизни населения, однако этот показатель в 2,8 раз ниже, чем в США, и почти в 2 раза ниже, чем в странах ЕС. Доля россиян в составе народонаселения мира неуклонно сокращается, всего – 2%. Отсюда, роль российских производителей и потребителей в глобальном мире весьма незначительна. Это требует кардинального изменения социально-экономической политики, инновационного форсайта экономики на новой технологической основе.

В условиях развития глобального информационного общества и цифровой экономики формируется новая мировая архитектура – многополюсная модель, которая имеет трехконтурную конфигурацию (США–Запад–Восток). Национальный совет по разведке США в проекте «Создание карты глобального будущего» выделяют лидеров 21 века – Китай (мировой производственный цех) и Индия (мировой офис), Потенциал Киндии (условное название региона) дает этим странам весомые преимущества:: население треть мира, огромные

внутренние рынки, дешевая и высококвалифицированная рабочая сила, государственная политика, способствующая притоку капитала, с ориентацией на открытость и сотрудничество, что способствует быстрому росту уровня жизни и потребления.

По мнению экспертов, в ближайшей перспективе к странам золотого миллиарда прибавятся «серебряный миллиард» – средний класс стран Азии, СНГ, Латинской Америки и Африки, которые по темпам потребления материальных благ догоняют развитые страны. Это позволяет констатировать, что в глобальном масштабе меняется география потребления.

В условиях глобального финансово-экономического кризиса наблюдается процесс обострения противоречий развития информационного общества и цифровой экономики, проявляющиеся: во-первых, в растущей социальной несправедливости (усиление неравенства доходов, сокращение социальных программ, коммерциализация социальной сферы, увеличение пенсионного возраста); во-вторых, в увеличении цифрового неравенства (асимметричности доступа к информационным источникам различных стран и регионов (на мега- и макроуровне), и отдельных индивидов и домохозяйств (на нано- и микроуровнях); в-третьих, в усиливающейся социальной исключенности (отлучение от общества людей, имеющих наименьшую ценность для сетей информационного капитала по причинам недостаточного образования, состояния здоровья и др.); в-четвертых, в нарушении принципов коллективной защиты труда (рост безработицы, нестабильность занятости) и, как следствие, падение реальных доходов, потребления и благосостояния населения [11].

Выработка новой парадигмы на основе синтеза технологий цифровой экономики и достижений социального государства может стать движущей силой прогрессивного развития российского общества. Необходима модель цифрового социального государства, которая совмещает динамичность цифровой экономики с более сильной социальной справедливостью и коллективной защитой труда, которую обеспечивают новые институты, основанные на межсетевом (цифровом) взаимодействии населения, государства и бизнеса. Создание межсетевой структуры взаимодействия позволит получить как социальный, так и экономический эффект: 1) повысить эффективность государственных расходов на всех уровнях власти; 2) изменить процесс

воздействия государственных программ на потребителя; 3) совершенствовать методы обслуживания государством населения; 4) формировать целевые программы, ориентированные на удовлетворение насущных потребностей граждан [12].

В современных условиях в ряде стран предлагается формирование инновационной стратегии государства – развитие цифровой экономики, нацеленной помимо ускоренного развития высокотехнологичных производств, на активизацию наукоемкого потребления и развитие сектора услуг. Ориентация на высокотребовательное конечное потребление со стороны домохозяйств будет стимулировать отечественных производителей использовать самые современные цифровые технологии как в производстве, так и в продвижении продукции. Следовательно, потребление должно достигнуть такого количественного уровня и качественного состояния, сформировать такую структуру потребностей, которые на данном уровне развития информационных технологий и цифровой экономики обеспечат создание всех предпосылок для расширенного воспроизводства человеческого потенциала и развития интеллектуальной, творческой деятельности как индикатора успешности инновационного развития.

Таким образом, процесс становления глобального информационного общества и цифровой экономики позволяет установить, что решение выше перечисленных проблем, касающихся самых различных сфер жизнедеятельности человечества, требует определения взаимоувязанных и всеобъемлющих подходов на стыке многих научных дисциплин в сочетании с интеллектуальной глубиной и всесторонним учетом долгосрочных последствий принимаемых решений. Мировое сообщество способно решить глобальные проблемы при условии объединения усилий и ресурсов. Отсюда возникает необходимость коренной перестройки сложившейся системы мирохозяйственных отношений.

Для построения эффективного и справедливого экономического порядка, который помог бы всем странам встать на путь устойчивого прогрессивного развития, достойного уровня и качества жизни своих граждан, необходимы гуманизация воспроизводства и отношения партнерства между всеми странами мира. Только партнерство в глобальном масштабе может принести народам мира более безопасное, справедливое и обеспеченное будущее.

Список литературы

1. Кастелльс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / Пер. с англ. А. Калинин, Ю. Подорога. – М.: Логос, 2002. – С. 11.
2. Базелевич В.Д., Ильин В.В. Философия хозяйства. История. – К.: Знания; М.: 2011. – С. 827
3. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2001, с.210–211.
4. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М., 1990.
5. Пороховский А.А. Государство и новая экономика: американский вызов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 3 – с.3–14
6. Васильчук Ю.А. Фактор интеллекта в социальном развитии человека // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 72.
7. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брендов / Пер. с англ. – М., 2012. – С. 256
8. Шумахер Э. Малое прекрасно / Пер. с англ – М., 2012. – С. 5
9. World Economic Outlook (April 2012) – Washington, IMF, 2012, p. 190.
10. World Economic Outlook (October 2018) – Washington, IMF, 2018, p. 152.
11. Манахова И.В., Кадомцева С.В. Конвергенция моделей социального государства на новой технологической основе // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2015. – № 5(59). – С. 12–15.
12. Кадомцева С.В., Манахова И.В. Современная парадигма социально-экономического развития: Часть III: Гуманизация воспроизводства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 1(75). – С. 26–31

Молчанов И.Н.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

**Финансы домохозяйств в условиях
цифровизации: организационные новшества**

Аннотация. Обосновывается актуальность вопросов исследования финансов домохозяйств, которые начали формироваться в составе финансовой системы России сравнительно недавно, в связи с переходом страны на рыночные условия хозяйствования. Рассматривается закономерное возрастание роли домохозяйств в функционировании финансовых отношений. Исследуется необходимость более активного участия домохозяйств в инвестиционном процессе на современном этапе экономического развития. Предлагаются меры по защите финансовых ресурсов домохозяйств и обеспечению информационной безопасности. Сформулированы предложения по развитию финансов домохозяйств, направленные на повышение устойчивости функционирования финансовой системы России.

Ключевые слова: финансы, домашнее хозяйство, национальная финансовая система, информационная безопасность, потребительские расходы домашних хозяйств, инвестирование

Molchanov I.N.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Moscow State University Lomonosov; Professor, Department of Public

*Finance, Financial University under the Government
of the Russian Federation*

**Digitalization of Household Finance:
Organizational Innovation**

Abstract. The relevance of the research of household finances, which began to form relatively recently in the Russian financial system, is substantiated in connection with the country's transition to market conditions. A regular increase in the role of households in the functioning of financial relations is being considered. The need for more active participation of households in the investment process at the present stage of economic development is being investigated. Measures to protect household financial resources and ensure information security are proposed. Proposals for the development of household finances aimed at increasing the sustainability of the functioning of the financial system of Russia have been formulated.

Keywords: finance, household, national financial system, information security, household consumer spending, investment

Рыночные преобразования в экономике России инициировали изменения в структуре национальной финансовой системы. В ее составе (с позиций функционального подхода) можно выделить три сферы (подсистемы): финансы домашних хозяйств (включая финансы индивидуальных предпринимателей), финансы организаций (коммерческих и некоммерческих), государственные и муниципальные, или общественные финансы (в составе бюджетов различных уровней управления и внебюджетных фондов). Как составная часть национальной финансовой системы, финансы домашних хозяйств – это «совокупность денежных отношений, возникающих у домохозяйств в процессе формирования доходов, поступлений и накоплений и последующего их использования с целью финансового обеспечения деятельности, личного и семейного потребления и выполнения финансовых обязательств» (11, с. 109).

Если рассматривать данную экономическую категорию с позиции финансового права, то финансы домашних хозяйств – это совокупность правоотношений, которые менее других сфер финансовой системы подвержены государственному регулированию посредством использования экономических методов и инструментов. Трактовка

финансов домашних хозяйств как совокупности денежных отношений по поводу формирования и использования семейных бюджетов, обусловливает рост интереса к данной экономической категории и инициирует ее более углубленное исследование (3; 7; 10). В условиях проведения государством социально ориентированной семейной политики требуют особого внимания вопросы обоснования перспектив будущего развития. В этой связи возрастает актуальность анализа финансового состояния домашних хозяйств, сбалансированности их семейных бюджетов, вопросов обеспечения защиты финансовых ресурсов домашних хозяйств от внешних угроз и несанкционированных действий, поиска надежных направлений инвестирования (5; 6).

Домашнее хозяйство, в широком понимании рассматриваемое как домашняя экономика, домашняя наука, представляет собой область исследования, которая касается отношений между людьми, семьями, сообществами и окружающей средой, в которой они живут. Важность экономики домашнего хозяйства была признана уже в древности. Греческий мыслитель Ксенофонт в трактате «Домострой» описывает образцовое домашнее хозяйство (4). Трансформация самого понятия домашнего хозяйства происходила вместе со сменой общественно-экономических формаций. Классическая и неоклассическая экономические школы отождествляли понятия «домашнее хозяйство» и «индивид»¹. Распространение получили идеи «новой экономической теории домашнего хозяйства», сформулированные учеными Г.С. Беккером, К. Дж. Ланкастером, Д. Минсером. Их новаторский характер состоит в том, что семья выступает не только как потребитель благ на рынке, но и как их производитель: «домохозяйство – это «небольшая фабрика», которая, комбинируя капитальные ресурсы, сырье и труд, убирает дом, готовит еду, воспитывает детей» (1, с. 160).

Домашнее хозяйство, рассматриваемое как совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, которые как связаны, так и не связаны родством, совместно обеспечивают себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объеди-

¹ Такой подход был обусловлен особенностями рассмотрения деятельности хозяйствующего субъекта (фирмы, либо индивида): экономические отношения, складывающиеся внутри него, не изучались и не анализировались.

няя и расходуя свои средства, – является основной единицей анализа во многих социальных, микроэкономических и правительственных моделях и имеет важное значение для экономики. Модели домохозяйства включают в себя семью, разновидности смешанных (сводных) семей (blended families). Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно¹. Для проживания домохозяйств предназначены различные виды жилых помещений: совместное жилье (share housing), групповые дома (group homes), пансионаты, дома многоквартирного проживания (houses in multiple occupation – UK) и однокомнатные номера (single room occupancy – USA)².

Различия в толкованиях данной экономической категории распространяются и на ее финансовую составляющую. Так, авторами рассматриваются разные терминологические вариации: финансы домохозяйства, финансы семьи, личные финансы индивидов. Следует подчеркнуть, что эти понятия близки по составу, из одного синонимического ряда, но не являются идентичными. Вследствие сохраняющейся дискуссионности в категориальном аппарате финансовой науки в целом и применительно к финансовой системе в частности, по отношению к названным словосочетаниям не достигнуто однозначного толкования. Причинами являются разнообразие позиций научных школ: от сущностных категорий «финансы» и «финансовая система», и до особенностей информационной системы государственной статистики, на основании которой проводятся исследования финансов домашних хозяйств.

В связи с различиями в терминологии, исследователями подчеркивается важность разграничения понятий «домохозяйство», «семья», «индивид», поскольку они характеризуют родственные, но не совпадающие общественные структуры. Так, семья рассматривается

¹ В феодальных обществах королевское домохозяйство и средневековые домохозяйства богачей включали также слуг и другой обслуживающий персонал.

² SRO – иногда называют резиденцией одного жителя. Форма жилья, в которой один или два человека размещаются в отдельных комнатах с одной общей ванной и/или кухней. В некоторых номерах могут быть мини-кухни, полуванны (half-baths). Проживание в одном номере часто является формой доступного жилья для людей с низким доходом и бывших бездомных.

прежде всего как явление преимущественно демографическое, психологическое и социальное, домохозяйство – как явление сугубо экономическое. Специфика данного подхода проявляется в выполняемых функциях. Так, в процессе воспроизводства домашнее хозяйство выполняет функции, которые являются ключевыми для обеспечения его жизнедеятельности: предпринимательскую, распределительную, потребительскую и сберегательную. Основными характеристиками домохозяйства являются величина, финансовый потенциал, количество, возраст и уровень образования участников. «Домашнее хозяйство – один из трех субъектов экономической деятельности ...охватывает экономические объекты и процессы, происходящие там, где постоянно проживает человек, семья (8, с. 93)».

При исследовании экономического положения домохозяйств значительное место отводится финансовому аспекту. Ключевыми показателями для анализа являются доходы и расходы населения. Основные показатели доходов населения России за 2013–2019 гг. по данным Федеральной службы государственной статистики представлены в табл. 1.

Таблица 1. Объем и структура денежных доходов населения по источникам поступления¹

(в соответствии с Методологическими положениями по расчету показателей денежных доходов и расходов населения, утвержденными приказом Росстата от 02.07.2014 № 465 с изменениями от 20.11.2018 № 680)

	Всего денежных доходов, млрд рублей	в том числе в процентах:				
		доходы от предприни- мательской и другой произ- водственной деятельности	оплата труда наемных работников	социальные выплаты	доходы от собствен- ности	прочие денежные поступления
2013 год						
Год	44 230,6	7,0	55,1	18,7	4,7	14,5
2014 год						
Год	47 309,2	7,0	54,9	18,2	4,8	15,1

¹ Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru

2015 год						
Год	53 153,2	6,5	52,8	18,2	5,1	17,4
2016 год						
Год	54 325,3	6,4	54,0	18,8	5,1	15,7
2017 год						
Год	56 205,1	6,3	55,1	19,3	4,6	14,7
2018 год						
Год	58 458,7	6,1	57,4	19,1	4,6	12,8
2019 год (предварительные данные)						
1 квартал	13 257,0	6,1	62,7	19,1	4,1	8,0
2 квартал	15 185,0	5,8	60,0	19,5	4,3	10,4
3 квартал	15 449,3	6,5	56,4	18,6	4,4	14,1

Из таблицы 1 следует, что наибольшую часть доходов населения составляет оплата труда (удельный вес варьируется по годам исследуемого периода от 52,8% в 2015 году до 57,4 % в 2018 году в общей структуре доходов), далее следуют социальные выплаты (в пределах 18–19%). Наблюдаются колебания названных видов доходов по кварталам 2019 года, что оказывает определенное влияние на структуру расходов.

Основные показатели расходов населения России за 2013–2019 гг. по данным Федеральной службы государственной статистики представлены в табл. 2.

Таблица 2. Баланс денежных доходов, расходов и сбережений населения Российской Федерации, %¹

(Методология от 02.07.2014 №465 с изменениями от 20.11.2018г. №680)						
Доходы	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
I. Оплата труда наемных работников	24 372 251	25 953 115	28 067 457	29 303 179	30 987 013	33 568 324
II. Доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности	3 112 605	3 315 238	3 449 696	3 473 168	3 513 911	3 573 957

¹ Источник: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru

III. Социальные выплаты	8 284 981	8 627 644	9 656 306	10 227 815	10 847 538	11 154 413
1. Пенсии и доплаты к пенсиям	5 849 682	6 055 534	6 972 512	7 389 534	8 002 501	8 243 040
2. Пособия и социальная помощь	2 076 339	2 179 306	2 286 289	2 439 813	2 445 321	2 543 146
3. Стипендии	75 065	77 135	78 443	82 369	85 637	90 376
4. Страховые возмещения	283 896	315 669	319 061	316 099	314 080	277 851
IV. Доходы от собственности	2 058 730	2 257 668	2 739 010	2 776 663	2 570 821	2 688 476
1. Дивиденды	1 135 763	1 315 208	1 175 743	1 313 204	1 268 500	1 521 789
2. Проценты, начисленные по денежным средствам на банковских счетах физических лиц в кредитных организациях	850 214	854 465	1 439 382	1 328 520	1 198 057	1 085 561
3. Выплата дохода по государственным и другим ценным бумагам	67 071	83 801	100 575	124 073	91 300	55 105
4. Инвестиционный доход (доход от собственности держателей полисов)	5 681	4 193	23 310	10 867	12 963	26 021
V. Прочие денежные поступления	6 402 083	7 155 559	9 240 706	8 544 424	8 285 842	7 473 565

в т.ч. поступления, не распределенные по статьям формирования денежных доходов населения	5 189 021	5 439 394	7 251 563	6 741 803	6 490 509	5 598 345
VI. Всего денежных доходов (I + II + III + IV + V)	44 230 649	47 309 223	53 153 174	54 325 250	56 205 126	58 458 735
Расходы						
I. Потребительские расходы	35 746 788	38 807 617	41 054 098	42 086 998	44 455 362	47 186 243
1. Покупка товаров	26 716 652	29 066 742	30 449 334	31 368 057	32 822 251	34 904 469
2. Оплата услуг	7 660 907	8 210 836	8 916 807	9 496 698	10 088 562	10 558 201
3. Платежи за товары (работы, услуги), произведенные за рубежом, за наличные деньги и с использованием пластиковых карт	1 369 229	1 530 039	1 687 957	1 222 242	1 544 549	1 723 573
II. Обязательные платежи и разнообразные взносы	5 278 154	5 816 752	5 955 423	6 069 175	6 439 289	7 238 462
1. Налоги и сборы	3 004 614	3 186 696	3 324 741	3 479 218	3 743 809	4 200 158
2. Платежи по страхованию	426 194	507 594	551 101	600 309	665 752	808 940
3. Взносы в общественные и кооперативные организации	186 275	201 471	207 686	216 888	230 640	253 313

4. Проценты, уплаченные населением за кредиты (включая валютные), предоставленные кредитными организациями	1 661 071	1 920 991	1 871 895	1 772 760	1 799 088	1 976 051
III. Прочие расходы	1 286 517	1 398 732	1 326 823	1 409 982	1 497 971	1 561 993
IV. Всего де-нежных расходов (I + II + III)	42 311 458	46 023 100	48 336 345	49 566 155	52 392 623	55 986 697
Сбережения						
I. Прирост (уменьшение) сбережений во вкладах банков резидентов и нерезидентов	2 632 377	-129 484	3 058 554	2 271 478	2 305 524	1 818 773
II. Приобретение государственных и других ценных бумаг	223 527	250 156	272 649	34 711	38 403	-82 529
III.. Прирост (уменьшение) средств на счетах индивидуальных предпринимателей	20 284	44 493	30 313	63 303	128 914	138 270
IV. Прирост (уменьшение) наличных денег у населения в рублях и инвалюте	272 291	1 130 578	-530 985	1 126 231	1 237 739	1 475 123

V. Расходы на покупку не-движимости	929 802	1 052 833	891 971	1 117 002	1 119 098	1 430 969
VI. Покупка населением и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами скота и птицы	104 848	109 529	121 703	124 043	128 468	123 756
VII. Прирост (уменьшение) задолженности по кредитам	2 289 545	1 229 974	-902 656	95 769	1 356 785	2 725 940
VIII. Прочие сбережения	25 608	57 992	69 968	118 095	211 143	293 616
IX. Всего прирост сбережений населения (I + II + III + IV + V + VI – VII + VIII)	1 919 191	1 286 123	4 816 830	4 759 095	3 812 503	2 472 039

Из данных таблицы 2 следует, что главной статьей расходов является покупка товаров и оплата услуг, причем наблюдается тенденция к росту их удельного веса во всех расходах населения. В составе услуг наибольший удельный вес приходится на оплату жилищных и транспортных услуг, что в определенной мере свидетельствует о повышении их качества. Обращает внимание довольно низкий уровень сбережений граждан во вкладах и ценных бумагах, и наметившаяся тенденция к его снижению. В этой связи уместно напомнить один из постулатов современной экономической теории о том, что основными сберегателями в рыночной экономике являются домашние хозяйства. Для преодоления сложившейся ситуации необходимо проведение системы мер по изменению приоритетов финансовой политики в отношении домохозяйств: повышение уровня заинтересованности населения в инвестировании, активизация работы полномочных структур по более активному применению положительно зарекомендовавших себя в отечественной и зарубежной практике финансовых инструментов.

Возникает вопрос: как организовать экономику семьи и управление финансами домашнего хозяйства? Исследования подтверждают, что эффективность этой деятельности зависит от состояния личных финансов¹: каждая семья стремится к рациональной структуре потребления, исходя из реальных денежных и натуральных доходов. В этой связи следует учитывать специфику данной экономической категории. Существо вопроса в том, что основная цель домашнего хозяйства (индивида) состоит в улучшении не общественного, а семейного (личного) благосостояния. «Индивид всегда противопоставляет свои личные финансы финансам семьи, домашнего хозяйства, других физических и юридических лиц, государства в целом не только потому что он хочет самостоятельно распоряжаться своими финансовыми ресурсами, но и потому что они направляются в первую очередь на удовлетворение своих личных потребностей и способствуют утверждению своего личного экономического статуса², обеспечивающего ему материальную независимость от других членов общества (2, с. 15)». Из констатации данного положения вытекает возрастающая роль личных финансов во всей совокупности финансовых отношений. Своеобразие данной экономической категории предопределяется всем спектром человеческих потребностей. Значение имеет также роль личных финансов в поддержании сбалансированного экономического статуса индивида, его самореализации как личности в обществе.

Управление финансовыми ресурсами (доходами, поступлениями, накоплениями) семей (их деньгами и сбережениями) должно осно-

¹ В экономической литературе личные финансы рассматриваются как совокупность денежных отношений, отражающих процессы формирования денежных ресурсов личности для удовлетворения потребностей человека. Некоторые авторы, понимая под личными финансами денежные накопления и сбережения населения, видят их предназначение в качестве весомого инвестиционного ресурса для развития экономики страны

² Каждый индивид обладает совокупностью статусов: социальным, правовым, образовательным, психологическим, экономическим. Главной характеристикой экономического статуса индивида выступают личные финансы как индикатор материальных и нематериальных активов человека.

ываться на соблюдении требований и норм финансовой безопасности. В контексте финансовой безопасности для функционирования домохозяйств ключевыми условиями являются наличие стабильного дохода или других ресурсов для поддержания уровня жизни сейчас и в обозримом будущем, что предполагает: предсказуемость будущего денежного потока в направлении физического (человека) или юридического лица (хозяйствующего субъекта); вероятность продолжающейся платежеспособности; обеспечение занятости (самозанятости).

Поддержание необходимого уровня финансовой безопасности домохозяйств обеспечивается средствами информационной безопасности¹. Характерными чертами информационной безопасности являются конфиденциальность (обеспечение доступа к информации только авторизованным пользователям); целостность (обеспечение достоверности и полноты информации и методов ее обработки); доступность (состояние информации и ее носителей, при котором обеспечивается беспрепятственное и своевременное получение пользователями предназначенной для них информации).

Информационное обеспечение позиционируется как комплекс методов и средств по размещению и формам предоставления информации, включающий совокупность показателей, классификаторов, систем документации, файлов, необходимым компонентом которого выступает персонал, преобразующий информацию. Цель информационного обеспечения финансового управления состоит в предоставлении информации, необходимой для принятия управленческих решений.

Организационная основа представляет собой регламентацию деятельности по проведению процедур и мероприятий, направлен-

¹ В общем виде информационная безопасность представляет собой процесс обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации; это практика предотвращения несанкционированного доступа, использования, раскрытия, искажения, изменения, исследования, записи или уничтожения информации. Приведенное универсальное понятие применяется вне зависимости от формы, которую могут принимать информационные источники.

ных на обеспечение информационной безопасности, на нормативно-правовой основе, то есть соответствие систем ее обеспечения нормативным требованиям и непосредственное внедрение отраслевых стандартов. Базовым документом российского отраслевого комплекса является стандарт Банка России [9]. Его основными целями являются развитие и укрепление банковской системы, повышение доверия к ней, поддержание стабильности российских кредитных организаций и на этой основе – устойчивости системы в целом, достижение адекватности мер защиты реальным угрозам, предотвращение и (или) снижение ущерба от возможных инцидентов. Для обеспечения информационной безопасности банковской системы необходима не только нормативно-правовая база, но и осознание субъектами банковской системы важности ее совершенствования за счет соблюдения нормативных требований.

Финансы домашних хозяйств являются сложной экономической категорией, исследование которой инициирует дискуссии среди российских ученых. Как самостоятельная сфера финансовой системы, финансы домашних хозяйств встраиваются в систему управления финансами. Важным условием продвижения научных знаний в практику хозяйствования становится систематизация, постоянное обновление и применение в экономической деятельности методов и инструментов государственного регулирования, на основе которых формируется управление финансами домохозяйств как одной из сфер национальной финансовой системы. Следует совершенствовать механизмы повышения заинтересованности населения в практическом использовании таких инструментов инвестирования, как облигации федерального займа для населения¹, индивидуальные инвестиционные счета, потребительское и ипотечное кредитование.

В условиях трансформационных процессов в национальном хозяйстве в экономике домохозяйств проявляются специфические проблемы, которые требуют углубленного рассмотрения. Их можно сгруппировать по следующим разделам: 1) потребление и экономия; 2) пред-

¹ См. Приказ Минфина России от 26.12.2019 № 1655 «Об эмиссии облигаций федерального займа для физических лиц выпуска № 53005RMFS». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/ofz-n/current/

ложение рабочей силы и распределение времени на производство и досуг домашних хозяйств; 3) рождаемость и родительские инвестиции в благосостояние детей; 4) спрос на здоровье (часть экономики здравоохранения); 5) межпоколенческие отношения, в том числе вопросы наследования (завещание) и уход за пожилыми родственниками; 6) образование домохозяйств путем совместного проживания, брака или самостоятельной жизни, включая изучение межсексуального отбора (mate selection); 7) развод и разделение имущества; 8) связанные с браком трансфертные платежи, такие как приданое невесты, алименты и поддержка детей; 9) финансовые отношения между партнерами и супругами; 10) борьба с нищетой и предложение рабочей силы в семьях с низким доходом; 11) внутрихозяйственное распределение рисков, вытеснение домашнего страхования с помощью государственных страховых полисов; 12) макроэкономические приложения, включая исследования, связанные с экономическим развитием.

Список литературы

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные произведения по экономической теории: пер. с англ. / Г.С. Беккер. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 671 с.
2. Глухов В.В. Роль личных финансов в формировании экономического статуса индивида / В.В. Глухов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – №9. – С. 13–20.
3. Игонина Л.Л. Финансовая система и экономическое развитие: монография / Л.Л. Игонина. – Москва: Русайнс, 2016. – 140 с.
4. Ксенофонт. Сократические сочинения (Трактат «Домострой»). Москва: Мир книги, 2007. – 368 с.
5. Молчанов И.Н. Новации в инвестировании организаций и домашних хозяйств как средство преодоления антироссийских экономических санкций / И.Н. Молчанов // Друкеровский вестник. – 2017. – №5 (19). – С. 14–24.
6. Молчанов И.Н. Финансовые инновации в инвестировании домохозяйств в период секторальных западных санкций / И.Н. Молчанов // Управление инновациями – 2017. Материалы Международной

научно-практической конференции ИПТУ РАН. /Под ред. Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько. – Москва: Изд-во Южно-Российский государственный университет (НПИ) имени М.И. Платова (Новочеркасск), 2017. – С. 105–112.

7. *Пятенко С.В. Экономический кризис и личные финансы* /С.В. Пятенко, Т.Ю. Сапрыкина. – Москва: КНОРУС, 2009. – 320 с.

8. *Райзберг Б.А. Современный экономический словарь* /Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – 479 с.

9. Стандарт Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Методика оценки соответствия информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации требованиям СТО БР ИББС–1.0–2014» СТО БР ИББС–1.2–2014» (принят и введен в действие Распоряжением Банка России от 17.05.2014 N Р–399). – Вестник Банка России. – 2014. – N 48–49. – 30 мая.

10. *Чернов А.Ю. Личные финансы: доходы и расходы семейного бюджета*. А.Ю. Чернов. – Москва: Перспектива, 1995. – 176 с.

11. *Финансы* /под ред. Е.В. Маркиной. – 2-е изд., стер. – Москва: КНОРУС, 2017. – 432 с.

Симченко Н.А.,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории Крымского
федерального университета имени В.И. Вернадского,*

Цёхла С.Ю.,

*доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой менеджмента
предпринимательской деятельности Крымского
федерального университета имени В.И. Вернадского*

Принципы исследования экономических эффектов развития цифровых двойников¹

Аннотация. В статье представлен авторский подход к разработке методологических основ исследования экономических эффектов развития цифровых двойников. Обосновано, что в условиях стремительного развития цифровых коммуникаций кросс-отраслевое взаимодействие характеризуется переходом от жестких иерархических структур к сетевым гибким горизонтальным структурам, способным быстро перестраивать конфигурацию связей под новые проекты технологического партнерства. Предложены принципы исследования экономических эффектов развития цифровых двойников. Авторами сделан вывод, что набор классических конкурентных стратегий компании будет меняться в пользу выбора стратегий конкуренции, ориентированных на создание цифровых платформ, многосторонних рынков и сетевых эффектов передачи данных.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00346. Авторы выражают благодарность РФФИ за поддержку проекта.

Ключевые слова: цифровые трансформации, цифровые двойники, кросс-отраслевое взаимодействие, экономические эффекты

Simchenko N.Al.,

Doctor of Econ. Sc., Professor, Head of Development of Economic Theory, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Tsohla S.Yu.,

*Doctor of Econ. Sc., Professor,
Head of Development of Management and Business,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

**Principles of Research of the Economic Effects
of Digital Twins**

Abstract. The article presents the author's approach to the development of methodological bases for the study of the economic effects in the development of digital twins. It is justified that in conditions of rapid development of digital communications cross-industry interaction is characterized by transition from rigid hierarchical structures to network flexible horizontal structures, which can quickly rebuild the configuration of ties for new projects of technological partnership. Principles of research of economic effects of development of digital twins are proposed. The authors concluded that the company's set of classic competitive strategies would change in favor of choosing competition strategies focused on digital platforms, multilateral markets and network effects of data transmission.

Keywords: digital transformations, digital twins, cross-industry interaction, economic effects

Основой новой парадигмы цифрового проектирования и моделирования глобально конкурентоспособной продукции нового поколения является создание «умных» цифровых двойников (Digital Twins). Согласно современным интерпретациям ученых, цифровой двойник представляет собой иерархическую систему математических моделей, вычислительных методов и программных услуг, позволяющую осуществлять синхронизацию в реальном времени между состоянием реально протекающего процесса или системы и ее виртуальной копией [1–3]. По утверждению ведущего аналитика Gartner – М. Halpern, «цифровой двойник – это не просто 3D-модель, а вир-

туальная модель «предмета». Для каждой физической вещи создается как минимум один уникальный двойник. Весьма сложно обеспечить целостность процессов разработки, системного инжиниринга и производства цифровых двойников» [4]. По оценкам Deloitte, глобальный рынок технологий цифровых двойников к 2023 году вырастет до 16 млрд долл., тогда как обороты рынка технологий, формирующих базу для этого прогресса, в частности, Интернета вещей (IoT) и машинного обучения, к 2020 году должны удвоиться [5]. В связи со стремительным распространением и использованием цифровых двойников в разных отраслях промышленности, наибольшую актуальность сегодня приобретают вопросы кросс-отраслевого сетевого взаимодействия структур в цифровой экономике.

Исследование проблематики кросс-отраслевого сетевого взаимодействия структур в цифровой экономике предполагает использование системного и сетевого подхода к проектированию структур управления внедрением цифровых двойников в традиционные отрасли промышленности.

Новая парадигма цифрового проектирования и моделирования, драйвером которой является «умный» цифровой двойник (Smart Digital Twin), формируется в результате численного моделирования и оптимизации на основе Smart Big Data. По сути цифровой двойник имеет мало общего с простой 3D геометрической моделью и простейшими математическими расчетами, которые в основном и представлены в промышленности и с которыми зачастую (неверно) ассоциируется цифровое проектирование и моделирование [5].

В основу концептуальной архитектуры создания цифрового двойника положены шесть этапов [8]:

– Создание цифрового двойника. Этап предусматривает оснащение физического процесса множеством датчиков, которые измеряют критические входы ключевого процесса и других подпроцессов. Выделяют два типа измерений: эксплуатационные измерения, имеющие отношение к критериям физической работоспособности оборудования; экологические (или внешние) измерения, влияющие на производственные операции, такие как: температура окружающей среды, атмосферное давление и уровень влажности. Измерения могут быть преобразованы в защищенные цифровые сообщения с использованием кодировки, а затем переданы цифровому двойнику.

– Сетевые коммуникации. Этап предусматривает перманентные коммуникации в режиме реального времени, обеспечивающие взаимосвязь между физическим процессом и цифровой платформой. Сетевые коммуникации являются одним из важнейших вызовов для продуцирования цифрового двойника.

– Агрегация данных. На данном этапе осуществляется загрузка данных в хранилище данных, их обработка и подготовка для аналитики. Агрегация данных и их обработка может быть выполнена либо на физическом оборудовании, либо в облаке.

– Анализ данных. На данном этапе данные анализируются и визуализируются. Использование передовых аналитических платформ и технологий позволяет аналитикам разрабатывать итерационные модели, которые позволяют генерировать идеи и вырабатывать рекомендации к принятию решений.

– Идентификация отличий. В результате представленной аналитики в виде информационных панелей делается вывод о имеющих место различиях между цифровым двойником и физическим аналогом в одном или нескольких измерениях, в результате чего выявляются области, нуждающиеся в изменениях и коррекциях.

– Действие. Этап характеризуется реализацией действенных мер применительно к устранению нестыковок между цифровым двойником и физическим аналогом. Данные операции осуществляются через декодеры в интеллектуальных системах управления данными, которые обновляют цепочки поставки данных в зависимости от человеческого вмешательства. Такое взаимодействие завершает замкнутую связь между физическим объектом и цифровым двойником.

Согласно докладу Huawei [9], широкомасштабное развитие цифровых технологий непосредственным образом отразится на изменении понимания классических факторов обеспечения конкурентоспособности компаний. Внедрение цифровых технологий кардинальным образом меняют устройство глобальной экономической системы, саму операционную модель компаний, возможности потребителей, структуру отраслей, роль государств, повышает эффективность затрат и выявляет новые возможности на рынке. Даже в самых традиционных отраслях все активнее применяются методы анализа больших объемов данных для получения новых знаний и принятия эффектив-

ных управленческих решений. Большие данные становятся основным активом современного бизнеса. При этом важно понимать, что только сетевым образом связанные данные могут увеличить стоимость компании.

Принимая во внимание важность разработки инновационно преентивных подходов к управлению структурами в цифровой экономике в контексте кросс-отраслевого сетевого взаимодействия, определенно значимой научной задачей является разработка принципов сетевого взаимодействия структур различных отраслей экономики. Принципы, как одна из важнейших категорий науки управления, синтезируют объективность экономических законов и закономерностей управления, а также характерные черты реальной практики управления. Под принципами кросс-отраслевого сетевого взаимодействия структур в цифровой экономике будем понимать совокупность ключевых правил деятельности, базовых положений и норм поведения, которыми руководствуются органы управления компаний в направлении повышения стоимости бизнеса в условиях цифровизации экономики.

Ниже представлены основные принципы исследования экономических эффектов развития цифровых двойников:

- принцип системности, предусматривающий установление между структурными элементами системы управления партнерской сети информационно-коммуникационных связей, обеспечивающих целостность и устойчивость функционирования сети как единой социально-экономической и цифровой системы;

- принцип синергии, характеризующий увеличение стоимости компании на основе кросс-отраслевого сетевого взаимодействия через управление большими данными, аналитическими процедурами, облачными технологиями, Интернетом вещей, виртуальной реальностью, искусственным интеллектом и машинным обучением;

- принцип горизонтально-технологического взаимодействия между партнерами сети, характеризующий стирание административных границ и ускоренный обмен данными;

- принцип качества электронного обмена данными и документами в виде бизнес-операций между разноотраслевыми структурами, предусматривающий повышение уровня качества и полноту данных, омниканальность;

- принцип автоматизации управления, предусматривающий стимулирование ответственных лиц компании к поэтапному отказу от управления текущими операциями в деятельности компании;

- принцип цифрового проектирования процессов управления, предусматривающий функционирование аппаратно-программного комплекса электронного обмена данными, реализующего функционал специализированной системы обмена данными и обеспечивающий высокий уровень защиты информации от несанкционированного доступа;

- принцип постоянного научения кадров цифровым инновациям, предусматривающий постоянную вовлеченность работников в процессы повышения цифровой грамотности;

- принцип SDM-клиентоориентированности, предполагающий удовлетворение потребностей клиентов компании в быстро меняющейся цифровой среде (SDM-клиенты: social, digital & mobile clients);

- принцип стандартизации процедур, предусматривающий наличие и развитие большей степени свободы.

- принцип кросс-культурных цифровых коммуникаций, основывающийся на необходимости построения эффективных, взаимопонятных всем участникам, коммуникаций в цифровой среде;

- принцип социально ответственного партнерства, предусматривающий постоянное улучшение бизнес-практик и совместное развитие эффективности с целью партнерского развития социальной и экологической ответственности.

Одним из базовых принципов кросс-отраслевого сетевого взаимодействия структур в цифровой экономике является принцип горизонтально-технологического взаимодействия между партнерами сети, характеризующий стирание административных границ и ускоренный обмен данными. Отметим, что в условиях стремительного развития цифровых коммуникаций и распределенного производства экономическая власть переходит от жестких иерархичных структур к участникам гибких горизонтальных сетей, способных быстро перестраивать конфигурацию связей под новые проекты и совместное создание очередных инновационных продуктов [10]. На уровне компаний новыми лидерами становятся фирмы с минимальной иерархией и максимальной организационной мобильностью, позволяющей использовать выгоды динамичной сетевой среды.

В основу кросс-отраслевого взаимодействия структур в цифровой экономике заложено развитие цифровых платформ. В экономической литературе [11, 12] цифровые платформы трактуются не только как технологические системы, имеющие определенный код и интерфейс, а и такие, которые с предоставлением определенных продуктов и услуг позволяют разным типам пользователей находить друг друга и обмениваться ресурсами, совместно создавая в ходе этих обменов новые ценности – новые товары, услуги, технологии, предприятия и т.д. Такой обмен ресурсами отличается от традиционных рыночных сделок и предполагает наличие оператора платформы (девелопера), который создает инструменты для координации связей и успешного осуществления пользователями обменных транзакций [13].

Совместное создание новых ценностей предполагает коллаборацию экономических агентов и ее сетевые эффекты, приносящие дополнительную выгоду всем участникам сети [10]. Поэтому пользователей платформ можно рассматривать как участников единой партнерской сети, выступающих не только в роли потребителей, но также в роли производителей – поставщиков комплементарных видов благ, включая инновационные идеи и технологии. Благодаря сетевому взаимодействию пользователей создание платформ помогает бизнесу достигать экономии на разнообразии и наращивать инновационную активность [10].

Анализ современной зарубежной и российской практики управления цифровыми двойниками позволил исследовать содержательность эффектов использования цифровых двойников в таких отраслях экономики, как: автомобильная промышленность, здравоохранение, образование, культура, торговля, транспорт, сельское хозяйство. В условиях стремительного развития цифровых коммуникаций кросс-отраслевое взаимодействие характеризуется переходом от жестких иерархичных структур к сетевым гибким горизонтальным структурам, способным быстро перестраивать конфигурацию связей под новые проекты технологичного партнерства. Предложены базовые принципы кросс-отраслевого сетевого взаимодействия структур в цифровой экономике, отражающие основы повышения стоимости бизнеса: принцип системности; принцип синергии; принцип качества электронного обмена данными и документами в виде бизнес-операций между разноотраслевыми структурами; принцип автомати-

зации управления; принцип цифрового проектирования процессов управления; принцип горизонтально-технологического взаимодействия между партнерами сети; принцип постоянного научения кадров цифровым инновациям; принцип SDM-клиентоориентированности; принцип стандартизации процедур; принцип кросс-культурных цифровых коммуникаций; принцип социально ответственного партнерства. Указанные принципы лягут в основу дальнейшей разработки концепции кросс-отраслевого взаимодействия структур в цифровой экономике.

Список литературы

1. Borodulin K., Radchenko G., Shestakov A. (2017). Towards Digital Twins Cloud Platform: Microservices and Computational Workflows to Rule a Smart Factory. – pp. 209–210. – DOI: 10.1145/3147213.3149234. – Available from: <https://www.researchgate.net/publication/321450833> [accessed Aug 15 2018].
2. Qi Q., Tao F. (2018). Digital Twin and Big Data Towards Smart Manufacturing and Industry 4.0: 360 Degree Comparison // IEEE Access. – Volume 6, 12 January 2018, pp. 3585–3593. – Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/8258937/> [accessed Aug 02 2018].
3. Shymchenko A., Tereshchenko V., Ryabov Y., Salkutsan S., Borovkov A. (2017). Review of the Computational Approaches to Advanced Materials Simulation in Accordance with Modern Advanced Manufacturing Trends // Materials Physics and Mechanics. – Issue 3, 2017. – pp. 328–352.
4. Halpern M. (2018). Digital Twins: Beware of Naive Faith in Simplicity. – Available at: <https://www.engineering.com/PLMERP/ArticleID/16272/Digital-Twins-Beware-of-Naive-Faith-in-Simplicity.aspx> [accessed Feb 02 2019].
5. Parrott A., Warshaw L. Industry 4.0 and the digital twin. Manufacturing meets its match (2017) // Deloitte Insights. – Available at: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/focus/industry-4-0/digital-twin-technology-smart-factory.html> [accessed Jan 25 2019]
6. Borovkov A.I., Rjabov Ju.A., Marusev V.M. (2018). «Umnye» cifrovye dvojniki – osnova novoj paradigmy cifrovogo proektirovanija i modelirovanija global'no konkurentosposobnoj produkcii novogo pokolenija.

Tramplin k uspehu [Springboard to success]. №3. Pp. 12–16. (In Russ.) Available at: http://assets.fea.ru/uploads/fea/news/2018/04_april/12/Tramplin-k-uspehu-N13-2018.pdf (accessed: 15.08.2018).

7. Tech Trends 2019: Beyond the Digital Frontier (2019). – Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/TechTrends-2019/DI_TechTrends2019.pdf [accessed Jan 26 2019]

8. Daecher A., Schmid R. Internet of Things: From sensing to doing // Tech Trends 2016. – Deloitte University Press, February 24, 2016. Available at: <https://dupress.deloitte.com/dup-us-en/focus/tech-trends/2016/internetof-things-iot-applications-sensing-to-doing.html> [accessed Feb 07 2019]

9. GIV 2025: Unfolding the Industry Blueprint of an Intelligent World (2018). – Available at: <https://www.huawei.com/minisite/giv/en/download/whitebook.pdf> [accessed Jan 26 2019]

10. Smorodinskaya N., Katukov D. Kljuchevye cherty i posledstvija industrial'noj revoljucii 4.0 [Key features and implications of Industrial Revolution 4.0] // Innovacii [Innovations]. 2017. – №10. – pp. 81–90.

11. Evans D.S. Platform Economics: Essays on Multi-Sided Businesses. London: Competition Policy International, 2011. 162 p.

12. Gawer A. Bridging Differing Perspectives on Technological Platforms: Toward an Integrative Framework // Research Policy. 2014. Vol. 43. № 7. P. 1239–1249.

13. Parker G. G., Alstyne M. W., Choudary S. P. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – And How to Make Them Work for You. New York, NY: W.W. Norton & Co., 2016. 352 p.

Эпштейн Д.Б.,

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Северо-Западного НИИ экономики
сельского хозяйства РАН*

**Социализация капитализма:
потенциал и пределы¹**

Аннотация. В статье анализируется явление социализации капитализма как результат усиления общественного характера производства и как развитие ростков социализма, характеризуются основные направления этого движения, его потенциал и пределы. Отмечается, что одновременно с тенденцией социализации развиваются тенденции дифференциации и индивидуализации. Критикуется точка зрения, выражающая надежды на снятие частной собственности в результате автоматизации производства и обнуления предельных затрат на единицу продукции, без борьбы трудящихся за переход к новому обществу. Вместе с тем социальные условия для полного снятия частной собственности возникают с таким ростом производительных сил и общественного богатства, который кардинально снизит роль различий в уровне доходов и материальных условий жизни в стимулировании экономики и повысит роль духовных и культурных стимулов к труду.

Ключевые слова: социализация, социализм, потенциал и пределы социализации, ростки социализма

¹ Данный материал – републикация статьи Эпштейн Д.Б. Социализация капитализма: потенциал и пределы // Альтернативы. № 1. 2020. С. 35–46.

Epstein D.B.,

*Doctor of Econ. Sc., Professor, Chief Researcher,
North-West Research Institute of Agricultural Economics, RAS*

The Socialization of Capitalism: Potential and Limits

Abstract. The article analyzes the phenomenon of socialization of capitalism as a result of strengthening of social character of production and as the development of sprouts of socialism, describes the main directions of this development, its potential and limits. It is noted that simultaneously with the tendency of socialization, tendencies of differentiation and individualization are developing. The point of view is criticized, expressing hopes for the removal of private property as a result of automation and zeroing of marginal costs per unit of production goods, without the struggle of workers for the transition to a new society. At the same time, social conditions for the complete abolition of private property arise with such increase in productive forces and social wealth that will drastically reduce the role of differences in income and material living conditions in stimulating the economy and increase the role of spiritual and cultural incentives to work.

Keywords: socialization, socialism, potential and limits of socialization, sprouts of socialism

Социализация капитализма (от слова social – общественный), то есть усиление его общественного характера, означает все большее развитие взаимосвязей, взаимозависимостей между всеми субъектами общественного производства и подчинение его развития интересам общества как противоречивого целого. Социализация представляет собой чрезвычайно важный процесс в современном глобализирующемся мире. По сути дела речь идет о социализации в масштабах не одной страны или группы стран, а именно в масштабах всего мира. Тем не менее, это значение термина социализация не является общепринятым, в отличие от воспитания человека (индивидуума) как члена общества, усвоения им норм поведения и культуры данного общества¹.

¹ «Социализация – процесс усвоения человеческим индивидом определённой системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного

Энциклопедия политической экономии советского периода дает также словосочетание «социализация земли», относящееся, как известно, к программе эсеров (7, с. 592), а далее за ним сразу следует слов «социализм». В наиболее продвинутом учебнике политэкономии советского периода (под ред. Н.А. Цаголова) термин «социализация» упомянут лишь в связи с критикой рассмотрения перехода части средств производства в собственность государства при капитализме как меры социалистического характера (6, с. 685). Тем не менее, более широкое значение термина социализация, относящееся, вообще говоря, к развитию общественного характера самого общества (капитализм – лишь определенная историческая стадии его развития), безусловно, имеет право на существование.

В современной российской литературе имеется обстоятельная работа о социализации капитализма, подготовленная авторским коллективом под руководством А.В. Бузгалина (3). В ней не дается отдельное определение социализации, а она рассматривается как наличие и развитие посткапиталистических элементов в рамках капиталистической системы, «развитие социалистических элементов в рамках капитализма», «соединение капиталистических и социалистических начал», то есть социализация отождествляется с появлением и прогрессом ростков и элементов социализма (3, с. 33–35). Мы также далее будем рассматривать подобные элементы растущей социализации как потенциальные ростки социализма, однако полагаем, что целесообразно отделять процессы социализации от процессов превращения в социализм. На наш взгляд, эти ростки лишь в том случае можно рассматривать как реальные ростки социализма, когда они подрывают две такие определяющие характеристики капитализма как господство капиталистической частной собственности и политическое господство крупного капитала. Но XX век на множестве примеров продемонстрировал такое развитие обобществления, которое де-факто не подрывало, а укрепляло и господство капиталистической частной собственности, и политическое господство круп-

см. на предыдущей странице

члена общества. Социализация включает как социально-контролируемые процессы целенаправленного воздействия на личность (воспитание), так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на её формирование» (2).

ного капитала. Кстати говоря, аналогично, элементы частной собственности на средства производства в некоторых секторах экономики СССР при НЭПе не подрывали, а, по сути дела, укрепляли (хотя, разумеется, не без острых противоречий) социалистические начала в промышленности и господство партии рабочего класса, что обеспечивалось наличием «командных высот» (политических и экономических) у государства, строящего социализм, и государственным характером собственности в крупной промышленности.

С учетом сказанного обратимся к вопросу о том, каковы потенциальные ростки социализма. Прорастает ли через капитализм иная «материя», иные производственные отношения, способные в перспективе, при определенных условиях, заменить капиталистические производственные отношения на непосредственно общественные?! Может ли социализация плавно, эволюционно перейти в социализм?!

Для ответа на эти вопросы целесообразно обратиться к определению социализма. С учетом дискуссий о допустимости частной собственности при социализме дадим следующее определение. Социализм – это общество, являющееся переходным от капитализма к полному коммунизму и базирующееся экономически на общественной собственности на средства производства (но допускающее многообразие форм собственности), в котором трудовой вклад каждого, с учетом его результативности, обменивается на предметы потребления, эквивалентные этому вкладу за вычетом отчислений на общественные нужды (это не противоречит высокой разнице в доходах), а целью экономики является создание условий для полного благосостояния, свободного и всестороннего развития всех. При этом общественный характер отношений собственности на средства производства определяется тем, удастся ли направлять их использование в интересах всех основных слоев общества. Тенденция к планомерности в экономике и общественном развитии – следствие стремления общества к обеспечению экономического развития в интересах всех слоев.

Политически социализм – развитая демократия, хотя это не акцентировалось активно классиками марксизма.

Мы оставляем неиспользованными такие определения социализма, как бесклассовое общество, общество без эксплуатации, общество наивысшей производительности труда, общество, где господствует непосредственно общественное производство, где достигается полная

планомерность, отсутствуют рыночный обмен и деньги и т.п. Причина отказа от этих определений в том, что они, очевидно, соответствуют различным стадиям зрелости социализма, их принятие игнорирует факт неизбежного длительного развития социализма и означало бы утопическую фиксацию очень далекой стадии (забегание вперед) без сколь-нибудь серьезного обоснования. Так, например, таким классовым различиям как различия управленческого и исполнительского труда, очевидно, предстоит существовать еще очень долго. Экономическая эксплуатация как социальное явление может быть полностью изжита лишь при полном изживании частной собственности, на что также, как показывает опыт, потребуются длительный исторический период. То же самое относится к достижению наивысшей производительности труда по сравнению с развитыми капиталистическими странами. Еще более длительный период потребуется, очевидно, для достижения полной планомерности экономики, для изживания рынка и товарно-денежных отношений и перехода к принципиально иным формам координации общественного производства. И так далее.

Будем далее различать социализм и полный коммунизм. Под полным коммунизмом (его наивысшей стадией) мы будем понимать общество, в котором достигнут столь высокий уровень развития производительных сил, что может быть реализован принцип «от каждого – по способности, каждому по потребности», где достигнуты полное благосостояние и свободное, всестороннее развитие всех. Удовлетворение потребностей членов общества «по потребности» означает, что материальные стимулы к труду становятся малозначимыми. Господствуют такие стимулы к труду, как его творческий характер, важность для общества, развивающий характер. То есть, полный коммунизм – это общество высокого уровня развития личностей и сознательности людей, что обуславливает рациональный уровень потребностей и такое снятие противоречий между интересами личности и общества, когда имеет место стремление каждого реализовать интересы общества в своей деятельности.

Политически – полный коммунизм – это общество, где государство (центральный орган, координирующий все многообразные сферы жизнедеятельности общества) не носит политических функций, то есть функций регулирования отношений классов, но регулирует социальные отношения. Мы используем термин государство, так как

все более усложняющаяся структура жизнедеятельности общества (как в отдельных странах, так и в мире) не позволяет предполагать, что необходимая координация будет носить характер сетевых консультаций при отсутствии центра принятия решений.

Исходя из данных выше определений явления социализации и роста социализма сегодня – это такие явления и общественные отношения, когда снимаются существенные, не оправданные трудовым вкладом, с учетом его результативности, различия в доходах, а оправданные различия остаются, где играют существенную роль государственное планирование и регулирование экономики, а также коллективные формы производства и присвоения, имеет место реализация стремления к планомерному развитию в интересах всех.

Соответственно, признаки полного коммунизма – это такие явления и общественные отношения, когда имеет место распределение по потребности, а не по труду, когда снимаются товарно-денежные отношения, общество уделяет особое внимание развитию каждого, уходят, снимаются политическое государство и государственные границы.

Далее, при перечислении явлений социализации и ростков социализма, мы используем перечень, опубликованный нами ранее (8). К росткам социализма в современных капиталистических отношениях, можно отнести следующие¹:

- растущий масштаб общегосударственного и территориального планирования;
- растущая глобализация экономики, производство для нужд и в масштабах, значимых для всей планеты;
- государственное регулирование рыночных отношений в интересах всех слоев (такое регулирование, безусловно, имеет место, например, антимонопольное регулирование, хотя оно укрепляет капиталистические производственные отношения);
- государственное регулирование и индексация минимальной заработной платы;
- выравнивание и поддержка доходов в территориальном и отраслевом разрезах, социальные пособия, поддержка малообеспеченных семей;

¹ Указанные признаки лишь частично имеют отношение к современной России.

- высокая доля общественного продукта, распределяемого через госбюджет на социальные цели (до 50–60%);
 - высокая концентрация производства и финансовой сферы, облегчающие их регулирование;
 - контроль государства над денежными транзакциями и сведение к минимуму наличных платежей;
 - растущая, интенсивная механизация и автоматизация труда, его облегчение, повышение доли умственного и творческого труда;
 - растущая культура труда, требование высокого уровня профессионального образования;
 - система общественных экологических требований, их исполнение и развитие;
 - допущение свободного графика, растущая гибкость трудовых отношений, если она не сопровождается усилением эксплуатации;
 - развитие, растущая доля коллективных и кооперативных предприятий;
 - расширение доступа трудящихся к управлению фирмами через советы трудовых коллективов и т.п.;
 - широкие права профсоюзов;
 - прогрессивное налогообложение (растущая доля налогов с ростом доходов), борьба с уклонением от налогов;
 - государственные пенсионные системы и государственные пенсии;
 - доступная (страховая и/или субсидируемая государством) медицина;
 - бесплатное среднее и доступное высшее образование;
 - субсидии на доступ к культуре и ее развитие;
 - свобода слова, печати, собраний;
 - равные, прямые, всеобщие выборы;
 - политический плюрализм при значительной доле партий социалистической ориентации (социал-демократы различного толка, коммунисты).
- К росткам высшей фазы коммунизма можно отнести
- бесплатные формы доступа к культуре (музеи, парки, библиотеки, Интернет, Википедия... и т.п.);
 - бесплатное образование и здравоохранение (там, где они действительно бесплатны);

– различные формы добровольного бесплатного труда в интересах общества.

Каков же потенциал социализации капитализма?! Фактически, неожиданно для многих сторонников марксизма (некритического, в известной мере, – догматического) он оказался очень высоким. Ряд западных стран, прежде всего, ЕС, США и Япония по уровню жизни, по уровню социального развития, по степени регулируемости экономики, по развитию и действенности институтов демократии оказались близкими к стандартам, когда-то считавшимися социалистическими. Несомненно однако, что эти страны остались капиталистическими, ибо в них по-прежнему господствует частная, а не общественная собственность, интересы крупного капитала, а не интересы трудящихся определяют решения и действия государства в этих странах, различия в уровне доходов и благосостояния определяются не затратами и результатами личного труда, а во многом – наличием собственности на средства производства, частным присвоением общественного эффекта масштаба их применения, присвоением статусной ренты, накоплениями предшествующих поколений семьи.

Исторически значимый поворот в сторону усиления капиталистического использования ростков социализации произошел, видимо, начиная с неолиберальной контрреволюции, то есть с начала 80-х годов прошлого века когда буржуазии и государству развитых стран Запада удалось существенно потеснить позиции пролетариата, профсоюзов, коммунистических и социалистических партий¹. Этот поворот был связан с кризисом неокейнсианства и капитализма в целом, вызванного четырехкратным скачком цен на нефть и последующей высокой и длительной инфляцией в результате введения эмбарго на поставки ее в США со стороны ряда арабских стран в 1973 году. Скачок цен и кризис вызвали рост социальных расходов, который стал запредельным для капиталистических государств. Снять последствия кризиса и стабилизировать ситуацию удалось за счет массированного и успешного наступления на профсоюзы, на стабильность и гарантированность заработной платы рабочего класса и трудящихся (5, с. 133–159, 276–289).

¹ См об этом подробнее (5).

Это поражение левых сил стало еще более разрушительным после падения СССР и социалистической системы. И хотя от этого тяжелого поражения левому движению пока не удалось оправиться до сих пор, социальное государство как система институтов не исчезло, масштабы социальной перераспределительной функции государства в развитых странах остались очень значимыми.

Нет сомнения, что и новые формы социализации экономики и социальной жизни, связанные с массовой и углубляющейся цифровизацией, будут использованы капитализмом для его укрепления, но не на пути ужесточения насилия и окостенения, а в результате повышения гибкости. Это связано с определенным парадоксом современного капитализма: при повышающейся социальной (общественной взаимосвязанности и взаимозависимости) он, тем не менее, усиливает атомизацию индивидуумов на основе все большей дифференциации общественного производства и социальной жизни. С этим связано и ослабление влияния политических партий, профсоюзов и многих социальных движений. Вместо них (и как эрзац коллективности) получают развитие формы сетевого взаимодействия (социальные сети) на основе индивидуального и коллективного блогерства, частично повышающие дифференциацию и доступность информации, но при резком падении ее качества и влияния на общество. В связи с этим мы полагаем, что хотя потенциал роста социальной еще весьма высок, но это не означает, что автоматически повышаются шансы на эволюционное перерастание этой социальной в социализм. Развитие пока идет по пути «капитализации социальной», а не перерастания в социализм, хотя по ряду упомянутых выше параметров происходит определенное сближение реальности капитализма в развитых странах с выработанными в XX веке представлениями о социализме как о социальном демократическом обществе с высоким уровнем благосостояния и регулируемой экономикой.

Указанный высокий потенциал изменчивости капитализма делает малореалистической, на наш взгляд, перспективу эволюционной трансформации капитализма в социализм, несмотря на прогресс социализации. Для такой трансформации необходимы кардинальные политические изменения. Они могут быть мирными, что, безусловно, более желательно, или насильственными, но это принципиальные качественные изменения революционного характера.

А.В. Бугалин, безусловно, прав предупреждая: «...следует иметь в виду, что реальный политический процесс, скорее всего, будет складываться так, что капитал не допустит приближения к «критической черте» социализации», и движение вперед (доделывание работы по социализации, не сделанной при капитализме) в реальных политических условиях придется осуществлять уже левым силам, и не в рамках капитализма, а после политической победы» (3, с. 46). Но могли кто-то представить себе в начале XX века, как далеко пойдет социализация?

Каковы же экономические и политические пределы социализации, устанавливаемые капитализмом, преодоления которых верхние слои капиталистических стран постараются не допустить ни в коем случае?! На наш взгляд, это следующие пределы:

- преобладание частной собственности (как формы выражения необходимой в экономике частной предпринимательской инициативы);
- конкуренция частной собственности с другими формами собственности;
- сохранение высокой степени неравенства в доходах, оправдывающей риск занятий частным бизнесом за свой счет;
- сохранение политических свобод, позволяющих отстаивать интересы частных собственников.

Однако современное понимание социализма не оспаривает эти пределы в том смысле, что не предполагает насильственную ликвидацию ни частной собственности, ни конкуренции, ни даже высокой (но, тем не менее, ограниченной) степени дифференциации доходов, ни сохранения политических свобод для партий, групп и личностей, действующих в рамках законности. Частная собственность сохраняется при социализме и изживается при власти трудящихся (действующей в интересах всех слоев, кроме девиантных, антиобщественных) по мере ее экономического преодоления¹. В случае мирного,

¹ Речь идет о «социальном компромиссе между социалистически ориентированным государством и капиталом». «Основой этого компромисса будет объективная необходимость в использовании потенциала частнокапиталистического предпринимательства, базирующаяся, в свою очередь, на таком уровне см. на след. странице

легального перехода власти к трудящимся свобода критики сохраняется для буржуазных партий, однако в этих условиях социалистические силы должны прилагать особые усилия как для сохранения доверия масс, для обеспечения доминирования в СМИ, так и для недопущения попыток перейти к насильственным действиям против власти трудящихся.

В отношении ограничения дифференциации доходов при переходе к социализму появились работы, в которых предлагается ограничивать не сами доходы собственников, а их часть, используемую на личное потребление с учетом потребления членов семьи (4). При этом доходы, идущие на сбережение, благотворительность или инвестиции не ограничиваются, что способствует экономическому развитию. Ограничение на годовой объем личных потребительских расходов владельцев бизнеса предлагается построить как некоторую кратную величину средней годовой заработной платы наемных работников данного бизнеса, тем большую, чем больше число работников. Такая схема поощряет тех бизнесменов, которые нанимают большее количество работников. Она не отменяет никаких налогов, но действует как ограничитель дифференциации в доходах более эффективно, чем прогрессивный налог, так как прогрессивный налог не учитывает, трудовой или нетрудовой характер имеют высокие доходы, а также изымает средства в равной степени как у эффективных, так и у неэффективных предпринимателей. При этом никакие налоги не отменяются.

В связи с развитием цифровых технологий, роботизацией и постепенным сокращением занятости человека в материальном производстве, развитием творческого труда, в целом «креатосферы», высказываются предположения, что существенное снижение затрат труда и ресурсов на единицу продукции в этой сфере (в пределе – до

см. на предыдущей странице развития производительных сил, который адекватен капитализму и недостаточен (или минимально достаточен) для генезиса социалистических производственных отношений (мы это состояние называли в теоретических работах этапом «формального освобождения труда» по аналогии с этапом раннего капитализма, где труд лишь формально был подчинён капиталу)» (3, С. 49).

нуля) подрвет стоимостные основания обмена, а тем самым и товарно-денежные отношения, рынок, а затем и частную собственность, на которых зиждется капитализм. Но создают ли автоматизация, роботизация и «креатосфера» сами по себе условия для «снятия» стоимости, обмена и частной собственности?!

Вот, например, небольшой абзац из уже цитированной книги Поля Мейсона о посткапитализме, черты которого явственно приближаются к марксистскому видению высшей стадии коммунистического общества: «В этой главе я попытаюсь описать то, из чего может состоять крупномасштабный посткапиталистический проект. Я называю его «Проектом ноль», потому что его целями будут безуглеродная энергетическая система; производство машин, товаров и услуг с нулевыми предельными издержками; сокращение необходимого рабочего времени до уровня, максимально близкого к нулю... Обеспечить высокий уровень материального процветания и благосостояния большинству людей – в первую очередь за счет ориентирования насыщенных информацией технологий и решение основных социальных проблем, таких, как плохое здоровье, зависимость от социальных пособий, сексуальная эксплуатация и низкий уровень образования... Направить технологии на сокращение необходимого труда, чтобы стимулировать быстрый переход к автоматизированной экономике. В дальнейшем труд станет добровольным, основные товары и общественные услуги будут бесплатными, а экономическое управление будет касаться в первую очередь энергии и ресурсов, а не капитала и труда» (5, с. 362, 367).

При этом надежды на преобразование экономики и поддержку новых, сетевых, кооперативных, коллективных форм труда, на снижение дифференциации доходов и т.д. автор указанного комплекса идей возлагает на государство. Он пишет: «Самое сложное поле действия – это государство. Мы должны положительно осмыслить его роль в переходе к посткапитализму. Исходный пункт таков: государства представляют собой огромные экономические субъекты. Они дают работу примерно 500 миллионам людей в мире, а их экономическая активность в среднем составляет около 45 % от ВВП всех стран (от 60 % в Дании до 25 % в Мексике). Кроме того, осуществляя закупки и давая понять, как они будут вести себя в будущем, они могут оказывать решающее влияние на рынки.

В социалистическом проекте само государство рассматривалось как новая экономическая форма. При посткапитализме государство должно действовать скорее как команда Википедии, т. е. поддерживать новые экономические формы до того момента, пока они не начнут действовать самостоятельно. Как и в старом представлении о коммунизме, государство должно «отмереть», но в этом случае во главе угла должно стоять экономическое отмирание, а не отмирание его правоохранительных и оборонительных функций» (5, с. 371).

На наш взгляд, данная концепция является утопической. Утопичность ее мы видим в двух аспектах. Первый состоит в том, что основная регулирующая роль в предлагаемом и предполагаемом переходе возлагается на государство, которое остается капиталистическим. Для того, чтобы оно начало последовательно осуществлять программу ухода от капитализма, оно должно стать антикапиталистическим, и не только по намерениям, а по реальному опыту проведения социалистических реформ. Это возможно в обозримый период лишь в случае перехода власти к трудящимся. Переход власти к трудящимся отнюдь не утопичен, но для этого перехода требуются революционные политические преобразования.

Утопичность позиции в отношении государства мы видим и в том, что автор предполагает возможность выполнения его экономических функций в дальнейшем не профессиональным аппаратом, имеющим право принимать окончательные решения, а некоей аморфной и, по сути, обезличенной сетевой структурой, подобной множеству авторов Википедии. Между тем, вопросы координации жизни общества являются все более сложными и противоречивыми, поскольку и само общество дифференцируется все сильнее, и интересы его различных частей и звеньев также расходятся все сильнее ввиду роста многообразия видов общественной деятельности и подходов к их интеграции. Представим себе, например, как на основе сетевой координации будет утверждаться, например, стандарт безопасной работы атомных станций (или других сложных технических и потенциально опасных сооружений), проверяться его выполнение и осуществляться принуждение к выполнению в случае отступлений?!

Второй аспект утопичности указанной концепции мы видим в надежде на то, что затраты труда и ресурсов на единицу основной массы видов материальной продукции в результате автоматизации

на основе информатизации будут настолько близки к нулю, что основные товары и услуги станут бесплатными, и этим будет подрываться капиталистическая организация производства. Дело в том, что как бы далеко ни прогрессировала автоматизация и роботизация, человеческий труд в существенных масштабах будет всегда требоваться для ремонта, модернизации автоматизированных систем и их развития, а также принципиального обновления. А добыwanie и обработка невозобновляемых ресурсов во все усложняющихся условиях (ввиду постепенного истощения наиболее доступных условий и перехода к все более «глубокому залеганию») будут требовать все большей энергии и новых технологий, для чего также необходим человеческий труд, в том числе, труд в сфере фундаментальной и прикладной науки. В результате издержки производства единицы материальных благ, безусловно, будут снижаться по мере развития автоматизации, но никогда не будут нулевыми, а с учетом необходимого роста суммарных объемов, существенная часть трудовых ресурсов человечества будет занята в сфере материального производства и связанных с ним сферах инженерной и научной деятельности. В этом смысле материальные условия для существования капиталистических отношений и частной собственности цифровизация, информатизация, автоматизация сами по себе не подорвут.

Но для их снятия, вообще говоря, не требуется, чтобы предельные издержки производства материальных благ и услуг стали нулевыми. Ведь необходимость частной собственности связана с существенной ограниченностью производительности общественного труда, создающей дефицит материальных благ, а также с необходимостью стимулирования индивидуальных трудовых усилий для развития экономики и науки.

Таким образом, цифровизация, автоматизация, роботизация сами по себе не создают условия для полного снятия частной собственности, рынка, товарно – денежных отношений. Но условия для поэтапного снятия частной собственности создает такой рост производительных сил и материального благосостояния, который существенно снизит роль различий в уровне доходов и материальных условий жизни и повысит роль духовных и культурных стимулов к труду. Лишь тогда, когда производительность труда вырастет настолько, что появится возможность удовлетворения потребностей в

основных материальных благах без внешних ограничений, то есть «по потребности», тогда постепенно будет исчезать необходимость в стимулировании их производства, а с этим и экономическая обособленность индивидуумов и коллективов как производителей, и порождаемая ею частная собственность.

В этом смысле представляет существенный интерес концепция перехода к знаниемому обществу, в котором, по мере роста знаний и удешевления производства для удовлетворения потребностей человека и снижения конкуренции за ресурсы и потребительские ценности будут создаваться условия для снятия классовых конфликтов и бесконфликтного движения к обществу, где «целью развития станет сам человек с его знаниями и способностями» (1, с. 303).

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Общая теория ноономики / Учебник / М.: Культурная революция, 2019. С. 303. (504 с.)
2. Большая советская энциклопедия. Статья «Социализация».
3. Бузгалин А.В. и др. Социализация капитализма: потенциал, противоречия, пределы. Альтернативы. №4. 2018. С. 33–67.
4. Крюков С.В. Еще одна теория социализма. <https://www.alternativy.ru/ru/node/16241>
5. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
6. Цаголов Н.А. Курс политической экономии. В 2-х т. Т. I. Под ред. Н. Л. Цаголова. Изд. 3-е. М: «Экономика», 1973. С. 685. (831 с.)
7. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. Под ред. Румянцева А.М. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 592. (624 с.)
8. Эпштейн Д.Б. Социализация капитализма, или живет такой семинар. //Альтернативы. №1. 2019. С. 133–154.

глава 3

Экономика России:
драйверы развития
в эпоху глобальных
трансформаций

Баркова Е.А.,

*доцент кафедры экономической теории,
региональной и отраслевой экономики
финансово-экономического факультета
Оренбургского государственного университета*

**Тенденции становления цифровой
(информационной) экономики
в современном обществе**

Аннотация. В статье определены основные тенденции становления «новой индустриальной экономики», основанной на использовании информационных технологий. Показано, что использование информационных технологий способствует появлению и быстрому развитию фирм, поставляющих информационные продукты. Используя новую бизнес-модель – платформы фирмы получают возможность участвовать в перераспределении созданной стоимости.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационные технологии, промышленные компании, сетевые структуры

Barkova E.A.,

*Associate Professor, Department of Economic Theory,
Regional and Industrial Economics, Faculty of Finance
and Economics, Orenburg State University, Orenburg*
**Trends in the Formation of the Digital (Information)
Economy in Modern Society**

Abstract. The article identifies the main trends in the formation of the “new industrial economy” based on the use of information technology. It is shown that the use of information technology contributes

to the emergence and rapid development of firms that supply information products. Using a new business model – the platform of the company is able to participate in the redistribution of created value.

Keywords: digital economy, information technology, industrial companies, network structures

Характерные для современного общества трансформационные изменения, вызванные процессами цифровизации, признаются в исследованиях экономистов и социологов. Ученые отмечают, что процесс цифровизации продуцирует не только технологические изменения, но и изменения организационных форм ведения бизнеса, форм присвоения прибавочной стоимости, системы принятия решений. Происходит становление «новой экономики», основанной на использовании информационных технологий. В научных публикациях такая экономика характеризуется по-разному – как посткапитализм, цифровая экономика, экономика, основанная на знаниях, информационная экономика (3, 4).

Наблюдаются ли явления «новой экономики» в России? Чтобы ответить на этот вопрос, выделим основные направления трансформации (обусловленные цифровизацией) в развитых странах.

Использование цифровых технологий способствует изменению соотношения рыночных сил. Крупные промышленные компании традиционных отраслей уступают лидерство компаниям, создающим информационные продукты. Например, в США 70% из 115 компаний, превысивших капитализацию 1 млрд долл. были связаны с производством информационных технологий и работой огромными массивами данных (3). В 2018 году 8 из 10 крупнейших компаний по размеру активов являлись компаниями, поставляющими на рынок информационные технологии. При этом число таких компаний увеличилось по сравнению с 2010 г.

Модели быстрорастущих компаний сектора информационных технологий построены на возможности использовать новую бизнес-модель (IT-платформы). Такие компании предоставляют информационные продукты другим пользователям (5).

IT-платформы характеризуют как цифровые инфраструктуры, позволяющие большому числу пользователей взаимодействовать друг с другом (5). В данном случае возникает сетевой эффект: с помо-

щью IT-платформ компании соединяют различных пользователей – производителей, потребителей, рекламодателей. Успех компаний, поставляющих информационные технологии, связан с привлечением большого числа пользователей. Ценность поставляемого на рынок продукта увеличивается по мере роста количества пользователей: чем больше число пользователей объединяет платформа, тем более ценной она становится. Например, Facebook превратилась в крупнейшую социальную сеть мира. В цифровой экономике рыночная стоимость компаний, поставляющих информационные продукты, определяется не физическими активами, а размером «пула пользователей».

IT-платформы становятся эффективным средством монополизации рынка и перераспределения созданной стоимости. Доступ к огромным объемам данных клиентов становится ключевым параметром конкуренции. Используя огромные массивы данных, компании получают информацию о предпочтениях пользователей, что дает возможность оказывать воздействие на предпочтения клиентов компании, разрабатывать новые продукты, соответствующие запросам клиентов и определять стоимость поставляемых продуктов.

Используя огромные массивы данных, компании диверсифицируют сферу деятельности, выходя на новые рынки. Если на начальном этапе развития цифровой экономики компании, поставляющие цифровые продукты, были активны в определенном цифровом сегменте, то в настоящее время они диверсифицируют производство (прежде всего, посредством предложения различного рода услуг). Например, компания «Alphabet» диверсифицировала свою деятельность. Ее бизнес включает цифровой поиск и рекламу (Google), а также облачные, потребительские и аппаратные продукты, GoogleMaps и YouTube, поставляемые дочерними компаниями. Изменяются роли экономических субъектов в цепочке создания добавленной стоимости: добавленная стоимость на производственных рынках перемещается в сферу услуг, связанных преимущественно с обслуживанием и эксплуатацией продукта.

Основной организационной формой ведения бизнеса компаний, поставляющих информационные продукты, становится сетевая структура. Диверсификация деятельности цифровых компаний, высокая степень неопределенности и риска, связанная с выходом на новые рынки, постоянное изменение поставляемых на рынок продуктов

обуславливает необходимость взаимодействия компаний, поставляющих информационные продукты с небольшими инновационными фирмами (представляющими какую-либо идею). Их взаимодействие осуществляется преимущественно на основе неакционерных форм объединения капиталов. Возникают сетевые структуры организации деятельности. Сетевая структура объединяет крупную компанию, поставляющую информационные продукты, компании традиционных отраслей экономики и небольшие инновационные фирмы.

Появление новой цифровой парадигмы создал мир контрастов, для которого характерны новые возможности, масштабы и формы конкуренции. С одной стороны, любая компания, поставляющая на рынок информационный продукт, соответствующий запросам клиентам, может выйти на рынок, увеличить продажи и прибыли. С другой стороны, существование «сетевых эффектов» ограничивает выход новых игроков на рынок. Доступ к огромным объемам данных клиентов становится ключевым параметром конкуренции, который контролируется ограниченным числом цифровых компаний, способных обеспечить блокировку пользователя.

В настоящее время ряд глобальных компаний (функционирующих в традиционных отраслях экономики) уже сформировали свои цифровые платформы, позволяющие принимать в потоковом режиме и анализировать данные о состоянии работающих машин и механизмов, а также предсказывать их техническое состояние, осуществлять профилактическое обслуживание и предупредительные ремонты, полностью предотвращающие поломки. Такие компании обслуживаются ограниченным числом цифровых компаний. Появление новых компаний (в частности, российских компаний) на таких рынках затруднено.

В настоящее время в России функционируют компании, производящие информационные технологии (например, лаборатория Касперского). Однако, рыночная капитализация таких компаний значительно ниже аналогичных компаний развитых стран. Отечественная экономика характеризуется «непопулярностью» и фрагментарностью использования цифровых продуктов в сфере производства, неразвитостью цифровой инфраструктуры и ограниченным числом российских компаний, поставляющих информационные продукты. В России отсутствуют IT-платформы, способные связать воедино процессы

предприятия или предприятий. В отечественной экономике отсутствуют соответствующие субъекты «цифровой модернизации».

«Дилемма новаторов» состоит в медленном освоении новых технологий крупными российскими компаниями (4). Доминирование крупных сырьевых корпораций, которые сконцентрировали ценные ресурсы, ограничило развитие производительных фирм и препятствовало распространению цифровых инноваций в российской экономике. Как правило, крупные российские корпорации не разрабатывают, а импортируют новые технологии. В настоящее время лидирующие позиции в сфере нефтегазового программного обеспечения в России принадлежат иностранным компаниям. В результате в отрасли высока степень зависимости от импортного оборудования, технологий. По уровню производительности труда российские корпорации существенно отстают от американских и европейских компаний. Например, коэффициент извлечения нефти для разрабатываемых месторождений в России составляет в среднем 25%, тогда как в мире крупнейшими компаниями извлекается до 45% (2).

Попытка преодолеть «дилемму новаторов» в российской экономике осуществляется при участии государства. Цифровые технологии на промышленных предприятиях отечественной экономики насаждаются сверху. Федеральный проект «Цифровые технологии» направлен на формирование стратегий цифровой трансформации государственных компаний и компаний с государственным участием. Характерной чертой России становится, с одной стороны, широкое распространение использования цифровых технологий в сфере потребления и ограниченность компаний, поставляющих информационные технологии, как следствие, существенный технологический разрыв в развитии отраслей национальной экономики и зарубежных компаний.

Список литературы

1. Булганина С. Модернизация российской промышленности: задача с недостаточным субъектом / С. Булганина // Промышленность: новые экономические реалии и перспективы развития: сборник ст. – Оренбург, 2019. – С. 245–249.
2. Колбина В. Измерить нефть умом // Эксперт. – 2019. – №12–13.

3. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России (экспертно-аналитический доклад) / под научн. рук. В. Княгинина. – М., 2017. – 136 с.
4. Почему русские не немцы // Эксперт Урал. – 2018. – № 16 (763)
5. *Срничек Н.* Капитализм платформ / Н. Срничек // Экономическая социология. – 2019. – №1. – Т.20. – С. 72–81.

Благих И.А.,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры истории экономики
и экономической мысли Санкт-Петербургского
государственного университета*

Аверьянова О.В.,

*доцент кафедры финансового права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета*

Рябухина А.А.,

генеральный директор БК-консалтинг

Социализация экономических доктрин в России в условиях реформ середины XIX столетия

Аннотация. В статье рассматриваются истоки экономико-теоретических подходов к возможности трансформации хозяйственных структур в условиях модернизации экономики России. В основном анализируется материал экономических реформ второй половины XIX столетия, но при этом авторы задаются вопросом: на какие мировоззренческие подходы опирались реформаторы, пытаясь перевести российскую экономику на «европейские рельсы»? Этот вопрос по-прежнему актуален и в современных условиях. Оправдывают ли себя заимствованные идеи и трансплантированные институты лишь в условиях улучшения уровня жизни большинства населения страны, или же, как говорил С.Ю. Витте, следует идти на определенные «жертвы» ради приживаемости трансплантированных институтов и рассчитывать на их эффективность в будущем? Ответ на данный вопрос авторы пытаются найти не только в эмпирической составляющей отечественной истории, которая в целом известна и понятна, но и в

«тайниках» российской экономической мысли, эволюцию которой еще предстоит понять и объяснить. В этом плане в статье содержится ряд дискуссионных положений, но авторы не тешат себя иллюзией, что им известна абсолютная истина. В совместном поиске верных суждений и состоит процесс развития знания.

Ключевые слова: экономическая история России, социализация политической экономии, модернизация экономики, методология экономической науки.

Blagikh I. A.,

*Doctor of Econ Sc., Professor, Professor of the Department
of history of Economics and economic
thought St. Petersburg state University*

Averyanova O. V.,

*Associate Professor of the Department financial law
St. Petersburg state University of Economics*

Ryabukhina A. A.,

General Director of BC-consulting

**Socialization of Economic Doctrines in Russia
in the Mid-nineteenth Century Reform Environment**

Abstract. The article considers the origins of economic and theoretical approaches to the possibility of transformation of economic structures in the conditions of modernization of the Russian economy. The material of economic reforms of the second half of the nineteenth century is mainly analyzed, but the authors ask the question: what world-view approaches did the reformers rely on when trying to transfer the Russian economy to the “European rails”? This issue is still relevant in modern conditions. Do borrowed ideas and transplanted institutions justify themselves only in conditions of improving the standard of living of the majority of the country’s population, or, as S. Yu. Witte said, should we make certain “sacrifices” for the sake of the survival of transplanted institutions and count on their effectiveness in the future? The authors try to find the answer to this question not only in the empirical component of Russian history, which is generally known and understandable, but also in the “caches” of Russian economic thought, the evolution of which has yet to be understood and explained. In this regard, the article contains

a number of controversial provisions, but the authors do not entertain the illusion that they know the absolute truth. The process of knowledge development consists in the joint search for correct judgments.

Keywords: economic history of Russia, socialization of political economy, economic modernization, methodology of economic science

Необходимость проведения в середине XIX века в России реформ аргументировалась отечественными экономистами известными идеями о свободе личности и саморегулирующемся механизме рынка. Какие абстрактно – экономические преимущества получают страна, и население при переходе к рыночным отношениям довольно подробно было к тому времени изложено в учебниках по политической экономии. Споры и дискуссии о путях проведения реформ, практически не ставили под сомнение господствующую теорию. Лишь разочарование в ходе и, особенно, в результатах реформ послужило причиной критики «буржуазной» политической экономии с позиций учения К.Маркса и распространению в России радикальной версии политической экономии, критикующей капитализм как реальность, но не политическую экономию, как лженауку. Лишь С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства» подверг сомнению научность «экономизма», полагая, что подлинный смысл хозяйственной деятельности человека не отражают ни классическая, ни марксистская политическая экономия (6, с. 38).

Забегая вперед, следует сказать, что в конце XX века в России произошла парадоксальная вещь: оправдание капитализма не только не укрепило веру в истинность постулатов «буржуазной» политической экономии, но напротив, привело к фактическому ее низложению, как научной теории. Пространство современной экономической науки сузилось до исследования игровых комбинаций и именно в нем созревают все новые и новые лауреаты Нобелевской премии в области экономики. Произошло серьезное изменение самого видения экономической науки, ее целей, предмета и метода. Это ставит вопрос об изучении эволюции научного видения или, если быть более строгим, эволюции методологии политической экономии в России от ее рассвета и до заката (3, с.67). В данной статье мы ограничимся первой частью – изложением истоков и развития базовых основ политической экономии как ее видели в России во второй половине XIX столетия.

Исследования в области эволюции экономических доктрин является важнейшим направлением экономической науки. Они относятся к фундаментальному, мета-теоретическому уровню экономического знания. В них синтезируется и методология, и история экономической науки, на которых, в свою очередь, базируются принципы, выводы и доказательства многих экономических положений, теорем и теорий. Учение об основных методах экономической науки и сама совокупность методов, т.е. методов, имеющихся в распоряжении экономистов-исследователей, играет важное значение в развитии экономической теории и имеет свою историю(2, с. 121).

К началу XVIII века представления о хозяйственной деятельности человека усложнились настолько, что стало понятно: теоретическая экономика это сложная диалектическая, субординированная система, состоящая из разных уровней, сфер действия, направленности, эвристических возможностей, содержаний, конкретно-исторических структур и т. д. При этом избавиться от наследия двух ветвей знания по своему осмысляющих первичность мышления или бытия, первичность разума («рацио») или опыта («эмпирио»), идеала или сущего, путем их диалектического соединения в целостную экономическую систему оказалось непросто (12, с.211).

Применяя исторический подход Гегеля к критике «смитианства», немецкие историки-экономисты радикальным образом пересмотрели индивидуалистическую парадигму английской политической экономии. Творцом истории немецкие экономисты считали не индивидов, не отдельные личности, а народ, причем под народом понималась не хаотическая совокупность индивидов, совершающих различного рода и выгодные лишь для себя сделки, а «национально и исторически определенное, объединенное государством единое целое». Личность, индивид не является «гомункулусом», выращенным в пробирке, она – продукт той, или иной цивилизации и исторически определенного этапа развития нации. Духовные и материальные запросы человека не являются некой константой, не меняющейся с течением времени и места. Его потребности, его образование и его отношение к вещественным ценностям, равно как и к людям «географически и исторически непрерывно изменяются и развиваются вместе со всею образованностью человечества». Не отрицая, что поступками отдельного индивида движет эгоистическое чувство, представители

немецкой исторической школы вместе с тем, не рассматривали индивида существующего вне общества.

Человеку, осознавшему свою принадлежность к нации, к народу, присущи чувства общности и справедливости, которые трансформируют индивидуальный эгоизм в национальный интерес и формируют национальный характер того или иного народа. Соответственно, под политической экономией немецкие экономисты понимали науку о государственном и народном хозяйстве. То, что в английской политической экономии занимало главенствующие положение, а именно – проблемы торговли и ростовщичества, производства капитала и т.п., в политической экономии немецких авторов выглядело не столь значительно. Основными проблемами политической экономии они считали прогресс в народном хозяйстве и меры, которые могут обеспечить эффективный экономический рост или экономическую мощь страны. Относительно подобного рода мер мнения распадались на два лагеря – на сторонников государственного протекционизма и на экономистов либерального толка, придерживающихся старой версии о благе государственного невмешательства в экономическую жизнь общества (12, с.302).

Следует, однако, отметить, что славянофилы рассматривали русскую общину не как экономический институт, который возможно плодотворно описать в понятиях английской политической экономии, а как исторически сложившийся образ жизни русского народа. В их аргументации община (в Европе синонимом этого слова является «коммуна» – орган территориального, либо вероисповедального самоуправления) выглядела не столько институтом сельскохозяйственного производства или местного самоуправления, сколько способом исторической самоорганизации русского народа, благодаря которому были сформированы и возрождались во времена смуты основы русской государственности. В этой связи И.С. Аксаков подчеркивал: «русская община вносит в науку политической экономии новое оригинальное экономическое воззрение, едва ли восточное умственным горизонтом западных мыслителей» (12, с. 245). А.И. Кошелёв отмечал, что «с помощью английской политической экономии очень трудно защищать всякое живое туземное учреждение» (10, с.38).

Можно согласиться с авторами, критически оценивающими самобытность русской экономической мысли, что славянофилы 1840–

1850–х годов не внесли никакой «лепты» в такие-то и такие-то разделы политической экономии (в ее современном понимании), что их экономические взгляды не стали предметом спора признанных политэкономов, а опубликованные ими труды не получили международного признания. Однако благодаря развязанным ими дискуссиям с российскими «западниками» и либералами о «народности» в науке, о роли исторических изысканий в формировании общественного самосознания и самопознания, о значении методологических «конструкций» в построении того или иного научно-теоретического знания, об отсутствии идеологической «нейтральности» в общественных науках и по другим проблемам, все они имели актуальный характер и самым непосредственным образом способствовали развитию русской общественной и, в том числе, историко-экономической мысли.

Пролетаризация деревни была, по мнению славянофилов? губительна для России, поскольку она не соответствовала народному духу, истории российского крестьянства, которое не просто колонизировало огромные российские просторы, но по-хозяйски обустроивало их. В этом, по их мнению, состояло коренное отличие России от европейских стран, где подобного рода реформы проводились в условиях жесткого земельного дефицита и породили проблемы люмпенизации деревни и так называемые «язвы пролетариата». Россия, благодаря своему географическому положению, сохранению общинной организации труда и «гармонии властей» (отсутствия противоречий между ветвями власти), могла провести реформы не только без ущерба для крестьянства, но напротив, разбудить его творческие силы, «благоустроить» Россию, не «переделывая» при этом крестьян в пролетариат (14, с. 432).

С началом реформ 1861–1874 годов в российском образованном обществе не утихли, а, напротив, с большей силой разгорелись дискуссии об исторических и методологических основаниях экономической науки. Поскольку сама возможность улучшения экономического положения населения России путем реформ, то есть путем волевого вмешательства в естественный порядок вещей, никем не оспаривалась, возникла серьезная дилемма в отношении естественных (независимых от воли и действий людей) законов политической экономии, сформулированных ее классиками. Если со времен Адама Смита полагали, что политическая экономия приобрела научный

статус благодаря существованию естественных законов роста общественного богатства, а целенаправленные действия каких-либо социальных групп и государства вносят лишь «возмущения» в природный порядок вещей (чем нарушается главное требование экономистов XVIII–начала XIX века: «пусть идет, как идет»), то в условиях экономических реформ, проводимых во изменение естественного порядка вещей, следовало, либо признать новый научный статус за политической экономией (как науки «субъективной»), либо же искать выход в ее дроблении на части, одна из которых будет содержать компендиум законов «постоянных», а другая – «переменных».

В отличие от «чистого» эмпирического метода, который статичен по своей природе, ибо не допускает вмешательства субъекта в бесстрастно наблюдаемые и регистрируемые факты, позитивист, как «наблюдатель, мысленно ставит себя в положение наблюдаемого», т.е. он выводит закономерности не из должного, как рационалист, пользующийся дедуктивным методом, а как эмпирик – индуктивист, но эмпирик не бесстрастно наблюдающий, а мыслящий, как народ, и действующий, якобы в его интересах. «Представлять себе чужие мысли и чувства в форме собственных, – отмечал Н.М. Михайловский (один из родоначальников отечественной школы субъективной социологии), – составляет субъективную сторону научного познания. Но разве не так поступает историк, вкладывая собственное понимание в дела и поступки исторических личностей, деяния которых он описывает и истолковывает?» (15, с. 371).

При этом субъективная сторона исследования несколько не теряет своего значения и точно так же подлежит оценке, как и логические приемы историка и степень его эрудиции. «Объективист, – продолжал он, – рассуждает очень спокойно и величественно, что политических фактов не следует ни одобрять, ни порицать, а следует только познавать их, и среди этих рассуждений нет-нет да одобрит что-нибудь, и сплошь и рядом одобрит что-нибудь дрянное. Я думаю, что подобные уклонения объективистов от собственной своей программы должны быть объясняемы не частными какими-нибудь причинами, а внутренним противоречием их доктрины и несостоятельностью их метода» (15, с. 373).

Перед отечественной экономической наукой пореформенного периода стояла задача «найти законы хозяйственных явлений, сла-

гающихся под влиянием разнообразных и изменчивых условий». При этом сторонники либеральных и социалистических взглядов, противопоставляя естественный порядок вещей – существующему, видели в естественном порядке не тот, который установился самим ходом истории, а идеальный порядок, который следовало бы установить в будущем. Либеральная школа основывала идеальный социально-экономический порядок будущего на неограниченной свободе частного интереса. Социальные школы, полагая, что свобода частных интересов ведет к угнетению слабого сильным, искали социально-экономический идеал в новой организации труда и, соответственно, в формировании на ее основе новых общественных отношений.

Характерно, и в этом мы видим одну из знаменательных особенностей отечественной академической и проправительственной экономической мысли, что принятое в середине XIX столетия в европейских университетах (прежде всего – Германии и Франции) деление политической экономии на «общую» и «особенную», «чистую» и «прикладную», в России не абсолютизировалось. Другими словами, не существовало строгого деления экономических законов на объективные и субъективные. Так, Н.Х. Бунге, А.И. Чупров, Д.И. Пихно и другие, в своих лекциях подчеркивали, что «на деле общая часть политической экономии или науки о народном хозяйстве содержит в себя положения, относящиеся к разряду гипотез, а не к непреложным научным выводам. Иногда так называемые экономические законы содержат в себе лишь научные вопросы, требующие разрешения путем переработки значительного количества данных, полученных из наблюдения однородных явлений в различных отраслях хозяйственной деятельности» (16, с. 245).

Разделение политической экономии на «общую» и «особенную» произошло, полагали они, из-за недостаточной разработки предмета этой науки. «Деление исчезнет само собою, когда общие положения получат значение доказанных и точно сформулированных истин, выведенных из ряда правильных и систематизированных наблюдений, т.е. когда наука будет обработана по положительному методу, что конечно составляет еще задачу будущего»...

Список литературы

1. Аверьянова О.В., Благих И.А. Россия в поиске модели социального государства: вопросы теории и практики /Проблемы современной экономики. – 2019. - № 1 (69). – С. 162–165.
2. Благих И.А. Теоретико-методологические подходы к обоснованию экономической политики современной России./ Вопросы политической экономии. – 2016. - № 2. -С. 67–75.
3. Газизуллин Н.Ф., Благих И.А., Яковлева Н.Г., Титов В.О. Индустриальное общество в XXI веке: переосмысление мейнстрима российскими экономистами. / Проблемы современной экономики. 2017. № 2 (62). С. 286–287.
4. Богомазов Г.Г., Благих И.А. История экономики и экономической мысли России. – Москва: Экономика, 2010.-С.420 с.
5. Булах Е.А., Благих И.А., Гаркавенко И.С. О взаимосвязи экономического анализа с историей и эволюцией / Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2 (50). – С. 356–359.
6. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Экономика, 1999. – 305 с.
7. Бунге Н.Х. Истоки. Киев: Экономика, 2010. – 462с.
8. Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 20 тт., т.6. – Москва: Госполитиздат, 1985. – 360 с.
9. Greskovits B. Leading sectors and the variety of capitalism in Eastern Europe. In: State and society in post-socialist economies. London: Palgrave Macmillan. 2008. P. 19–46.
10. Кошелев А.И. Сочинения. В 2-х тт., т.2. -Москва: Изд-во МГУ, 1985,–285с.
11. Polanyi K. The Great Transformation. New York: Farrar & Rinehart, 1944. – 296 p.
12. Реуэль А. Русская экономическая мысль 60х–70х годов XIX века и марксизм. – Москва: Госполитиздат, 1956.- 326с.
13. Самарин Ю.Ф. Сочинения в 2-х тт., т.2. Москва: Изд-во МГУ, 1995. – 160 с..
- Сон Л.Б., Благих И.А. К Вопросу о взаимосвязи сберегательного и страхового дела в дореволюционной России /Проблемы современной экономики. – 2010. – № 1 (33). – С. 431–435

14. *Михайловский Н.М.* Сочинения в 10 тт., т.5. Санкт-Петербург: Колос, 1910. – 376с.

15. *Фигуровская Н.К., Благих И.А.* Экономическая политика государства по отношению к крупным предпринимательским объединениям: из истории отечественной экономической мысли (профессор И.М. Гольдштейн) /Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1 (45). – С. 241–245.

Воронин Д.В.,

*доктор исторических наук, профессор
кафедры археологии и исторического краеведения
факультета исторических и политических наук НИ ТГУ*

**Проблемы и перспективы развития наукоемкого
производства: региональный аспект**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития наукоемкого производства на примере Томской области. Отмечается, что значительное число предприятий были тесно связаны с системой военно-промышленного комплекса. Как правило, это наукоемкие производства, имеющие тесные связи с вузами города. Это позволяет обеспечивать промышленные предприятия высококвалифицированными кадрами и осуществлять научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Несмотря на разрушительные последствия перестройки и радикальные постперестроечные рыночные реформы, томские предприятия, используя имеющиеся связи науки с производством, кадровый потенциал, в значительной степени сумели сохранить занимаемые позиции. Дальнейшее их развитие во многом зависит от проводимой промышленной и социально – экономической политики в стране.

Ключевые слова: наукоемкое производство, военно-промышленный комплекс, перестройка, конверсия, неолиберальная экономическая политика, инновационная деятельность

Voronin D.V.,

*Doctor of Hist. Sc., Professor of Department of Archaeology and
Local History, Faculty of Historical and Political Sciences, NR TSU*
**Problems and Prospects for Development of High-Tech
Production: Regional Aspect**

Abstract. The article considers the development features of knowledge-intensive production on the example of the Tomsk region. It is noted that a considerable number of enterprises are closely related to the military-industrial complex system. As a rule, this is a high-tech production that has close ties with universities in the city. This provides industrial enterprises with highly qualified personnel and allows to carry out research and development. Despite the devastating consequences of perestroika and radical post-perestroika market reforms, Tomsk enterprises were largely able to maintain their positions due to the existing connections between science and production and human resources. Further development largely depends on the ongoing industrial and socio-economic policies in the country.

Keywords: high-tech production, military-industrial complex, perestroika, conversion, neoliberal economic policy, innovative activity

Развитие промышленности Томской области в послевоенное время проходило с некоторыми отличиями по сравнению с другими регионами. Создавались производства, которые были тесно связаны с системой военно-промышленного комплекса. Это были, как правило, наукоемкие предприятия, тесно связанные с вузами Томска. Последние сыграли важную роль в истории города. В томских вузах – НИ ТГУ, НИ ТПИ (ТПУ), ТИРИЭТ (ТУСУР), ТМИ (СГМУ) создавались кафедры, факультеты, где готовились кадры для этих производств, а в НИИ осуществлялись работы в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР).

Разрушительное влияние на работу томских предприятий оказала перестройка. Провозглашенный в апреле 1985 г. курс на «ускорение социально-экономического развития страны» сопровождался принятием ряда программ, фактически направленных не столько на реализацию провозглашенного курса, сколько на его торможение. К ним можно отнести антиалкогольную кампанию, которую наряду с падением нефтяных доходов и сокращением доли товаров народного потребления в импорте, либеральный экономист Е.Т. Гайдар характеризовал как кампанию, подрывающую «сами основы финансовой стабильности ... Государственный бюджет получает сразу несколько мощных пробоин»¹.

¹ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М.: 1997, С.43.

Негативное влияние антиалкогольной кампании на финансовую базу государства отмечали Л.И. Абалкин и другие экономисты.

Помимо этой кампании значительное влияние на существующую систему оказали госприемка, перевод государственных предприятий на хозрасчет и создание кооперативов. Продолжением этих шагов стали, так называемые, реформы 90-х годов. Следует отметить, что результатом осуществляемой экономической политики стало нарушение системы государственного управления, которое стало неэффективным, а государственное планирование стало подменяться рыночными механизмами. Из опрошенных участников Гайдаровского форума неэффективность госуправления отметили 30% респондентов, технологическое отставание 26%, изоляцию от внешних рынков 19%, враждебность бизнес-среды 13%, демографический вызов 12%¹.

Резкое сокращение бюджетных поступлений, главным образом госзаказов, негативно повлияло на работу многих предприятий. Распад Советского Союза привел к разрыву производственных и экономических связей со смежниками, которые оказались в других государствах, что болезненно сказалось на их работе. В особенно трудном положении оказались предприятия, связанные с военно-промышленным комплексом. Помимо финансовых и материально технических проблем руководители и трудовые коллективы испытывали мощный пресс представителей «либеральных демократов», которые вели истеричную кампанию, направленную на проведение полномасштабной конверсии. За ней последовали серьезные проблемы. Не случайно вице-президент России А. Руцкой, после посещения ряда предприятий ВПК, сравнил проводившуюся военную конверсию с бандитизмом. Все это свидетельствовало о том, что схема разрушения промышленного производства была тщательно продумана и реализована. Предприятия ВПК оказались жертвой проводимой конверсии.

Проблема томских предприятий, многие из которых были наукоемкие, состояла еще и в том, что они не выпускали конечную продукцию, а лишь комплектующие изделия, которые по технологической линии поставлялись на другие предприятия. Поэтому возникали постоянные проблемы с оплатой за произведенную продукцию,

¹ Варшавский А.Е. Макро- и микроэкономические проблемы реиндустриализации России: пути решения С.64.

что, в свою очередь, создавало трудности с поставками необходимых для своего предприятия сырья и комплектующих материалов. В числе проблем томских предприятий, входящих в систему ВПК, было сокращение или полное отсутствие оборонных заказов. Возможность выпуска продукции гражданского назначения по программе конверсии, не могла обеспечить устойчивое функционирование предприятий. Значительная ее часть оказалась неконкурентной в условиях массового зарубежного импорта. Этому способствовало практически полное снятие таможенных барьеров, что привело к открытию внутреннего рынка для продукции транснациональных корпораций.

Почему именно наукоемкие предприятия оказались в первую очередь под ударом новых экономических реформ? В настоящее время многие эксперты это объясняют заинтересованностью зарубежных производителей в устранении конкурентов, выпускающих продукцию, не уступающую зарубежной. К сожалению, немалую роль в развале сыграло и российское правительство. С.Ю. Глазьев подчеркивал, что «катастрофа произошла в 1990-е годы вследствие как раз шоковых реформ, а не спонтанного разрушения социалистической хозяйственной системы. И само это разрушение не было спонтанным – как признают сами реформаторы, целью их деятельности было именно разрушение, а не созидание механизмов экономического развития»¹. В результате неолиберальной экономической политики, проводившейся в России в первое постсоветское десятилетие, российская экономика оказалась отброшенной на десятилетия назад.

Однако в Томской области, на наш взгляд, создан необходимый потенциал для дальнейшего развития инновационной активности. Он представлен высококвалифицированными кадрами, которые формируются в вузах, НИИ, подразделениях НИОКР предприятий. Важнейшей задачей является создание условий для появления фирм, ориентирующихся на производство в сфере 5–6 технологических кладов.

Региональные органы власти, еще до утверждения Правительством в 2010 г. программы «Стратегия социально-экономического

¹ Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: 2011, С.280.

развития Сибири до 2020 года», начали активную работу в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. №783 «О создании на территории г. Томска особой экономической зоны технико-внедренческого типа» (ОЭЗ ТВТ «Томск»), работа которой нацелена на развитие инновационной деятельности.

Важное место в развитии промышленного производства отводится реализации концепции инновационного территориального центра «ИНО Томск». Она ориентирована на развитие предприятий по выпуску высокотехнологичной продукции. В числе таких предприятий следует отметить: ООО «Томскнефтехим», ООО «Сибметахим», ОАО «ТЭМЗ», АО «Сибкабель», ООО «НПП «ТЭК», «Элком+», ЗАО «НПФ «Микран», ЗАО «СИАМ», АО «ЭлеСИ», НПЦ ОАО «Полюс».

Необходимо отметить особенность, характерную для Томской области – это наличие развитой сферы высшего профессионального образования. В Томской области высшее образование имеет 30% трудоспособного населения. Ежегодно выпускается около 16 тыс. специалистов. По концентрации научных сотрудников высшей квалификации Томск занимает 1-е место в России. Лозунг 1930-х гг. «Кадры решают все», по-прежнему актуален.

Дальнейшее развитие наукоемкого производства в Томской области, которое тесно связано с образованием и наукой, возможно при активной поддержке со стороны государства. К сожалению, проводимая государством неолиберальная экономическая политика, по-прежнему, сохраняет сырьевую направленность.

На наш взгляд, политика, проводимая в 1990-е годы, фактически под руководством Запада, была ориентирована на сырьевую направленность нашей экономики. При этом предприятия обрабатывающей промышленности оказались в сложнейшем положении. В настоящее время сложилась ситуация, когда многие рынки оказались потерянными для наших производителей. Возвращение на них требует значительных усилий. Положение осложняется проводимой социально – экономической политикой в стране.

Предприятия Томской области способны решать задачи, отвечающие современным требованиям. Так ЗАО «НПФ «Микран» выпускает продукцию, востребованную не только на внутреннем рынке, но и на западном. Микросхемы и печатные платы, выпускаемые на предприятии, успешно конкурируют с западной продукцией и уве-

ренно занимают место на зарубежном рынке. Томский электротехнический завод (ТЭТЗ) уже несколько лет выпуск собственной продукции осуществляет только на базе отечественных комплектующих. Такое положение характерно и для других томских предприятий. Для дальнейшего развития регионального наукоемкого производства требуется реализовать принятую промышленную политику и изменение в целом социально – экономической политики.

Список литературы

1. *Варшавский А.Е.* Макро- и микроэкономические проблемы реиндустриализации России: пути решения Производство, наука и образование: системный подход/ Сб-к материалов IV Международного конгресса (ПНО- IV). М.: ИНИР им.Витте, 2018. 540 с.
2. *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: 1997, 130 с.
3. *Глазьев С.Ю.* Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: 2011. 576 с.

Дектерёв В.И.,

*редактор социально-экономического отдела
газеты «Правда»*

Ограничители производства в России

Аннотация. В статье раскрываются факторы, ограничивающие развитие различных секторов производства в стране. Из них особо выделяются факторы, которые носят искусственный характер. Они навязаны России Международным Валютным Фондом с целью ослабления экономики. Их устранение позволит более высокими темпами развивать производство в стране и повышать уровень жизни населения.

Ключевые слова: внутренний спрос, налоговая система, распределение ВВП

Dekterev V.I.,

*Editor of the socio-economic Department of the Pravda
newspaper*

Production Limiters in Russia

Abstract. The article reveals the factors limiting the development of various sectors of production in the country. Of these, factors that are artificial are highlighted. They are imposed on Russia by the International Monetary Fund in order to weaken the economy. Their elimination will allow for a higher rate of development of production in the country and improve the standard of living of the population.

Keywords: domestic demand, the tax system, the distribution of GDP

XX век стал переломным в развитии мирового хозяйства. Технологический прогресс сделал возможным удовлетворение всех основ-

ных материальных потребностей населения сначала развитых стран, а затем и всей планеты. Производство упёрлось в этот естественный ограничитель. Однако капиталистический способ производства не признаёт никаких ограничений. Он требует бессмысленного роста производства путём создания всё новых искусственных потребностей как у населения, так и у государства, что создаёт экологические проблемы глобального масштаба.

В СССР компартия использовала идеологию «соревнования двух систем» – капитализма и социализма. Поэтому размеры производства тоже были громадными. Мы производили танков, атомных подводных лодок, межконтинентальных ракет, космических аппаратов и т.д. больше, чем весь остальной мир. В то же время удовлетворение основных материальных потребностей населения ограничивалось строгими рамками.

В результате разрушения СССР и «реформ», сопровождавшихся почти полным коллапсом военно-промышленного комплекса и связанных с ним отраслей, объём производства в РФ снизился в разы. Естественным ограничителем производства стал потребительский спрос.

Чтобы скрыть масштабы падения, статистики стали подсчитывать вместо национального дохода, отражающего объём производства, несопоставимый с ним валовой внутренний продукт, который включает в себя доходы всех – независимо от того, производят они что-либо или нет. Например, по американской статистике юристы «создают» гораздо больший ВВП, чем все работники сельского хозяйства (весьма масштабного, между прочим).

Поэтому за экономическими «успехами», которые фиксирует в виде ВВП нынешняя статистика, может скрываться всё, что угодно. От огромной массы недорогих потребительских товаров, которыми Китай закидал весь мир, до огромных «мыльных пузырей», которыми США и другие западные страны надувают свою «экономическую мощь».

После того, как США победили СССР в «холодной войне», они через МВФ ввели на обломках разрушенной страны свои порядки. И в числе прочего – искусственные ограничители размеров производства.

Первый из них – налоговая система, полностью исключавшая рентабельность производства в любых отраслях, кроме экспортно-ориентированных. Большинство налоговых систем в мире изымает у предприятий определённую часть заработанного ими дохода. Та

же налоговая система, которую у нас внедрили «специалисты» из МВФ, основана на другом принципе. Налоги не изымаются из полученной прибыли, а, предварительно накручиваются на себестоимость продукции и друг на друга – по принципу матрёшки.

Покажу это на простейшем примере. Чтобы выплатить работнику 1 рубль, предприятие должно «начислить» ему 1 рубль 15 копеек. Таким образом «начисленная» зарплата включает в себя налог на доходы физических лиц (НДФЛ) в 13% от этой величины.

По инструкции Минфина на эти 1 рубль 15 копеек, то есть как на заработную плату, так и на НДФЛ, предприятие должно начислить 30% или 35 копеек «взносов» в государственные социальные фонды. Получается уже 1 рубль 50 копеек.

А на них, то есть на зарплату, плюс НДФЛ, плюс «взносы» по инструкции накручивается ещё 20% налога на добавленную стоимость (НДС) или 30 копеек. Итого получается, чтобы заплатить работнику 1 рубль, предприятие должно отдать государству 80 копеек, или 80% от суммы, которую получил работник.

Налогов наши чиновники за годы «рыночных реформ» наплодили массу, добавив к ним другие обязательные платежи: тьму всевозможных пошлин, акцизов, взносов, сборов, платежей за выдачу лицензий, сертификатов, разрешений, согласований, справок и других поборов, запрятанных во всякие инструкции, положения, решения, постановления бесчисленных бюрократических структур. Всю эту массу налогов и обязательных платежей в соответствии с инструкциями Минфина, которые затем были обобщены в статье 264 Налогового кодекса РФ, бухгалтеры должны относить на счёт «Прочие расходы, связанные с производством и (или) реализацией», то есть на себестоимость продукции. [1] В результате себестоимость возрастает в разы и продать такую продукцию без убытков невозможно. То есть отечественная продукция становится неконкурентоспособной не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

В 1990-е годы в России экономическая политика сводилась, главным образом, к разрушению производительных сил. К счастью, в 2000-е годы власти стали строить «великую сырьевую державу». И очень успешно. По сравнению с 1999 годом в 2008 году, по данным Центробанка, экспорт из страны в долларовом выражении вырос в 5,7 раза. [4]

Для этого в 2000 году провели налоговую реформу, в ходе которой отменили более сотни налогов, а ставки по остальным существенно снизили. Так, ставка по налогу на добавленную стоимость была снижена с 28% до 18%. Взносы в государственные социальные фонды, переименованные в единый социальный налог, сокращены с 50% до 26%, налог на прибыль – с 32% до 20%. Это позволило рентабельно производить многие виды продукции и выплачивать более высокую зарплату. Да и занятость населения возросла, что оживило потребительский спрос. Это позволило во многом восстановить производство, работающее на внутренний рынок, так как из-за обрушения рубля в 1998 году цены на импортные товары выросли в разы.

Однако под нажимом из-за океана власти опять стали затягивать налоговую удавку. В первой половине 2008 года под лозунгом «улучшения налогового администрирования» они выбили из предприятий в 1,5 раза больше налогов, чем за тот же период в 2007 года. Это привело к кризису, от которого наше производство так и не оправилось, так как чиновники продолжали своё чёрное дело. В 2011 году «взносы» в государственные социальные фонды, прежде именовавшиеся единым социальным налогом, были увеличены с 26% до 34%. В 2013 году руководитель Федеральной налоговой службы Михаил Мишустин хвастался, что за три года ВВП в стране вырос на 12,7%, а налоги в реальном выражении – на 21,8%. При этом налоги и поборы росли не только для предприятий, но и для населения, что ещё более подрывало его покупательную способность. До сих пор реальные доходы населения не достигли уровня 2007 года.

Второй ограничитель производства в России – постоянное удержание основной массы населения в бедности с целью ограничения потребительского спроса. Это хорошо видно из распределения валового внутреннего продукта между работающими, пенсионерами и «состоятельными гражданами».

ВВП, созданный в 2018 году, по данным Росстата, составил 103,6 триллиона рублей. В структуре ВВП по источникам доходов в строке «оплата труда наемных работников» числится 47,4 триллиона рублей. Однако в скобках ведомство указывает, что к зарплате оно приплюсовало «смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами» – иначе говоря, доходы теневого бизнеса и громадные криминальные доходы, включая коррупционные. [2] Как и в случае

подмены показателя национального дохода показателем ВВП, делается это «смешивание» для сокрытия реального положения вещей.

Близкие к реальности данные можно получить из отчёта Пенсионного фонда РФ за тот же 2018 год. В нём зафиксировано поступление страховых взносов в размере 4,95 триллиона рублей. Учитывая, что тариф страховых взносов составляет 22% от фонда оплаты труда, нетрудно рассчитать его размер: 22,5 триллиона рублей. Поскольку фонд оплаты труда включает «начисленную» зарплату, то есть с добавлением НДФЛ в размере 13%, то работающим на руки досталось 19,6 триллиона рублей или 18,9% ВВП [3].

Эти данные мало отличаются от реальных. На них влияют, во-первых, более низкий тариф страховых взносов (10%) с зарплат, превышающих 1,2 миллиона рублей. Но таких плательщиков у нас крайне мало. Во-вторых, выплата части зарплаты «в конвертах» в отдельных организациях, с чем государством ведётся длительная война, которая близится к завершению. Так что полученные из отчётов ПФР данные, в отличие от росстатовских, вполне надёжны и ими можно пользоваться.

В итоге получается такое распределение ВВП. Работающим достаётся 18,9%, пенсионерам – 6,9% (7,2 триллиона рублей), самозанятым безработным – в лучшем случае 1–2%, «состоятельным гражданам» – 72–73% ВВП.

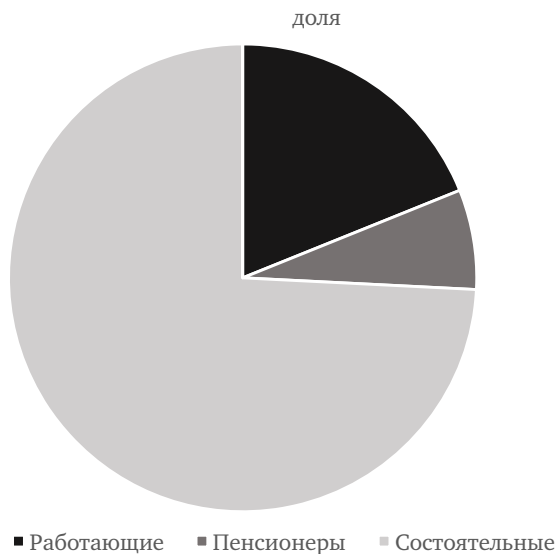
Но и эти 18,9% ВВП, приходящихся на заработную плату, включают в себя жалованья чиновников и руководства госкорпораций, измеряемые порой миллионами рублей за каждый рабочий день. А 6,9% ВВП, приходящиеся на пенсии, включают в себя чиновничьи пенсии, исчисляемые часто сотнями тысяч рублей.

Как многократно заявлял бывший министр финансов Алексей Кудрин, чем больше у нас будет богатых людей, тем лучше для страны. Ведь работающие и пенсионеры, находясь в крайней нужде, не могут сделать никаких инвестиций в экономику. Это делают богатые.

Но так ли на самом деле? В 2018 году, по данным Росстата, инвестиции в основной капитал составили 13,2 триллиона рублей или 12,7% ВВП. [2] То есть среди богатых, грубо говоря, лишь каждый пятый хотя бы что-то инвестирует в экономику России. Остальные, в основном, вкладывают деньги на Западе, покупая роскошные виллы, замки, яхты, личные самолёты и т.д. Они проматывают плоды труда

россиян всевозможными способами. А то, что не промотали, прячут в зарубежных офшорах. За все годы реформ, по данным ЦБ РФ, из России вывозилось товаров в 1,5–2,4 раза больше, чем ввозилось [4].

Диаграмма 1. Распределение ВВП за 2018 год между работающими, пенсионерами и «состоятельными гражданами» (данные ПФР)

И хотя ежегодный вывоз товаров из страны превышает ввоз на сотни миллиардов долларов, Россия каждый год умудряется задолжать Западу кругленькую сумму. Так, на начало 2018 года внешний долг составил 518,2 миллиарда долларов. А до введения санкций он превышал 700 миллиардов. При этом основная часть внешнего долга приходилась на банки (117,9 миллиардов долларов) и «прочие секторы» (344,7 миллиарда). [4] Просто наши «состоятельные граждане» берут за рубежом в кредит сотни миллиардов долларов, отправляя основную часть занятого в свои оффшорные «зачачки». А долги «вешают» на свои российские предприятия.

Но именно сверхдоходы этих паразитов наша власть объявляет священной коровой, не подлежащей даже минимальному налогообложению. Нынешний министр финансов Антон Силуанов даже заявлял не раз перед телекамерами, что это бесполезно: они, мол,

умные, всё равно всё спрячут. Это только нас, дураков, можно стричь, как овец, а их – ни-ни.

Во всех развитых странах сверхдоходы обкладываются более высокими налогами, чем трудовые. И никаких проблем с их изъятием нет. Они есть только у господ кудриных и силуановых, не желающих этого делать. Да и каких-то особых механизмов отъёма не требуется. Эти «умные» сами с удовольствием вернут деньги в страну, если это будет выгодно.

А сейчас из-за налоговой системы, навязанной нам МВФ, производить что-либо, кроме сырья, в России невыгодно. Если же ослабить налоговую удавку на производство, возместив бюджетные потери повышенными ставками налогов на сверхдоходы, то производить товары в России станет выгодно. Тогда и существенная часть капиталов потечёт не за границу, а в Россию. Особенно, если обкладывать по повышенным ставкам не все сверхдоходы, а только те, которые не инвестированы в экономику страны. Тогда и зарплату работодатели смогут резко поднять, и доходов в бюджете добавится.

Нынешнее распределение ВВП приводит к чудовищному распространению бедности в стране, блокирует главный источник развития производства в современных условиях – спрос населения. Если убрать эти искусственные ограничители производства, то какие колоссальные возможности откроются для развития экономики России и благосостояния её населения!

Список литературы

1. Налоговый кодекс РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nkodeksrf.ru/>
2. О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) за 2018 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/free/Bo4_03/IssWWW.exe/Stg/do4/21.htm
3. ПФР. 2018 годовой отчёт. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension-fund-Annual-report-2018.pdf
4. ЦБ РФ. Статистика внешнего сектора. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

Евсеев В.И.,

*доктор технических наук, профессор,
президент Союза литейщиков Санкт-Петербурга*

**Власть и бизнес в экономике России:
что мешает развитию?**

Аннотация. Статья посвящена анализу сложившейся ситуации в развитии экономики и промышленности страны. Сформулированы основные причины длительного экономического и промышленного кризиса. Отмечено, что кризис носит, в первую очередь, системный управленческий характер. Федеральное Правительство за последние семь лет не обеспечило эффективные меры и адекватную экономическую и финансовую политику, законодательную базу и их реализацию для активизации развития страны. Представлен перечень предложений по изменению экономической, промышленной, научной образовательной и финансовой политики для вывода России из тупика.

Ключевые слова: экономическая политика, законодательная база, промышленная политика, налоговая и кредитная политика, экономический кризис, управленческий кризис, морально-нравственный климат, модернизация, технологический потенциал, коррупция

Evseev V.I.,

*Doctor of Techn. Sc., Professor,
Saint-Petersburg Foundrymen Union, President*
**Power and Business in the Russian Economy:
What Hinders Development?**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current situation in the development of the country's economy and industry. The

main reasons for the long-term economic and industrial crisis are formulated. It is noted that the crisis is primarily of a systemic managerial nature. Over the past seven years, the Federal Government has not provided effective measures and adequate economic and financial policies, legislation, and their implementation to boost the country's development. A list of proposals for changing economic, industrial, scientific, educational, and financial policies to break the deadlock in Russia is presented.

Keywords: economic policy, legislative base, industry policy, taxation and credit policy, economic crisis, administrative crisis, moral climate, modernization, technological potential, corruption

Экономика России в последние семь лет переживает затяжной экономический кризис, который обусловлен неспособностью Федерального Правительства к эффективному управлению и развитию хозяйства страны и всех его стратегических отраслей (науки, образования, промышленности и других). Стратегические просчёты и неспособность Федерального Правительства обеспечить динамичное развитие экономики страны послужили объективным основанием для принятия Президентом РФ справедливого решения об отставке его в полном составе во главе с Председателем Правительства. Однако при существующей псевдолиберальной модели экономического развития, действующих законодательстве и нормативно-правовой базе в сфере экономических отношений, промышленной, научной, образовательной политики новому составу Правительства трудно будет, а скорее всего, невозможно, вывести страну из тупика. Кроме того, надо отметить, что практически все структуры управленческой, контрольно-надзорной и правоохранительной вертикали власти не способствовали поступательному развитию экономики страны.

Устойчивое развитие и успешное функционирование любого государства, бизнеса и предпринимательства разных направлений и масштабов зависит, во многом, от морально-нравственного и делового климата в стране, основы которого определяют и реализуют структуры и механизмы, созданные властью. Только в условиях здорового климата и заботливого отношения власти к населению, бизнесу и предпринимательству возможны выработка и реализация эффективной законодательной и нормативно-правовой базы. Именно они наполняют её бюджет, обеспечивают народ работой, а также

влияют на благополучие государства и жизнь практически каждой семьи.

Эффективное функционирование хозяйства страны возможно также при наличии адекватной модели экономической политики, которая призвана и способна решать насущные проблемы науки, образования, промышленности, бизнеса в условиях провозглашённого в России курса на рыночную экономику. Правительство неоднократно провозглашало лозунги, призывая обеспечить меры и стимулы развития в правильных в целом направлениях. Остановимся на некоторых из них.

Индустриализация – строительство сотен новых современных автоматизированных заводов с гибкими роботизированными технологическими процессами и модернизация существующих устаревших, с внедрением работающих систем менеджмента качества и средств бережливого производства, обеспеченных высококвалифицированными кадрами во всех элементах производства.

Инновации – любые разработки и изобретения отечественных учёных, конструкторов, технологов, которым необходимо, наконец, дать «зелёную улицу», сделать востребованными и всячески обеспечить их внедрение в производство промышленной продукции.

Импортозамещение – не очередная модная кампания, а необходимость разумной планомерной и системной работы по организации и обеспечению отечественного производства продукции, особенно для стратегически важных отраслей промышленности (в первую очередь, оборонной), не исключая участия страны в международном разделении труда, но обеспечивая технологическую независимость собственного производства.

Инвестиции – весь комплекс ресурсов, включая финансовые, которые должны быть сконцентрированы и направлены целевым назначением на решение первых трёх задач, а именно, на индустриализацию, на разработку и внедрение отечественных высоких технологий и обеспечение инвестиций для реализации всего нового, что порождает человеческие разум и руки.

Весь комплекс проблем, мешающих развитию отечественной экономики и промышленности, по нашему мнению, завязан в тугой узел не решаемых десятилетиями проблем и определяемый именно этими понятиями и направлениями. Такое положение вещей диктуется

реализуемой в нашей стране неолиберальной моделью экономики с отказом от стратегического планирования, когда девизом является следующая формула: чем меньше государства в экономике, тем лучше.

Сложившаяся в настоящее время ситуация в экономике страны и её промышленном производстве характеризуется устаревшим и существенно изношенным технологическим оборудованием его слабой загрузкой, недостаточным уровнем диверсификации производственных мощностей, низкой культурой производства, высоким уровнем ресурсных затрат, критической степенью дефицита кадров. Утерянные компетенции приводят к низкому качеству выпускаемой продукции, к повышению уровня цен и, в конечном итоге, к отсутствию конкурентоспособности отечественных машин и оборудования практически для всех отраслей машиностроения, судостроения, энергетики, авиации, приборостроения, электроники.

В течение последних тридцати лет наш промышленный технологический потенциал не прошёл массовой и комплексной модернизации, большая часть машин, станков, оборудования, материалов, комплектующих закупались за рубежом, кампания по импортозамещению была практически свёрнута. Однако эти закупки для реального сектора экономики не носили системного и обоснованного характера и не помогли развитию обрабатывающих отраслей нашей промышленности и выводу их на современный уровень.

Призывы федерального правительства России к развитию страны с использованием перечисленных направлений остаются в системном и инфраструктурном плане практически не обеспеченными, а также не подверженными контролю хода и результатов их реализации.

Назовём основные причины такого положения дел.

1. Академическая наука, всегда дававшая уникальные разработки в фундаментальных отраслях знаний, влачит жалкое существование.

2. Отраслевая наука, конструкторские, технологические и проектные организации или погибли, или в буквальном смысле слова занимаются выживанием в отсутствие серьёзных заказов, как со стороны государства, так и со стороны крупного промышленного бизнеса. Отсутствуют плотные творческие связи между ними.

3. Сложился недопустимо низкий уровень внимания к организации и обеспечению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также использованию их результатов.

4. Отраслевые и межотраслевые кооперационные связи между заказчиками и поставщиками разрушены. Тысячи предприятий в сети поставщиков прекратили своё существование.

5. Существует серьёзная проблема подготовки кадров и обеспечения преемственности поколений во всех звеньях создания и управления производством, как в технологическом, так и в отраслевом управленческом сегменте.

6. Отмечается недопустимо низкий уровень квалификации высшего и среднего управленческого аппарата крупных и средних промышленных предприятий. Отсутствуют на многих из них стратегии развития, работают слабые службы маркетинга, закупок и продаж. Не преодолено неумение эффективно конкурировать на отечественном и зарубежном рынке, даже при наличии неоспоримых преимуществ своей продукции.

7. Отсутствует созданная и обеспеченная инфраструктура для инновационной деятельности. Примеры разрекламированных структур «Роснано» и «Сколково» не обеспечивают процесс использования их передовых разработок в отечественной промышленности, потому что она не готова к масштабному восприятию отдельных высоких технологий и образцов продукции на своём старом оборудовании.

8. Сохраняется высокая ресурсоёмкость отечественных производств. Недопустимо медленно внедряются современные методы бережливого производства. Что приводит к низкой конкурентоспособности отечественных производителей.

9. Слабо внедряются современные методы и техника для автоматизации процесса производства и менеджмента, методы и средства цифровой экономики.

10. Отсутствует необходимое и эффективное обеспечение стандартизации и унификации в деятельности промышленных предприятий. Во многих направлениях (например, машиностроение, металлообработка, материалы, крепёж) используются ещё советские стандарты, которые уже давно отменены.

11. Существующая система международной и национальной сертификации менеджмента и продукции часто вводится формально и не поддерживается в процессе жизненного цикла производства и эксплуатации продукции.

12. Существует недостаточно эффективная система защиты интеллектуальной собственности, что приводит к утере отечественных разработок. Особенно остро вопрос встал после присоединения России к системе ВТО.

13. В стране не создана эффективная система экономической мотивации, стимуляции и поддержки процесса внедрения и использования отечественных разработок со стороны, как государства, так и крупного бизнеса.

14. Наличие высоких рисков для бизнеса в попытках внедрения отдельных инноваций в работающий технологический цикл производства. Дело в том, что предприятия не имеют достаточных средств на перевооружение, доступ к длинным и дешёвым кредитам (кроме операционных) на развитие практически закрыт из-за высоких процентных ставок (такова политика экономического блока правительства).

Перечисленные причины и существующие риски для бизнеса усугубляются наличием глубоко укоренённой коррупционной системы в организации взаимодействия государства и промышленного бизнеса, что приводит к отсутствию необходимых инвестиций, повышению производственных издержек, а значит, к неконкурентоспособности отечественной продукции, даже на внутреннем рынке. Проблема коррупции серьёзно и отрицательно влияет на экономику, моральный и деловой климат в стране, а в конечном счёте – на безопасность России.

Из сказанного следует вывод, что в сфере инвестиционного и инновационного развития отечественного промышленного потенциала существует системная проблема, которую решать надо тоже на системном уровне. Обеспечение отдельных элементов этого процесса не решит проблему. Например, существует много стратегий и концепций развития отраслей экономики, отдельных субъектов РФ, существуют различные федеральные и региональные целевые программы, но ход их выполнения и обеспеченность не контролируются и не корректируются, а результаты не анализируются и не используются, эффективность не оценивается.

Поэтому решение вопроса об эффективном экономическом, в частности, инвестиционном и инновационном развитии страны можно говорить только в увязке этой проблемы с комплексным решением задач по всеперечисленным направлениям и в новой экономической

модели. Особую важность этот процесс приобретает в сложившейся геополитической и экономической ситуации в мире с учётом жизни и деятельности нашей страны в условиях международных санкций.

К сожалению, отстранённость государства от управления, а также невмешательство в хозяйственную деятельность страны, которые были заложены после развала Советского Союза в начале 1990-х годов, образовали глубокий водораздел между ними. Государство и сегодня считает, что всеми силами создаёт благоприятные условия для реализации возможностей наиболее активной части жителей страны в их предпринимательском устремлении. Другой рукой оно крайне неосторожно и даже грубо и отрицательно воздействует на бизнес, оставив себе нормативные, контролирующие и карательные функции, которые весьма эффективно использует вся система надзорных и правоохранительных органов государственной власти. Подобные действия власти страны во всех её звеньях создали условия, при которых происходит бессистемное смещение рыночных и ручных методов управления в зависимости от воли и желания чиновника.

Бывший Председатель Правительства России и лидер правящей партии «Единая Россия» Д.А. Медведев своими призывами перестать «кошмарить» бизнес и другими высказываниями подменил разумные регулятивные функции государства в провозглашённой рыночной экономике благими воззваниями. Вместо того чтобы навести чёткий и законный исполнительский порядок в хозяйственном механизме страны, переживающей глубокий кризис государственного управления. Рыночная экономика имеет свои законы, нарушение которых в режиме ручного управления разрушительно воздействует на функционирование всех структур государства и общества.

Автор далёк от идеализации деятельности российских бизнесменов и предпринимателей. Да, он у нас часто носит незаконный характер. Но уже в последние годы выросло целое поколение ответственных предпринимателей, желающих честно и эффективно развивать свой, отечественный бизнес, даже в существующих трудных экономических и правовых условиях. Однако именно государство задаёт тон всеобщего недоверия друг другу, загоняет бизнес в условия, когда он вынужден нарушать законы и сложившийся противоречивый порядок отношений между хозяйствующими субъектами, между бизнесом и государством.

Большой проблемой в развитии экономики, в подготовке и реализации промышленных проектов по модернизации технологического уровня наших заводов стали трудности в привлечении инвестиций со стороны отечественных и зарубежных инвесторов. Страна очень нуждается в создании сотен современных автоматизированных производств, создании миллионов новых рабочих мест, о которых говорилось в планах по национальным проектам образца 2012 года. Однако и в этих вопросах не было достигнуто положительных результатов. Государство не создаёт наилучшие условия для роста экономики, прихода финансовых ресурсов на промышленный рынок страны. На дальнейший период до 2024 года расчёт властью строится уже на прорывное выполнение национальных проектов образца 2018 года. Притом, что подходы к решению системных проблем не изменяются, а никакие выводы из неудач не извлекаются. Какой же разумный инвестор придёт на российский рынок? В условиях, когда государство и крупный олигархический бизнес выводят отечественный капитал от продажи углеводородов, леса, металлов из страны или стерилизует внутри в количестве десятков млрд долларов.

Приведённая краткая аналитика позволяет сказать, что в Российской Федерации на протяжении многих лет действует глубокий кризис системы государственного управления и реализуемой модели экономического и промышленного развития страны. Проводимый властью и партией «Единая Россия» курс на поиск «точек и локомотивов» роста, в первую очередь, попытка апеллировать к бизнесу и предпринимателям в подобных условиях нельзя считать перспективной.

Для придания импульса к улучшению делового климата, решения вопросов совместного привлечения государственных, частных и зарубежных инвестиций в инфраструктурные и промышленные проекты, которые определяющим образом влияют на развитие экономики и моральное состояние российского общества, необходимо безотлагательное осуществление серьёзных мер. В первую очередь, со стороны нового состава Правительства. Отметим основные из них:

1. Коренным образом изменить морально-нравственные основы отношений между властью и бизнесом, наукой и образованием, что поможет, наконец, изжить состояние всеобщего недоверия, преодолеть сложившееся отношение бизнеса к «заботам» власти.

2. Изменить неолиберальную модель экономического развития страны, для чего использовать предлагаемые отечественной академической и прикладной экономической наукой альтернативные модели, которые имеются, научно обоснованы, а также основаны на реальных условиях и особенностях российского уклада и менталитета. Необходимо учесть, что в стране сложился активный запрос на лево-патриотический поворот в экономической модели с использованием национализации стратегических отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности (нефтегазовый комплекс, лесное хозяйство, металлургия и др.)

3. Реализовать новый системный подход к управлению развитием страны, который касается всех сторон устройства и функционирования её хозяйства, а именно баланса в соотношении между производительными силами и производственными отношениями, в подходах к основам управления стратегическими отраслями экономики и промышленности, науки и образования. Подобные предложения старое правительство РФ не принимало в рассмотрение.

4. Изменить структуру и полномочия органов исполнительной власти по всей её вертикали таким образом, чтобы чиновники любого ведомства и уровня несли персональную ответственность за незаконные действия или бездействия, чтобы исключить их безответственность и безнаказанность.

5. Прекратить издавать законы и подзаконные акты, а также практику их применения, ухудшающие условия ведения любого бизнеса. В этом плане необходимо рассмотреть изменение Конституции России в плане исключения верховенства международных правовых актов (например, по линии МВФ и различного уровня договоров) над российскими. Рассмотреть также правомерность продолжения участия России в дискредитировавшем себя ВТО, когда все вопросы мировой торговли и разделения труда пытаются единолично и грубо решать США.

6. Обеспечить адекватность и неизменность нормативно-правовых актов и правил, влияющих на условия ведения бизнеса.

7. Изменить вектор финансово-кредитной политики с целью наполнения экономики и реального её сектора необходимыми и достаточными потоками финансовых средств (показатель М2 крайне низок) для обеспечения доступных и длинных кредитов на развитие

бизнеса, особенно промышленного производства, которое закредитовано сверх всякой меры.

8. Обеспечить научно-обоснованную и стабильную налоговую политику, существенно снизить налоговую нагрузку на производственный сектор экономики, а также строгую и справедливую реализацию этой политики, с целью обеспечения возможностей для промышленности иметь собственные средства на развитие.

9. Рассмотреть возможность и порядок упрощения форм и требований для получения субсидий, инвестиций и кредитов в различных институтах развития – банки, бюджеты, Фонды развития промышленности, Фонд прямых инвестиций, Фонд развития прикладных исследований, Фонд перспективных исследований, частные отечественные и зарубежные инвесторы и другие.

10. Приступить, наконец, к системной и последовательной борьбе с масштабной коррупцией, хищением, мошенничеством, злоупотреблением служебным положением независимо от должности и звания. Необходимо обеспечить реальное наказание выявленных и доказанных преступлений, конфискацию у преступников незаконно приобретённых средств и богатств, соблюдая предельную гласность для общественного осуждения и суда чести!

Мы хотим видеть великую Россию сильной и процветающей, а её народ богатым и счастливым! Для интенсивного и устойчивого развития у нас есть всё!

Иванова Е.А.,

*студент Института экономики отраслей, бизнеса
и администрирования*

Челябинского государственного университета

Капкаев Ю.Ш.,

*кандидат экономических наук, доцент,
профессор кафедры экономики отраслей и рынков*

Челябинского государственного университета

Роль государства в развитии бизнес-среды в России

Аннотация. Стимулирование потенциальных предпринимателей на создание нового бизнеса, а также формирование комфортных условий для функционирования уже существующих предприятий является важной задачей для экономики страны. Россия, несмотря на уже реализованные меры по достижению данной цели, имеет значительный потенциал для развития собственной бизнес-среды.

Ключевые слова: инвестиционная политика, инвестиции, экономика государства, валовой внутренний продукт

Ivanova E.A.,

*Student of the Institute of Economics, Business
and Administration of Chelyabinsk State University*

Kapkaev J.S.,

*Candidate of Econ. Sc., Associate Professor,
Department of Economics of Regions and Markets,
Chelyabinsk State University*

**The Role of the State in the Development
of the Business Environment in Russia**

Abstract: Stimulating potential entrepreneurs to create a new business, as well as creating comfortable conditions for the functioning of existing enterprises, is an important task for the country's economy. Russia, despite the already implemented measures to achieve this goal, has significant potential for the development of its own business environment.

Keywords: investment policy, investments, state economy, Gross Domestic Product

В современных условиях одна из наиболее значимых социально-экономических задач для России – улучшение бизнес-среды, а также повышение легкости ведения бизнеса. Под «легкостью ведения бизнеса», согласно докладу Всемирного банка Doing Business, понимается «благоприятность условий для предпринимательской деятельности, прежде всего, для открытия и функционирования предприятий» (3).

Бизнес-среда представляет собой совокупность условий, в которых функционируют различные бизнес-субъекты. Для государства очень важно развивать бизнес-среду и стимулировать создание нового бизнеса, так как в первую очередь предприятия представляют собой интерес для бюджета страны, так как представляют стабильные, а значит и прогнозируемые налоговые поступления (1, с. 185). В условиях, когда основным источником дохода для бюджета выступает нефтегазовая отрасль, для России имеет большое значение создание новых, независимых от отрасли стабильных источников дохода. При этом предприятия, не относящиеся к крупным отраслевым компаниям, менее подвержены колебаниям цен, поэтому они имеют потенциал наполнять большую часть местных бюджетов. Однако если не будут предприняты шаги для развития данного бизнеса в стране, увеличение налогового бремени вызовет обратный эффект и только ухудшит положение бизнеса на рынке.

Помимо этого создание нового предприятия влечет за собой создание новых рабочих мест, а значит сокращение уровня безработицы и, следовательно, улучшение экономики страны в целом.

Именно предприниматели чаще всего заинтересованы в полном удовлетворении потребностей покупателя, для создания собственной клиентской базы, а также завоевания репутации на рынке. Благодаря

этому сервис в области торговли и предоставлении различных услуг значительно улучшается. Значительную долю товаров на рынок выпускают исключительно малые предприятия, так как в больших объемах производство данного товара не рентабельно, но при этом ассортимент товаров на рынке вместе с конкуренцией повышается, что свидетельствует о развитии рыночной системы (2, с. 96).

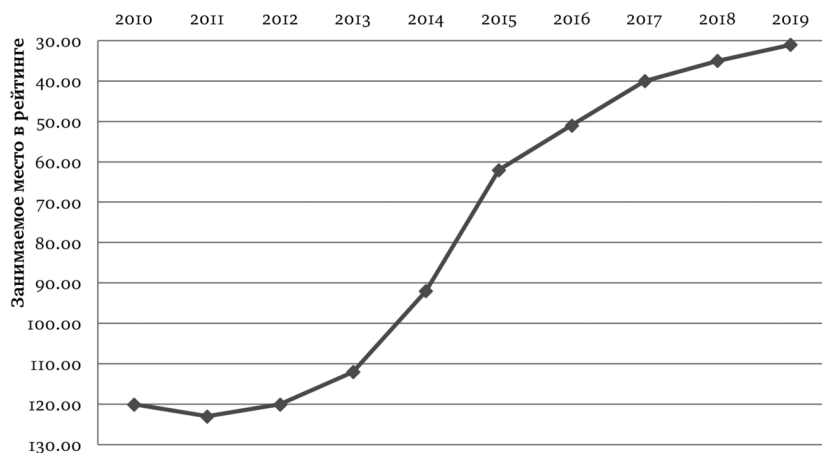
Государственная политика в области развития предпринимательства в Российской Федерации занимает отдельное место. Являясь частью государственной социально-экономической политики, она представляет собой совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер, осуществляемых органами государственной власти. На практике это может быть представлено в виде создания различных бизнес-инкубаторов, проведение круглых столов для предпринимателей, тренинги и семинары для начинающих предпринимателей.

Несмотря на все совершаемые государством действия, для реализации данной политики, Россия, согласно рейтингу Doing Business Всемирного банка на 2019 год, занимает всего лишь 31 место по легкости ведения бизнеса (4). Данный рейтинг непосредственно отображает уровень бизнес-климата в стране, что влияет на приток инвестиций и позитивно сказывается на уровне жизни государства. Рейтинг составляется на основании 10 индикаторов регулирования предпринимательской деятельности, учитывающих время и стоимость выполнения предпринимателем требований государства по регистрации нового предприятия, деятельности предприятия, ведению торговых операций, обеспечению исполнения контрактов, налогообложению и закрытию предприятия.

При этом нельзя сказать, что проводимая Россией политика по поддержке малого и среднего бизнеса неэффективна, так как в 2010 году в данном рейтинге она занимала 120 место. Развитие поддержки бизнеса в России относительно данного рейтинга представлено на графике (см. рис. 1).

Такой впечатляющий рост связан с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», в котором была поставлена задача повысить место России в данном рейтинге со 120-го в 2011 г. до 50-го в 2015 г. и до 20-го – в 2018 г.

Рис. 1. Динамика России в рейтинге *Doing Business* с 2010 по 2019 год. © Рассчитано автором на основе Рейтинга стран по легкости ведения бизнеса (*DoingBusiness*)

Индекс лёгкости ведения бизнеса основывается только на изучении и квантификации законов, постановлений и правил, касающихся ведения предпринимательской деятельности, что позволяет оценить именно эффективность проводимой государством политики в данной сфере (5).

Таблица 1. Рассматриваемая проблематика
для определения легкости ведения бизнеса в стране

Показатель	Рассматриваемая проблематика
1. Начало бизенса	Количество необходимых процедур, затрачиваемое время, затраты и минимальный капитал для открытия предприятия
2. Работа с разрешениями на строительство	Количество процедур, затрачиваемое время и необходимые затраты на строительство склада
3. Получение электроснабжения	Количество процедур, затрачиваемое время и необходимые затраты на получение электроснабжения
4. Регистрация имущества	Количество процедур, затрачиваемое время и необходимые затраты на регистрацию коммерческой недвижимости

5. Получение кредита	Количество прав и требований кредитора, права заемщика, доступ к необходимому количеству кредитной информации
6. Защита прав инвесторов	Возможность получения необходимой информации о финансовых показателях, выполнение обязательств руководства предприятия перед инвесторами и количество затрат, документов и времени для подачи судебных исков от инвесторов
7. Уплата налогов	Количество налогов, необходимых к уплате, затрачиваемое время на подготовку налоговых отчетов, процент общего налога от доли прибыли
8. Международная торговля	Количество документов, необходимые затраты, а также количество времени совершения для экспорта и импорта
9. Обеспечение контрактов	Количество необходимых процедур, затрачиваемое время и издержки на принуждение уплаты долга
10. Закрытие предприятия	Процент возмещений, затрачиваемое время и количество дополнительных расходов на закрытие неплатёжеспособной фирмы

Несмотря на то, что Россия за короткий срок значительно увеличила своё место в рейтинге, во многих из этих показателей всё ещё есть недоработки. Так, например, законодательство Новой Зеландии, занимающей 1 место в рейтинге, идет навстречу своим бизнесменам: организация своего дела длится не более двух недель, регистрация – всего два дня. При регистрации дела наличие начального капитала не является обязательным требованием.

В России же для открытия ИП необходимо преодолеть обязательные этапы.

*Таблица 2. Обязательные этапы
для открытия предприятия в России*

Содержание этапов	Количество затрачиваемых дней
1. Подготовка документов (паспорт, ИНН), распечатка и заполнение формы 210001, ее заверение у нотариуса, оплата госпошлины в отделении банка	1–2

2. Подача документов в территориальный налоговый орган, ожидание ответа	5 рабочих дней
3. Открытие счета ИП в банке	1–14.

В итоге максимальное время регистрации ИП составляет 21 день. Для совершенствования процедуры необходима цифровизация данного процесса. Сокращение списка необходимых бумаг позволило улучшить данный показатель, однако можно заметить, что время обработки необходимых документов составляет большую часть данной процедуры, и сокращение этого времени является дополнительным потенциалом для дальнейшего улучшения показателя. Следует отметить, что, как и многие другие показатели, показатель «начало бизнеса», несомненно, улучшился по сравнению с 2010 годом, когда время регистрации собственного предприятия могло длиться полтора года.

Работа с разрешениями на строительство в разных регионах России оценивается по-разному. Москва и Санкт-Петербург в цифровизации ушли далеко вперед: здесь в электронный вид переведены практически все существенные госуслуги для застройщиков. Однако в регионах ситуация менее оптимистична. Для решения этой задачи Дмитрий Медведев поручил профильным ведомствам разработать паспорт национального проекта «Жилье и городская среда». Задача проекта – снизить административную нагрузку на застройщиков, и ее целевой ориентир – двукратное увеличение жилищного строительства к 2024 г., до 120 млн кв. м в год. Одно из главных новшеств, предложенных в проекте, – дать застройщикам жилья возможность проходить административные процедуры в упрощенном порядке, по принципу одного окна, через уже действующую Единую информационную систему жилищного строительства (ЕИСЖС). Если данный проект будет реализован, срок выполнения инвестпроектов в строительстве может быть сокращен на 6–18 месяцев в зависимости от объекта, что позволит улучшить бизнес-среду в России.

Относительно кредитных организаций в России тоже возникают некоторые трудности. Низкая степень прозрачности деятельности национальных коммерческих банков, а также их регулятора – Центрального банка Российской Федерации (Банка России) – является существенной проблемой, которая во многом препятствует достижению более высокого уровня развития национального банковско-

го сектора. Так же в России существует проблема не согласованности между бюро кредитных историй. У каждого бюро не только своя методика расчета рейтинга заемщика, но и своя шкала. Из этого возникает ситуация, когда рейтинги от разных бюро кредитных организаций для одного и того же заемщика, скорее всего, будут абсолютно разными, что может повлечь за собой трудности при одобрении кредита. В настоящее время, для решения данной проблемы момент Банк России ведет консультации с участниками рынка для определения целесообразности присвоения рейтинга заемщика на основе единой методики, которая могла создать для заемщиков и кредиторов более комфортные условия взаимодействия.

Открытость информации так же важна и для инвесторов. При этом не все российские компании согласны предоставлять полную финансовую отчетность, несмотря на то, что привлечение инвестиций входит в их область интересов. Так же не все российские компании информируют потенциальных инвесторов о возможных рисках, или же представители компаний оказываются недостаточно компетентны при освещении обсуждаемых с инвестором вопросов, относительно предприятия и контракта. Защитой инвесторов занимается Уполномоченный по защите прав предпринимателей. В соответствии с законодательством, уполномоченный обязан рассматривать все жалобы предпринимателей и инвесторов в течение 10 дней принимать решение о принятии в работу жалобы, либо направлять мотивированный отказ, о чем должен уведомить заявителя в течение трех дней. Работа данных служащих тоже имеет потенциал для улучшения, сокращение времени на обработку информации, а так же непосредственно более оперативная и эффективная защита прав предпринимателей и инвесторов, может улучшить бизнес-среду (6).

По обеспечению исполнения контрактов Россия снизилась с 8 до 18 места. Процедура занимает 337 дней и составляет 16,5% от цены контракта. Если сравнивать Россию с Бразилией, Мексикой, Европой и Центральной Азией, данные процессы занимают меньше времени и стоят дешевле. Введенная электронная система сделала подачу иска проще, но в целом, в России исполнение контракта стало еще более затрудненным, поскольку удлинился начальный этап судебного разбирательства.

Самое низкое место в рейтинге (99) Россия занимает по международной торговле. Торговля в глобализованном мире приобретает все большее значение для бизнеса. Усложнение процессов, лишние документы, неэффективная координация, а также отсутствие надлежащей инфраструктуры приводит к дополнительным затратам и задержкам для экспортеров и импортеров, подавляя торговый потенциал. Данная сфера является одной из наиболее нуждающихся в реформировании, для улучшения бизнеса.

Уже при анализе этих нескольких показателей можно заметить, что проблемы создания и ведения бизнеса в России можно разделить на 2 основные группы. Первая группа представляет собой трудности, которые возникают на пути у потенциальных предпринимателей, и создают препятствия для создания бизнеса, или же полностью отпугивают предпринимателей. Такими проблемами могут выступать сложность необходимых процедур и количество бумаг для открытия бизнеса, доступ к необходимой информационной базе об участниках рынка, а также неконкретные требования к получению кредита. Вторая группа связана с уже существующими участниками рынка, и представляет собой трудности ведения бизнеса. Такими трудностями выступают сложность и количество процедур, для получения разрешения на строительство, проценты возмещений при закрытии предприятия, обеспечение контрактов и многое другое. Исходя из этого можно сделать вывод, что, несмотря на то, что за 9 лет Россия и так значительно поднялась в рейтинге по легкости ведения бизнеса, у неё есть ещё значительный потенциал для дальнейшего развития предпринимательства.

Список литературы

1. Институциональные механизмы поддержки предпринимателей, создаваемые на различных уровнях государственной власти / Сенчикова Л.А., Капкаев Ю.Ш. // В сборнике: Теория и практика управления: ответы на вызовы инновационного развития Сборник научных статей. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Редактор: М.Н. Кулапов, Л.П. Гончаренко, Р.М. Брашин. 2013. С. 184–187.

2. Капкаев Ю.Ш., Бенц Д.С., Кадыров П.Р. Малый и средний бизнес – источник устойчивого развития региона? // Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем Материалы Второй Всероссийской научной конференции памяти академика А.И. Таркина. Под общей редакцией В.И. Бархатова. 2019. С. 95–102.

3. Официальный сайт Всемирного банка. Итоговый отчет за 2019 год. URL: <http://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2019>

4. Официальный сайт Всемирного банка. Отчет по России. URL: <http://www.doingbusiness.org/en/data/exploreconomies/russia>

5. Результаты рейтинга DoingBusiness: позиция России URL: <https://wtcmoscow.ru/services/international-partnership/analytics/doing-business-pozitsiya-rossii-v-reytinge-legkosti-vedeniya-biznesa/>

6. Точка зрения инвесторов. Оценка инвестиционного климата российских регионов глазами иностранных инвесторов. Совместное исследование КПМГ и РСС ПП. 2013. URL: http://www.kpmg.com/RU/ru/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/Taking-the-Investor-Perspective_RU.pdf

Розанова Л.И.,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Института экономики
Карельского научного центра РАН,
доцент кафедры экономики, управления производством
и государственного и муниципального управления
Петрозаводского государственного университета

**Влияние крупных экономических группировок
на инвестиционную активность
и накопление основного капитала**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования экономических партнерств в условиях ухудшения геополитического климата. Основной акцент сделан на обоснование необходимости укрепления внешнеэкономических связей группы стран, входящих в состав *Содружества Независимых Государств (СНГ)*. Проведен анализ динамики инвестиций в основной капитал в странах СНГ, дана оценка состояния промышленных фондов в России. Показана роль крупных экономик и экономических группировок в движении мировых потоков прямых инвестиций. Сделан вывод о том, что в условиях неблагоприятного климата глобальной политики в области торговли и инвестиций, укрепление торгово-экономических связей между странами может способствовать активизации инвестиционной деятельности и выходу на новые рынки.

Ключевые слова: геополитический климат, производственная база, инвестиционная активность, инвестиции в основной капитал, прямые иностранные инвестиции, мировые потоки инвестиций, экономические партнерства

Rozanova L.I.,

Candidate of Econ. Sc., Senior Scientific Researcher, Institute of Economy of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of Economics, Manufacturing Management and State and Municipal Administration of Petrozavodsky State University

**Influence of Large Economic Groups
on Investment Activity and Capital Accumulation**

Abstract. The article discusses the problems of forming economic partnerships in the face of the worsening geopolitical climate. The emphasis is on the justification for strengthening the external economic ties of the group of countries that are part of the Commonwealth of Independent States (CIS). An analysis of the dynamics of fixed investment in the CIS countries has been analyzed, and the state of industrial funds in Russia has been assessed. The role of large economies and economic groups in the movement of global direct investment flows is shown. It is concluded that in the context of the unfavourable climate of global trade and investment policy, strengthening trade and economic ties between countries can contribute to increased investment activity and entry into new markets.

Keywords: geopolitical climate, production base, investment activity, fixed investment, foreign direct investment, global investment flows, economic partnerships

Инвестиции в реальный сектор экономики имеют особое значение в экономической деятельности, но современная ситуация не благоприятствует улучшению инвестиционного климата, сдерживает мотивацию потенциальных инвесторов к осуществлению капитальных вложений, без которых модернизация промышленного производства неосуществима. В пространственном аспекте проблемной остается ситуация усиливающейся степени дифференциации российских регионов ввиду различий по их инвестиционной привлекательности. Выравнивание в экономическом развитии зависит от возможностей субъектов экономической деятельности осуществлять инвестиции как за счет собственных, так и привлеченных, в том числе заемных средств. Ограниченность в доступе к финансовым ресурсам также становится факто-

ром, сдерживающим инвестиционную активность. Кроме того, геополитическая нестабильность влечет за собой сокращение мировых потоков прямых инвестиций, их неравномерное перераспределение между развитыми, развивающимися и слаборазвитыми странами. По мнению экспертов ЮНКТАД, эти потоки в целом остаются гораздо меньше того уровня, который ежегодно требуется для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) к 2030 году (3, с.6). Данные процессы будут оказывать влияние и на российскую экономику. Таким образом, вопросы активизации инвестиционной деятельности в национальном масштабе в целях уменьшения межрегиональных различий в социально-экономическом развитии, проблемы регулирования мировых потоков прямых иностранных инвестиций между странами с разными социально-экономическими позициями для устранения неравенства остаются актуальными как на уровне государств, так и в мире.

Решение этой проблемы видится в объединении потенциалов в рамках интеграционных взаимодействий, включенности национальных предприятий в многонациональные корпорации, укреплении позиций торгово-экономических партнерств, прежде всего в границах стран-участниц СНГ. Это диктуется в первую очередь ухудшением глобального климата, продолжающимися торговыми войнами, ограничениями для свободного обмена на мировом рынке в связи с введением санкций, все большим влиянием крупных экономических группировок и ведущих экономик мира на движение мировых потоков капитала.

Цель данного исследования – обоснование целесообразности укрепления кооперационных связей в рамках межгосударственных торгово-экономических партнерств для повышения инвестиционного потенциала и конкурентоспособности экономик стран-участниц.

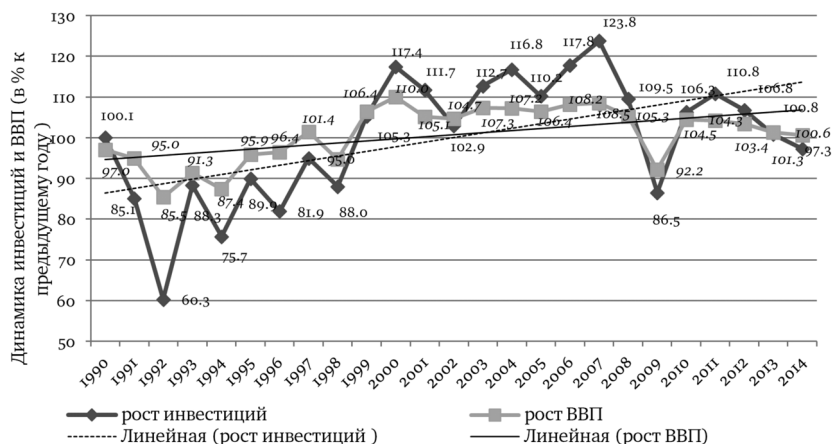
Основными направлениями являются исследования внутренних и внешних возможностей, вызовов и угроз, оказывающих влияние на формирование новой промышленной политики как в России, так и на постсоветском пространстве. К внутренним вызовам можно отнести, прежде всего, старение основного капитала и медленные темпы его обновления и замены, что отражается на темпах и качестве экономического роста. К внешним угрозам по-прежнему относятся продолжающиеся санкции в отношении России, ограничение доступа к мировым финансовым рынкам и рынкам новых технологий, а также нерешенность проблем внешнеэкономического сотрудни-

чества со странами ближнего зарубежья. Поэтому основной внимание уделяется исследованию современного состояния производственной базы по секторам экономики, оценке валового накопления основного капитала в России в сравнении с рядом стран СНГ и другими государствами в условиях изменения геополитического климата. Кроме того, анализируется положение России в мировом движении капитала, направленного на прямые инвестиции и обоснованию необходимости укрепления межгосударственного партнерства в новых международных форматах.

В качестве эмпирической базы используются данные Росстата и аналитические доклады о мировых инвестициях за 2015–2018 гг., подготовленные Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

При оценке технического состояния производственной базы по показателям инвестиций в основной капитал была обнаружена тесная корреляция между данным показателем и ВВП. Вместе с тем на длительном временном интервале мультипликативный эффект от капитальных вложений в российской экономике примерно с начала 2000-х годов затухает, а затем исчезает: темпы роста инвестиций стали опережать темпы роста ВВП (рис. 1). Инвестиции не дают желаемого ускорения экономического роста, прежде всего, в силу не только физического износа основного капитала, но и их эффективности.

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал и ВВП

В Российской Федерации нарастание износа промышленных фондов происходило на фоне недостаточных темпов валового накопления капитала и их снижения в 2013–2016 гг. и увеличения доли полностью изношенных машин и оборудования с 21% в 2010 г. до 26% в 2016 году. Процесс замещения старого оборудования новым идет более медленными темпами, чем выбытие изношенного оборудования. Как следствие, происходит увеличение степени износа ОК. В структуре основных фондов по отраслям российской экономики до сих пор остаются существенные диспропорции в плане уровня обновления и износа, что ранее было отражено в наших исследованиях (8,9).

Проблема активизации инвестиционной деятельности актуальна не только для России, но и стран СНГ. С утратой интеграционного потенциала с распадом СССР процесс модернизации промышленности сталкивается как с ограничением финансовых возможностей, так и с созданием и привлечением новых технологий. Перед кризисом 2014 г. в большинстве стран СНГ наблюдалось снижение инвестиционной активности, причем наиболее глубокий спад инвестиций в ОК наблюдался в 2013–2014 гг. в Украине. Относительно уровня 2005 г. среди стран СНГ низкие индексы физического объема инвестиций в основной капитал в течение длительного времени наблюдались в Армении и Украине (рис. 2–3).

Рис. 2. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал стран СНГ в сопоставимых ценах (в % к предыдущему году)

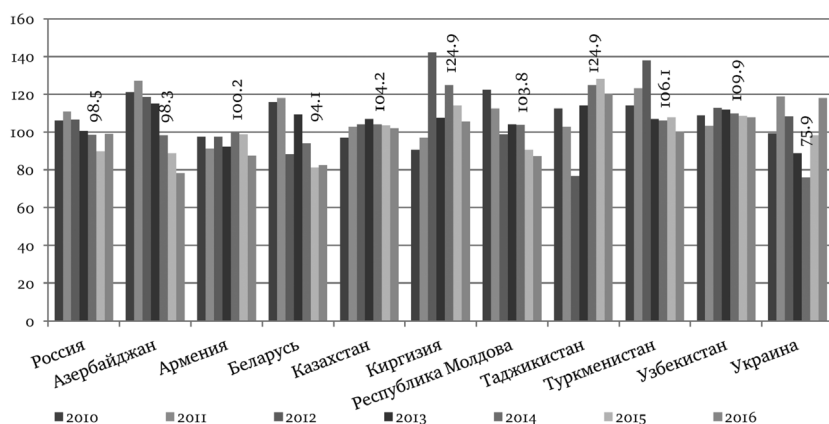
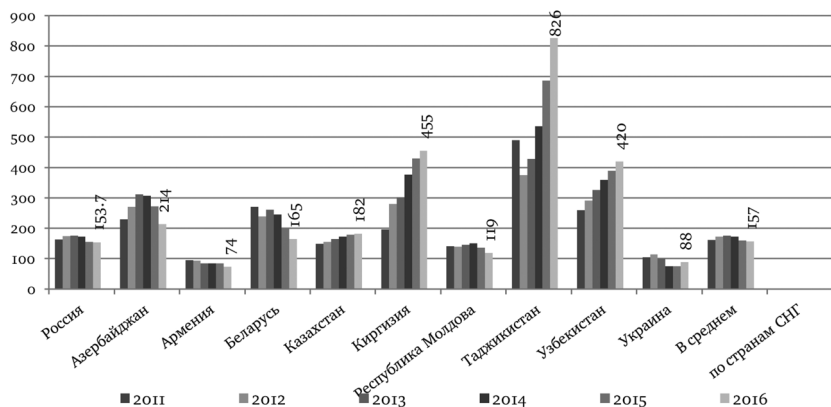

Рис. 3. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал стран СНГ в сопоставимых ценах (в % к 2005 г.)

Для России особенно ощутимым спад инвестиционной активности оказался в 2013–2015 годах, в том числе и по причине изъятия иностранного капитала. Начиная с 2015 г. приток иностранных инвестиций существенно снизился. Беспрецедентное отрицательное значение (-\$6 млрд.) в 2018 г. зафиксировал акционерный капитал из-за его отчуждения (продажа иностранных филиалов российским инвесторам). Вместе с тем, в последнее десятилетие динамика валового накопления капитала в России в сравнении с рядом стран, особенно с Грецией, Венгрией, Испанией и Италией, была относительно устойчивой (табл. 1). Сопоставляя данные показатели с политической стабильностью, можно сделать вывод: производственная база служит своего рода гарантом общественного равновесия.

Таблица 1. Динамика валового накопления основного капитала отдельных стран* (2005 г. – 100%)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	143,2	156,2	164,0	166,1	163,1	147,0	144,4
Австрия	97	104	105	108	107	107	111
Венгрия	88	87	84	93	102	104	88
Германия	108	115	115	113	117	119	122

Греция	89	71	54	50	47	47	47
Испания	85	79	72	70	73	77	79
Италия	91	89	81	76	74	75	77
Канада	110	115	121	123	124	118	114
Польша	145	158	155	154	169	179	165
Великобритания	91	92	95	98	104	108	108
США	84	88	93	96	100	104	104
Финляндия	99	103	101	96	93	94	99
Франция	102	105	105	104	104	105	108
Япония	87	88	91	94	95	95	...

*Источник: Росстат

Валовому накоплению капитала в немалой степени способствуют иностранные инвестиции. В докладе о мировых инвестициях, подготовленном Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечается, что объемы глобальных прямых иностранных инвестиций сокращаются третий год подряд (в 2017 сокращение на 23% до 1,43 трлн долл. США, в 2018 г. – еще на 13%). На первом месте по притоку ПИИ в 2018 г. оставались США – 252 млрд долларов, второе и третье заняли Китай и Гонконг: соответственно, 139 и 116 млрд. долларов. В 2018 г. приток ПИИ в Россию сократился вдвое по сравнению с предыдущим годом и снизился до 13 миллиардов долларов. В целом потоки ПИИ в СНГ и Грузию в прошлом году сократились на 36% до \$27 млрд. Эксперты ЮНКТАД основными причинами снижения инвестиционной активности считают сдержанную позицию инвесторов в связи с геополитическими проблемами и вялым ростом ВВП, а также из-за значительно снизившейся доходности инвестиций (10, с. 24).

Несмотря на то, что в большей мере инвестиции в основной капитал осуществляются за счет собственных источников финансирования, но иностранные инвестиции для развивающихся стран также остаются крупнейшим источником финансирования, а также являются каналами связи с международными рынками. Кроме того велика их роль в модернизацию промышленности, диверсификации экономики и структурных преобразованиях. Однако в сравнении с началом 2000-х годов климат глобальной политики в области торговли и инвестиций ухудшился: увеличиваются риски, сужается рынок

сбыта в связи с санкциями, растет неопределенность. Это снижает инвестиционную активность в глобальном масштабе.

На фоне общемировых тенденций снижения инвестиционной активности и уменьшения притока прямых иностранных инвестиций в развивающиеся страны и, особенно, в страны с переходной экономикой, решение проблемы видится в создании новых инструментов промышленной политики не только в России, но и в рамках ее участия в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). В качестве аргумента можно считать тот факт, что в условиях торгово-экономического сотрудничества позиции отдельных стран СНГ по валовому накоплению капитала выше, чем в странах находящихся вне объединений. С учетом влияния на все страны неблагоприятного геополитического климата укрепление торгово-экономических связей при участии в ЕАЭС и других межгосударственных объединениях может способствовать активизации инвестиционной деятельности, а расширение рынка повысит привлекательность инвестиций. При этом важно обратить внимание на такие общемировые тенденции в инвестиционной сфере, как:

- влияние ведущих экономик на распределение мировых потоков ПИИ между странами;
- роль государственных многонациональных компаний в глобальных потоках ПИИ;
- влияние крупных экономических группировок на привлечение инвестиций.

Глобальные тенденции в сфере ПИИ задаются развитыми странами и крупными экономическими группировками. В 2016 году масштабное движение капитала (приток-вывоз) продолжило формироваться главным образом под влиянием инвестиционных потоков из крупных экономических группировок, таких как «двадцатка» и форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Приток ПИИ в страны «двадцатки» впервые превысил 1 трлн. долл., что является абсолютным рекордом. Потоки ПИИ из большинства крупных группировок, за исключением НАФТА, в 2016 году также увеличились. Внутригрупповые связи через ПИИ получили сильное развитие в рамках «двадцатки» и АТЭС, а также развиваются в рамках БРИКС и АКТ. На долю «двадцатки» пришлось 66%, АТЭС – 53%, на БРИКС – 16% ввозимых прямых инвестиций. Помимо этих мега-

группировок, на стимулирование ПИИ нацелены и такие межрегиональные инициативы, как «Один пояс – один путь». Также на увеличение потоков ПИИ в развитые страны оказывают влияние мегаслияния и поглощения. Так, за счет данного фактора приток ПИИ в Соединенное Королевство, несмотря на решение о выходе из ЕС, в 2016 г. достиг беспрецедентно высокого уровня – 254 млрд долл. Вследствие завершения ряда слияний и поглощений, особенно в фармацевтической отрасли, приток инвестиций в Соединенные Штаты достиг рекордного за все время уровня. Австралия преодолела инвестиционный спад, наблюдавшийся в 2013–2015 годах, а потоки ПИИ в Японию демонстрировали все признаки устойчивого оживления. Страны с переходной экономикой, к каковым относятся страны бывшего СССР, занимают низкую позицию и немного опережают Африку (табл. 2). Поскольку ПИИ генерируют существенные потоки товаров и услуг, а также прибыли (выручка зарубежных филиалов – 37 570 млрд долл.; доход от ввезенных ПИИ – 1511 млрд долл., а от вывезенных ПИИ – 1376 млрд. долл.), то вполне очевидны основные бенефициары. (3, с. 10–11, 17–18).

Таблица 2. Потоки ПИИ в разные страны в 2014–2016 гг.
(млрд долл.)

Группа стран/регионы	Приток ПИИ			Отток ПИИ		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Все страны мира*	1324	1774	1746	1253	1594	1452
Развитые страны	563	984	1032	708	1173	1044
Европа	272	566	533	221	666	515
Северная Америка	231	390	425	353	370	365
Развивающиеся страны	704	752	646	473	389	383
Африка	71	61	59	28	18	18
Азия	460	524	443	412	339	363
Латинская Америка и Карибский бассейн	170	165	142	31	31	1
Страны с переходной экономикой	57	38	68	73	32	25

Источник: ЮНКТАД/www.unctad.org/fdistatistics

* Страны, относящиеся к нескольким группам, учитываются один раз.

В России в экономической науке недостаточно изученной областью остается роль государственных многонациональных предприятий (МНП), в то время как в мире они являются важными игроками в сфере прямых иностранных инвестиций. Так, в новой базе данных ЮНКТАД по государственным МНП, содержащей сведения примерно о 1 500 материнских компаний, отмечается, что они имеют более 86 000 зарубежных филиалов, расположенных в разных частях мира. Штаб-квартиры этих государственных МНП разбросаны по всему миру, причем свыше половины находятся в развивающихся странах и примерно треть в ЕС. Наибольшее число государственных МНП базируются в Китае (18%), Малайзии (5%) и Индии (4%). В 2016 году на осуществленные государственными МНП инвестиции в новые проекты пришлось 11% от общего объема подобных инвестиций во всем мире, в 2010 году эта доля составляла 8% (3, с. 12–14).

На этом фоне ряд стран стал пристальнее относиться к действенности национальной инвестиционной политики, ориентированной на развитие новых секторов экономики с более высокой производительностью труда. В России промышленная политика формируется с учетом вызовов и рисков как внутренних, так и внешних. Понимание невозможности обмена компетенциями и технологиями с иностранными производителями в силу политических разногласий, особое внимание направлено на активный поиск новых партнерств, усиление внешнеэкономического сотрудничества в разных областях со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, Латинской Америки (7, с. 228).

Важность формирования более эффективной внутренней промышленной и инвестиционной политики диктуется не в последнюю очередь геополитической нестабильностью, когда каждая страна ориентируется главным образом на собственный потенциал, в то же время не исключает поиска новых партнеров. В большинстве работ российских ученых, касающихся формирования новой промышленной политики, подтверждается ее основная цель, ориентированная на поддержание конкурентоспособности за счет прорывных технологий, обеспечение благоприятных перспектив для роста экономики и общественного благосостояния (1, 2, 6).

На основании выявленных состояния инвестиционной деятельности в СНГ и мировых тенденций в сфере инвестиционного взаи-

модействия и направленности потоков ПИИ можно сделать следующие выводы:

1. Позиции отдельных стран СНГ по валовому накоплению капитала в рамках межгосударственного сотрудничества выше, чем в странах находящихся вне объединений.

2. Исходя из совокупной оценки внешних вызовов и угроз, и внутренних проблем с явными дезинвестиционными процессами в российских регионах, показана целесообразность интеграционных взаимодействий в рамках торгово-экономических партнерств для повышения инвестиционного потенциала и конкурентных позиций национальной экономики.

3. В условиях нестабильной глобальной политики в области торговли и инвестиций, укрепление торгово-экономических связей в ЕАЭС и других межгосударственных объединениях может активизировать инвестиционную деятельность, а выход на новые рынки повысит привлекательность инвестиций.

Список литературы

1. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток / Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. № 3. – С. 33–51.

2. Воробьева И.Г., Валиева А.Ю. Влияние санкций на промышленную политику и инвестиционный климат России / Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. – 2018. – Т. 14. № 1–2 (7). – С. 38–40.

3. Доклад о мировых инвестициях 2017: Инвестиции и цифровая экономика [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://docplayer.ru/66099430-Doklad-o-mirovyh-investiciyah.html>

4. Доклад о мировых инвестициях 2018: Инвестиции и новая промышленная политика. [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_overview_ru.pdf

5. Мантуров Д.В. О промышленной политике России на перспективу 2018–2030 гг. [Электронный ресурс] / Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – 61(4): – С.7–22.

6. *Романова О. А.* Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Ч. 2. / Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 3. – С. 806–819/[Электронный ресурс]:Режим доступа: <http://www.uiec.ru/content/zhurnal2018/ER3/09iRomanova.pdf>

7. *Розанова Л.И.* Использование инструментов промышленной политики в активизации процесса модернизации экономики / Друкеровский вестник. – 2019. – №4. – С. 223–229

8. *Розанова Л.И., Тишков С.В.* Анализ производственного и финансового потенциала как основы для разработки стратегии модернизации экономики России. Статистика и Экономика. – 2018. – №15(4) – С. 29–41.

9. *Розанова Л.И., Тишков С.В.* Возможности и ограничения развития инновационно-инвестиционных процессов / Друкеровский вестник. – 2018. – №6. – с. 29–36.

10. World Investment Report. Spezial Economic Zones / [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf

Тебекин А.В.,

*доктор технических наук, доктор экономических наук,
профессор, почетный работник науки и техники
Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России*

Проблемы развития знаниеемкого производства в России и потенциальные пути их решения

Аннотация. Проанализирован комплекс проблемы развития отечественного знаниеемкого производства. Показано, что рассматриваемые проблемы носят системный характер, начиная от деформированной (по меркам передовых стран мира) структуры экономики и недостаточного уровня финансирования науки государством, и заканчивая отсутствием необходимой конкурентной среды, благоприятного предпринимательского, инновационного и инвестиционного климата в стране, способного обеспечить развитие отечественного знаниеемкого производства. Подчеркивается отсутствие положительной динамики в решении указанных проблем на протяжении большого периода времени. Продемонстрированы потенциальные пути решения проблемы развития знаниеемкого производства в России.

Ключевые слова: проблемы развития, знаниеемкое производство, Россия, потенциальные пути решения

Tebekin A.V.,

*Doctor of Techn. Sc., Doctor of Econ. Sc., Professor,
Honorary Worker of Science and Technology
of the Russian Federation, Professor, Management Department,*

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Russian Ministry of Foreign Affairs*

**Problems of Development of Knowledge-Intensive
Production in Russia and Potential Solutions**

Abstract. The complex of problems of development of domestic knowledge-intensive production is analyzed. It is shown that the problems under consideration are systemic in nature, starting from a deformed (by the standards of the advanced countries of the world) economic structure and insufficient level of financing of science by the state, and ending with the lack of the necessary competitive environment, a favorable entrepreneurial, innovative and investment climate in the country that can ensure the development of domestic knowledge production. The absence of positive dynamics in solving these problems over a long period of time is emphasized. Potential solutions to the problem of developing knowledge-intensive production in Russia are demonstrated.

Keywords: development problems, knowledge-intensive production, Russia, potential solutions

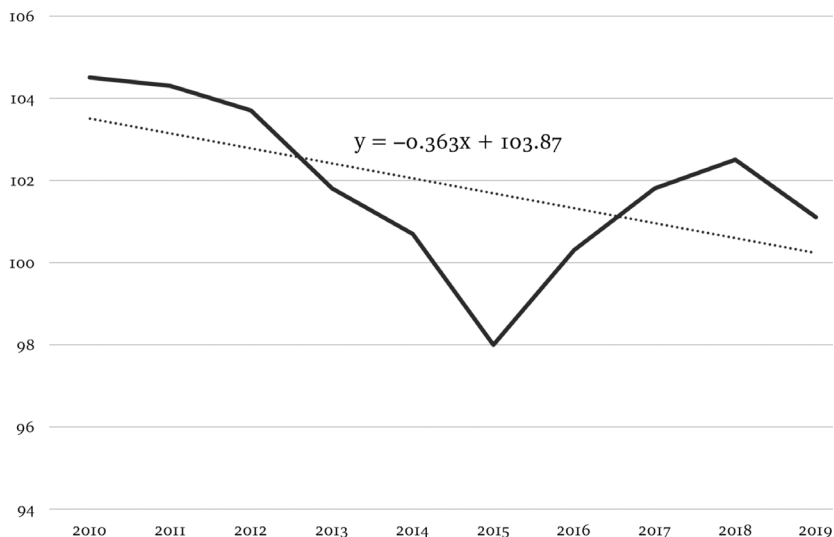
Современный этап мирового экономического развития связан с четвертой промышленной революцией, характеризующейся интенсивным внедрением информационных, вычислительных, интеллектуальных ресурсов в физические системы любой природы. Создаваемые таким образом интегрированные системы, именуемые киберфизическими (1), обеспечивают синергетический эффект, и составляют основу современного наукоемкого производства, осуществляемого в рамках парадигмы Индустрия 4.0 (18).

Если проанализировать (рис. 1)¹ динамику развития отечественной экономики в последнее посткризисное десятилетие (речь идет о мировом экономическом кризисе 2008–2009 годов), то следует признать, что по показателю темпов роста ВВП Россия (в среднем 1,85% в год при отрицательном тренде – минус 0,36% в год) отстает от

¹ Составлен автором на основе данных Росстата: Валовой внутренний продукт годовые данные (индексы физического объема, в % к предыдущему году). https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm

среднего темпа развития мирового ВВП (3,7% в год) в 2 раза, а от среднего темпа роста ВВП развивающихся стран (7,2% в год) – в 3,9 раза.

Рисунок 1. Динамика темпов роста ВВП России
в период с 2010 по 2019 год (на основе данных Росстата).

При этом необходимо отметить, что решение задач по «обеспечению темпов экономического роста выше мировых» (15) (в том числе за счет: ускорения технологического развития; увеличения доли организаций, осуществляющих технологические инновации до 50 %; ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике) постоянно смещается во времени (9).

Эти проблемы развития национальной экономики напрямую связаны с проблемами развития отечественного знаниеемкого производства. Об этом в частности свидетельствует тот факт, что по итогам первого года выполнения национальных проектов, определенных указом президента (15), ключевые для экономики национальные проекты оказались выполнены менее, чем на 20% (4), в том числе, национальный проект «Цифровая экономика» – менее чем на 1%, национальных проект «Производительность труда и поддержка занятости» – на 4%, и т.д.

Под знаниемким производством в данном исследовании рассматривается такое производство в котором знания о передовых научных достижениях воплощаются с применением наиболее прогрессивных (высоких) технологий. Таким образом, знаниеемкое производство рассматривается как синоним наукоемкого производство. Собственно, и сами высокие технологии (hi-tech) представляют собой совокупность знаний, информации, материальных средств и опыта, применяемых: либо для создания новой продукции (новых свойств продукции), либо для улучшения качества продукции, либо для удешевления процессов ее производства.

Для оценки проблем развития наукоемкой продукции в России показательным является соотношение импорта и экспорта важнейших товаров, оцененное по данным Федеральной таможенной службы (рис. 2)¹.

Рис. 2. Соотношение импорта и экспорта важнейших товаров в Российской Федерации, оцененное по данным Федеральной таможенной службы

¹ Составлена на основе данных Федеральной таможенной службы – ФТС России: импорт-экспорт важнейших товаров за январь-июнь 2019 года. <http://customs.ru/press/federal/document/199911>

Как следует из данных, представленных на рис. 2, в международной экономике Россия представляет собой поставщика сырья. Более 75% процентов экспорта составляют топливно-энергетические товары, металлы, а также лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия, составляющие 3,1% в объеме экспорта страны (17). Одновременно Россия является импортозависимой от поставок продукции высокого передела (более 84% от общего объема импорта): машин и оборудования, продукции химической промышленности, продовольственных товаров, а также текстильных изделий и обуви, доля которых в объеме импорта составила 6,1% (17).

Проведенные исследования показывают, что основные проблемы развития знаниеемкого производства в современной России заключаются в следующем.

Во-первых, это отсутствие необходимых условий для интенсификации процессов развитие, обусловленное засильем в отечественной экономики государственных монополий и квазимонополий (региональных монополий), доминирующих в условиях государственного капитализма в современной России (14). Достаточно наглядно такой монополизм демонстрирует система госзакупок, где ФАС фиксирует, что «что 95% всех закупок являются «фикцией и профанацией», так как товары и услуги закупаются у единственного поставщика (16)».

Монопольный характер производств, характерный, в том числе для традиционно знаниеемких производств в оборонной промышленности, что приводит (в силу непрозрачности ценообразования продукции оборонно-промышленного комплекса) к его преимущественно нерентабельности (убыточности) (11).

Во-вторых, в современных условиях в России отсутствует благоприятная среда для развития малого и среднего предпринимательства, составляющего основу для развития знаниеемкого производства.

Достаточно сказать, что по вкладу малых и средних предприятий в ВВП страны Россия отстает от большинства ведущих стран мира (5) (например, Великобритания, КНР, США, ФРГ, Япония) – в 2,5–3 раза. Кроме того, доля вклада малого и среднего бизнеса, в условиях роста налогового пресса на предпринимателей (2), продолжает сокращаться (12).

В-третьих, нельзя не отметить, что по бюджетным ассигнованиям науки Россия отстает от ведущих стран мира в 2–4 раза (10). Это

факт также не способствует росту конкурентоспособности Российской Федерации в сфере знаниеемкого производства. На протяжении последних лет эксперты не без оснований связывали эти (и другие) проблемы развития экономики с чрезмерно жестким бюджетным правилом, которое, будучи призванным снизить высокую зависимости федерального бюджета и внутренних экономических условий от динамики цен на энергоносители, не позволяет государству преодолеть 3-х процентный барьер темпов роста национальной экономики (6).

И проблема даже не в том, что сам факт введения бюджетного правила в России свидетельствует о признании за страной статуса сырьевой державы, а в том, что средства, получаемые государством по этому правилу направляются в основном на приобретение валюты и ценных бумаг зарубежных компаний (6,8), а не идут на развитие отечественной экономики, и в первую очередь передовых ее направлений – знаниеемких производств.

По мнению экспертов, из-за бюджетного правила российская экономика ежегодно теряет около \$ 100 млрд (8), а это более трети расходной части федерального бюджета (3).

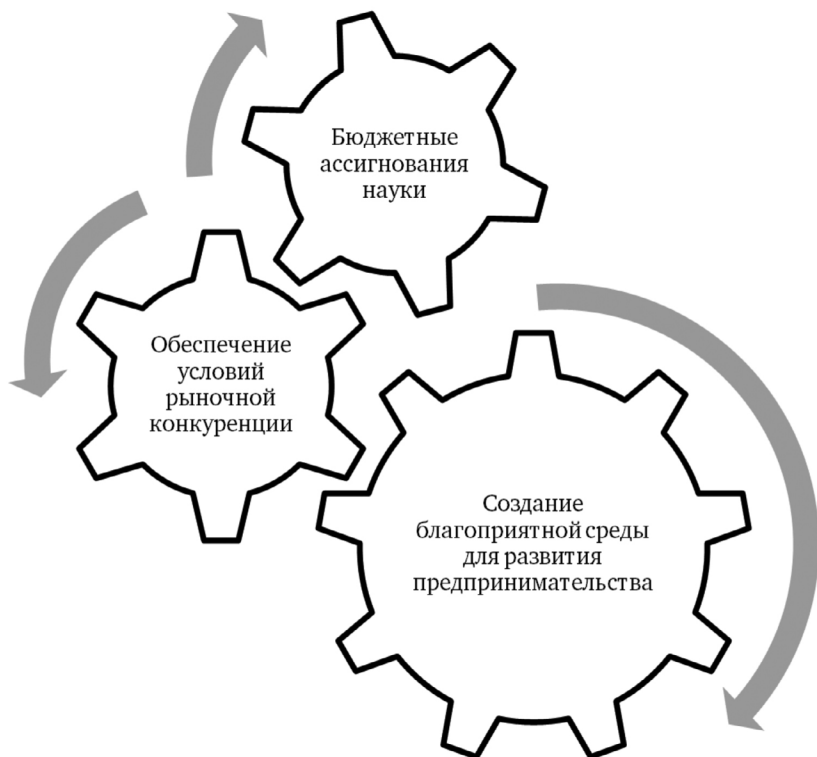
Таким образом, основные проблемы развития знаниеемкого производства в России связаны (рис.3):

- с засильем в отечественной экономике государственных монополий и квазимонополий, доминирующих в условиях государственного капитализма в современной России,
- с отсутствием благоприятной среды для развития малого и среднего предпринимательства как основы для развития знаниеемкого производства, связанной с ростом налогового пресса на бизнес;
- с недостаточными (неконкурентоспособными по мировым меркам) бюджетным ассигнованиям науки.

Решение трех перечисленных проблем и является основой для развития знаниеемкого производства в России.

Однако институциональных предпосылок для решения проблем развития знаниеемкого производства в России в настоящее время, к сожалению, не наблюдается. Так, например, тот факт, что первый вице-премьер Андрей Белоусов, согласно распределению полномочий в новом правительстве «не будет отвечать за разработку и исполнение федерального бюджета и налоговую политику» (7), свидетельствует о том, что ситуация в обозримой перспективе не изменится.

Рис. 3. Основные проблемы развития знаниеемкого производства в России

Список литературы

1. R.G. Sanfelice. Analysis and Design of Cyber-Physical Systems. A Hybrid Control Systems Approach // Cyber-Physical Systems: From Theory to Practice / D. Rawat, J. Rodrigues, I. Stojmenovic. – CRC Press, 2016.
2. Алисенов А. «Снижение налогов – это допинг для экономики». Что не так с налоговой системой России, и как ее можно изменить. https://www.znak.com/2019-11-21/pochemu_pri_suchestvuyuchey_nalogovoy_sisteme_nevozmozhno_sovershit_innovacionnyy_proryv_in_tervyu

3. Бюджет России на 2019 год в цифрах. http://fincan.ru/articles/45_byudzhnet-rossii-na-2019-god-v-cifrah/
4. В Госдуме раскритиковали исполнение правительством нац-проектов. <https://www.rbc.ru/economics/18/06/2019/5d089fe39a7947a2dab5d837>
5. Вклад малого и среднего бизнеса в ВВП стран. <https://www.vestifinance.ru/infographics/5333>
6. Галактионов И. Что такое бюджетное правило и почему доходы от дорогой нефти не идут в экономику. <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/chto-takoe-biudzhnetnoe-pravilo-i-pochemu-dokhody-ot-dorogoi-nefti-ne-idut-v-ekonomiku>
7. Зигзаг Мишустина: зачем премьер вывел Минфин из-под Белоусова. <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fobshchestvo%2F392185-zigzag-mishustina-zachem-premer-vyvel-minfin-iz-pod-belousova>
8. Куда деваются деньги, выручаемые от продажи нефти и газа. https://zen.yandex.ru/media/news_hot/kuda-devaiutsia-dengi-vyruchaemye-ot-prodaji-nefti-i-gaza-5d93863d3d873600af3812c7
9. Путин: темпы роста экономики России должны превысить 3% в 2021 году. <https://www.kp.ru/online/news/3393007/>
10. Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/221869863>
11. Российские предприятия ОПК прячут убытки, заявили в ФАС. <https://ria.ru/20191218/1562517903.html>
12. Росстат зафиксировал снижение доли малого и среднего бизнеса в России. <https://www.kommersant.ru/doc/4234236>
13. Составлена на основе данных Федеральной таможенной службы – ФТС России: импорт-экспорт важнейших товаров за январь-июнь 2019 года. <http://customs.ru/press/federal/document/199911>
14. Тебекин А.В. Анализ вариантов стратегий развития национальной экономики. // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2017. № 4. С. 60–73.
15. Указ президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

16. ФАС: 95% всех госзакупок – фикция. ФАС: 95% всех госзакупок – фикция. <https://www.mk.ru/economics/2017/03/01/fas-95-vsekh-gos-zakupok-fiksiya.html>

17. ФТС России: импорт-экспорт важнейших товаров за январь-июнь 2019 года. <http://customs.ru/press/federal/document/199911>

18. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. – 320с.

Шачин С.В.,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных наук
Мурманского
Арктического государственного университета*

**Опыт осмысления проблемы
цифрового неравенства в России
на основе идей
немецких социологов и психологов**

Аннотация. Статья посвящена проблеме цифрового неравенства в России во всей комплексности данной проблемы. Она не может быть сведена только к обеспечению всем людям равного доступа к цифровым приборам и технологиям. Данная проблема имеет серьёзную гуманитарную составляющую, заключающуюся в необходимости развития культуры пользования цифровыми технологиями. Это означает осознание вызовов и опасностей одностороннего развития личности человека в случае пренебрежения другими формами деятельности в мире, кроме пребывания в виртуальной реальности, а также опасности доминирования в обществе типа личностей, не способных отличать субъекта от объекта, не способных к самоконтролю и ответственным поступкам. Культура использования цифровых технологий предполагает установление разумных рамок их применения и контроль над ними со стороны общественности, что поставит их на службу развитию гуманности в межличностных отношениях и самих людях.

Ключевые слова: цифровые технологии, гуманитарная культура использования, общественные проблемы и их решение

Shachin S.V.,

Candidate of Philos. Sc.,

*Associated Professor of Department of Philosophy
and Social Sciences*

in Murmansk Arctic State University

**The Experience of Understanding
the Problem of Digital Inequality in Russia
Based on the Ideas of German Sociologists
and Psychologists**

Abstract. The article is devoted to the problem of digital inequality in Russia in the entire complexity of this problem. It cannot be reduced only to providing all people with equal access to digital devices and technologies. This problem has a serious humanitarian component, consisting in the need to develop a culture of using digital technologies. This means awareness of the challenges and dangers of the one-sided development of a person's personality in case of neglect of other forms of activity in the world, except for staying in virtual reality, as well as the danger of dominance in society of individuals who are not able to distinguish a subject from an object, not capable of self-control and responsible actions. The culture of using digital technologies presupposes the establishment of a reasonable framework for their application and public control of them, which will put them at the service of the development of humanity in interpersonal relations and mankind themselves.

Keywords: digital technologies, humanitarian culture of use, social problems and their solution

1. К постановке проблемы: о необходимости определения критериев для оценки неравенства в использовании цифровых технологий.

Цифровое неравенство – это выражение общих проблем генезиса Общества знаний в сфере цифровых технологий. Как пишут исследователи в одном из ведущих научных журналов России, в условиях зрелого информационного общества возникает динамичное цифровое неравенство, при котором «отдельные страны сознательно используют информационный прорыв для использования конкурентных преимуществ над другими странами»; в результате «социальное,

имущественное, межстрановое неравенство практически полностью отразилось в новом информационном секторе»¹.

В свете данного диагноза можно говорить сразу о многих уровнях цифрового неравенства. Самый простой: неравенство в доступе к информационным технологиям и приборам, их использующим (например, отдалённые и северные территории Сибири до сих пор не получили устойчивого доступа к системе Интернет). Более сложный уровень: социальное неравенство, имеющее множество проявлений, одно из которых получило название «эффекта Матфея», который заключается в порочном круге между бедностью и использованием цифровых технологий: бедный человек теряет смысл к жизни и перестаёт интересоваться событиями, лежащими за горизонтом его выживания, в результате он меньше обращается к Интернету и меньше узнаёт о новых возможностях заработать и установить социальные связи за пределами того негативного окружения, в которое его поместила судьба. Наконец, наиболее сложный вид неравенства – неравенство в использовании цифровых технологий, причём здесь требуются чёткие критерии для оценки того, когда цифровые технологии содействуют развитию личности, когда по меньшей мере безразличны к этому и когда ведут даже к деградации личности и общества в целом.² Именно эта проблема, связанная с выработкой критериев и установлением гуманитарного контроля за культурой использования цифровых технологий, будет обсуждаться в предстоящем

¹ Шабашев В.А., Щербакова Л.Н. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире. // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 3–12. Здесь: С. 6. URL: http://sosis.isras.ru/files/File/2016/2016_9/3-12_Shabashev.pdf (дата обращения: 29.01.2020)

² О критериях цифрового неравенства говорила спикер из ВШЭ Волченко О.В., название доклада: Волченко О.В. Пользователи и непользователи Интернета: анализ цифрового неравенства. // Цифровизация образования: Основные тренды и оценивание образовательных достижений: Зимняя школа преподавателей вузов России, организованная издательством «Юрайт» 27 января – 2 февраля 2020 г. Выступление от 29 января (к сожалению, доступ к ссылке на дату написания статьи был ограничен только авторизованными слушателями).

тексте. При этом будут приведены результаты исследований немецких социологов Д. Бекера и А. Нассеи, а также психолога Х. Винтерхофа, чтобы определить, в чём же конкретно состоит необходимость цифровых технологий для современной жизни, в чём их прогрессивность и опасность и в чём конкретно состоят вызовы, которые возникают перед человечеством в связи с распространением цифровых технологий, или, как говорят на Западе, в связи с процессом дигитализации (мы впоследствии будем употреблять эти словосочетания в тексте статьи как синонимы).

2. Методологическая ремарка: дигитализация как объективный социальный процесс (подход Дирка Бекера).

С самого начала надо преодолеть прикладное понимание процесса распространения цифровых технологий, редуцирующее его до чисто технических проблем: что якобы дигитализация наступает тогда, когда сначала установят соответствующее оборудование, создадут каналы связи, затем дадут доступ отдельным разрозненным потребителям к этим каналам и т.д. Однако если мы рассмотрим процесс комплексно, как бы сверху, то мы поймём, что он наступает не потому, что хозяйствующие субъекты, общество или государство решат его запустить, а потому, что вся современная общественная жизнь закономерным образом трансформируется под влиянием цифровых технологий. Дигитализация обеспечивают увеличение упорядоченности социальной системы в целом, что предполагает установление таких взаимосвязей между различными подсистемами общества и различными сообществами, в ходе которого они начинают быть понятными друг для друга и способными к солидарным усилиям для реализации общей цели. При этом процесс распространения цифровых технологий исключительно сложен и очень далёк от линейного: в разных подсистемах общества, в которых доминируют разные сферы деятельности, он идёт с разной скоростью и в разной степени трансформирует эти сферы, к тому же необходимо учитывать влияние этих технологий на естественный интеллект человека, разные уровни приспособляемости последнего к ним в разных сферах и сопротивление их слишком сильному и быстрому внедрению; однако после прохождения определённого предела различные разрозненные тенденции начинают усиливать друг друга, и сам естественный интеллект становится до такой степени трансформированным, что вопро-

сы, например, о том, не заменят ли цифровые технологии человека, надо ставить только учитывая те необратимые изменения, что произошли в самом человеке под влиянием дигитализации (следовательно, можно говорить о своего рода цифровизации человека или гуманизации цифровых технологий).¹

3. О сущности дигитализации как процессе преодоления социальных проблем: подход Армина Нассеи.

Делая следующий шаг в нашем анализе, мы должны показать, что дигитализация есть не просто объективный, но ещё и прогрессивный социальный процесс (хотя и несущий в себе сложную диалектику вызовов и необходимости выработки ответов на них, о чём будет повествоваться уже в следующем разделе). Для этого мы вместе с немецким социологом Армином Нассеи проанализируем, какие же общественные проблемы решает дигитализация. Выражение информации в цифровой форме на основе универсального бинарного кода порождает интересный эффект удвоения символической реальности, т.е. возникает новая символическая система, которая надстраивается над уже существующими системами, выразившими информацию в аналоговой форме (языком, культурой и пр.). Эти знаковые системы, предшествовавшие цифровой системе, сами выполняли функцию символического отображения объективной реальности, то есть человечество в цифровом мире начинает жить в мире удвоенной реальности в квадрате. Однако эти процессы были подготовлены со всех сторон, прежде всего, благодаря развитию статистических методов обработки информации, а также благодаря изменениям в субъективности, которые порождают практики самопредставления и самообъективации, что позволяет предсказать поведение больших масс людей. «Большие данные» стали обрабатываться тогда, когда даже методов статистики стало недостаточно, чтобы понять, по каким образцам функционирует наше общество и насколько оно может быть управляемо. Данные потребности общество удовлетворяет новым способом, сводя всю комплексность социального мира к комбинации, определяе-

¹ *Bäcker Dirk*: Digitalisierung und die nächste Gesellschaft: Ein Vortrag am Alexander von Humboldt Institut für Internet und Gesellschaft in Berlin an 2. Mai 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nHgmVQtH_g (accepted at: 30.01.2020) (In German).

мой двоичным кодом. Редукция комплексности всегда ведёт к ускорению социальных процессов и к появлению новых разнообразных форм человеческой деятельности, с новыми социальными институтами вокруг них.

Какова же объективная основа самой возможности представления информации в виде данных, выраженных в двоичном коде? Этих основы две. Первая заключается в том, что в обществе всегда существуют образцы поведения и мировоззрения, которые формируются в процессе общей повседневности и которые могут быть даже до конца не осознаваемыми участниками практик. В условиях модернизации на смену традиционным образцам приходят новые, что позволяет предвидеть поведение и реакции больших масс людей на происходящие трансформации. Вторая основа состоит в том, что в ходе модернизации устанавливаются связи между отраслями и областями человеческой деятельности, которые кажутся не имеющими между собой ничего общего и даже конфликтующими. Например, известно противостояние «физиков» и «лириков», но теперь даже те, кто критикует дигитализацию, используют цифровые средства для распространения своей позиции, а те, кто ожидают от дигитализации неограниченное развитие производительных сил, постоянно наталкивается на пресловутый человеческий фактор, то есть пределы приспособляемости общества к дигитализации, что ведёт к необходимости согласовывать развитие психики и естественного интеллекта, с одной стороны, и интеллекта искусственного, с другой стороны. Данные, представленные именно в цифровой форме, дают наблюдателю возможность чётко видеть эти связи, которые при представлении информации в аналоговой форме могут остаться исключительно на уровне догадок.

Как только что замечено, сами по себе цифровые данные ни о чём не говорят, только их наблюдатель в состоянии обобщать разрозненные данные и интерпретировать полученные результаты. В точках наблюдателя могут быть сделаны выводы, касающиеся предвидения будущего, например, благодаря прослеживанию цифрового следа от покупок человека можно не только предсказать его будущие решения, которые он ещё не сделал, но и подтолкнуть его к подобным решениям. Поэтому в этой точке наблюдателя может возникать опасность монополизации деятельности по интерпретации цифровых данных с целью приумножения капиталов ограниченного социаль-

ного слоя, и потому демократические институты могут быть спасены только в том случае, если широкой общественности будет обеспечен свободный доступ к методам обработки цифровой информации и её использования¹.

Если же говорить о влиянии дигитализации на социальный мир в целом, то здесь интересна мысль Сары Гендер, которую приводит во время беседы с Армином Нассеи Вольфран Эленберген, ведущий известной телепередачи на швейцарском телевидении «Звёздный час философии»: в мире развитых цифровых технологий будут востребованы 4 основные способности, или, как говорят на Западе, компетенции – креативность, коллаборативность (т.е. приспособляемость к изменениям), коммуникативность и критическое мышление (принцип четырёх «к»).² Но в 3-х из 4-х этих компетенциях находят своё выражение старые добродетели гражданина, которые порождены духом Просвещения, и только приспособляемость к изменениям подразумевает способность реализовывать себя в различных областях деятельности – а тут уже российские учёные могут видеть востребованность тех результатов, что порождала советская модель образования, ориентированная на идеал всесторонне развитой личности. Поэтому опасения о замене человека киберсущностями или порождения общества всеобщего контроля, высказываемые рядом общественных деятелей у нас в стране (самая известная из них – О. Четверякова), необходимо чётко локализовать в том смысле, что они обоснованы лишь при условии недостаточности развития этих компетенций, т.е. кризиса и распада существующей образовательной системы. Однако в этом случае общество окажется неспособным правильно обращаться с теми производительными силами, что порождаются процессом

¹ Два предыдущих абзаца написаны на основе доклада: Nassehi, Armin: Für welches Problem ist die Digitalisierung eine Lösung? Ein Vortrag am Alexander von Humboldt Institut für Internet und Gesellschaft in Berlin an 5. September 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XjVsvwbPMU> (accepted at: 30.01.2020) (In German).

² Digitalisierung: Gottesgeschenk oder Katastrophe? Ein Gespräch mit Armin Nassehi // Sternstunde in der Philosophie. Die Sendung am 2. September 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQr9m2Bkpe4>

дигитализации, т.е. будет фактически отторгнуто с мирового пути прогресса. Итак, необходимо развитие новых технологий, но при условии сохранения лучшего, что есть в традиционной образовательной системе, что подразумевает развитие практик демократического самоуправления, как это показывает в своих текстах Аксель Хоннет – один из лидеров Франкфуртской школы¹. Впрочем, последний вопрос об изменении человека в условиях массового распространения цифровых технологий требует специального анализа.

4. К вопросу о влиянии дигитализации на личность человека: позитивные и негативные стороны.

Современные немецкие психологи и социологи образования оценивают, делает ли дигитализация человека умнее и образованнее или нет. В связи с этим было обнаружено, что при прочтении текста на цифровом носителе наш мозг работает иначе, чем при прочтении текста на бумажном носителе: если в последнем случае мы пробегаем глазами последовательно слева направо и затем от строки сверху к строке снизу, то при чтении электронных книг наши глаза совершают F-образные движения, что даёт человеку возможность концентрироваться только на самой важной информации и просматривать большой объём текстов в течение короткого времени. Однако эта способность к быстрому чтению должна не противоречить способности к медленному чтению, а дополнять её, о чём свидетельствует уже другой опыт. Одной группе испытуемых дали прочитать текст из бумажной книги, а второй – точно такой же текст, в таком же формате, такого же цвета и размера букв, только напечатанный на электронной книге, а затем было предложено решить тесты с целью сравнить уровень усвоения информации. Он оказался лучшим в случае бумажной книги (особенно в том, что касается установления временной последовательности событий в художественном тексте), что связывается психологами с тем, что человек имеет возможность тактильно ощущать книгу и перелистывать страницы, возвращаясь к уже прочитанному или совершая другие манипуляции, а в случае электронной книги задействовано преимущественно зрение. Таким об-

¹ Об этом см.: Шачина А.Ю., Шачин С.В. К вопросу о демократической основе нравственности в образовании. // Педагогика. – 2018. № 9. С. 19 – 24.

разом, тексты на экране цифровых приборов могут быть освоены в течение короткого срока и в больших объёмах, однако более поверхностно, чем тексты, напечатанные в книгах (однако платой за основательность выступает большее время, требуемое на прочтение таких текстов). Если мы хотим быстро сориентироваться в новом материале или в ситуации изменений в мире, то нам подходят те компетенции, которые формируются при работе на цифровой технике, а если мы хотим приобрести глубокие и обоснованные знания, то мы должны пользоваться книгами и развивать компетенции «медленного чтения». Также Г. Лош показывает, что в случае слишком раннего внедрения Интернета в жизнь ребёнка, а также в случае, если ребёнок проводит в дигитальном мире слишком много времени, он оказывается не в состоянии познавать мир сразу всеми органами чувств, а не только зрением, что ведёт к одностороннему развитию личности. Кроме того, хотя дигитальные приборы могут способствовать усиленной концентрации ребёнка, в целом их неразумное использование ведёт к снижению способности к самоконтролю, от которой будет зависеть и здоровье, и успех человека во взрослой жизни, так как предоставляется слишком быстрая награда за достигнутый результат, что возбуждает участки головного мозга, ответственные за наслаждение, а надо развивать способности к упорному труду ради получения долгосрочных и надёжных результатов в будущем. Не случайно в Силиконовой долине в Лос-Анжелесе большинство родителей, занятых в сфере цифровых технологий, отдают своих детей именно в Вальдорфскую школу¹.

Более подробно опасности влияния на личность подрастающего поколения процесса дигитализации рассматривает известный немецкий психоаналитик М. Винтерхофф, обобщая результаты своей многолетней практики. Он отмечает массовое распространение такого феномена среди современной молодёжи, как неспособность к различению субъекта и объекта в отношениях детей с родителями и другими людьми. В результате такие молодые люди реально на-

¹ Данный абзац был написан на основе идей из: Lesch, Harald: Digitale Revolution: Die Zukunft des Lernens. URL: <https://www.zdf.de/wissen/leschs-kosmos/digitale-revolution-die-zukunft-des-lernens-100.html> (accepted at: 30.01.2020) (In German).

ходятся на стадии психологического развития, соответствующей 10–16 месяцев! По мнению Винтерхоффа, нормально развитый ребёнок, как было ещё несколько десятилетий назад, в возрасте пяти лет слушает, что скажет мама, не из послушания, а потому что это – мама, у неё есть что сказать, и ведёт себя прилично в ресторане не потому, что он так воспитан, а потому, что он знает, что кругом люди, и не хочет им мешать, не хочет огорчить маму, и позже в начальной школе делает уроки, даже если ему не интересно, для учительницы. Основные причины объективации детьми других людей для пользования ими по собственной необходимости, по заключению психоаналитика, это – подмена человека, взрослого, который так необходим для усвоения правильных ориентиров на данном этапе, гаджетами. Они предоставляют поток информации, который, рассеивая внимание, не способствует формированию видов опыта, не даёт уверенности, так необходимой для ориентации в этом мире, и даже обучающие игры заключают в себе потенциальную опасность: увлечение ими мешает развитию самоконтроля (например, умения ждать), так как поощрение мгновенно следует за выполненным заданием, возбуждает эмоциональные центры и таким образом удерживает у экрана. К опасностям относятся также падение авторитета родителей вследствие неправильного влияния со стороны бабушек и дедушек и автономное обучение начиная с детского сада.

При всех этих казусах к детям присутствует отношение как к маленьким взрослым: они должны учиться делать выбор, когда их этому не научили, признавать другого в качестве другого, когда не ощутили признание по отношению к себе (со стороны родителей, которым часто важнее гаджеты, чем ребёнок, и авторитет которых также нередко уже скомпрометирован); в то же время, родители, которые с недавних пор живут в отсутствие перспектив для себя, усматривают своё счастье в счастье детей и начинают их карьеру уже с детского сада, опять-таки, с минимальным ущербом для себя, возлагая ответственность за развитие ребёнка на специалистов дополнительного образования. В школе требования возрастают: требования всестороннего развития ребёнка плюс ранняя профессионализация, что приводит к ситуации, когда выбор методов и уровня обучения начинает во многом определяться случайностями или проекциями родителей, состоящими из нереализованных ожиданий.

Также прогрессирующая дигитализация ввергает детей в то пространство, где действует нарастающее ускорение во времени: если взрослые, чтобы не то что преуспеть, но хотя бы удержать имеющееся, должны с каждым годом быть ещё немножечко быстрее, вследствие чего у них наступает выгорание (burnout как феномен нашего века), то детей они толкают ещё вперёд себя: у них-то должно быть более счастливое будущее в другом более счастливом мире! Так взрослые пытаются наиболее точным образом спрогнозировать жизнь в будущем мире и место их ребёнка в этом будущем, забывая призыв известного педагога-гуманиста Теодора Литта в споре с немецкими социал-националистами в начале 30-х годов XX века: «Будущее нам не принадлежит!», т.е. забывая о том, что иметь перед собой чёткий образ будущего следующего поколения означает совершать насилие над этим поколением, а также о том, что мы не можем ни заставить другого хотеть, ни поставить за другого его собственные цели.

При правильном развитии ребёнок естественным образом хочет учиться, но когда родители и учителя предъявляют к нему сверхтребования, отказывая ему в должном (внимании, признании, хорошем питании – бытовая культура), меняется позиция ребёнок-взрослый, и ребёнок оказывается в ситуации, когда надо не ему, а взрослым от него. При этом на ребёнка возлагается непомерная ответственность: ему не на кого опереться, не на кого равняться, будущее становится условным, угрожающим, выразимым словом «если», а элементарная потребность в признании тоже упирается в это «если».

Основное противодействие сложившейся ситуации – правильное развитие и укрепление психики детей: если они будут обладателями психики, сравнимой хотя бы с нашей, то в будущем они разберутся, что к чему, и без нашего участия.¹

5. Вывод: К вопросу о роли культуры в преодолении цифрового неравенства

Таким образом, необходимо такое использование цифровых технологий в целом, чтобы они способствовали гармоничному развитию

¹ Материал взят из лекции: Winterhoff, Michael: Wie die Digitalisierung unsere Kinder verblödet – Psychiater spricht Klartext! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zzLM3CrYmo> (14.01.2020). (accepted at: 30.01.2020) (In German).

человеческих способностей, а не препятствовали бы за счёт развития одних способностей в ущерб другим. Цифровые технологии необходимо внедрять постепенно, не разрушая традиционные институты и не стремясь ускорить темп общественной жизни, так как это чревато ослаблением умений людей достигать взаимопонимания друг с другом, а также распространением опасной установки на быстрое использование природных ресурсов Земли, не задумываясь о негативных долгосрочных экологических последствиях (не говоря уже и прогрессирующей антропологической катастрофе, выражающейся в массовом оглушении – именно так буквально и может быть переведено название лекции М. Винтерхофа). Вместе с тем развитие цифровых технологий позволит синхронизировать несвязанные друг с другом процессы в социальной жизни на основе той информации, что представлена в цифровой форме. Именно на основе развития практик демократического самоуправления и могут быть установлены отношения сотрудничества между различными общественными субъектами в деле реформирования и даже преодоления глобального неолиберального капитализма (в силу узких рамок данной статьи эту тему развить, к сожалению, не удалось).

Следовательно, задачу преодоления цифрового неравенства нельзя решать на основе линейного мышления, согласно которому развитие цифровых технологий определяется обеспечением свободного доступа разных людей и разных социальных слоёв в Интернет. Необходимо формировать культуру использования цифровых технологий, что предполагает установление разумных рамок их применения и контроль над ними со стороны общественности, что исключит возможность появления «цифрового концлагеря» и поставит цифровые технологии их на службу развитию гуманности в межличностных отношениях и самих людях. В этой связи цифровое неравенство надо понимать также и в аспекте неравномерности в уровне развития культуры использования цифровых технологий. В результате даже высокий уровень обеспеченности доступа населения к цифровым технологиям (в частности, к Интернету) может порождать новые социальные и психологические проблемы, проанализированные в лекциях Лоша и Винтерхофа, проблемы, которые можно решить только путём развития гуманитарной культуры использования цифровых технологий. А для этого необходимо появление новых гума-

нитарных центров, которые должны будут адаптировать цифровые технологии для нужд общества с целью обеспечения устойчивого развития человечества во всей комплексности такого развития.

Список литературы

1. Волченко О.В. Пользователи и непользователи Интернета: анализ цифрового неравенства. // Цифровизация образования: Основные тренды и оценивание образовательных достижений: Зимняя школа преподавателей Вузов России, организованная издательством «Юрайт» 27 января – 2 февраля 2020 г. (К сожалению, доступ к ссылке на дату написания статьи был ограничен только авторизованными слушателями).

2. Шабашев В.А., Щербакова Л.Н. Тенденции цифрового равенства/неравенства в современном мире. // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 3–12. Здесь: С. 6. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_9/3-12_Shabashev.pdf (дата обращения: 29.01.2020)

3. Шачина А.Ю., Шачин С.В. К вопросу о демократической основе нравственности в образовании. // Педагогика. – 2018. № 9. С. 19 – 24.

4. Backer Dirk. Digitalisierung und die nachste Gesellschaft: Ein Vortrag am Alexander von Humboldt Institut fur Internet und Gesellschaft in Berlin an 2. Mai 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nHgmUVQtH_g (accepted at: 30.01.2020) (In German).

5. Digitalisierung: Gottesgeschenk oder Katastrophe? Ein Gesprach mit Armin Nassehi. // Sternstunde in der Philosophie. Die Sendung am 2. September 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQr9m2Bkpe4>

6. Losch Harald. Digitale Revolution: Die Zukunft des Lernens. URL: <https://www.zdf.de/wissen/leschs-kosmos/digitale-revolution-die-zukunft-des-lernens-100.html> (accepted at: 30.01.2020) (In German).

7. Nassehi Armin. Fur welches Problem ist die Digitalisierung eine Losung? Ein Vortrag am Alexander von Humboldt Institut fur Internet und Gesellschaft in Berlin an 5. September 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XjVvsvwbPMU> (accepted at: 30.01.2020) (In German).

8. Winterhoff Michael. Wie die Digitalisierung unsere Kinder verblodet – Psychiater spricht Klartext! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zzLM3CrFYmo> (14.01.2020). (accepted at: 30.01.2020) (In German).

Шорохов Ю.И.,

*доктор технических наук, профессор, профессор
кафедры экономики предприятия и менеджмента
Института Экономики и Управления
Тверского Государственного Университета*

**Системный анализ состояния и перспектив
социально-экономического развития России
(экология менталитета как индикатор
состояния и перспектив развития)**

Аннотация. В статье изложены результаты очередного этапа исследований, целью которых является разработка нового подхода к оценке эффективности и обоснованию направлений развития организаций по показателям, характеризующим состояние экологии менталитета их руководителей и персонала. Определены: портрет идеального, эталонного в сложившейся конкурентной среде состояния организации; способы оценки воплощённого в реальность менталитета; пути её перевода в эталонное состояние с учётом роли государства и самой организации. Приведены результаты экспресс-оценки состояния экологии менталитета и конкурентоспособности типового российского производственного предприятия и роли государства в его развитии.

Ключевые слова: Открытые системы, структурные кризисы, самоорганизация, сетевые процессы, экология менталитета, потенциалы успеха, система ценностей, научно-технический прогресс

Shorokhov Y.I.,

*Doctor of Techn. Sc., professor, professor of department
of economy of the enterprise and management of Institute
of Economy and Management of Tver State University*

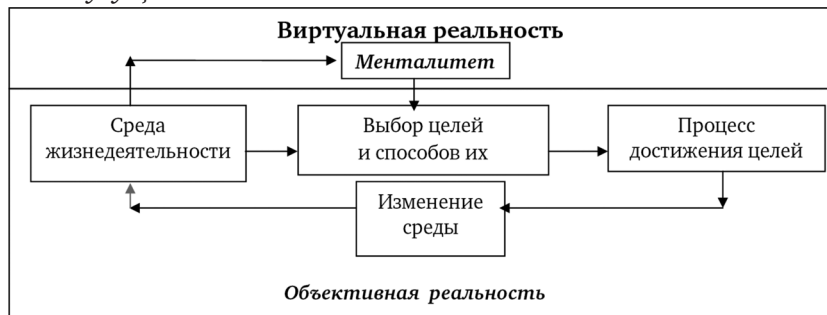
Systematic Analysis of the State and Prospects of Social and Economic Development of Russia (The Ecology of Mentality as an Indicator of State and Development Prospects)

Abstract. The article presents the results of the next stage of research, the purpose of which is to develop a new approach to assessing the effectiveness and justifying the directions of development of organizations according to the set of indicators characterizing the state of ecology of the mentality of their managers and staff. Defined the next: a portrait of the ideal, reference in the established competitive environment of the state of the organization; ways of assessing the mentality embodied in reality; ways of its conversion into a reference state taking into account the role of the State and the organization itself. The results of the rapid assessment of the state of ecology of mentality and competitiveness of a model Russian production enterprise and the role of the state in its development are presented.

Keywords: Open systems, structural crises, self-organization, network processes, mentality ecology, success potentials, value system, scientific and technological progress

Как известно, всё создаётся дважды: сначала в голове создателя, а затем ментальное представление будущего воплощается в реальность. Менталитет, таким образом, является своеобразной моделью реального мира и его будущего состояния.

Рис. 1. Менталитет как связующее звено между прошлым и будущим

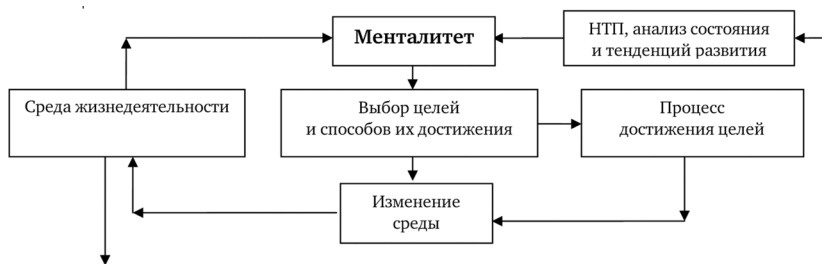
Воплощение в жизнь модели будущего изменяет среду, а изменившаяся среда ведёт к изменению менталитета (10, с.9). Вероятный результат такого взаимодействия зависит от степени соответствия модели и объективной реальности.

Взаимодействие живых организмов и их сообществ с природной средой является предметом экологии (2). Если ограничить активную составляющую этого процесса экономической деятельностью, а объектом воздействия – субъективную реальность, то есть менталитет, можно говорить об **экологии менталитета** (10, с.10).

Характер взаимосвязи менталитета и объективной реальности даёт возможность разработки и практического применения *нового подхода к диагностике состояния организаций – диагностике по результатам анализа экологии менталитета*.

Поскольку под воздействием НТП среда и условия жизнедеятельности изменяются, менталитет как объект исследования необходимо рассматривать в динамике. Учитывая сложность, динамичность и многофакторность среды, в основе менталитета должен лежать не столько ограниченный, медленно формируемый и устаревающий собственный опыт, сколько результаты научных исследований и моделирования процессов социально-экономического развития (10, с. 12). При выполнении этого требования менталитет, как связующее звено между прошлым и будущим, превращается в *связующее звено между прошлым, настоящим и будущим* (Рис. 2).

Рис. 2. Менталитет как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим

Независимо от способа формирования представления о будущем, результат его реализации в силу рассмотренных выше причин прак-

тически всегда не соответствует идеалу. *Величина такого отклонения характеризует состояние экологии менталитета и является индикатором эффективности социальной организации.*

Для практического использования этого индикатора необходимо:

1. Выявить облик эталонного состояния социальной организации в сложившейся или прогнозируемой среде и систему показателей состояния экологии менталитета.

2. Определить возможности приближения к эталону в условиях, создаваемых организацией вышестоящего уровня.

3. Разработать комплекс методик оценки состояния организации по выбранным показателям и обоснования направлений развития.

4. Разработать механизмы управления развитием.

Ответы по первым двум пунктам дают теория открытых систем и теория самоорганизации (4, 5). Любая социальная организация является открытой системой, которая непрерывно взаимодействует внешней средой, получая из неё что-то важное для достижения своих целей и возвращая результат своей деятельности (3). Состояние каждого элемента такой системы зависит от состояния остальных элементов и состояния целого. В свою очередь, состояние целого определяется состоянием всех его элементов. Как следствие, систему нельзя понять с помощью анализа её частей. Свойства частей могут быть осмыслены лишь в контексте более крупного целого (1, с. 30, 5, с. 83).

С учётом сетевого взаимовлияния состояния целого и частей необходимыми условиями эффективности социальной системы любого уровня являются:

- учёт интересов организации более глобального уровня;
- содействие успеху собственных составных частей.

Поскольку каждый элемент социальной системы является сетью более мелких элементов, любая социальная организация представляет собой сеть, состоящую из локальных сетей. На рис. 3 представлена упрощённая схема социальной сети глобального уровня.

Учитывая характер взаимозависимости состояния целого и частей в социальных организациях, государство как открытая система может быть успешным только создавая условия и стимулы для успеха всех своих подсистем. *Создание таких условий и стимулов должно быть инструментальной целью на каждом уровне.* Примеры негативных последствий игнорирования этого требования приведены в (8, с.90).

Рис. 3. Этапы формирования
глобальной сети социальных организаций

Поскольку **в основании всех искусственных социальных систем находится человек** (см. рис. 3), то, учитывая транзитивный характер зависимости инструментальных целей высших и нижних уровней социальной системы, можно сделать вывод: *стратегической целью и главным критерием успеха государства должно быть качество жизни населения* (10, с.9). Достижение этой цели обеспечивается созданием условий для эффективного функционирования подсистем, содействием формированию потенциалов их успеха. Игнорирование данного требования ведёт к потере эффективности (6, с.15).

Изменение среды функционирования социальной организации, как и любой другой открытой системы, изменяет траекторию развития, характер которой зависит от способа реагирования на перемены. Неадекватная реакция ведёт к ухудшению ситуации и кризису. Затяжной кризис может привести её в точку бифуркации и непредсказуемым последствиям.

Таким образом, *способность организации изменяться под воздействием среды является необходимым условием её успеха.*

Одной из важнейших причин изменения среды является НТП. Под его воздействием растёт её технологическая сложность и динамичность, появляются новые возможности и угрозы. Игнорирование

этих изменений ведёт к возникновению своеобразных барьеров в развитии организаций и структурным кризисам (8, с. 83). Как показано в (9, с. 20), *преодоление барьеров возможно только за счёт согласованного изменения концепции менеджмента, стиля управления, системы управления, организационной структуры, системы ценностей, индивидуального, группового и общеорганизационного поведения персонала организации. Ключевым фактором успеха в преодолении барьеров, является готовность руководства организации к таким изменениям и способность осуществлять их на практике.*

Механизмы преодоления барьеров и устранения несоответствия организации требованиям среды представляют собой совокупность управленческих контуров формирования потенциалов успеха, состав которых зависит от сложившихся условий.

Общий состав этих потенциалов, выявленный в результате анализа тенденций развития теории и практики менеджмента за истекшие сто с лишним лет и динамика их важности в зависимости от состояния среды приведены на рис. 4 (9, с. 19).

Общий перечень потенциалов успеха и их краткое описание:

1. Потенциал технико-технологический адаптации к достижениям НТП (доступность современных достижений техники и технологии).

2. Исполнительский потенциал (выполнение должностных обязанностей строго в соответствии с инструкциями и распоряжениями руководителя).

3. Квалификационный потенциал (уровень квалификации соответствует должностным обязанностям).

4. Индивидуальный и групповой творческий потенциал (способность выявлять и решать проблемы в своей сфере деятельности).

5. Нравственный потенциал (в системе ценностей значимым является стремление быть полезным организации и социальному окружению).

6. Психофизиологический потенциал (благоприятные условия труда, забота о здоровье).

7. Имиджевый потенциал (имидж в глазах работников, акционеров, партнёров, инвесторов, конкурентов, СМИ, властных структур, населения и т.п.)

8. Интеллектуальный потенциал (уровень профессионального и общего образования, широта кругозора).

9. Общеорганизационный, коллективный, потенциал (организация работает как единое целое, каждый знает миссию организации и заинтересован в максимизации своего вклада в её реализацию).

10. Финансовый потенциал (наличие средств для выполнения своих обязательств и реализации программ развития).

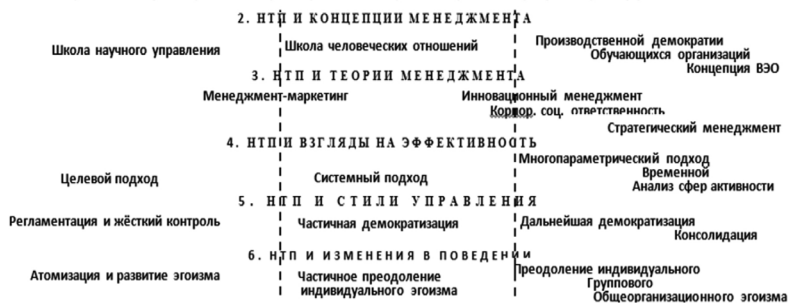
11. Потенциал адаптации организационно-управленческой системы к достижениям НТП и состоянию конкурентной среды (понимание руководством закономерностей изменения важности частных потенциалов под воздействием НТП, способность оценить степень отклонения реальных значений потенциалов от требований, обусловленных состоянием конкурентной среды и НТП и адаптировать организационно-управленческую систему к новым требованиям).

Рис. 4. Состав и важность частных потенциалов успеха организаций в условиях доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной экономики

Ю.И. Шорохов

Потенциалы: 1. Технико-технологической адаптации; 2. Исполнительский; 3. Квалификационный; 4. Теоретический; 5. Нравственный; 6. Психофизиологический; 7. Имиджевый; 8. Интеллектуальный; 9. Консолидационный; 10. Финансовый; 11. Потенциал адаптации организационно-управленческой системы

Постепенно формируется убеждение, что успех возможен только благодаря содействию успеху других

Результаты анализа свойств социальных организаций как открытых систем и закономерностей эволюции теории и практики менеджмента позволяют сформулировать **условия конкурентоспособности организаций в изменчивой среде**:

1. Конкурентоспособность организаций определяется уровнем развития потенциалов успеха.

2. Требуемый уровень их развития определяется состоянием конкурентной среды. Потеря соответствия уровня их развития достижениям НТП ведёт к возникновению рукотворных барьеров и структурным кризисам.

3. *В общем случае* организация может быть конкурентоспособной только если уровень развития всех частных потенциалов соответствует требованиям конкурентной среды.

4. Стратегической целью государства должно быть качество жизни населения.

5. Его инструментальной целью должно быть создание условий и стимулов для развития организациями необходимого комплекса потенциалов успеха.

6. Организации должны содействовать достижению стратегической цели государства и повышению качества жизни населения. Несоблюдение этого требования свидетельствует о их паразитическом характере и болезни государства.

7. Государство должно быть способно изменяться в соответствии с изменениями внутренней и внешней среды.

8. *Эталонным для организации является такое состояние, при котором уровень развития всех частных потенциалов соответствует состоянию конкурентной среды.*

9. Степень отклонения от эталона характеризует уровень неблагоприятия экологии менталитета и конкурентоспособности.

10. Создаваемые государством условия для развития организаций *определяют предельно достижимый уровень их конкурентоспособности*. Степень содействия государства по созданию условий и стимулов для развития потенциалов успеха организациями характеризует состояние экологии менталитета на государственном уровне.

Для оценки конкурентоспособности организаций по состоянию экологии менталитета нужно определить уровень развития каждого *значимого* частного потенциала, вычислить в процентах степень его

соответствия эталону X_i . Учитывая комплексный, системный характер влияния частных потенциалов на конкурентоспособность, значение интегрального показателя состояния экологии менталитета и конкурентоспособности не превышает минимального значения X_i .

Роль государства в развитии организаций, т.е. фактически состояние менталитета на государственном уровне, можно оценить по его реальным усилиям во всех ранее перечисленных сферах деятельности.

Облик конкретной организации с учётом роли государства можно выявить различными способами: при помощи опросов, наблюдений, изучения документации, статистических данных и т.д.

Обобщённые результаты оценки состояния среднестатистического Российского предприятия и роли государства в его развитии, полученные методом анкетирования группы специалистов, докторов и кандидатов экономических наук, в том числе руководителей предприятий, приведены в таблице 1.

*Таблица 1. Результаты экспресс-оценки
уровня развития потенциалов успеха
среднестатистического российского предприятия*

№ Потенциалы		Уровень развития, %	Требуемый уровень, %	Содействие гос-ва % от необходи- мого
1	Исполнительский	53	90	26
2	Квалификационный	86	100	31
3	Творческий, индивидуальный и групповой	48	100	-8
4	Нравственный	52	100	-3
5	Психофизиологический	59	100	-2
6	Имиджевый	60	100	-4
7	Интеллектуальный	51	100	13
8	Общеорганизационный, консолидационный	56	100	9
9	Финансовый потенциал	66	100	15
10	Технико-технологической адаптации к достижениям НТП	38	100	16
11	Адаптации организационно-управленческий системы к достижениям НТП и состоянию конкурентной среды	55	100	2

Как видно из таблицы, уровень конкурентоспособности средне-статистического российского предприятия в условиях постиндустриальной экономики составляет 38%. По оценке экспертов степень содействия государства развитию частных потенциалов в среднем равна 7,3 %.

Результаты содержательного анализа роли государства в развитии организаций приведены в таблице 2.

*Таблица 2. Результаты экспресс-оценки роли государства
в развитии организаций*

п.п.	Наименование сферы содействия государства развитию организаций	Реальная роль государства	Комментарий
1	Финансовая сфера (налоги, ставки по кредитам, стимулирование внедрения достижений НТП, стоимость услуг естественных монополий и тарифов ЖКХ, и т.п.)	Препятствует развитию	Стимулирование развития практически отсутствует. Цены растут. Условия кредитования неприемлемы
2	Обеспечение безопасности, защита от криминала	Препятствует развитию	Бизнес практически не защищён от криминала
3	Технико-технологическая сфера (обеспечение доступа к современным технологиям и технике)	Препятствует развитию	98% технологических новинок – за рубежом. Доступ к ним закрыт из-за агрессивной внешней политики России
4	Развитие интеллектуального потенциала (развитие фундаментальной и прикладной науки, доступность и качество общего и профессионального образования).	Препятствует развитию	Финансирование науки и образования сокращается. Снижается доступность и качество образования. Специалисты покидают Россию.
5	Содействие развитию нравственности и сохранению здоровья (развитие культуры, воспитания, здравоохранения).	Препятствует развитию	Сокращается финансирование культуры здравоохранения, воспитания. Растёт коррупция

6. Повышение качества жизни населения – стратегическая цель государства	Качество жизни не является стратегической целью	Более 20% россиян – за чертой бедности, а по европейским стандартам – около 50%. Реальные доходы большинства снижаются, но растёт число миллиардеров
---	---	--

Выводы

1. Среднестатистическое отечественное предприятие практически неспособно быть конкурентоспособным в условиях постиндустриальной экономики.

2. Россия как открытая система по всем параметрам не соответствует облику идеальной социальной организации. Она неспособна адекватно реагировать на изменение среды, перешла на траекторию регрессивного развития, которая ведёт её к точке бифуркации и, возможно, распаду.

3. Основная причина сложившейся ситуации носит системный характер и обусловлена полувековым застреванием менталитета чиновников, принимающих государственные решения, нерациональной социально-экономической политикой, препятствующей формированию потенциалов успеха и экономическому развитию. Создаётся впечатление что за красивыми, повторяемыми в течение многих лет лозунгами о научно-техническом прорыве, опережающем развитии, догоняющем развитии просматривается политика целенаправленного лишения России самой возможности развития и в краткосрочной и в долгосрочной перспективе. В краткосрочной – из-за агрессивной внешней политики и лишения доступа примерно к 98% современных технико-технологических достижений, а в долгосрочной – по причине снижения доступности и качества образования, систематического недофинансирования воспитания, образования и науки.

4. Государство – это своеобразное средство передвижения из прошлого в будущее. Стремление ускорить движение устаревшей системы только за счёт технико-технологической составляющей, прикре-

пив к старой телеге реактивный двигатель, приведёт, скорее всего, к катастрофе. Накачивание мышц при игнорировании интеллекта и нравственности формирует опасного для окружения монстра.

5. Для стабильного успеха необходимо преобразование всей государственной системы в соответствии с обликом эффективной открытой организации, а всему населению страны, и в первую очередь представителям власти, научиться профессионально исполнять свои обязанности, уважать интересы людей, соблюдать заповеди и заботиться о своём доме – планете земля. Если этого не произойдёт в ближайшую пару десятков лет, всех нас ждет серия локальных и глобальных катастроф.

Список литературы

1. Фритьюф Капра. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. Пер. с англ. – М.: ИД «София», 2003. – 336 с.
2. Менталитет / Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Менталитет>
3. Открытая система / Википедия – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Открытая_система
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стингерс. – М: Прогресс, 1986. – 432 с.
5. Садовский В.Н. Основания общей теории систем / В.Н. Садовский – М: Наука, 1974. 251с.
6. Шорохов Ю.И. Силы интеграции и дезинтеграции в социально-экономическом развитии / Ю.И. Шорохов // Сборник пленарных докладов VIII международной конференции «Психология и эргономика: Единство теории и практики» (24–25 сентября 2013 г. – Тверь): Человеческий фактор. Проблемы психологии и эргономики. Выпуск 3(66) 2013. С. 11–15.
7. Шорохов Ю.И. Сетевые механизмы структурных кризисов / Ю.И. Шорохов // Всероссийский Конгресс работников науки и образования КРОН, Москва, 25–27 ноября 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://congress-cron.com/blog/sobutua/4kron/shoroxov.html>

8. *Шорохов Ю.И.* Рукотворные барьеры на пути развития организаций и способы их преодоления / Ю.И. Шорохов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 83–100.

9. *Шорохов Ю.И.* НТП в условиях рыночной экономики это путь к процветанию либо глобальной катастрофе / Ю.И. Шорохов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 2, 2018. С. 16–27.

10. *Шорохов Ю.И.* Экология менталитета как фактор эффективности социально-экономического развития / Ю.И. Шорохов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 1. С.8–16.

11. Экология / Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Экология>

Юдина Т.Н.,

*доктор экономических наук,
с.н.с. МГУ имени М.В. Ломоносова*

Купчишина Е.В.,

*аспирант экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

**Формирование институциональной
инфраструктуры «Цифровой» экономики
в Российской Федерации¹**

Аннотация. В XXI в. институты, институциональная инфраструктура (ИИ) «цифровой» экономики (ЦЭ) приобретают жизненно важное значение в условиях цифровизации, реиндустриализации, глобализации и гибридных войн, обеспечивая жизнеспособность, безопасность и конкурентоспособность экономики практически любой страны. Определена технологическая сущность «цифровой» экономики как интернетизирующегося, кибернетизирующегося механизма (на основе цифровых технологий), воспроизводящего цифровые блага, цифровой капитал. С точки зрения практической новизны доказана необходимость повышения конкурентоспособности экономики и некоторые возможности обеспечения национальной экономической безопасности.

Ключевые слова: институциональная инфраструктура «цифровой» экономики, интернет как глобальный метайнститут, цифровые рынки, научно-технологический центр (НТЦ)

¹ Статья полностью опубликована в журнале «Научно-технологические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки» (№4, 2019, с. 9–19).

Yudina T.N.,

*Doctor of Econ. Sc., Senior researcher
Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov*

Kupchishina E.V.,

*Graduate student of the Faculty of economics,
Lomonosov Moscow State University*

**“Digital” Economy Institutional Infrastructure
Formation in the Russian Federation**

Abstract. Institutions, institutional infrastructure are becoming of special importance under conditions of digitalization and hybrid war, ensuring viability, security and competitiveness of almost every state's economy in the 21st century. Technological essence of the «digital» economy as internetized, cybernetized mechanism (based on digital technologies), producing digital goods and digital capital, is defined. Necessity of competitiveness improvement and some opportunities of national economic security assurance are substantiated from the standpoint of practical novelty.

Keywords: «digital» economy institutional infrastructure, scientific and technological centre («digital valley»), internet as the global metainstitutions of development and institutions of growth

В настоящее время можно утверждать, что институциональная инфраструктура «цифровой» экономики Российской Федерации ещё находится в стадии зарождения. Она требует как фундаментального теоретико-методологического исследования, так и нахождения механизмов ее реализации, не подчиненных интересам олигархов и несоздания т.н. «электронного концлагеря». На сегодняшний день существует множество неувязанных в единую систему институтов развития и институтов роста, т.н. «ключевых институтов», организаций, механизмов, действующих с разной степенью эффективности. Разобщенность вышеуказанных элементов препятствует формированию институциональной инфраструктуры «цифровой индустрии промышленной России» (ЦИПР). Российская Федерация, как практически все страны мира, находится в глобальном информационном пространстве, в сети сетей – всемирной паутине Интернета, пользуется программным обеспечением неотечественного производства.

Возникает проблема «пауков и мошек», когда «пауками» являются те, кто обладает серверами, информационными цифровыми платформами, держат в своих руках сети.

На самом деле, нет такого явления и научного понятия как «цифровая» экономика, которое было бы отделено от остальной экономики, именно по этой причине в статье использованы кавычки при написании термина «цифровая» экономика. Итак, «цифровая» экономика – это экономика, основанная на цифровых технологиях, существующая в условиях гибридного (реального и виртуального) мира. Под институциональной инфраструктурой «цифровой» экономики подразумевается совокупность взаимосвязанных институтов, организаций и механизмов, которые регулируют функционирование данных механизмов, что обеспечивает результативность и эффективность процесса создания цифровых благ, воспроизводства цифрового капитала.

Интернет как глобальный метаинститут, который является совокупностью формальных правил (регламентация строения телекоммуникационных сетей и распространения информации) и неформальных институтов (поведение пользователей Интернета), а также институты развития и институты роста, экосистема, цифровые платформы, цифровые рынки: AeroNet, FoodNet, AutoNet, MariNet, HealthNet, EnegyNet, SafeNet, FinNet, NeuroNet – все это и другое стало неотъемлемыми институтами и атрибутами «цифровой» экономики. В перспективе NeuroNet придет на смену Интернету, когда человеко-машинное взаимодействие перерастет в машино-машинную взаимосвязь. Институциональная инфраструктура «цифровой» экономики – это формирующаяся целостная система, включающая всемирную паутину – Интернет, девять вышеназванных цифровых рынков, определенные экономические механизмы (цифровые платформы, кластеры и др.), специализированные организации (например, общероссийский суперкомпьютерный дата-центр для хранения научно-исследовательских данных на базе РАН, научно-технологический центр-НТИ – «цифровая долина»). Технологическая сущность «цифровой» экономики позиционируется как интернетизирующий-ся, кибернетизирующийся механизм (на основе цифровых технологий), посредством которого производятся цифровые блага.

Следует различать институциональную инфраструктуру «цифровой» экономики, которая определена выше, от ее институциональных

основ. В качестве последних зачастую называют организации, воспроизводящие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Это, например, – российские «цифровые» компании: 1С, МТС, Рос-телеком, Яндекс, лаборатория Касперского, mail.ru, Ethereum, softline, а также наукоемкие сервисы (Сбербанк-Технологии, Роснано), биотехнологический сектор, электроника, авиакосмос, роботостроение и др. Такая разнообразная структура институциональной основы «цифровой» экономики обусловлена тем, что она по К. Швабу предполагает синтез и взаимодействие физических, биологических и цифровых доменов.

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы позволил выявить определенный научный задел, посвящённый исследованию институтов «цифровой» экономики. Теоретико-методологической основой авторского исследования вышеназванной проблемы служат прежде теории эволюции институтов и институциональных изменений Д. Норта [10]. Работа А.А. Аузана «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь» [1] отражает значимость институтов, определяющих нашу жизнь. В рамках разработки институционального подхода к исследованию экономики современного технологического поколения Е.А. Бренделёва предлагает термин «институты роста» как базовую составляющую институциональной среды и обосновывает необходимость их исследования [4, с.30–32], описывает институциональную среду [3, с. 75–76]. Среди широкого спектра работ, предметом которых стала цифровая платформа как институт экономики нового технологического уклада, возможно выделить углублённые исследования И.З. Гелисханова, Т.Н. Юдиной [7, р.20–26; 9, р. 1–6], А.Е. Шаститко, а также датского экономиста М.М. Мунке (на датском языке: М.М. Munkøe) [8].

Институты развития фактически представляют собой специфическую форму организации взаимодействия хозяйствующих субъектов в «цифровой» экономике, которая предоставляет возможности интеграции большого количества субъектов хозяйственной деятельности в процессы цифровизации, обеспечивает коммуникацию цифрового бизнеса, научно-исследовательского сообщества, потенциальных инвесторов, а также потребителей цифровых благ как на национальном, так и на глобальном уровнях [6, с. 67–72].

Практика показывает, что за период реформирования российской экономики особо острой остаётся проблема низкоэффективных, низко-

качественных институтов. Многие из ныне функционирующих институтов развития в Российской Федерации импортированы из институциональных сред зарубежных стран (преимущественно Запада) и не учитывают особенности российской экономической системы, что может негативно отразиться на становлении «цифровой» экономики в Российской Федерации.

Особый интерес представляет собой сформированный в Российской Федерации институт научно-технологического центра-НТЦ (аналогом в зарубежной научной литературе является термин «цифровая долина», «технологическая долина»), который возможно определить как формальные правила объединения элементов производства в единую искусственную кибернетическую систему. Основные права и обязанности вышеуказанного определены в Федеральном законе «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Работа над созданием первого из подобных институтов развития на территории Российской Федерации – научно-технологическим центром «Воробьёвы горы» («долина МГУ») – началась в 2010-х гг. с участием МГУ, Российской академии наук, а также бизнеса, однако формализован данный институт лишь в 2017 г. Вышеуказанный НТЦ призван способствовать подготовке научно-исследовательских кадров для развития «цифровой» экономики, обеспечить взаимодействие участников инновационного процесса, предоставить инфраструктуру для осуществления всех его этапов. Фактически цифровая долина интегрирует совокупность инжиниринговых центров, научно-исследовательских лабораторий, центры научных исследований прикладного характера, технологические исследовательские центры, равно как центры привлечения инвестиций в инновационную деятельность, площадки, представляющие интересы частных и государственных заказчиков [5]. Таким образом, возможно заключить, что институт научно-технологического центра («цифровой долины») в Российской Федерации в настоящее время находится в стадии становления.

Движущей силой в процессе формирования институциональной инфраструктуры выступают институты роста, обеспечивающие эффективность институциональной среды «цифровой» экономики посредством нейтрализации институционального дисбаланса (вакуума), препятствующего её развитию в Российской Федерации. В их

число включают: систему взаимоотношений между образовательными учреждениями (как частными, так и государственными) и бизнесом; новые правила в патентной сфере; новые условия проектной деятельности образовательных учреждений, конечным пользователем результата которой выступает реальный сектор экономики; эффективно функционирующая система стимулирования частных инвестиций в инновационную экономику.

Для успешного формирования ИИЦЭ, ее структурных элементов необходимы конструктивные условия ведения бизнеса. Так, по индексу условий ведения бизнеса Россия занимает 40-е место среди 190 стран, по отдельным институтам 115 и 140 места [12].

Под институциональными механизмами подразумевается ряд институтов, составляющих систему взаимодействия хозяйствующих субъектов-участников процесса создания цифровых благ. Данные институты отличаются от остальных отсутствием строгих ограничений деятельности хозяйствующих субъектов. В число таковых возможно включить кластеры, инновационную сеть, цифровые платформы.

Одним из институтов, стимулирующих производство цифровых благ, выступает инновационный (информационно-технологический, инновационно-производственный, цифровой) кластер, который для целей данного исследования возможно трактовать как форму пространственного объединения предприятий и организаций, взаимодействующих с целью активизации цифрового развития с использованием современных технологий. Существуют и альтернативные трактовки термина «инновационный кластер», которые подразумевают группу независимых друг от друга организаций (инновационных стартапов, малых и средних предприятий, научно-исследовательских организаций), которая функционирует в определённой отрасли и регионе и создана для интенсификации инновационной активности посредством коммуникации, обмена профессиональными знаниями, совместного пользования инфраструктурой, необходимой для осуществления инновационного процесса, и вносит вклад в трансфер технологий, кооперацию и распространение информации среди участников кластера [9, с.32–40].

Следует отметить, что рассматриваемый институт является «импортированным», заимствованным из практики стран Запада. С 2008

г. количество кластеров в Российской Федерации растёт достаточно быстрыми темпами, в настоящее время функционирует порядка 200 объединений, которые содержательно возможно отнести к кластерам. Однако на 2018 г. лишь часть из них позиционируется таковыми (в частности, 29 кластеров – в рамках проекта Минэкономразвития России «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня») [10]. При этом на глобальном уровне только один российский инновационный кластер (в г. Москва) вошёл в топ-100 наиболее активных (примерно 52 тыс. научных публикаций и 2 тыс. патентов). По существу не решены ключевые задачи деятельности кластеров в России – массовая, отраслевая разработка инновационных цифровых благ с высокой добавленной стоимостью, их массовое продвижение на рынок. В этой связи возможно сделать вывод о половинчатом действии института инновационных кластеров в Российской Федерации в настоящее время.

С точки зрения институционализма инновационную сеть можно определить как механизм взаимодействия независимых друг от друга участников производства цифровых благ на основе отношения контракта, в рамках которого осуществляется обмен информацией и знаниями, опытом для развития «цифровой» экономики. В основу инновационных сетей положен принцип максимизации эффективности как всей сети, так и отдельных её участников. Важно отметить, что инновационная сеть отличается от иных элементов институциональной инфраструктуры тем, что не ограничена в пространстве и является самоорганизующимся институтом, а партнёрство хозяйствующих субъектов зиждется на их добровольном и активном участии в процессе создания цифровых благ. Как институциональный механизм, она расширяет возможности создания добавленной стоимости в силу того, что облегчает доступ участников сети к необходимым ресурсам и способностям (в частности, стимулирование инноваций, минимизация финансовых рисков, гибкость и оперативность реакции на изменения конъюнктуры). При этом данный механизм предоставляет возможность сокращения издержек участников инновационной сети: благодаря рациональному применению трудовых ресурсов, оптимизации управленческих и производственных процессов участники сети могут уменьшить транзакцион-

ные издержки по сравнению с издержками проведения сделок на рынке, не увеличив при этом трансформационные издержки и не допустив увеличения транзакционных издержек внутри сети.

В современных институциональных исследованиях под цифровыми платформами подразумевают гибридные структуры (организации, системы, технологии), ориентированные на создание ценности путём обеспечения и облегчения прямого взаимодействия и обмена между двумя или несколькими группами внешних пользователей в рамках единой цифровой экосистемы алгоритмизированных отношений [7, р. 20–26; 9, р. 1–6]. В качестве ключевого преимущества цифровых платформ авторы отмечают обеспечение ими возможного уменьшения транзакционных и иных видов издержек в силу включения в функционирование таких платформ современных цифровых технологий, предоставляя возможность более полного использования ресурсов, имеющихся в распоряжении у хозяйствующих субъектов – участников цифровой платформы.

Список литературы

1. Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 147 с.
2. Белуза А. Долина развития. Владимир Путин призвал использовать потенциал МГУ для технологического рывка России // Российская газета, № 14 (7772), 23.01.2019.
3. Бренделёва Е.А. Институциональная среда цифровой экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т.5, № 11. С. 71–76.
4. Бренделёва Е.А. Институциональные проблемы перехода к цифровой экономике // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Сборник докладов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК–2018) / Под общей ред. Бодунова С.Д. Т.2. – СПб.: ИНИР, 2019. С.25–32.
5. Инновационная витрина страны // Официальный сайт НИУ ВШЭ. 13.08.2018. URL: <https://issek.hse.ru/news/222360366.html> (дата обращения 11.05.2019).

6. *Ипатова А.В.* Институты развития и их эволюция в контексте влияния 4-й промышленной революции // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Сборник докладов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК–2018) / Под общей ред. Бодрунова С.Д. Т.2. – СПб.: ИНИР, 2019. С.67–72.

7. *Geliskhanov I.Z., Yudina T.N.* Digital platform: A new economic institution. Quality – Access to Success. 2018, vol. 19, no. S2, P. 20–26.

8. *Munkøe M.M.* Regulating the European Sharing Economy: State of Play and Challenges. Intereconomics, 2017. Vol. 52. №.1. P. 38–44. DOI: URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0641-3> (дата обращения 13.05.2019).

9. *Yudina T.N., Geliskhanov I.Z.* Features of digital platforms functioning in information-digital economy // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Krakow, 2019. Vol. 497. P. 1–6. DOI: 10.1088/1757-899X/497/1/012104.

10. *Норм Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та – высшей школы экономики, 2010. 256 с.

11. Индикаторы цифровой экономики: 2018. URL: <http://www.hse.ru/data/2018/08/20/1154812142/ICE2018.pdf.pdf> (дата обращения 26.02.2019).

12. Doing Business 2017: Equal Opportunity for All. The World Bank/ URL: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2017> (дата обращения 26.02.2019).

глава 4

Наука и образование

в России:

системные противоречия

начала XXI в.

Белокрылова О.С.,

*доктор экономических наук, заслуженный деятель науки
РФ, профессор кафедры экономической теории
экономического факультета ЮФУ*

Институциональные провалы

Болонской реформы российского образования

Аннотация. В статье раскрываются последствия неолиберальной трансформации российской системы высшего образования после присоединения России к процессам Болонских реформ в 2003 г., превративших вузы в предприятия по производству образовательных услуг, а научно-педагогических работников – в представителей «нового опасного класса» – прекариат. В результате система высшего образования РФ стала масштабной зоной институциональных провалов. Сделана попытка в отличие от институциональных ловушек, аномалий, дисфункций определить институциональный провал как непредвиденное следствие институционального проектирования государством новых институтов. Поставлена и решена исследовательская задача выявления сформировавшихся институциональных провалов в сфере высшего образования. Обоснованы направления их локализации.

Ключевые слова: Болонская реформа, институциональные провалы, метрики, бюрократизация, цифровизация, прекариатизация, локализация

Belokrylova O.S.,

*Doctor of Econ. Sc., Honored Scientist of the Russian
Federation, Professor of the Department of Economic Theory,
Southern Federal University*

Institutional Failures of the Bologna Reform of Russian Education

Abstract. The article reveals the consequences of the neoliberal transformation of the Russian higher education system after Russia joined the Bologna reforms in 2003, which turned universities into educational services enterprises, and scientific and pedagogical workers into representatives of the “new dangerous class” – the precariat. As a result, the higher education system of the Russian Federation has become a large-scale zone of institutional failures. In contrast to institutional traps, anomalies, and dysfunctions, an attempt has been made to define institutional failure as an unforeseen consequence of the state’s institutional design of new institutions. The research task of identifying established institutional failures is posed and solved. The directions of their localization are substantiated.

Keywords: Bologna reform, institutional failures, metrics, bureaucratization, digitalization, precariatization, localization

Наиболее радикальная неолиберальная трансформация российской системы высшего образования началась с присоединения России к процессам Болонских реформ (19 сентября 2003 г.), превративших вузы в своего рода предприятия по производству образовательных услуг на базе реализации разработанной Б. Кларком модели предпринимательского университета¹. С середины 2000-х годов была поставлена задача оптимизировать сферу образования и науки. Но поскольку «оптимизация – отнюдь не неизбежный результат эволюции, а всего лишь один из возможных»², то результаты осуществляемого государством институционального проектирования (точнее, европеизации) новой системы высшего образования достаточно далеки как от Болонских идеалов, так и от эффективности российской си-

¹ Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / Пер. с англ. А. Смирнова. – Москва: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2011.

² Маркус Г. Несовершенный человек: Случайность эволюции мозга и ее последствия. Москва: Альпина нон-фикшн, 2011. – С. 21.

системы фундаментального образования XX в.¹ Особую тревогу вызывает катастрофическое сокращение учебного времени на изучение математических дисциплин экономистами, а также сохраняющееся противостояние по поводу степени математизации экономических исследований².

Следует отметить, что и в европейских (например, итальянских) вузах, наряду с «явными доказательствами того, что итальянские университеты со временем стали более эффективными, что соответствует целям ВР (Болонской реформы), но значительное улучшение в основном происходит в начальный период реализации», итальянские ученые приводят «убедительные доказательства постоянных пробелов как на университетском, так и на региональном уровнях. Эти эмпирические результаты устойчивы»³.

Очевидно, что негативные эффекты массовости платного высшего образования 1990-х годов, отсутствие мотивации у выпускников к работе по специальности (по опросам лишь 10 % будущих педагогов Южного федерального университета (ЮФУ, г. Ростов-на-Дону) согласны работать в школе) объективно ставят задачу углубления институциональных исследований системы высшего образования. К тому же четко выявились: неэффективность институциональных

¹ Белокрылова О.С. Трансформация фундаментальности в практикоориентированность образования: эффекты и перспективы // Стратегические ориентиры развития высшей школы: сборник научных трудов участников Национальной научнопрактической конференции / кол. авторов. – Москва: РУСАЙНС, 2019. – С. 247–258.

² Белокрылов К.А. Роль математики в преподавании базовых экономических дисциплин: мнения студентов и рекомендации / К.А. Белокрылов, М.В. Киварина, А.А. Мясников, Е.В. Огурцова // Журнал новой экономической ассоциации. – 2019. – № 3 (42). – С. 116–150.

³ Guccio C. Evaluating the impact of the Bologna Process on the efficiency convergence of Italian universities: a non-parametric frontier approach / C. Guccio, M. F. Martorana, L. Monaco // Journal of Productivity Analysis. – 2016. – Vol. – 45. N 3. P.275–298. – Режим доступа: DOI: 10.1007/s11123-015-0459-6.

изменений, прежде всего, в процессе реализации Болонской реформы; институциональные провалы; новый вызов для России: активная трансформация институтов образования в сторону дистанционности на глобальном уровне в связи с подключением к информационно-коммуникационным инновациям 4-й промышленной революции.

Исходя из того, что образование – это общественно-исторический институт формирования индивида¹, именно институты – формальные и неформальные – детерминируют поведение субъектов системы высшего образования – бюрократии, научно-педагогических работников (НПР), обучающихся. Трансформация институциональной структуры российской системы высшего образования по Болонской кальке в силу «зависимости от траектории предшествующего развития», т.е. действия эффекта «колеи» (концепции path dependence, (в биологии – эффект непредвиденных обстоятельств), согласно которой «то, куда мы движемся сейчас, зависит не только от того, где мы теперь, но также и от того, где мы были раньше. История имеет значение»²), ориентации на бизнес-принцип самоокупаемости³ объективно сформировала многочисленные институциональные провалы.

Как правило, понятие «институциональный провал» предметно-содержательно не дефинируется, хотя присутствует в названиях статей ряда авторов⁴. Институциональный провал, на наш взгляд, – это не

¹ Кутасова Т.Л. Образование как социальный институт / Т.Л. Кутасова, К. Королева // Теория и практика общественного развития. – 2005. – № 2. – С. 24–28.

² Liebowitz S.J., Margolis S.E. Path Dependence / S.J. Liebowitz, S.E. Margolis // Encyclopedia of Law and Economics. Vol. I. The History and Methodology of Law and Economics / B. Bouckaert, G. De Geest (eds.). – Cheltenham: Edward Elgar, 2000. P. 981.

³ Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / Б. Кларк. Пер. с англ. А. Смирнова. – Москва: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2011.

⁴ Guccio C. Evaluating the impact of the Bologna Process on the efficiency convergence of Italian universities: a non-parametric frontier approach / C. Guccio, M.F. Martorana, L. Monaco // Journal of Productivity Analysis. – 2016. – Vol. 45. – № 3. – P. 275–298. – Режим доступа: DOI: 10.1007/s1123-015-0459-6; Заостровцев А.П. см. на след. странице

просто институциональная аномалия¹, неэффективная норма², дисфункция института³, институциональная «ловушка⁴». Как правило, эти понятия негативистской составляющей институциональной теории интегрируют как формальные, так и неформальные системы правил и норм (институтов), в т.ч. эволюционно формирующихся по механизму трансформации первоначально возникающего неформального института в формальный⁵. В отличие от этого объективного процесса, по нашему мнению, институциональный провал – это реализованный неудачный вариант институционального проектирования государством как институциональным инноватором соответствующего института, зачастую, в результате трансплантации институтов (по В. Полтеровичу, их заимствования менее развитой страной из более развитой⁶). На наш взгляд, заимствование принципов Болонской реформа, трансплантация этого института из Европы

см. на предыдущей странице

Россия: институциональный провал / А.П. Заостровцев // Инновационная экономика: реалии и перспективы: научная конференция, Санкт-Петербург, 27 сентября 2011 года: сборник статей / отв. ред. А.В. Бутуханов. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2012. – С. 12–18.

¹ Лаврентьева А.В. Институциональные аномалии макроэкономических систем. / А.В. Лаврентьева Диссертация на соискание ученой степени к.э.н. – Волгоград: ВГУ, 2015.

² Заостровцев А.П. Россия: институциональные провалы против глобальной конкурентоспособности / А.П. Заостровцев // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 1. – С. 45.

³ Miller G. Rational Choice and Dysfunctional Institutions / G. Miller // Governance: An International Journal of Policy and Administration. – 2000. – Vol. 13/ – № 4. – P. P. 536.

⁴ Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? / В.М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 5–16.

⁵ Валевиц Ю. Институциональное равновесие / Ю. Валевиц // Эковест. – 2002. – №2. – С. 278.

⁶ Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. С. 24.

в процессе институционального проектирования стратегии оптимизации российской системы образования, сформировало достаточно масштабные институциональные провалы, наиболее значимыми из которых являются¹: формализация неадекватных сущности образования как творческого процесса профессионализации личности количественных показателей деятельности НПР (метрик) в противовес качественным характеристикам результатов образования; бюрократизация системы образования, основным субъектом которой является личность, не укладывающаяся в прокрустово ложе стандартных норм; цифровизация учебного процесса, выталкивающая НПР из него и из вузов в целом; мутационная трансформация показателей качества образования; прекариатизация НПР; рост интенсивности труда НПР; недобросовестная конкуренция при проведении процедуры выборов на продление трудовых контрактов.

Введение новых библиометрических показателей качества работы НПР (метрик), в частности, наличия статей в международных базах журналов Scopus, Web of Science в противовес качественным характеристикам результатов образования привело к перетеканию бюджетных грантовых средств в зарубежные издания. Второй новой метрикой стал рейтинг НПР, например, ЮФУ. Так, в целом, при недоборе 45 баллов по итогам суммирования различных показателей рейтинга деятельности НПР в течение календарного года сотрудник, как правило, не избирается на вакантную должность. К тому же неадекватность метрик системы индивидуального рейтинга достоверной оценке качества творческой деятельности НПР, например, достаточно высокая оценка совместных статей студентов с преподавателями спровоцировала поднятие рейтинга за счет увеличения числа 3-страничных статей – до 40 статей у одного из НПР ЮФУ. Индексы цитирования, прежде всего, Хирша провоцируют также, во-первых, самоцитирование, а во-вторых, расширение теневого взаимодействия в операторах цифровых платформ. Наконец, контрольные цифры приема, например, набор не менее 25 чел. на уникальную

¹ В.В. Вольчик называет ряд из них институциональными ловушками (Вольчик В.В. Экономика, институты и будущее / В.В. Вольчик // Университетские чтения. – Режим доступа: https://www.sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UCH/N11315/P).

магистерскую программу «Экономика закупок» на экономическом факультете ЮФУ, востребованную госслужащими, с одной стороны, снижает возможности индивидуального подхода к обучающимся, а с другой, обуславливает рост бюджетных средств на платное обучение госслужащих, поскольку их собственных доходов явно недостаточно для этих платежей.

Вторым институциональным провалом Болонского реформирования выступает повышение степени бюрократизации образовательного и управленческого процесса. Так вместо трех доболонских проректоров в Ростовском государственном университете (первый проректор, по науке и учебе) в настоящее время в его правопреемнике – ЮФУ – действуют 7 проректоров с соответствующими сверхвысокими окладами, что провоцирует углубление разрыва в заработной плате университетской бюрократии и среднего состава НПП (доцентов). Кроме того, жестко регламентирован внутренними документами каждый шаг НПП, вследствие чего снижается привлекательность профессии преподавателя, проявляющаяся в катастрофическом сокращении численности российских аспирантов. Наряду с этим увеличение бюрократической нормы соотношения численности преподавателей и студентов с 1:10 до 1:12, а в перспективе и выше обуславливает ежегодное увольнение преподавателей (до 10 человек на экономическом факультете ЮФУ).

Не оправдала своих ожиданий и цифровизация образовательного процесса. Во-первых, она не только не упростила и не ускорила взаимодействия НПП и студентов, а фактически, обуславливает выведение преподавателя из учебного процесса, сокращая нагрузку, а, следовательно, и заработную плату сотрудников университета. Кроме того, увеличилась их занятость вследствие удвоения форм отчетности: к старым журналам учета посещаемости добавилась электронная отчетность (электронная балльно-рейтинговая система оценки знаний студентов – ЭБРС).

Произошла мутантная трансформация показателей качества образования. Основными оценочными показателями стали доля трудоустроенных выпускников (таблица 1) и величина их заработной платы, которая несопоставима по стране, например в гг. Москва и Ростов-на-Дону. Это ориентирует выпускников региональных вузов на массовый отток в столицы.

Таблица 1. Динамика трудоустройства выпускников ЮФУ

Показатель	2015	2016	2017	2018
Пороговое значение показателя по Ростовской области	70	70	65	65
Доля трудоустроенных выпускников ЮФУ	80	75	80	70

Прекариатизация¹ НПР, как формирующийся институциональный провал, лишает научно-преподавательский корпус уверенности в завтрашнем дне, снижает престижность работы в вузе вследствие неопределенности перспектив занятости. Сокращение сроков эффективных контрактов, зачастую, до 1 года обуславливает неустойчивость положения НПР в экономической и социальной системе, превращает ученых и преподавателей в представителей нового класса – прекариата, не имеющих «договора, обеспечивающего гарантии труда в обмен на лояльность государству»².

Рост интенсивности труда вследствие увеличения учебной и административной нагрузки, расширения отчетности, увеличения затрат времени и усилий на ежегодную разработку методического обеспечения учебного процесса (рабочая программа дисциплины «Макроэкономика» для бакалавриата экономического факультета ЮФУ составляет 41 страницу, которые студенты, конечно, не читают), внедрение новых формализованных стандартов, с 2020г. 3+ +, ограничивающее возможности повышения качества преподавания, научных исследований, саморазвития НПР, также, на наш взгляд, следует отнести к институциональным провалам, поскольку эта нормативная ориентация становится массовой практикой бюрократического менеджмента вузов.

Наконец, принципиально новой, не соответствующей коллективистской сущности НПР становится такая, фактически, уже массовая

¹ Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс / Г. Стэндинг. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014; Вольчик В. В. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений / В. В. Вольчик, О. Ю. Посухова // Journal of Economic Regulation. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 159–173.

² Стэндинг Г. Прекариат – новый опасный класс / Г. Стэндинг. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. – С. 23.

практика, как недобросовестная конкуренция при проведении процедуры выборов на продление трудовых контрактов. Это позволяет отнести ее к институциональным провалам, поскольку приводит к вытеснению из вузов достаточно эффективных, но неудобных преподавателей.

Проведенное исследование позволяет предложить следующие направления локализации выделенных институциональных провалов в высшей школе: делиберализация системы образования; восстановление соотношения студентов и преподавателей на уровне 10:1; увеличение длительности трудовых контрактов до 6 лет; превращение пожизненных контрактов НПП из уникальных случаев в массовую практику, например, после 60 лет; снижение учебной нагрузки до «советских» 550 час.; обязательное бесплатное повышение квалификации преподавателей в ведущих вузах (до полугода) по аналогии с советскими ИПК; обеспечение добросовестной конкуренции на конкурсах на основе предотвращения манипулирования путем постановки очередности кандидатур НПП на голосование, присутствия общественных контролеров на заседании Ученых советов, введения института апелляции при несогласии кандидата с вынесенным решением.

Таким образом, масштабность институциональных провалов в сфере образования и науки, тормозящая их развитие и обусловившая утрату важнейшего преимущества российского в целом и экономического образования – фундаментальности, требует разработки и реализации срочных мер. Надежду на то, что неизбежная локализация выявленных институциональных провалов наконец, начнется, вселяет недавняя отставка правительства РФ и смена министров просвещения и образования и науки.

Список литературы

1. Белокрылов К.А. Роль математики в преподавании базовых экономических дисциплин: мнения студентов и рекомендации / К.А. Белокрылов, Киварина, А.А. Мясников, Е.В. Огурцова // Журнал новой экономической ассоциации. – 2019. – № 3 (42). – С. 116–150.

2. Белокрылова О.С. Трансформация фундаментальности в практикоориентированность образования: эффекты и перспективы / О.С. Бе-

локрылова // Стратегические ориентиры развития высшей школы: сборник научных трудов участников Национальной научно-практической конференции / кол. авторов. – Москва: РУСАЙНС, 2019. – С. 247–258.

3. *Валевич Ю.* Институциональное равновесие / Ю. Валевич // Эковест. – 2002. – №2. – С. 276–300.

4. *Вольчик В.В.* Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений / В.В. Вольчик, О.Ю. Посухова // Journal of Economic Regulation. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 159–173.

5. *Вольчик В.В.* Экономика, институты и будущее / В.В. Вольчик // Университетские чтения. – Режим доступа: https://www.sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=UCH/N11315/P.

6. *Заостровцев А.П.* Россия: институциональный провал / А.П. Заостровцев // Инновационная экономика: реалии и перспективы: научная конференция, Санкт-Петербург, 27 сентября 2011 года: сборник статей / отв. ред. А.В. Бутуханов. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2012. – С. 12–18.

7. *Заостровцев А.П.* Россия: институциональные провалы против глобальной конкурентоспособности / А.П. Заостровцев // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 1. – С. 40–47.

8. *Кларк Б.П.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / Кларк / Пер. с англ. А. Смирнова. – Москва: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2011. – 240 с.

9. *Кутасова Т.Л.* Образование как социальный институт / Т.Л. Кутасова, К. Королева // Теория и практика общественного развития. – 2005. – № 2. – С. 24–28.

10. *Маркус Г.* Несовершенный человек: Случайность эволюции мозга и ее последствия / М. Маркус. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2011. – 255 с.

11. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки: есть ли выход? / В.М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2004 – № 3. – С. 5–16.

12. *Стэндинг Г.* Прекариат – новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

13. *Guccio C.* Evaluating the impact of the Bologna Process on the efficiency convergence of Italian universities: a non-parametric frontier approach / C. Guccio, M.F. Martorana, L. Monaco // Journal of Producti-

vity Analysis. – 2016. – Vol. 45. – N 3. – P. 275–298. – Режим доступа: DOI: 10.1007/s11123-015-0459-6.

14. *Liebowitz S. J.* Path Dependence / S. J. Liebowitz, S. E. Margolis // Encyclopedia of Law and Economics. Vol. I. The History and Methodology of Law and Economics / B. Bouckaert, G. De Geest (eds.). – Cheltenham: Edward Elgar, 2000. – P. 981–998.

15. *Miller G.* Rational Choice and Dysfunctional Institutions / G. Miller // Governance: An International Journal of Policy and Administration. – 2000. – Vol. 13. – N° 4. – P. 535–547.

Казанцева Д.Б.,

*кандидат психологических наук,
докторант Южного федерального университета*

**Изменяющаяся социальная реальность
и трансформация духовно-нравственного
потенциала личности россиян**

Аннотация. В статье раскрываются особенности цивилизации россиян, определяемые ценностями и нормами, правовыми и государственными формами. Показывается, что конкретно исторический этап развития трансформирует личность, ее тип, специфику ее ценностей, особенности менталитета (национальную идентичность), образ жизни и пр. Однако именно обострение цивилизационных противоречий увеличивает стремление личности к самореализации, как точке опоры в системе хаоса и показывает необходимость применения критериев как универсумального (метасистемного), так и цивилизационного подходов.

Ключевые слова: цивилизации, ценности, личность, менталитет, идентичность, традиции, духовность, нравственность, потенциал, самореализация

Kazantseva D.B.,

*Candidate of Psych. Sc., doctoral candidate
of the Southern Federal University*

**Changing Social Reality and the Transformation
of the Potential of the Personality of Russians**

Abstract. The article reveals the features of the civilization of Russians, determined by values and norms, legal and state forms. It is

shown that the particular historical stage of development transforms the personality, its type, the specifics of its values, mentality (national identity), lifestyle, etc. However, it is the aggravation of civilizational contradictions that increases the individual's desire for self-realization, as a fulcrum in the chaos system and shows the need application of the criteria of both the universal (metasystem) and civilizational approaches.

Keywords: civilizations, values, personality, mentality, identity, traditions, spirituality, morality, potential, self-realization

Цивилизации имеют свои особенности, определяемые ценностями и нормами, правовыми и государственными формами¹. Внутри одной цивилизации различаются исторические эпохи, политические режимы, социальные структуры, способы производства, формы собственности, одобряемые образы жизни². Культурные, экономические и политические особенности конкретного исторического этапа, оказывая влияние на личность, придают ей особые черты. Специфику этапа определяет доминирующий социальный фактор, влияющий на тип личности, его содержательные характеристики, определенный набор ценностей, при перемене содержания достигая критической точки и меняя социальный тип личности³. Влияние исторического периода на трансформацию личности, ее типа, специфику ее ценностей позволяет рассматривать происходящие в ней изменения через призму изменений сущности цивилизационных основ страны, особенностей менталитета (национальной идентичности), традиционного образа жизни, базовых ценностей, доминирующего социального фактора и др.

В советский и постсоветский периоды, несмотря на изменение вектора трансформационных процессов и многочисленные культурологические изменения, прослеживается единое, целостное, нераз-

¹ Тойнби А. Ж. Постигание истории. – Москва: Академический проект, 2019.

² Белл А. Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль. – М., 1990.

³ Архипенко С.И. Трансформация социального типа в России: автореф. дис. канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 17–25.

рывное, а именно сохранение: цивилизационных базовых оснований; менталитета народа; традиций, базирующихся на духовном, мировоззренческом и пространственном единстве национальной культуры и психологической структуре национального характера; традиционно одобряемых духовно-нравственных ценностей. Сохраняются культурологические взаимосвязи этапов, независимо от специфической трансформации ценностных основ и нравственности. В потенциале личности присутствуют ментальные черты и духовно-нравственные основания развития славянского культурно-исторического типа, не претерпевшие принципиальных изменений.

При этом, по мнению исследователей, в России Советского периода верность исторически традиционному образу жизни сохранялась через «обращение к архаическим формам мышления и активизацию общинных форм поведения»¹, преломление духовных оснований через идеологизацию всех сторон жизни. Явно прослеживалась параллель ценностной системы коммунистической идеологии и христианской². Основополагающие духовные принципы, взятые из религиозной жизни страны дореволюционного периода, легли в основу светской жизни новой социалистической страны. Можно констатировать, что содержание как универсалий духовно-нравственного потенциала самореализации личности, так и детерминант развития личности советского и постсоветского периодов оставались неизменными.

В постсоветский период, в условиях смены цивилизационных оснований и нарастающей социальной поляризации произошло изменение содержания универсалий духовно-нравственного потенциала самореализации личности, и общества, что привело к нарастанию напряженности. Субъект всегда имеет внешние ограничения в виде системы универсальных трансцендентных ценностей для гармонизации своего бытия в мире. Однако, субъективирующиеся духовные ценности, принципы и нормы, являющиеся метафизическим основанием духовно-нравственного потенциала самореализации личности, усиливающие мотивы и побуждающие к работе над собой, в постсоветский период перестали становиться развернутой програм-

¹ Там же.

² Бердяев Н. Судьба России. – М., Мысль, 1991. – 205 с.

мой совершенствования личности, привязанной к определенному человеческому бытию. Единое исторически геополитическое пространство России подверглось невещественному влиянию другой цивилизации, что способствовало перерождению потенциала.

Влияние особого типа цивилизационного и культурного развития со своей цивилизационной идентичностью сказалось на всех сферах жизни общества и особенно на гражданских сферах, отвечающих за формирование потенциала личности. Цивилизационная альтернатива нарушила духовное пространство страны, духовные основы национальных культур, вектор стремления к духовному идеалу, актуализировав во всех сферах бытия и сознании личности утилитарные, потребительские ценности и идеалы потребительского общества. Нарушился баланс духовных и материальных систем ценностей. Возникло противоречие соотношения духовных традиционных ценностей личности и ценностей современного мира. Человек стал носителем двух систем ценностей: отечественной – с идеалами самоограничения, самоотдачи, справедливости, общинности, соборности, веры в государство и западной – с ценностями наживы, прибыли, частного интереса, индивидуализма (Кулахметова Р.Ф.).

Эти изменения повлияли на поведение человека, став причиной и следствием проявляющихся массовых поведенческих трансформаций. Изменчивость субъективных ценностей и смысловых предпочтений стало следствием объективной реальности того процесса жизни индивида и окружающей среды, в которой система ценностей явилась их отражением (Дж. Келли, К. Левин). Можно констатировать, что эволюция направленности личности на разные системы ценностей, подкрепленная регулятивами – новыми нормами морали и права иной цивилизации, стала той детерминантой, обуславливающей формирование другого прозападного типа личности с иным уровнем ценностного развития. В России стали складываться неоднозначные условия формирования новых типов личности, слабо связанных с национальным менталитетом.

Произошедшее столкновение разных цивилизационных структур, с одновременным столкновением цивилизационных и религиозных структур, запустило трансформационные процессы во всех сферах общества. Это стало нарушать социокультурную идентичность, усложнять духовную идентификацию народа, вытеснять мен-

тальные черты русского характера в бессознательное поле. По результатам исследований¹ стала характеризоваться своей несформированностью и традиционная ценностная система у подрастающего поколения россиян. Стала теряться связь и привязанность как к ранее принятым и стабильным общностям, так и к сущностным основам своей цивилизации. Личность ушла от функциональной конкретики социальных ролей и ситуативно-временных черт характера.

Объединение обозначенного и осмысление в социально-философском аспекте позволяет отметить тот факт, что именно обострение цивилизационных противоречий заставляет личность и общество стремиться к самореализации, как точке опоры в системе хаоса, а для этого самоопределиться, выводя самоопределение на новый принципиальный уровень, требующий применения критериев как универсального (метасистемного), так и цивилизационного подходов. При этом, положительным является то, что современное российское общество, как и общество советское еще продолжает опираться на традиционный цивилизационный потенциал, показавший свою устойчивость на разных исторических этапах развития. Сохранение сущностных основ обеспечивает сохранность нормативно-ценностной базы самореализации духовно-нравственного потенциала личности, его возможного перспективного поэтапного раскрытия. Возрождение России как сильной державы возможно через цивилизационную, общественную и личностную потенциализацию. Минимизация труднопрогнозируемых явлений развития современного общества возможна при смене социального типа личности.

¹ Казанцева Д.Б., Климова Е.К., Чернышева Т.Е. Ценности личности в российском обществе в XX – XXI веках: сравнительный анализ / Д.Б. Казанцева, Е.К. Климова, Т.Е. Чернышева // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 9–19; Казанцева Д.Б., Климова Е.К. Развитие российской идентичности как фактор возрождения русской культуры // Возрождение производства, науки и образования: вызовы и решения / под ред. Яковлевой Н.Г. – М.: Культурная революция. – 2015. – С. –189–194.

Список литературы

1. Архипенко С.И. Трансформация социального типа в России: автореф. дис. ... канд. илософ. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 17–25.
2. Белл А. Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль. – М., 1990.
3. Бердяев Н. Судьба России. – Москва: Мысль, 1991. – 205 с.
4. Казанцева Д.Б., Климова Е.К., Чернышева Т.Е. Ценности личности в российском обществе в XX – XXI веках: сравнительный анализ // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 9–19.
5. Казанцева Д.Б., Климова Е.К. Развитие российской идентичности как фактор возрождения русской культуры // Возрождение производства, науки и образования: вызовы и решения / под ред. Яковлевой Н.Г. – Москва: Культурная революция. – 2015.
6. Тойнби А. Постигжение истории. – М.: Академический проект, 2019.

Катаргин Н.В.,

*кандидат физико-математических наук, доцент
Департамента анализа данных, принятия решений и
финансовых технологий Финансового университета при
Правительстве РФ*

Теоретические основы и практика бюрократизации науки и образования в России

Аннотация. Рассмотрено моделирование социально-экономических систем с использованием таких понятий, как многомерное фазовое пространство и открытые системы с убывающей энтропией. Максимальное количество информации в системах и их стоимость достигаются при энтропии между хаосом и полной упорядоченностью. Бюрократизация требует затрат, но уменьшает стоимость системы.

Ключевые слова: многомерное пространство, энтропия, устойчивость системы, реформы науки и образования

Katargin N. V.,

*Candidate of Phys. And Math. Sc., Associate professor
of the Department of data analysis, decision-making
and financial technologies of the Financial University
under the Government of the Russian Federation*

Theoretical Foundations and Practice of Bureaucratization of Science and Education in Russia

Abstract. Modeling of socio-economic systems using such concepts as multidimensional phase space and open systems with decreasing entropy is considered. The maximum amount of information in systems

and their cost are achieved at the entropy between chaos and complete orderliness. Bureaucratization requires costs, but reduces the cost of the system.

Keywords: multidimensional space, entropy, stability of a system, reforms of science and education

Теоретические основы оценки стоимости системы

1. Развитие социально-экономических объектов можно рассматривать как движение точек (концов векторов) в многомерном пространстве по траекториям, которые могут быть плавными и предсказуемыми, а могут в течение короткого времени резко меняться (бифуркация, катастрофа). Оценку «мощности» и устойчивости социальной структуры (государства, предприятия, армии и их составных частей) можно проводить по большому набору показателей (координат конца вектора) в информационно-геометрическом фазовом пространстве или же свернуть до четырех показателей:

– физическая масса (m), включающая в себя массу (количество) людей, животных, растений, продуктов питания, массу продуктов труда (машины, сооружения) и массу энергоносителей;

– объем информации, накопленной в структуре (I): научные знания, степень социальной упорядоченности (политическая культура, идеология), образование, уровень технологий (в частности – вооружения). Религию, традиции, культуру можно считать компонентами идеологии. Мы используем два подхода к пониманию сущности и роли информации:

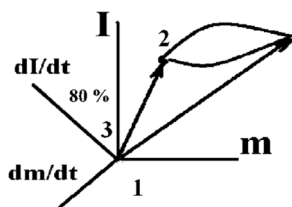
1) Затраты на создание и обработку информации (наука, образование, дизайн, культура) и стоимость произведённой информационной продукции. 2) Технический подход, основанный на изменении энтропии.

– скорость производства и перемещения компонент физической массы (dm/dt), скорость и адекватность обработки информации (dI/dt).

Все указанные показатели целесообразно оценивать в унифицированных единицах – деньгах. Таким образом, денежная единица является единицей измерения в многомерном пространстве с осями

координат $m, I, dm/dt, dI/dt$. Изменение параметров системы можно представить как движение по траектории в этом пространстве: рис. 1.

Рис. 1. Многомерное пространство
с осями координат $m, I, dm/dt, dI/dt$.

«Мощность» системы можно оценить по формуле, аналогичной известной формуле Кобба-Дугласа

$$Y = m^{\alpha_1} I^{\alpha_2} (dm/dt)^{\alpha_3} (dI/dt)^{\alpha_4} \quad (1)$$

где $\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3, \alpha_4$ характеризуют значимость факторов (эластичности), и если их сумма равна единице, то Y также имеет размерность денег. Если $dm/dt = 0$ или $dI/dt = 0$, т.е. предприятие ничего не производит и не совершенствуется, то оно ничего не стоит или скоро обесценится.

Постиндустриальное общество характеризуется тем, что 80% работающих не производят материальные ценности своими руками, а создают и обрабатывают информацию, и фазовый объем $I, dI/dt$ можно оценить в 80%. Соответственно, экономика, борьба между государствами, а также преступность перемещаются из материальной сферы в информационное пространство. Считается, что государства низшей категории торгуют сырьем и металлами (Зона 1 на Рис. 1), они всегда будут бедны из-за малого фазового объема, более высокой – развивают наукоемкую промышленность (Зона 2), а страны высшей категории (точнее – их элита) создают символы, образы и финансово-экономические модели, воздействующие на другие народы и позволяющие безнаказанно их грабить (Зона 3). Пример такого символа – доллар США, сохраняющий свою устойчивость и привлекательность, несмотря на огромный долг США и вливание необеспеченных триллионов долларов. В классической равновесной эконо-

мике такое невозможно. Для этого США необходимо поддерживать нестабильность в мире, а нестабильность гораздо проще создавать в информационном пространстве, где нет инерции и аддитивности. Удары по неподчиняющимся странам можно наносить эффективно и безнаказанно, понижая их информационную стоимость через уничтожение науки, образования, культуры. В США Santa Fe Institute изучает поведение различных неравновесных систем для теоретического обоснования информационных и обычных войн и революций.

2. Количество информации можно оценить, используя теорию вероятностей и понятие об энтропии. Энтропия системы из N одинаковых элементов, каждый из которых обладает k степенями свободы, равна

$$S = - \sum_{i=1}^N p_i \text{Log}_k p_i$$

где p_i – вероятность обнаружения элемента в определенном состоянии.

Для русского алфавита $k = 33$, для набора монет и азбуки Морзе $k = 2$. Для абсолютно упорядоченной системы (все монеты лежат орлами вверх) вероятность обнаружения каждой монеты орлом вверх равна 1, логарифм единицы равен нулю, и энтропия такой системы равна нулю. Информация, содержащаяся в такой системе, равна одному биту. Если все монеты хаотично перемешать, то вероятность обнаружения каждой монеты орлом вверх равна $1/2$, энтропия системы при этом максимальна, и никакой информации такая система не содержит. Создатель теории информации Клод Шеннон показал, что система содержит максимум информации, если ее энтропия равна примерно половине энтропии хаоса, а приращение информации равно убыванию энтропии: $\Delta I = -\Delta S$ при $S > 0,5S_{\max}$ (Рис. 2). В современной теории систем, в том числе управленческих, считается, что излишний порядок (приближение энтропии к 0) приводит к потере информации и ухудшению управляемости и жизнеспособности системы (1). Объект становится информационно-насыщенным, если вероятность угадывания состояний его элементов $1/k < p_i < 1$, т.е. о его состоянии мы можем сделать некоторые предположения, но не знаем абсолютно точно. Пример: осмысленный текст.

Введём концепцию *G-объекта* и *G-процесса*, *D-объекта* и *D-процесса*. Процессы, способствующие возникновению и развитию объектов с высоким содержанием энергии и/или информации, а в неживой природе – с низкой энтропией назовём *G-процессами*, в противном случае – *D-процессами*. Назовём совокупность всех программ и данных (software), хранящихся на всех природных и технических носителях и поддерживающих *G-процессы* в биосфере и социальной сфере, *G-объектом*, в противном случае – *D-объектом*. Рис. 2 иллюстрирует соотношение энтропии и информации в неживых, биосферных и социальных системах. Социальную значимость или полезность Y можно оценивать в деньгах (M). Стрелки показывают направление *G-процессов* и возрастания стоимости объектов M .

Рис. 2. Энтропия, информация и стоимость объектов в неживых, биологических и социальных системах

В правой части рисунка показано соотношение стоимости, энтропии и информации в биосферных и социальных системах.

Зона 1: при абсолютном хаосе энтропия максимальна, информация равна нулю. Пример: разбитая и разбежавшаяся армия. Оценка такой системы обществом – нулевая или отрицательная. В зоне 1 убыванию энтропии соответствует рост информации и стоимости системы.

Зона 2 соответствует максимуму информации в системе, но энтропия не равна нулю, значит, идеального порядка нет, остаётся частичный хаос, то есть свобода выбора. Зона 2 соответствует диким

экосистемам, которые стремятся к максимальной биомассе и разнообразию, в социальных системах – демократии, свободному рынку и динамической эффективности, которую реализуют свободные, но упорядоченные законом и моралью акторы (см. формулу 1).

Зона 3: При идеальном порядке энтропия равна нулю, но информация при этом равна 1 бит, то есть почти ноль. Пример: тюрьма, которая действует только в интересах собственного порядка, требует ресурсы, но ничего не создаёт. В зоне 3 убыванию энтропии соответствует убывание информации и стоимости системы. В соответствии со вторым законом термодинамики, для обеспечения убывания энтропии требуются затраты энергии и/или других ресурсов из внешней среды, то есть это невыгодно вдвойне. Зона 3 в социальной сфере – это зона монополий, преступных сговоров, бюрократии, коррупции и жёсткого планирования экономики. В микроэкономике зона 3 соответствует жёсткой иерархической системе управления, что признано невыгодным.

Зона 4: неживая природа, в которой информация отсутствует, но можно использовать понятия энтропии и стоимости. Объекты с низкой энтропией и высокой свободной энергией, возникающие за счёт диссипации большого количества энергии, поступающей от Солнца или из глубин Земли, обеспечивают биосферу и людей ресурсами энергии (ветер, падающая вода, дрова, уголь, нефть, газ) и чистыми веществами: пресная вода, руды, золото. Социальная значимость этих объектов, оцениваемая в деньгах (M), растёт по мере убывания энтропии, G -процессы направлены сверху вниз, D -процессы направлены снизу вверх: создание свалок, уничтожение лесов, животных, рыбы. Стоимость особо чистых редких металлов с нулевой энтропией особенно велика, и они являются эталонами стоимости объектов неживой и живой природы, в том числе овеществлённых и информационных продуктов труда людей.

3. Предприятия, НИИ и вузы, готовящие для них кадры, можно рассматривать как открытые самоорганизующиеся многокомпонентные системы, преобразующие потоки вещества, энергии и информации и повышающие их стоимость. Россия – система, состоящая из многих подсистем: люди, природные ресурсы, техника, информация. Система должна обеспечить их взаимодействие с целью максимизации объёма материальных и информационных объектов, скорости их

изменения, и на этой основе – выживание (гомеостазис). Подсистемы могут развиваться, отбирая ресурсы у других подсистем (нефть, газ, лес, рыбу у природы), и это оправдано, если ценность системы в целом возрастает. Подсистемы и элементы, которые только расходуют ресурсы, подобны раковой опухоли и убивают систему. Если подсистемы работают сообща, возникает синергетический эффект, и потенциал системы многократно возрастает: СССР во время и после войны, Япония и Южная Корея в 1950-е. Если подсистемы разобщены, их потенциалы суммируются. Если подсистемы враждуют, потенциал системы равен разности потенциалов подсистем (1).

*Практика бюрократизации науки и образования
в России*

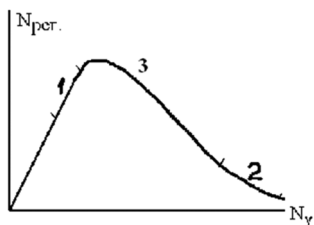
1. «В России 40 ведомств занимаются контролем, 10000 организаций, часто коррумпированных, осуществляющих давление на бизнес. Во всём мире переходят на рискоориентированный контроль, хотя мало кто понимает, что это такое. Требуется понятные результаты контроля». (Д.А. Медведев, 19.10.16, на заседании Правительства РФ). «Самым основным злом, дезорганизирующим органы управления, является отчётный, справочный, бухгалтерский, статистический, контрольный потоп. Доклады, доклады. Отчёты, отчёты. Цифры, таблицы, бесконечный ряд цифр. А людей, знающих дело, нет. Нет при этой системе времени изучить вопрос. Знают дело не люди, а справки, доклады. Пишутся горы бумаг, читать их никому, и нет физической возможности» (Ф.Э. Дзержинский, 27 марта 1925 г.).

Объём «упорядочивания» и контроля в НИИ, вузах и экономике последние 10 лет стремительно нарастает. В некоторых вузах число не-преподавателей в полтора раза превышает число преподавателей. В России на образование тратится 4% ВВП, но и эти деньги до преподавателей не доходят, а поглощаются бюрократией, изобретающей безграмотные «реформы» и «инновации». Последний перл – внедрение в вузах программы «Галактика» для контроля преподавателей. Интересно, сколько денег на неё потрачено, и сколько нехороших слов про неё говорят и скажут... Если огромные ресурсы тратятся на контроль, отчётность и обеспечение идеального порядка, то вуз, за-

вод или НИИ превращается в аналог тюрьмы, а в тюрьме невозможно создать высокотехнологичную продукцию.

2. Нарастающее отставание науки и образования России от других стран, дефицит инженеров, учёных, а с недавнего времени учителей и врачей вынудили чиновников «принять меры». Резко возросла и растёт нагрузка на школьников, студентов, научных сотрудников и преподавателей, но это привело к обратным результатам. Студенты и школьники научились быстро заучивать, сдавать и забывать, освобождая память для новой порции информации. Преподаватели и научные сотрудники вынуждены печатать за свои деньги (в идеале за казённые премиальные) в иностранных журналах, 1,5–2 п.л. (5 статей) Scopus или WoS в год. Раньше это называлось «измена Родине в форме шпионажа», а теперь – обязательное условие переподготовки преподавателей и научных сотрудников. Идёт гонка, но количество знаний, которые человек способен усвоить за единицу времени, ограничено, и процесс обучения или научной работы в данном случае напоминает работу счетчика ионизирующего излучения, одна из основных характеристик которого – «мертвое время», в течение которого счетчик регистрирует частицу, а если приходит другая, то она не регистрируется, но мертвое время затягивается. Кривая результативности обучения при этом должна напоминать хорошо известную физикам кривую эффективности регистрации частиц радиации в зависимости от их интенсивности, представленную на Рисунке 3. Наука и образование работают в диапазоне 2, т.е. неэффективно и со снижением эффективности при увеличении нагрузки, а не в диапазоне 1, где усваивается значительная часть учебного материала и достигается наибольшая результативность в науке.

Рис. 3. Зависимость количества зарегистрированных частиц $N_{\text{рег.}}$ от их потока N_{γ}

3. Болонская система была навязана России США через МВФ и разные фонды с целью уничтожения образования. По инерции преподаватели в школах и вузах продолжают учить, а не «оказывать образовательные услуги», как было положено по закону об образовании 2012 года, но в новой редакции отсутствует!!! (2). Но инерция чиновников, а также соглашение с ВТО об «услугах» остались, и скоро таких преподавателей выгонят по возрасту или потому, что не печатают каждый год статьи о своих открытиях в иностранных журналах. Болонская система была в СССР: были техникумы, готовившие аналоги нынешних западных бакалавров (с практической направленностью), и вузы, выпускавшие аналоги магистров. Под вывеской Болонской системы расцвела бюрократия, а принудительное внедрение информационных технологий и тестов вместо помощи студентам и преподавателям превращает вузы в подобие фабрики в фильме Чарли Чаплина «Новые времена»: то ему машина железяки в рот засовывает, то он гайки на конвейере крутит, то его прокатывает между зубчатых колёс...

4. Выход: выгнать из министерств, вузов, НИИ и предприятий непрофессионалов, дать ресурсы специалистам и строго спрашивать за результаты, причём не с ООО, а с конкретных людей. Пора вспомнить опыт СССР, когда отраслями и предприятиями руководили специалисты, а не социологи и торговцы. Выгнать из Минобрнауки и его «центров» чиновников и «методистов», которые проводили живодёрские «реформы». Чиновник должен помогать вузам и НИИ, а не давить их. Вся власть в вузах – учёным советам, деканам, зав. кафедрами. Аппарат должен обеспечивать поддержку науки и образования: административную, техническую, юридическую, финансовую; искать и оформлять научные заказы, минимизировать отчётность преподавателей, создавать им комфортные условия для работы, а не наоборот.

5. Есть логистика – как правильно сделать, и есть политика – согласование интересов группировок, обладающих деньгами и властью. Конечно, социологи, торговцы и прочие либералы, дорвавшиеся до вершин власти и богатства, не хотят их лишиться. Безусловно, спецслужбы США обеспечивают им поддержку, Но убрать их надо, иначе наука, образование, экономика, ОПК не смогут обеспечить существование России.

Список литературы

1. *Прангишвили И.В. Энтропийные и другие системные закономерности* / И.В. Прангишвили. – Москва: Наука – 2003, – 432 с.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступил в силу с 01.01.2020 г.)

Когут М.Т.,

кандидат исторических наук, доцент

Омского государственного технического университета

**Поиски стратегии планирования образования
в современной России**

Аннотация. В статье раскрываются на основе сочетания макроисторических и микроисторических методов сложнейшие проблемы поиска и выработки курса стратегического планирования развития образования в России Комитетом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по образованию и науке, Российской академией образования, министерством образования и науки Российской Федерации, направленного на повышение качества общего образования, во имя воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности, способной осуществить модернизацию страны в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: Российская Федерация, 1991, история образования, руководство и управление образованием, национальный проект

Kogut M.T.,

Candidate of Hist. Sc., Assistant professor

Omsk State Technical University.

**The Search for Educational Planning Strategies
in Modern Russia**

Abstract. Based on a combination of macrohistorical and microhistorical methods, the article reveals the most complex problems of searching and developing a strategic planning course for the development of education in Russia by the Committee for Education and Science of the

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Russian Academy of Education, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, aimed at improving the quality of general education, in the name of educating a harmoniously developed and socially responsible person, capable of realizing modernization of the country in a globalizing world.

Keywords: Russian Federation, 1991, history of education, management in area of education, national project

В современном мире так стремительно меняется рынок труда, что трудно представить, к чему готовить выпускников школ и вузов. Комитет Государственной Думы по образованию и науке Федерального Собрания Российской Федерации поставил невыполнимую задачу: рассмотреть вопрос о стратегическом планировании образования в России и провел соответствующие парламентские слушания в ноябре 2017 г. Поиск стратегических решений продолжается, поэтому актуальность проблемы не вызывает сомнений. О новизне работы свидетельствует отсутствие исследований документов данных слушаний, есть только частичная публикация стенограммы (2). Основным источником стала стенограмма слушаний, размещенная на сайте Государственной Думы (3). Некоторые материалы нашли отражение в телевизионной программе М. Когут «Образование для всех. О стратегии планирования развития образования» (1).

В настоящей статье на основе сочетания макроисторических (компаративного, системного и структурного с использованием синергетических приемов анализов) и микроисторических методов исследования текстов документов делается попытка рассмотреть поиск стратегии планирования развития образования в последние годы (2017–2018). Для этого проанализирована дискуссия на парламентских слушаниях, проведенных Комитетом Государственной Думы по образованию и науке (3).

Задачу разработки стратегического планирования развития образования поставил федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В настоящее время такого плана до сих пор нет.

Президент В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2017 г. поставил вопросы стратегии развития

страны и стратегии развития образования. Если говорить о стратегии развития страны, ключевой вопрос – прорывное развитие России. Президент признал, что главный наш враг это не внешние силы, а наша собственная отсталость, которая угрожает потерей суверенитета. И это вопрос военной безопасности, которая тоже связана с образованием, поскольку без образованных инженеров и рабочих, без соответствующего уровня науки, которая базируется на образовании никакого современного оружия создать невозможно.

Общую постановку задачи перед депутатами поставил во вступительном слове председатель Комитета по образованию и науке В.А. Никонов. Система образования очень медленно готовит специалистов, для подготовки специалиста со средним специальным образованием надо 17 лет, а с высшим образованием нужно 19 лет. Современные изменения дадут эффект только к 2030-м гг. При этом трудно представить, как изменится рынок труда к этому времени. Существуют прогнозы, что будут исчезать массовые профессии. Сейчас в России самой массовой является профессия «продавец». На втором месте профессия «водитель». Но и та и другая профессии не готовятся в традиционной системе образования, хотя эту подготовку частично осуществляют колледжи. Однако в США их скоро заменит искусственный интеллект. В.А. Никонов отметил:

«Искусственный интеллект – это явно междисциплинарная вещь, которую невозможно осваивать только физикам, химикам, математикам и так далее. Искусственный интеллект – это, ясно совершенно, новая специальность, по которой должны быть специалисты.

... 3D-технологии – это отдельное совершенно направление знаний, к которому надо готовить» (3, с. 4).

Глобализирующийся мир и ставит задачи планирования развития системы образования и науки.

Видение проблемы стратегического планирования развития образования Министерством образования и науки Российской Федерации раскрыла первый заместитель министра В.В. Переверзева. Она показала как новая редакция программы «Развитие образования» (12 октября 2017 г.) решает эти вопросы:

«Госпрограмма теперь состоит из двух разделов: проектного и процессного. В состав проектного раздела включены все приоритетные проекты, реализуемые министерством, ведомственные проекты.

В процессную часть – основная часть мероприятий обеспечивающих государственные гарантии по федеральным полномочиям.

В текущем году министерством запущены шесть приоритетных проектов по строительству новых школ, развитию системы дополнительного образования детей, развитию среднего профессионального образования, поддержке высшего образования, развитию электронных форм обучения, экспорту российского образования. Они и стали ядром проектной части новой пилотной государственной программы. Да практически все проекты – это решение для развития условий, обеспечивающих повышение качества отечественного образования (3, с. 8–9)».

Ключевыми проблемами развития образования занимается Российская академия образования. В 2017 г. председатель РАО, президент Санкт-Петербургского государственного университета Л.А. Вербицкая выразила озабоченность о том, что современные школьники мало читают, смотрят в компьютеры, не видят текста, не читают книги:

«Качество преподавания – это действительно одна из очень трудных проблем нашей системы. И, конечно, нам нужно думать о том, что мы должны связаться с планированием развития экономических систем и думать о том, что должно быть дальше» (3, с. 37–38).

Любые проблемы образования тесно связаны с языком: «... мы должны, безусловно, сделать так, – сказала Л.А. Вербицкая, – чтобы русский язык был родным, и вместе с тем, чтобы национальные языки тоже были родными» (3, с. 38).

В эксклюзивном интервью телевизионной программе М. Когут «Образование для всех» Л.А. Вербицкая рассказала об основных проблемах научных исследований Российской академии образования (1).

Сегодня в академии действуют более десяти институтов, которые работают над разными проблемами. «Институт коррекционной педагогики РАО» во главе с вице-президентом академии Н.Н. Малофеевым является единственным в России, который работает на самом высоком уровне. Н.Н. Малофеев предложил новые методики работы с глухими детьми. Есть примеры, когда прооперированные дети при глухоте, используя его методики, дают великолепные результаты по восприятию окружающего мира в речи людей.

Поиск в области методологии инновационного образования, методологии сравнительного исследования инновационных образова-

тельных пространств, исследований педагогических условий гуманизации обучения ведет «Институт стратегии развития образования РАО» во главе С.В. Ивановой. Большая работа ею делается по защитах докторских и кандидатских диссертаций. С.В. Иванова всегда остается «на острие ножа».

«Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования» много делает для того, чтобы развивать художественное творчество.

С.С. Неустроев, директор ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования» ведет постоянный поиск новых форм управления образованием.

Руководитель Института возрастной физиологии Российской академии образования **М.М. Безруких** исследует процесс обучения в школе. Ему показан уровень развития детей, выявлена ситуация, когда дети оказались полностью загружены, эти перегрузки совершенно невозможно осилить школьникам. Институт пытается повлиять на ситуацию.

Сегодня возникла новая проблема, которую обсуждают в РАО, она является актуальной. Не слушают лекции студенты вузов. Здесь нужно в наше время совершенно другие технологии использовать. Эти исследования РАО очень важны.

С проектами развития самой ранней ступени образования, дошкольного образования познакомил директор Института развития образования Высшей школы экономики И. В. Абанкина. Есть три ключевых стратегических инициативы в дошкольном образовании: психолого-педагогического патронаж с рождения ребенка. Цифровая индивидуальная карта ребенка, где можно увидеть все программы образовательные и провести коррекцию мероприятий во имя здоровья, воспитания и образования ребенка. Третья инициатива, для создания дошкольных учреждений нужно широко использовать частно-государственное партнерство. Это должно освободить около миллиона матерей, их труд увеличит на 0,4 % ВВП, и базовый налог как с работающих матерей, так и с ясельных учреждений (3, с. 77–78).

Не во всех регионах достигнут охват дошкольными учреждениями, около 95%, но 19% в Северокавказском федеральном округе, 10% в Южном и незначительный в Крыму и Севастополе. Без дошкольного образования нельзя полноценно воспитать малышей (3, с. 78).

Президент поднял вопрос о необходимости ранней профессиональной ориентации. Но выделенного одного миллиарда рублей недостаточно. Например, в технопарке, где ребенок может попробовать себя в разных видах профессиональной деятельности, цена билета 2000 руб. Если у нас около 15 млн детей, для того чтобы каждый из них сходил в технопарк нужно 30 млрд руб. (1).

Основная масса обучающихся – это школьники. Сегодня изменилась ситуация в среднем профессиональном образовании, около 60 % девятиклассников идут в систему среднего профессионального образования. Минобрнауки России реализует проект «Рабочие кадры для передовых технологий», внедряет стандарты World Skills. Сборная студентов России в 2017 г. впервые приняла участие в международных соревнованиях World Skills и заняла первое место в мире (3, с. 10).

В.В. Переверзева отметила, что Минобрнауки России надеется и на успехи высшей школы:

«Будущее высшего образования мы видим не только в обеспечении присутствия наших ведущих университетов в международных рейтингах, но и в новом содержании деятельности вузов в регионах России.

Создание университетских центров инновационных, технологических и социального развития регионов позволит удерживать баланс в развитии сети организаций высшего образования, равный доступ к качественному образованию, независимо от места жительства и возможностей семьи, вот залог для обретенных, а не потерянных поколений» (3, с. 11).

В Омской области ректоры вузов и работодатели собрались на специальный круглый стол, чтобы договориться о позициях. Работодатели высказали свои пожелания в потребности трудовых ресурсов, вузы готовы скорректировать открытие новых соответствующих потребностям специальностей для набора студентов.

Вузы ведут собственные научные исследования по рассматриваемой проблеме. Член-корреспондент Российской академии образования, заведующая кафедрой педагогики ОМГПУ, директор Института инновационного и инклюзивного образования Н.В. Чекалева очертила круг проблем: «Мы должны сегодня определиться с тем, какой должен быть современный выпускник вуза, каким он нужен нашему Омскому региону. Мы сейчас практически все говорим о том, что

наша молодежь уезжает, она себя здесь не находит. Мы даем хорошее, качественное образование, почему это происходит или возникает другой вопрос, может быть, что-то в этом образовании вышем не устраивает ребят. Сегодня есть такой парадоксальный момент, раньше получить высшее образование считалось вообще эксклюзивным событием, сейчас высшее образование имеют многие. Оно является массовым и поэтому кичиться тем, что у тебя есть высшее образование, диплом это уже не современно. Вопрос в другом, а что ты умеешь, какими способами деятельности ты владеешь, к решению каких задач ты готов? И поэтому, нам очень важно сегодня с нашими работодателями, с нашими представителями органов власти, с руководителями высшего образования проанализировать, каков наш выпускник и чем сегодня мы можем быть полезны Омскому региону» (1).

Существующий де-факто по набору специальностей, в общем-то, удовлетворяет потребности региона: и промышленности, и экономики. В.В. Шалай, председатель Омского совета ректоров, президент Омского государственного технического университета видит опасность в том, что в регионе остаются не самые сильные абитуриенты, и о том, как бороться с тем, чтобы таланты остались в регионе – это одна из самых важных проблем. Совместно с сотрудниками предприятий это можно решить. Мы должны детям показать, что их ждет в конце образовательной траектории, это может сделать только работодатель, кроме того, то, сколько он объявляет заработную плату. Сколько будет заработная плата, в 2, в 3 раза выше в среднем, чем по региону, и тогда эти места становятся привлекательными, и тогда и таланты останутся, и лучшие выпускники. Вот это последнее слово, надо заставить промышленников сказать (1).

Выступая на парламентских слушаниях, председатель Ассоциации частных образовательных организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций В.А. Зернов, отметил, что утечка умов на запад продолжается. В Германии нет ни одного вуза, где бы научная работа не возглавлялась россиянами. В Японии он удивился, что его сверстники и старше говорят на русском языке, объясняя, это тем, что все, что было связано с прогрессом, было в СССР. Главное, что было в СССР, это его конкурентоспособность.

В.А. Зернов развивает свой университет как предпринимательский университет. Делегация бразильских университетов договори-

лась о поставке нашим университетом к ним высокотехнологичного оборудования, но им не удалось это сделать, т. к. Налоговый кодекс запрещает вузам получать свыше 10 % дохода от интеллектуальной собственности. Подобные примеры приводили и представители провинциальных вузов (3, с. 59–61).

Для развития негосударственного сектора образования важно развитие частно-государственного партнерства, которое пока развито очень слабо.

Предложения по стратегии образования представил и первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, академик РАО О. Н. Смолин.

Стратегия образования – это национальная безопасность и будущее России. Сейчас образование стало производством средств производства. Оно воспроизводит главного производителя материальных благ и творца – человека.

Экономика России в 1913 г. была пятой, давала 2,6% мирового дохода. СССР был второй державой, давал 18 % от мирового ВВП, современная Россия занимает 12 место и дает всего 1,77%. По развитию человеческого потенциала СССР входил в десятку лучших стран, Россия по данным ООН на 49 месте. Число инноваций сократилось в 5–7 раз. (3, с. 24).

О.Н. Смолин привел примеры роботизации:

«Роботизация, данные Алексея Кудрина. В Южной Корее на 10 тысяч населения вводится 478 роботов в год, в Китае – 36, в России – 2. Правда, при этом Алексей Леонидович почему-то говорит, что нам надо повышать пенсионный возраст, наверное, для того, чтобы вообще работали только люди, а роботизация никакая не проводилась. Слава богу, мы вторая армия в мире по международным оценкам. И это нас защищает от многих международных угроз. Но вы понимаете, что 12-я экономика и 2-я армия вместе долго существовать не могут. Вывод очень простой: ослаблять армию мы не можем, надо повышать экономику, а для этого надо повышать ключевой фактор экономики. Для развития человеческого потенциала этот фактор – образование» (3, с. 24–25).

Для изменения стратегии нужно финансирование. В России 3,6% ВВП идет на образование, это двадцать девятое место среди тридцати двух стран Организации экономического сотрудничества и раз-

вития, при этом в 2015 г. наблюдалось снижение финансирования на 3 %. Если Россия не может найти 7% на образование, то хотя бы было 4,7% от ВВП. Страна нуждается в модернизации экономики, а это образование. Деньги решают не все, но во многом деньги определяют кадры (3, с. 25–26).

Отсюда статус педагогического работника. Указ Президента не выполнялся. Из 85 регионов в 75 регионах России заработная плата отличается в 4,8 раза, и колеблется от двадцати до девяноста тысяч. Средняя нагрузка 28 часов при норме 18 часов, учителя работают на полторы ставки на «износ», не имея времени для подготовки к занятиям (3, с. 26–27).

Вопиющая проблема бюрократизация, когда школа подает триста отчетов за год по двенадцати показателям. Нужна дебюрократизация.

Россия отстает и по электронному обучению. В мире идет борьба за человеческие ресурсы. На портале Coursera недавно обучалось десять, а в 2017 г. двадцать пять миллионов слушателей. Из России с двухсот тысяч цифра выросла до одного миллиона человек. Этот портал работает как кадровое агентство, отбирая лучшие умы для западной экономики и науки, идет борьба за человеческие ресурсы. Необходимо создать условия для электронного обучения. (3, с. 27–28).

Проблема воспитания. Мы живем в информационном обществе, где большое значение имеют медиа ресурсы. В России нужно воссоздать образовательный телеканал, общедоступный мультиплекс, и стимулировать те каналы, которые выпускают просветительские программы.

Стратегия развития образования тесно связана и зависит от стратегии развития страны. В основе стратегии развития страны должно быть три кита. Во-первых, новая индустриализация, это относится не только к промышленности, но и ко всем сферам в том числе, информационной технологии. Во-вторых, это более справедливое распределение социальных благ. При таком уровне социального неравенства, который существует в стране, мы не можем обеспечить не только достойную жизнь для большинства граждан, но мы не можем обеспечить и экономическую эффективность, потому что олигархия перестает работать, а у людей обреченных на бедность нет настоящих стимулов, чтобы работать. В-третьих, это развитие человеческого потенциала, который не превращается в человеческий капитал.

Необходимо сначала глубоко изучить проблему, а выстраивать модели развития образования будущего, а может и стоит заглянуть в наше прошлое, изучить советскую систему образования, которая не только позволила полететь первому советскому человеку в космос, но и позволила миллионом молодежи найти свое место в окружающем мире.

Список литературы

1. Козум М. Образование для всех. О стратегии планирования развития образования. 06.05.2018. [Видеозапись]. 25:01. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vOGsYHtvoH8>.
2. Парламентские слушания: Стратегическое планирование образования // Стратегия России. 2018. Февраль. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch.php?archive=1519853075&subaction=list-archive&.
3. Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по образованию и науке на тему: «Стратегическое планирование развития образования в Российской Федерации». Здание Государственной Думы. Малый зал. 21 ноября 2017 года. 11 часов. – Режим доступа: <http://www.komitet8.km.duma.gov.ru/Parlamentskie-slushaniya/item/15019826/>.

Костенко И.П.,

кандидат физико-математических наук, доцент

Ложные «научные» теории – орудия разрушения образования России

Аннотация. Приводятся примеры идей, внедрённых в образование России в разное время, и доказавших практическими результатами свою ложность. Основное внимание уделено «концепции развития» ребёнка, введённой в педагогическую психологию Л. Выготским. Кратко прослежено созревание концепции в 1920-х годах (педология и её результаты) и её внедрение в постсоветскую школу в 1990–2000-х. Конечный практический результат – уничтожение правильного, системного, осмысленного обучения знаниям и, как следствие, – фрагментарность и примитивизация знаний выпускников школ, атрофия способности содержательного мышления молодёжи страны. Дополнительным подтверждением ненаучности «концепции развития» является развенчивание в 2000-х годах «культа Выготского» во всём мире.

Ключевые слова: ложные идеи, педология, идея развития, Выготский, Асмолов, результаты внедрения, деградация

Kostenko I.P.

Candidate of Phys. and Math. Sc., Docent

False “Scientific” Theories – Tools for the Destruction of Russia’s Educations

Abstract. Examples of ideas introduced into the education of Russia at different times and proving their false with practical results are given. The main attention is paid to the “concept of development” of the

child, introduced into pedagogical psychology by L. Vygotsky. The maturation of the concept in the 1920s (pedology and its results) and its implementation in the post-Soviet school in the 1990–2000s is briefly traced. The final practical result is the destruction of correct, systematic, meaningful knowledge education and, as a result, fragmentation and primitivization of the knowledge of school graduates, atrophy of the capacity for meaningful thinking of the country's youth. An additional confirmation of the unscientific "concept of development" is the debunking of the "Vygotsky cult" throughout the world in the 2000s.

Keywords: false ideas, pedology, development idea, Vygotsky, Asmolov, implementation results, degradation

Главное оружие информационных войн – ложные идеи-вирусы. Внедрение чужеродных для народа и страны идей в умы и в государственные институты автоматически ведёт к искажению их функционирования, и, в конечном итоге, – к деградации общества и разрушению государства. В 1990-х годах таковой для нашей страны оказалась идея свободы личности – «безумство гибельной свободы» (А.С. Пушкин).

Далее мы будем говорить не о социальных идеях, а о «научных», и ограничимся областью образования.

В предыдущих статьях (1) и (2) тема ложных реформаторских идей уже была достаточно конкретизирована. Идея «высокого теоретического уровня» обучения (принцип ВТУ), зародившаяся в 1930-х годах в умах узкого круга профессоров математики и реализованная «реформой» 1970–1978 годов, обрушила естественнонаучное образование страны. «Системо-деятельностный подход» А. Асмолова 1990-х годов с помощью придуманных им ФГОСов уничтожил конкретные учебные программы и размыл предметное содержание обучения. Компетентностный подход 2000-х растворяет цель обучения знаниям, умениям и навыкам в огромной массе невнятных «компетенций», формировать которые МО (не понимая их содержания и смысла) заставляет бедных учителей. Управление по принципу: «пойди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что».

В данной статье мы обратим внимание на идею *развития* ребёнка, которая стала фундаментом новой советско-российской «науки» – *педагогической психологии*. У истоков этой «науки» стоят: революционер-интернационалист Л. Троцкий и специалист широкого профиля

(недоученный юрист, литературовед, искусствовед, психологовед, психиатровед, дефектолог и т. д.) Л. Выготский.

Лев Троцкий грезил о создании «нового человека» коммунистического будущего на основе синтеза фрейдизма с марксизмом, и предсказывал: «Человеческий род ... поступит в радикальную переработку и станет объектом сложнейших методов искусственного отбора».¹ Интересно, какие такие «сложнейшие» методы он мог иметь в виду сто лет назад?

Тогда же другой Лев – Выготский, который высоко ценил Л. Троцкого и цитировал в своих трудах его тезисы о создании «сверхчеловека», начал готовить метод достижения этой цели и его «научное» обоснование. Он поставил мудрёную задачу: «открыть систему социальных детерминантов, созидających (?) психический мир личности ... поскольку в плане будущего (чьём плане? – И.К.) лежит не только переустройство всего (!) человечества на новых началах..., но и «переплавка человека».²

Начал он с того, что подхватил идеи американца Г. Холла, который привязывал к педагогике психоанализ З. Фрейда. Л. Выготский с группой своих единомышленников (А. Лурия, А. Залкинд и др.), при поддержке Л. Троцкого и наркома просвещения А. Луначарского стал дополнять идеи Г. Холла и строить «науку» *педологию*, пытаясь «осуществить синтез фрейдизма и марксизма». Главной целью был «переход от познания ребёнка к его изменению», к изменению «человеческого поведения, ... человеческой личности», к созданию «нового типа человека» (4, с. 93, 94, 96).

В стране быстро была создана сеть институтов, факультетов, курсов психологии, психоаналитики, психотехники, педологии. Школы наводнились специально подготовленными практическими педологами, которые, отодвинув учителей, стали собирать информацию о детях, вторгаясь даже во внутреннюю жизнь семьи. Была массово организована селекция детей путём квазинаучной психологической диагностики и тестирования интеллекта. Выявленных путём таких формальных манипуляций «умственно отсталых» и «трудновоспиту-

¹ Газета «Правда». – 1923. – 23 сент.

² Л. Выготский. Психология искусства / Выготский Л. – М.: Педагогика. – 1987. – С. 250, 305.

емых» детей массово отправляли в спецшколы, ставя на каждом клеймо, определяющее их будущую судьбу.

Увидев такие результаты «научной» работы педологов, руководители страны незамедлительно приняли решительные и эффективные меры: все педологические учреждения и факультеты были закрыты, «наука» педология упразднена, её носителям предложено переквалифицироваться в психологов (3, с. 43–44).

Итак, действительные цели проявила, как всегда, Её Величество Практика. С помощью новой «науки», превратившейся, в сущности, в евгенику, в России внедрялась *кастовая* система образования. Как и сегодня!

Параллельно «научному» обслуживанию практической педологии, Л. Выготский всё это время вёл большую экспериментальную и теоретическую работу по решению основной поставленной им задачи – найти социальные инструменты управления психикой детей. К 1934 г. он построил многословную, невнятную, абстрактную «концепцию» *развития* высших психических функций ребёнка (так называемую «культурно-историческую теорию») и приложил её к обучению (соединил психологию с педагогикой).

Этапы предметной реализации идеи «развития» в общеобразовательной школе прослежены в монографии (3, п. 5.8, п. 8.5). Конечный практический результат мы видим сегодня: обучение системе знаний уничтожено, примитивные остаточные знания учащихся фрагментарны по всем предметам.

Результат, проявленный ПРАКТИКОЙ, есть ПРИГОВОР, и является неопровержимым ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ ЛОЖНОСТИ ИДЕИ. Практика – единственный научный критерий истинности любой теории.

Точно так же одинаковые отрицательные результаты школьных реформ, проведённых в 1960–1970-х годов в разных странах, доказали ложность идеи «высокого теоретического уровня» обучения (принцип ВТУ). Тем самым была доказана ложность выводов швейцарского психолога Ж. Пиаже, которыми «научно» оправдывались эти реформы. Между прочим, эти два учёных в результате своих экспериментов нередко приходили к противоположным выводам. Вероятно, выводы делались из экспериментов, которые, подгонялись под заданную концепцию, как это очень часто делается в современных науках современными «учёными».

Результат внедрения в школьное обучение идеи «развития» содержался изначально, как в зерне, в самой идее. Внедрять в дидактику идею развития, сдвигать задачу учителей с обучения на «развитие» детей – значит уничтожать правильное обучение. Дидактика совершенно не нуждается в выделении абстрактного, неопределённого и непроверяемого по результату понятия «развитие». Развитие есть естественный процесс, сопровождающий правильное обучение.

Наш вывод поддерживается заключениями многих учёных. В 1997 г. западные дидакты признают что «ни Пиаже, ни Выготский, ни Брунер не создали необходимой основы для новой, сформировавшейся за последние двадцать лет области науки, которую называют дидактикой».¹

Эткинд А.М.² так сказал (1993) о Л. Выготском: «Это был человек культуры, интеллеktуал, ... один из представителей самых модных течений, владевших умами своего поколения.... Не “Моцарт психологии”,³ а человек своего времени, удачно приложивший его культурный опыт в новой и неожиданной области».⁴ То есть, – дилетант. Данная оценка, в сущности, констатирует, что теории Л. Выготского нельзя признать научными.

«Культ Выготского», созданный в США и в мире транснациональными силами в 1980-х годах, глобально развенчивается в XXI веке. Вот свежий материал из Википедии со ссылками на несколько десятков оригинальных статей: «Ревизии подвергаются ... основные теоретические постулаты и научные «инновации» Льва Выготского.... Ревизионистское движение включает в себя ученых из Аргентины,

¹ Перспективы. Вопросы образования. – 1997. – № 1. – С. 194.

² Эткинд А. М. – советский, а затем британский и американский культуролог, искусствовед.

³ Этот титул дал Л. Выготскому С. Тулмин – британско-американский философ. Нелепость такого соединения очевидна, но оправдывается законом рекламы: чем проще и нелепее реклама, тем она легче и прочнее запоминается.

⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%B3%D0%BE%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%9B%D0%B5%D0%B2_%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%91%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Израиля, Канады, Китая (Гонконга), Кореи, Мексики, Нидерландов, России, Украины и Южной Африки, и стремительно растет.... Исследования десятилетия 2010-х годов ... зафиксировали стремительное падение популярности Выготского во всем мире.... Эта ситуация характеризуется как “пузырь Выготского”, иначе: “Vygotsky bubble”»¹.

Вот так: «культ Выготского» оказался надутым «пузырём» и закономерно лопнул. Но не в России, хотя у нас тоже были и есть его критики. У нас Л. Выготский по-прежнему «священная корова» психологии, статус которой поддерживают «учёные» психологического факультета МГУ во главе с главным российским выготскианцем А. Асмоловым. На критику они отвечают... молчанием. Тоже метод.

Почему им нужен Выготский? Они черпают из его наследия идеи, которые используются для разрушения образования России.

Так, идея трёх «зон» (?), через которые, по Выготскому, проходит развитие ребёнка, развилась нашими «реформаторами» в требование постоянно обучать детей во второй «зоне ближайшего развития» с помощью взрослого (иначе ребёнок «не разовьётся»). Вот почему сегодня родители до двух часов ночи выполняют домашние задания своих детей.

Следующий этап – «универсальные учебные действия» (УУД), с помощью которых ребёнок сам, без помощи взрослого (так считают наши «учёные»²) сможет решать задачи из третьей зоны потенциального развития. Новация уже внедряется в школы новым ФГОСом.

Учителя заключают: «Убитые желание и способность учиться, хроническая тревожность, СДВГ, школьные неврозы, депрессии, суицидальность.... То ли ещё будет! Эксперимент продолжается».³

¹ Там же.

² Отысканием УУД занимаются, в частности, руководители педагогического факультета МГУ, профессора математики Н.Х. Розов и А.В. Боровских.

³ Алтушкина Т.А., Урлапова В.П. О зоне ближайшего развития и школьных неврозах / Т.А. Алтушкина, В.П. Урлапова. URL: <https://russianclassicalschool.ru/methods/psihologiya-obrazovaniya/item/858-t-a-altushkina-v-p-urlapova-o-zone-blizhayshego-razvitiya-i-shkolnykh-nevrozakh.html>

Современные психологические и педагогические теории, разрабатываемые в институтах РАО и на психологическом и педагогическом факультетах МГУ, являются прямым развитием идей Л. Выготского. На эти псевдонаучные теории легко ведутся массы малограмотных специалистов с атрофированным пореформенной школой содержательным мышлением, нацеленных на лёгкое приобретение научных степеней и званий. Так гуманитарные науки теряют связи с жизнью, с живыми смыслами жизненных явлений и вырождаются в современную схоластику!

Инструментами насильственного внедрения этих теорий в образование являются, вариативные методы обучения («по Давыдову» – от общего к частому, «по Занкову» – на высоком уровне трудности, «по Петерсон» – развитие в хаосе и др.) и реализующие эти «методы» учебники.

Главным итоговым образовательным результатом всех этих «инноваций» является атрофия у молодёжи страны способности содержательного мышления и стойкое отвращение к учёбе.

Подмена обучения развитием и одиннадцатилетняя его имитация «переплавил» сознание молодёжи от естественной природной любознательности и нормального осмысления явлений жизни к тупому восприятию пропагандистских внушений и бездумному исполнению. Вот какой «новый человек» появился в нашей стране через 100 лет после Л. Троцкого.

Социальные результаты – *деградация* интеллектуального, культурного, духовного потенциала нации, *депрофессионализация* производства, науки, образования, культуры и вообще всех сфер общественной жизни, *имитационное управление* и утрата стратегического целеполагания. Всё это симптомы *нежизнеспособности государства Россия!*

Вакуум культурного содержания в умах и психике молодёжи имеет дальнейшим следствием примитивизацию их языка, желаний, стимулов поведения. Обесмысленное школьное обучение формирует такую же обесмысленную коммуникативную молодёжную и далее всю общественную среду, что, в свою очередь, ведёт к разрыву содержательных связующих социальных тканей, начиная с семьи. Происходит *дезинтеграция общества*, утрата его национальной идентичности.

На наших глазах идёт духовное уничтожение русской нации. Через образование! А мы никак не можем в это поверить.

Список литературы

1. Костенко И.П. Уроки «реформ» советского образования / И.П. Костенко // Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию / Сборник материалов II Международного Конгресса (ПНО-II) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – С. 386–399.

2. Костенко И.П. Новации и традиции в современном образовании России / И.П. Костенко // Производство, наука и образование России: системный подход / Сборник материалов IV Международного Конгресса (ПНО-IV) / Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2018. – С. 363–373.

3. Костенко И.П. «Реформы» образования в России 1918–2018 (идеи, методология, результаты): монография. Изд. 2-е, испр. / И.П. Костенко. – М.–Ижевск: Институт компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2019. – 192 с.

4. Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. / О.Н. Четверикова – М.: Книжный мир, 2018. – 384 с.

Решетова Л.В.,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
Ульяновского государственного университета*

**Проблемы образования в России в рамках
тенденций разделения и объединения труда**

Аннотация. Проблемы образования актуальны всегда, но для общества, которое стремится преодолеть серьёзные опасности, угрожающие его существованию – это проблемы первоочерёдные. Начиная с 90-х годов, в экономике и в идеологии идёт движение по неолиберальному направлению. Согласно этому подходу для повышения эффективности производства следует способствовать разделению труда, специализации. Либеральный подход приводит к отделению человека от результатов его труда. В рамках такой тенденции требуется формирование у обучающегося отдельных навыков труда, компетенций в образовании. Альтернативное направление предполагает объединение видов труда и навыков. Оно способствует быстрому, самостоятельному получению умений, всестороннему развитию личности. Так преодолевается отчуждение труда, осознаются цели развития общества.

Ключевые слова: либерализм, разделение труда, компетенции, объединение трудовых навыков, всестороннее развитие личности, реформа образования

Reshetova L.V.,

*Candidate of Econ. Sc., Associate professor,
Department of Economic Theory, Ulyanovsk State University*
**Problems of Education in Russia within the Framework
of Trends of Division and Integration of Labour**

Abstract. Education problems are always relevant, but for a society that seeks to overcome the serious dangers that threaten its existence, they are problems of primary concern. Since the 1990s, the economy and ideology have been moving in the neoliberal direction. According to this approach, in order to improve production efficiency, the division of labour, specialization should be promoted. A liberal approach leads to the separation of a person from the results of his work. As part of this trend, it is necessary to develop individual skills of the student, competences in education. An alternative direction involves combining types of work and skills. It promotes rapid, independent skills and comprehensive personal development. Work alienation is so overcome, the purposes of development of society are realized.

Keywords: Liberalism, division of labour, competence, integration of labour skills, comprehensive personal development, reform of education

Проблемы образования актуальны всегда, но для общества, которое стремится преодолеть серьёзные опасности, угрожающие его существованию – это проблемы первоочерёдные.

Начиная с 90-х годов, в экономике и идеологии идёт движение по неолиберальному направлению. Строятся институты неолиберального общества, в том числе институты образовательной среды.

Неолиберализм как экономическое и философское течение берёт свое начало с теории А. Смита. Считается, что основной мыслью А. Смита является тезис о «невидимой руке рынка», о разумности и без альтернативности рыночных отношений (1). С точки зрения основоположника современного неолиберализма, Ф. Хайека (2), «рынок» был не просто удобным инструментом развития торговли продуктами и услугами, а категорией объективного знания.

Однако современные либералы не обращают внимания на другую сторону концепции А. Смита, описанную в «Теории нравственных чувств» (3). В данной работе А. Смит считал, что рынок может быть оправдан только с учётом присущей людям добродетели. Автор был против того, чтобы общество управлялось лишь деловым эгоизмом.

Таким образом, даже в трудах А. Смита, классика либерализма, отражаются противоречия общества. С одной стороны, оно следует направлению повышения экономической эффективности, а с другой, должно учитывать требования справедливости.

Данное противоречие в терминологии разделения труда проявляется в следующем. Для повышения эффективности производства следует способствовать разделению труда, специализации, которое приводит к отделению человека от результатов его труда. В рамках такой тенденции, в сфере образования требуется формирование у ученика отдельных навыков, компетенций. Предполагается, что, впоследствии, работодатель будет нанимать работников, собирая тем самым набор требуемых компетенций.

Говоря об общественных интересах, неолибералы считают, что каждый человек должен хорошо знать своё дело, но не может знать интересы общества. Так, по их мнению, управлять хорошо образованными, самодостаточными людьми сложно, поэтому в интересах сложившейся системы, думающие люди не нужны (4). Задача заключается в том, «чтобы готовить не творцов, а квалифицированных потребителей» (5). Если продолжить эту мысль для высшей школы, то – готовить не творцов, а «квалифицированных» частичных работников, не задумывающихся ни о целях своего труда, ни о судьбах общества.

Другая, противоположная тенденция, вытекающая из общественного разделения труда – кооперация, объединение отдельных, специализированных видов труда. В итоге объединения формируется общественный труд и создаётся общественный продукт.

Для того, чтобы продукт труда стал общественным, он должен быть «принят» рынком», иметь общественную потребительную стоимость. Это свойство товара, говоря языком неолибералов, предполагает не только полезность блага для непосредственных покупателей, но и полезность для других людей. Даже в неоклассической теории есть термин «взаимодополняемые полезности», т.е. полезности для других людей, интересы которых значимы для непосредственных покупателей, например родственников или близких знакомых.

Объединение различных видов труда подобно тому, как собирается общий продукт. Этот продукт воплощает так или иначе общую цель общества, общие, взаимосвязанные интересы. С объединением различных трудовых навыков при всестороннем развитии личности происходит преодоление отчуждения труда и возникает способность человека осознать цель производства в масштабе общества в целом, как и предполагал К. Маркс (6, 41–174).

Касательно системы образования, тенденция к объединению видов труда выражается в том, что, несмотря на формирование отдельных навыков, требуется создать у обучающегося способность «достраивать» компетенции для «связывания» их с навыками других работников, способность быстро самостоятельно получить близкие, но недостающие сейчас умения.

Для обеспечения подобных возможностей, система образования должна способствовать общему развитию человека и воспитать личность, понимающую интересы окружающих людей и желательно, общества в целом.

Действительно, в настоящее время человечество окружило себя средой обитания, включающей в себя множество потенциально опасных объектов и процессов. Эгоистичное или неразумное поведение отдельного человека может привести к самым опасным последствиям. Появилась ужасающая возможность того, что именно благодаря безоглядному преклонению перед «свободным рынком», молодёжи не будут привиты идеи альтруизма, добра и ответственности, без которых может перестать существовать общественная жизнь как таковая.

Теперь рассмотрим конкретные аспекты системы образования в России.

В настоящее время наблюдается неолиберальная глобализация общественных ценностей. В этой связи в России происходит переход в образовании на западные стандарты, на западную систему мировосприятия, к отделению образования от духовного воспитания и развития.

Неолиберальную стратегию образования на Западе разработали в середине 70-х годов аналитические центры крупнейших корпораций и даже встроили её в концепцию «государства всеобщего благосостояния».

С точки зрения глобальных корпораций, в частности, согласно докладу Трёхсторонней комиссии 1975 г. («Кризис демократии»), уязвимость демократического правительства США происходит из-за внутренней динамики самой демократии в условиях высокообразованного, мобильного и активного общества.

В 90-м году ЮНЕСКО совместно с ЮНИСЕФ, Всемирным Банком и другими международными организациями провели Всемирную конференцию «Образование для всех», по которой была принята

«Всемирная декларация об образовании для всех», призывающая к отрицанию традиционных ценностей и крайней примитивизации мышления. Это и есть продвижение стратегии создания частичных компетенций для частичного работника.

Крупный бизнес в рамках концепции неолиберализма формирует «глобальное образовательное пространство». Так, Болонская система как раз и представляет собой встраивание европейских вузов в рыночные отношения. В докладе 1989 г. «Образование и компетенция в Европе» впервые было введено понятие «компетенции» вместо «знания», придавалась особая значимость дистанционному обучению».

Проявляется эта стратегия и в России в образовательных реформах. Россия в 90-е годы приняла нормы и правила, институты, в частности, связанные с организацией и функционированием системы образования.

Всемирный банк, согласно концепции глобального неолиберализма выдвинул жесткие требования по реформированию образования:

- «подушевое» финансирование школ;
- запрещение повышать долю расходов на высшее и среднее профессионально-техническое образование, если эти учебные заведения не будут реструктуризированы;
- передача ответственности за выбор учебных материалов самим школам;
- замена экзаменационных систем школ на ЕГЭ;
- введение минимальных стандартов гражданственности.

Один из краеугольных камней «реформаторского» подхода – идея компетентностного подхода в образовании. Предполагается, что компетенции можно наполнять любым содержанием. Деятельность технических вузов и вообще сферы научно-технических исследований переводится под заказ крупных западных корпораций.

То, что не вписывается в потребности рынка, исключается. Таким образом, образование рассматривается исключительно как средство, а не цель развития человека и общества.

Создаются ненужные препятствия для обеспечения образовательного процесса, снижается его привлекательность для преподавателей. Так, постоянно кардинально меняются «правила игры». Требуется ежегодная разработка новых и переработка старых программ дисциплин, создание новых пособий.

Количество документации, которую необходимо подготовить к аккредитации, практически необозримо, а жесткость требований к ее оформлению не поддается никакому разумному объяснению. Проверке подлежит не качество подготовки выпускников, а правильность и полнота оформления документации. Есть ограничения на количество часов в неделю, на соотношение между аудиторной и самостоятельной работой, на процент лекционных часов. Эти ограничения плохо согласуются друг с другом.

«Подушевое» финансирование вынуждает вузы сохранять контингент студентов в ущерб качеству образования.

Можно указать и на монополизацию в образовании, которая проводится под брендом «вариативности» и под влиянием одной лоббистской группы, Высшей школы экономики. Вариативность понимается не как разнообразие точек зрения, а как нарушение системности, методологической цельности, общего научного языка, размывание целостной картины мира.

В 2008 году опубликован доклад «Российское образование 2020: модель образования для инновационной экономики» ВШЭ. В нем утверждается необходимость производства образовательных проектов («продуктов»), превращение системы образования в бессистемный «рынок образовательных услуг с отсутствием единых критериев оценки этих «продуктов». Предполагается непрозрачное распределение части выделяемых бюджетных средств, постепенное движение к платному образованию (через увеличение «платного компонента») и т. д. В указанной программе предлагается освоение любой из дисциплин на углубленном уровне, в том числе в онлайн-формате, т.е. изучение этих дисциплин становится все более поверхностным.

Под предлогом «цифрофизации» создаются условия для сомнительных целей с крайне размытым горизонтом планирования. Возникла проблема массовости платного и недостаток качественного высшего образования.

Массовое высшее образование в России – это стратегия диверсификации образовательного сектора, стратегия направленная на создание рыночных компетенций для полупериферийной экономики России.

Массовый студент (в отличие от наиболее сильных) со средними когнитивными ресурсами имеет сравнительно ограниченные воз-

возрастающей информации. Соответственно, образовательный продукт массового образования вынужденно упрощается, «упаковывается» в легкоиспользуемую форму и представляется низкотехнологичному бизнесу как потребительские товары массового спроса. Собственно, само тестирование (с закрытыми вопросами ограниченного выбора) – есть инструмент конвейерного, массового использования.

Ключевое понятие в неолиберальной концепции образования – тезис о «человеческом капитале». Под видом заботы об успешности и самореализации каждого ученика, предлагается не подтягивание худших учащихся к лучшим, а еще большее разделение, по сути «отбраковка человеческого материала».

Альтернативой неолиберальной концепции «человеческого капитала» могла бы стать концепция «человеческого потенциала». Применение этой концепции для сферы профессионального образования возможно как изучение процесса накопления «квалификационного потенциала», процесса накопления знаний и умений работников в рамках целенаправленного экономического и социального развития (7).

Образование ведь не только общественное благо. Оно обладает еще одним свойством – оно доверительное благо, то есть благо, качество которого невозможно точно установить. Поэтому для развития образовательной среды необходима достаточная свобода и доверие к его создателям, преподавателям, что предполагает следование ими лучшим отечественным традициям.

Даже в условиях рынка профессиональных позиций конкурируют на нем не столько безлично формальные дипломы, сколько индивидуально и персонально – сами выпускники. Студенту приходится интуитивно выбирать приоритеты вложения своих усилий и времени, искать пути формирования персональной конкурентоспособности, т.е. приходится проявлять все свои накопленные качества, не только «компетенции», но и личностные. Он знает, что вуз работу ему не предоставят, трудоустроиться он будет сам. Так, даже в рыночных условиях работнику требуется всестороннее развитие личности.

Система высшего образования РФ и мира в целом, рассматриваемая как социально-экономическая, стоит сегодня перед сложными вызовами. Как социальная сфера, система образования – сфера формирования и использования человеческого потенциала, развития

личности. Как экономическая система – это среда, предполагающая долгосрочные инвестиции ресурсов, текущее финансирование и долгосрочную эффективность. Инвестиции предполагают определённый масштаб: глобальный, макрорегиональный или государственный.

Для России тенденции глобализации вообще не дают существенных политических и экономических выгод, большее значение имеет регионализация, усиление государства и создание макрорегиона дружественных государств с похожей идеологией и образовательным пространством.

Однако требования глобальных корпораций и Всемирного Банка к России последовательно выполняются. Обстановка, удушающая образование в высшей школе – это хорошо продуманная, профессионально разработанная стратегия лишения страны образования под видом реформирования того, что уничтожают якобы для вхождения в семью «цивилизованных» государств (8).

Исправление ситуации возможно только при наращивании Российской экономической мощи и политического авторитета.

Список литературы

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит – М.: Ось-89, 1997. – 255 с.
2. Смит А. Теория нравственных чувств / Вступ. ст. Б.В. Мееровского; Подгот. текста, коммент. А.Ф. Грязнова. / А. Смит – М.: Республика, 1997. – 350 с. (Библиотека этической мысли) ISBN 5-250-02564-1
3. Хайек Ф. фон. Индивидуализм и экономический порядок /Ф Хайек. – М.: Изограф, 2000. – 256 с.
4. <http://www.rusproject.org/node/1773>, дата обращения: 02/14/2017
5. <https://zen.yandex.ru/media/vln/fursenko-nam-tvorec-ne-nujen-nam-nujen--professionalnyi-potrebitel-5a8eb1a5610493d940e025c7>, дата обращения 22 /02/ 2018
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974.
7. Накопление квалификационного потенциала в сфере профессионального образования. Решетова Л.В. автореферат диссертации

на соискание степени кандидата экономических наук. Москва, 1993. – 28 с.

8. *Панов А.* Как мы девальвировали высшее образование. / А. Панов // *Ведомости*. – 2014. – 28 августа.

Сайфитдинова А.Ф.,

*кандидат биологических наук, доцент кафедры
Анатомии и физиологии человека и животных,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И.Герцена*

**Последствия необдуманной политики
поддержки молодежи
в сфере науки и образования для женщин**

Аннотация. Меры по выходу из демографической ямы в сфере науки и образования, реализующиеся с начала 2000-х годов в России включали программы по поддержке молодежи, устанавливая возрастной ценз в 32 года для не имеющих научных степеней, 35 лет для кандидатов наук и 40 лет для докторов. Они помогли удержать часть специалистов в стране и повысить привлекательность научного труда. Однако перед молодыми женщинами был поставлен нелегкий выбор – реализоваться как мать или получать финансовую поддержку как молодой ученый до тех пор, пока позволяет возраст. Это неминуемо вынуждало женщин откладывать рождение детей на более поздний возраст. Данные исследований в области репродуктивной биологии убедительно свидетельствуют о том, что число половых клеток у женщин после 40 лет сокращается катастрофически, а с ним и шанс на рождение здоровых детей. Последствия таких мер напрямую противоречат политике государства, направленной на повышение рождаемости. Необходимо предусмотреть компенсацию необдуманной политики поддержки молодежи в сфере науки и образования, чтобы выбор академической карьеры для женщины в России не превращался в выбор между тем, остаться ли женщиной или внести посильный вклад в развитие науки, но отказаться от права и возможности оставить потомство.

Ключевые слова: гранты для молодых ученых, повышение престижа академической карьеры, женщины в науке, сокращение рождаемости

Saifitdinova A.F.,

*Candidate of Biol. Sc., Associate Professor,
Department of Human and Animal Anatomy and Physiology,
Herzen State Pedagogical University of Russia*

**The Implications for Women of the Reckless Policies
for Support of Young Academics**

Abstract. Actions to overcome the demographic pit in the field of science and education, implemented since the beginning of the 2000s in Russia, included youth support programs that set the age limit at 32 years for those without scientific degrees, 35 years for Candidates of science and 40 years for Doctors. They helped to retain some of the specialists in the country and improve the reputation of the academic career. However, young women were faced with a difficult choice – to be realized as a mother or to receive financial support as a young scientist as long as age permits. This inevitably forced women to postpone the birth of children to a later age. Research data in the field of reproductive biology convincingly indicate that the number of germ cells in women after 40 years is catastrophically reduced, and with it the chance of having healthy children. The consequences of such actions directly contradict the state policy aimed at increasing the birth rate. It is necessary to provide for compensation for a rash policy of supporting youth in the field of science and education, so that the choice of an academic career for a woman in Russia does not turn into a choice between whether to remain a woman or make a feasible contribution to the development of science, but abandon the right and opportunity to leave offspring.

Keywords: grants for young scientists, academic career honor enhancement, women in science, birth rate reduction

Введение

Ни для кого не секрет, что в конце XX века из-за катастрофической экономической ситуации наша страна потеряла огромное количество

исследователей, причем главным образом уезжали молодые мужчины и женщины, не имеющие семей. В некоторых академических семьях на работу по временным контрактам в научные и образовательные организации других стран уезжал супруг, помогая содержать оставшуюся в России семью материально, из тех, кто остался в стране, большая часть мужчин не могли позволить себе существовать на унижительной нищенской зарплате ученого или преподавателя. Дополнительно к сокращению уровня заработной платы, отрицательное влияние на престижность академической карьеры в России оказала также низкая социальная защищенность преподавателей и ученых, для которых прием на работу осуществляется только на конкурсной основе по временным трудовым договорам, причем в некоторых ВУЗах в практику вошло заключение трудовых договоров сроком на 1 год. Наиболее жесткие условия приема на работу коснулись именно молодых специалистов, что не только не формировало уверенности в завтрашнем дне и ответственности за сегодняшний, но и препятствовало их закреплению, не давая участвовать в программах по приобретению жилья. В результате, из действующих ученых в науке оставались преимущественно люди преклонного возраста, а доля женщин в российской науке и образовании с начала 2000-х годов значительно возросла и на более низких карьерных ступенях, в некоторых областях, превысила половину (5).

*Меры по поддержке молодежи
и гендерная ситуация в российской науке*

Развитые демократические страны и международные организации прилагают огромные усилия по борьбе с гендерным неравенством в науке. Статистический институт ЮНЕСКО в ноябре 2019 года запустил работу специального статистического атласа для оценки гендерной ситуации в академической сфере, который позволяет проводить анализ ситуации по странам на разных этапах развития (4). Опубликованные результаты ясно свидетельствуют о том, что доля женщин в российской науке и образовании превышает средние мировые показатели. Однако повода для радости в этом нет, т.к. это свидетельствует о низком уровне престижности академической ка-

рьеры, что характерно для стран с развивающейся экономикой (в Боливии женщины составляют 63% ученых-исследователей, в то время как во Франции их доля равна 26%, а в Японии – 22%). По данным статистической службы Европейского союза исключение составляют только такие области исследований как молекулярная и клеточная биология, где женщины традиционно составляют около половины всех занятых (6). Причем, как показали данные анализа научных публикаций, высокая доля женщин в числе их авторов характерна для тех стран, где публикаций выходит меньше, а это прямое свидетельство роли науки в экономике конкретной страны (2). Таким образом в России сложилась уникальная ситуация для самореализации женщин в сфере науки и образования, вместе с тем, все тяготы восстановления этих отраслей после тяжелого экономического кризиса также во многом легли на плечи женщин.

В попытке выбраться из демографической ямы в академической сфере и приостановить отток выпускников, руководство страны объявило специализированные программы по поддержке молодежи, в том числе гранты Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (9) и Федеральную целевую программу «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (8). Для получения финансирования по ним был установлен следующий возрастной ценз: до 32 лет для не имеющих научных степеней, до 35 лет для кандидатов наук и до 40 лет для докторов. Эти меры помогли удержать часть специалистов в стране и повысить привлекательность научного труда, однако прямая привязка к возрасту, а не ко времени, прошедшему после получения диплома или научной степени привели к нездоровой ситуации. Перед молодыми женщинами, по описанным выше причинам составлявшими большинство целевой группы, был поставлен нелегкий выбор – реализоваться как женщина и мать или успеть получить финансовую поддержку. Вместе с тем, мировой опыт свидетельствует о том, что система грантов может учитывать физиологические особенности женщин, связанные с реализацией репродуктивной функции, и можно взять за образец требования к грантам фонда Марии Кюри для молодых ученых (3). Неоднократные обращения представителей Санкт-Петербургского союза ученых в руководство фондов и в Комитет по науке и высшей школе Правительства города были услышаны.

В последние 2 года для женщин, имеющих детей, российские фонды предоставляют особые условия, сдвигая возрастную планку на 2 года за каждого ребенка (11). Казалось бы, теперь мы можем надеяться на то, что хотя бы часть умных и образованных женщин в нашей стране смогут оставить потомство. Однако учитывая время, необходимое на выполнение показателей по грантам неминуемо будет вынуждать неминуемо вынуждать женщин откладывать рождение детей на возраст после 40 лет.

Объективные репродуктивные ограничения

Данные международных научных исследований убедительно свидетельствуют о том, что число половых клеток у женщин после 40 лет сокращается катастрофически, а с ним и шанс на рождение здоровых детей (1). Природа создает женский организм таким образом, что все потенциально возможные половые клетки уже имеются при рождении девочки и не могут возобновляться в течении жизни. Они подвергаются воздействию всех негативных факторов среды окружающих женщину и стареют вместе с ней. Таким образом, увеличиваются риски рождения ребенка с врожденными пороками, что не только ляжет бременем на плечи системы здравоохранения государства, но и лишит потенциально способного к продуктивной работе члена общества активно продолжать профессиональную деятельность. Безусловно, развитие репродуктивных технологий отчасти сможет скомпенсировать ущерб для страны от таких решений, но нельзя забывать, что почти половина циклов с применением искусственного оплодотворения для женщин старше 40 лет проводится с использованием ооцитов доноров (10). Ни в коей мере не стремясь приуменьшить значение женщин в воспитании нового поколения, в том числе и путем усыновления сирот, хочу, однако, заметить, следующее – с учетом того, что донорами яйцеклеток чаще всего становятся люди, не способные другими способами обеспечить свою жизнь, то нельзя считать такую форму реализации материнства для достигших успеха в академической карьере женщин абсолютно эквивалентной заменой. Беременность в возрасте после 40 лет также протекает с большим числом осложнений, к числу которых относятся

на только такие тяжелые состояния как гестоз, но и менее серьезные нарушения здоровья, которые не проходят бесследно, что уменьшает шансы на рождение более одного ребенка. Суммируя вышесказанное, считаю необходимым признать, что необдуманная политика поддержки молодежи в академической сфере, не учитывающая особенность гендерного состава целевой группы привела к возникновению дополнительных факторов, отрицательно сказавшихся на воспроизводстве населения страны. Это противоречит одному из приоритетных ориентиров развития России, направленных на стимулирование рождаемости (7).

Заключение

Безусловно, необходимо сохранить вектор на поддержку молодежи и закрепление ее в сфере науки и образования, однако эти меры должны учитывать сложившиеся особенности и не наносить ущерба другим сторонам развития страны. Одной из основных задач должно быть повышение престижа науки и образования в обществе и реальное увеличение оплаты труда в этих областях в первую очередь на самых низких ступенях карьерного роста, куда приходят выпускники. Программы и гранты для молодых ученых должны отталкиваться не от календарного возраста, т.к. это ущемляет права тех, кто по разным причинам получил образование в более старшем возрасте из-за отсутствия возможности оплачивать репетиторов, необходимости зарабатывать на жизнь и другим социальным причинам. Более правильным было бы устанавливать сроки для участия в таких программах отталкиваясь от времени, прошедшего с момента защиты. Это уравнивает в правах всех молодых специалистов и не будет давать возможности отдельным лицам многократно получать поддержку по одним и тем же программам. Кроме того, должны быть предусмотрены программы поддержки не только самых молодых специалистов, но и тех, кто уже по возрасту выбыл из числа молодых, но еще недостаточно укрепился в профессиональной сфере, чтобы претендовать на гранты для ведущих ученых. Именно этот слой сейчас оказался наиболее уязвим и при отсутствии поддержки такие специалисты вынуждены искать способы реализовываться, главным образом

за рубежом. Это не только не создает предпосылок для формирования преемственности и формирует нездоровую атмосферу в коллективах, но и приводит к ситуации, когда мы обеспечиваем мир не только выпускниками, но и квалифицированными кадрами, теряя их потенциал для своей страны. Существование таких программ формировало бы большую уверенность в завтрашнем дне для представителей обоих полов, а также не способствовало отказу от материнства для психологически зрелых женщин, осознающих ответственность за свои поступки. Именно они сейчас оказались в наибольшее неблагоприятной ситуации, в то же время именно они могли бы внести наиболее качественный вклад в воспитание будущего поколения. Дополнительно, важным вкладом в поддержку привлекательности материнства для женщин, занятых в сфере образования и науки, могло бы быть приоритетное право на получение мест в детских дошкольных образовательных учреждениях и другие социальные меры, включая запреты на заключение краткосрочных трудовых договоров для матерей.

Еще одним важным фактором, оказывающим влияние на решение о рождении детей, является увеличение времени получения образования. За последние годы реформы образовательной системы в стране привели к тому, что возраст выпускников средней школы редко бывает ниже 18 лет, далее для реализации академической карьеры необходимо завершить 3 ступени образования, общая продолжительность которого сейчас составляет минимум 10 лет (4 года бакалавриата, 2 года магистратуры и 4 года аспирантуры). Причем если раньше выпускник аспирантуры в 24 года уже часто имел на руках диплом кандидата наук, то в нынешней системе успешное завершение аспирантуры не обозначает получение исковой степени и требуется дополнительного времени для организации отдельной защиты в Диссертационном совете. Наиболее физиологически благоприятное время для рождения первого ребенка в этой системе приходится на годы получения образования 2 и 3 уровня. В то же время, система образования, в отличие от трудовой деятельности, предусматривает более широкие возможности для удаленного и самостоятельного освоения дисциплин, что важно при наличии маленького ребенка. Для поступающих в аспирантуру и даже магистратуру молодых матерей можно было бы предусмотреть начисление дополни-

тельных баллов при приеме. Важными факторами, стимулирующими рождение детей, могли бы стать меры по социальной поддержке женщин, получающих образование (возможно, тут следовало бы расширить круг и включить любые виды профессионального образования). К таким мерам в первую очередь следует отнести льготное получение мест в детских дошкольных учреждениях и льготную оплату таких услуг, т.к. этот контингент часто по объективным причинам не может позволить себе оплату услуг нянь и частных дошкольных образовательных учреждений. Суммарно, стимулирование к рождению детей в более раннем возрасте неизбежно отразится не только на увеличении рождаемости в целом, но и положительно скажется на здоровье как матерей, так и их детей, а также положительно отразится на возможности профессиональной самореализации женщин, несущих ответственность не только за себя, но и за свое потомство.

Список литературы

1. Demko Z.P. Effects of maternal age on euploidy rates in a large cohort of embryos analyzed with 24-chromosome single-nucleotide polymorphism-based preimplantation genetic screening / Z.P. Demko, A.L. Simon, R.C. McCoy, D.A. Petrov, M. Rabinowitz // *Fertility and Sterility*. – 2016. – V. 105. – N 5. – P. 1307–1313. – DOI: 10.1016/j.fertnstert.2016.01.025.
2. Larivière V. Bibliometrics: Global Gender Disparities in Science / V. Larivière, C. Ni, Y. Gingras, B. Cronin, C.R. Sugimoto // *Nature*. – 2013. – V. 504. – P. 211–213. – DOI: 10.1038/504211a.
3. Marie Skłodowska-Curie Research Fellowship Programme [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/research/mariecurieactions/>. – Дата обращения: 15.01.2020.
4. UNESCO eAtlas of Gender Inequality in Education [Электронный ресурс] / UNESCO Institute for Statistics. – Режим доступа: <https://tellmaps.com/uis/gender/#!/topic/RD>. – Дата обращения: 14.01.2020.
5. Губа К. Реформа диссертационной индустрии в России [Электронный ресурс] / К. Губа, М. Соколов, Н. Соколова // Центр институционального анализа науки и образования. – Режим доступа: <http://ciase.ru/wp-content/uploads/2019/12/regul-final.pdf>. – Дата обращения: 14.01.2020.

6. Котляр П. Названы страны, в которых женщин-ученых больше, чем мужчин [Электронный ресурс] / П. Котляр // Газета.Ru. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2014/01/14_a_5847021.shtml. – Дата обращения: 14.01.2020.

7. Послание Президента Федеральному Собранию 15.01.2019г. [Электронный ресурс] / Сайт Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>. – Дата обращения: 16.01.2020.

8. Постановление о Федеральной Целевой Программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы от 28 июля 2008 г. № 568 [Электронный ресурс] / Федеральная Целевая Программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. – Режим доступа: <http://www.fcpr.ru/catalog.aspx?CatalogId=399>. – Дата обращения: 15.01.2020.

9. Приказ об утверждении порядка проведения конкурса на получение грантов Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и их научных руководителей от 4 октября 2002 г. № 265 [Электронный ресурс] / Система поддержки грантов Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и их научных руководителей. – Режим доступа: https://grants.extech.ru/docs/prikaz_265.php. – Дата обращения: 15.01.2020.

10. Регистр ВРТ / Издание подготовлено Российской Ассоциацией Репродукции Человека. – Санкт-Петербург: Лакшери Принт, 2019. – С. 26.

11. «Штраф за материнство»: как стоит поддерживать женщин-ученых [Электронный ресурс] / Российский Научный Фонд. – Режим доступа: <https://rscf.ru/news/math/shtraf-za-materinstvo/>. – Дата обращения: 16.01.2020.

Федосюк А.П.,
советник юстиции

**Система образования
 и образовательные технологии в рамках целе-
 полагания российской социальной системы**

Аннотация. В данной работе использована социально-системологическая концепция Берта-Ланфи-Боулдинга и Блауберга-Юдина, как наиболее рациональный путь решения поставленного на конгрессе вопроса.

Ключевые слова: теория социальных систем, органичные, неорганичные социальные системы, целенаправленное поведение, образование

Fedosyuk A.,
Adviser of justice
**Education System and Educational Technologies
 in the Framework of the Teleological Behavior
 of Russian Social System**

Abstract. In this article we use the socially-sistemologics concept of Bertalanffy-Boulding and Blauberger-Yudin as the most rational way to resolve the issue posed by the Conference

Keywords: Theory of social systems, organic, inorganic social systems, teleological behavior, education

Согласно принципам Теории социальных систем, сформулированным в 70-х годах XX века И.В. Блаубергом и Э.Г. Юдиным¹ на осно-

¹ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973.

ве Теории систем Л. фон Берталанфи¹ и К.Боулдинга², современная система образования в России практически полностью соответствует целеопределению российской Социальной системы и направлению ее развития, определяемому потребностями естественного большинства российского общества – «социальный успех», «карьера», «межличностное соревнование» и, как результат, – «Победа» над остальными субъектами в выбранном виде деятельности (призы, дипломы, пьедесталы и пр.). Иначе говоря, «социальный статус» на сегодняшний день является главенствующим маяком определяющим вектор развития подавляющего большинства современного российского населения и система образования в России полностью этому соответствует.

Парадокс?

Отнюдь, нет. Средства – соответствуют цели. И лучшим способом достижения целей, обозначенных нами, точнее, ежедневно обозначаемыми обществом, средствами массовой информации, рекламой («торгово-массовой пропагандой»), а также всеми иными видами «пропаганды» для всех слоев населения являются – «запоминание» и максимально точное «цитирование» (воспроизведение) запомненного, – что идеально претворяется в жизнь нашей российской системой образования, включая периодический жесткий «запоминательный» тестовый контроль и ЕГЭ – как условия существования данного типа социальной системы. Это – Теория социальных систем в ее практическом воплощении в реалиях нашей страны.

Возможно ли применение в России американских и европейских общеобразовательных принципов? Насколько допустимо «преобразование» образовательной сферы в рамках той или иной естественно самоорганизующейся, разумеется, саморефлексивной социальной системы? И нужно ли нам это?

Эти несколько вопросов покажутся человеку незнакомому с основами Теории социальных систем настолько же неразрешимыми, как и «извечное» – «Кто виноват?» и «Что делать?». Но неразрешимы и

¹ Bertalanffy L. von. An Outline of General System Theory. // British Journal for the Philosophy of Science. Vol. 1. 1950. P. 134–165.

² Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. – М.: 1969.

сложны они лишь для тех, кто вопреки понятию системно-научного подхода все еще продолжает опираться исключительно на экспериментальную историю и статистику тех или иных, неопределенных во времени, по ситуации и субъектной реальности событий, решений, результатов. Пример – можно ли сравнивать законы, например Англии и США с законами континентальной Европы, если сами англичане и американцы даже в сам термин «закон» вкладывают совершенно иное, диаметрально противоположное Европе понятие? Как можно сравнивать право Древней Руси и монгольское «бесправие» абсолюта административной воли или, соответственно, сравнивать решения, принимаемые политиками-вождями в умеющей читать и писать в XI вв. Руси и в одновременно «по-королевски» безграмотной Франции?

Время одно и люди похожи по облику, способам одеваться и врожденной генетике, но социальные системы – разнонацелены. Они отличаются как лед и вода на экваторе и на полюсе.

Тем не менее, преобразование системы образования – возможно, если определить, чего мы хотим в результате.

Направлению (технологическому процессу) европейской и американской систем образования (самоорганизующихся систем, столетиями создающих необходимый этим странам социальный «продукт») мы следуем давно но, что естественно, с опозданием. Нужно ли нам подражать им во всех подробностях, в деталях, смешанных в сознании наших исследователей воедино?

Исходя из цели (их) общества – для построения нестабильного социума, балансирующего на грани, на лезвии биржевой игры (подобно США – задолжавших всему миру, не менее трех валовых годовых продуктов)? Для вознесения превыше всего рейдерства в отношении производящих реальную продукцию предприятий? Для достижения исключительно мгновенной прибыли и узаконивания соответствующей этому коррупционной традиции Капитолия? Да. Такая цель соответствует тому, что мы видим в основе американской системы образования.

Умножение индивидуальной инфантильности, заполняющей собственные «пустоты» субъективной целевой неопределенности волнами псевдообщественной «как бы социалистической» деятельности внутри государства и «как бы» религиозно-проповеднической актив-

ности за его пределами – в стремлении накормить извечно рабовладельчески-каменнотопорную Африку? Да. Европа в этом отношении – замечательный пример воплощения древнегреческой «псевдо-демократии» – равноправия для «граждан», желающих беззастенчиво пользоваться бесправным трудом миллионов «рабов» – мигрантов из Восточной Европы, Азии или из Африки – возвращенных вне участия евро-системы образования. Это наша – цель?

Самое любопытное для непосвященных, что и тот и другой варианты, в плане целеполагания социальной системы, по сути, ничем не отличаются. В обоих случаях мы наблюдаем лишь инертное следование многотысячелетним традициям завоевания и «успешного» социального порабощения окружающих. Соответственно, и пути самореализации, самоорганизации этих социальных систем, включая и систему, собственно, образования-воспитания граждан, строятся на одних и тех же принципах, имея отличие лишь на уровне технологической оснащенности. Так же и копье отличается от крылатой ракеты лишь дальностью полета и техническим совершенством «наконечника», масштабностью разрушения. Но – Целью, нет. Это о корневых первоосновах известных систем образования и первоосновах, служащих основой их формирования.

К примеру, англичане, выстраивая, правовую основу Евросоюза¹, не вникали в системное отличие вновь образуемого сообщества от Соединенных Штатов, например, или от их собственной великобританской «империи», но, как всегда в мировой истории лишь беззастенчиво экспериментировали над другими. В достижении собственных целей эксперимент удался. Традиции и обычаи Британии, обозначаемые самими англичанами как «закон» («прецедент»), были полностью сохранены (даже без замены английских фунтов на неизвестную и непроверенную островитянами евровалюту). И когда Евросоюз впал в естественный кризис противоречия идеалистических начал целям современной мировой экономики, то схема нормативных актов, предложенная Оксфордом как основа для внутри-европейского потребления, показала неустойчивость и, в какой-то мере, даже полную несостоятельность «придуманной» когда-то фран-

¹ dr. Julie Dickson (Oxford University) 2001–2014. <http://www.law.ox.ac.uk/profile/dicksonj>.

цузами и германцами цивилистической (идеалистичной) «континентальной» системы права – регулирования общественных отношений, принципов организации общественной деятельности во всех сферах жизни европейцев.

Итак, м-р «Кольт» как символ технического превосходства и «прогрессивного развития человечества»? Или традиционное «прецедентно»-генетическое существование? Или же – идеализм искусственно «придумываемых на будущее» правил, ставящий на одну социальную ступень выживания, человека индивидуально мыслящего и любого безусловно социально-толерантного «шарикова полиграфа полиграфовича»? Во всех этих случаях «*homo erectus*» (человек от природы биологически прямоходящий и не предрасположенный индивидуально к развитию своей личной интеллектуальной составляющей) имеет естественно образом шансов на успешное карабкание на вершину социальной лестницы, на последующее физическое размножение собственной наследственности и – на диктат своей воли в воспитании последующих поколений, подкрепляемый его личным примером сытой «успешности». Ведь у «*homo sapiens*» (человека, индивидуально развивающего в себе способность к мышлению) такой цели априори нет. Его цель – не в идеальном слиянии с единой потребительски-производящей массой – для безусловного расширения объема собственных привилегий на ее гребне.

Цели органичной и неорганичной социальных систем диаметрально противоположны.

Они и только они определяют «механизм» построения того или иного общества в целом и принципы воспитания-образования тех или иных его субъектов.

Так стоит ли нам, вне рамок этого понимания, подобно Германии – просто следовать установкам профессора марксистской политэкономии, доктора наук, г-жи Меркель – то есть, преобразовывать марксистский идеализм в идеализм «европейского социализма»? Делать ли нам ставку (подобно древнегреческой «демократии не для всех») на приток «посторонней» (бесправной) дешевой (рабской) рабочей силы, выращенной вне российской системы образования? Или же, руководствуясь естественным отбором социалистического опыта, снова и снова отсеивать социально-слабых, социально-неактивных и социально-незаинтересованных лиц, отсекая их от всего – в том

числе, и от системы высшего образования? А, может быть, воспользоваться, наконец, преимуществом современного знания нами принципов Теории социальных систем и отделить «органично-ориентированное» естественное меньшинство от «неорганичного» большинства, выстроив систему образования, не ведущую к современному стремлению растерянного в своем незнании населения – массово получать и получать ничего не значащие «корочки»?

Цель – этим отличаются биологически рожденные по Дарвину вроде бы «*homo sapiens*» – от «*homo erectus*», запоминающих, цитирующих, тиражирующих статистику экспериментального успеха и заполняющих собой «как бы» цивилизованный современный мир. Здесь нет шовинизма и, тем более, геноцида, ведь шанс от рождения, исходя из физиологической структуры человеческого головного мозга, есть у всех и одинаков практически для каждого (см. опубликованные результаты исследований проф. *Pierre Pica*¹, декабрь 2016 г.).

Но – Цель каждый определяет для себя сам.

Итак, хотим ли мы, как государство, добиться безусловного успеха наших граждан внутри нашего общества или желаем успеха России в «мировом» сообществе? Хотим ли мы стать – нацией «мыслящей, анализирующей, думающей», вносящей с каждым поколением и с каждым своим индивидуумом свой вклад в обозначенную В.И. Вернадским² «ноосферу»? Или же будем все также искать уловки «особого российского пути» при строительстве особо комфортного для отдельных «пелевинского броневика»? Пути создания мирного, «узаконенного» конвейерного производства радикально отличаются от дорог мирового казино, мирового господства, завоевания и порабощения.

Да, можно пойти еще китайским путем, оставив систему образования на традиционном «идеально-запоминательном» уровне, а затем, сконцентрировав получивших необходимые навыки субъектов на контрафактном хищении чужих технологий и авторских прав и на контрабандном получении сверхприбылей, выдавать вовне, в окружа-

¹ Федеральный университет в Риу-Гранди-ду-Норти | МИП · Институт мозга https://www.researchgate.net/profile/Pierre_Pica

² Вернадский В.И. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы // Проблемы биогеохимии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 2. С. 2.

ющий мир копеечный рост личного благосостояния среднего гражданина за гигантские «в процентах» качественные скачки государства в целом. Но хочет ли этого наше общество? Желаем ли мы, оставляя большинство российского населения в роли сельскохозяйственно-демографической «подпитки», «почвы» для строительства экономики, фундаментально базировать нашего государственного Колосса на такой зыбкой основе? Хотим ли сегодня уже есть и пить, добившись всего силой оружия (подобно Александру Македонскому, Чингизхану, Наполеону, Гитлеру и т.д.), – через войну или через давление на окружающие страны (пусть США)? Хотим ли мгновенно получить свой сытый кусок или готовы посвятить возвращению хрупких ростков разума десятилетия?

Сегодня, в большинстве своем, – да. Российское население хочет жить сейчас и не верит в перспективное развитие – простая констатация факта.

Нужно ли нам это в будущем? Мы решать этого не можем, ведь, целеопределение – епархия не науки, но административного аппарата. Мы можем лишь наблюдать за его действиями и «саморефлексивно» подстраивать свои действия наиболее эффективным образом под потребности определяемые теми, кто к науке не имеет никакого отношения. Это естественное правило социальной системы.

Возможно ли при этом, с помощью внесения изменений в нормативную базу, определяющую систему образования, тех или иных актов, построение сказочно-идеализированного классиками мировой философии и марксистско-ленинского учения равно-единого перед лицом выдуманного закона – сообщества? Нет. Известное со времен СССР производственно-бытовое правило – «Забудьте дедукцию, забудьте индукцию, гоните продукцию» – действует куда ощутимее и ставит выпускников школ и наших ВУЗов на нужное руководящей воле место значительно быстрее, чем любые лозунги и красочные транспаранты, вещающие неопределенному кругу лиц о всеобщем равном благоденствии и абсолютном равноправии.

Так стоит ли обучать астрономии будущих слесарей, изначально, с первых лет школьного обучения не предрасположенных (лично) к собственному развитию в направлении, например, математического мышления? А – лишенных, к примеру, абстрактного воображения по своей воле будущих водителей «линейно-рельсового» транспорта

и конвейерных «специалистов по идеальному закручиванию одной гайки на одном рабочем месте в течение всей жизни» – интегральному счислению и нелинейной геометрии?

Стоит ли таким образом вносить зерно диссонансного разлада в естественно-самоорганизовавшихся с первых лет школы в системе социальных потребностей индивидуумов, толкать ярких представителей неорганичной социальной системы на путь безысходного алкогольно-наркотического подавления очевидной неодинаковости в рамках запрограммированного ими же самими социально-неодинакового «успеха»?

Или, может быть, системно-эффективнее будет с раннего детства сосредоточивать предпочитающих вариант трех «Р» – «радость расслабления и размножения» на «профессионализме одной гайки», ограничивая их максимум инженерно-административным уровнем «твердого знания, на какую кнопку следует нажимать и когда точно в какой момент это следует сделать»?

С другой стороны, для развития полезной обществу Науки и эффективного высокотехнологического развития государственной экономики – может быть, стоит ограничить существование отдельных (отделенных от общества) «человеков мыслящих», оградив ареал их обитания, обучение и основную деятельность и все их существование под жестким контролем государства при условии абсолютной сытости и довольства каждого – «городки Google» по направлениям исследований с обеспечением притока жаждущих учиться, развиваться и готовых при этом пожизненно отказаться от благ административных вершин? Дабы добиться желаемой и системно обоснованной для необходимой технологическому и интеллектуальному развитию государства цели, это, наверное, стоит сделать.

Но если цель сегодня – сиюминутная, и определяется она одномоментными потребностями «практичного» большинства и его «демократических» представителей, то менять что-либо можно только в сторону сокращения «абстрактных» предметов в образовательных учреждениях и профессиональной фильтрации обучающихся на разных этапах школьной программы и последующих ступенях образовательного конвейера (что мы и имеем на сегодняшний день).

Работа в рамках экспериментально-замкнутого социума в этих условиях требует отдельного, «исключительного» из системы обра-

зования подхода, и то при условии жесточайшего внешнего государственного контроля, если хотим мы избежать «потемкинщины» или бесконтрольно-кредитуемой «аракчеевщины».

Итак, каждая социальная система является «самоорганизующейся», а каждая физическая над-система (определяющая порядок организации любой зависящей от нее под-системы¹) безусловно стремится к утилизации структурной упорядоченности, то есть, к «равномерному» «хаосу» разрозненных частиц, индивидуализированных в единстве своей цели субъектов общества (философское правило «единства и борьбы противоположностей»).

Для обеспечения эффективного системного структурирования неприспособленных к длительному самостоятельному существованию частиц (субъектов органичной социальной системы) необходимо отделить их как от разлагающего органичную социальную систему фактора неорганичности, так и от влияния внешних, естественно формируемых природой, неорганичных социальных систем. С другой стороны, с целью устранения аспекта, непродуктивно влияющего на необходимую развитию социума органичность и для ликвидации агрессии массы неорганичных элементов в отношении антагонистичных им, системно неприспособленных к самостоятельному существованию органичных единиц, следует не только изолировать мыслящее будущее от исторически-сложившегося настоящего, но и выстроить две параллельно существующие, разнонаправленные «системы образования», позволяющие избежать экспериментальной статистики «проб и ошибок» в результате применения «метода малонаучного тыка». Системы, ориентированные на:

- запоминание, точное цитирование и воспроизведение по образцу,
- мышление, поиск, нелинейное абстрагирование в рамках математических моделей с последующей адаптацией результатов к задачам практических потребностей общества.

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание – М.: РАП, 2007. С. 132.

Список литературы

1. Bertalanffy L. von. An Outline of General System Theory. // British Journal for the Philosophy of Science. Vol. 1. 1950. P. 134–165;
2. Julie Dickson (Oxford University) 2001–2014. <http://www.law.ox.ac.uk/profile/dicksonj>;
3. Блауберг И.В.; Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973;
4. Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки // Исследования по общей теории систем. – М.: 1969;
5. Вернадский В.И. О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы // Проблемы биогеохимии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 2

Щеброва С.Я.,

*сотрудник Учебной лаборатории
кафедры теории и истории культуры,
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, Институт философии человека*

**Проблемы российского образования
в эпоху [де]глобализации**

Аннотация. В статье рассматриваются современные экологические катастрофы, возникновение которых стало вызовом производству, науке, образованию. Для решения проблем актуально формирование единой образовательной системы, внедрение современных технологий обучения чтению, позволяющих осваивать крупные блоки информации. Если государству нужны талантливые исследователи в любых сферах науки, на всех этапах школьного образования необходимо развивать систему художественного воспитания. Культурологическое образование могло бы позволить выпускникам быстро переквалифицироваться на новые специальности, что особенно актуально при трудоустройстве в небольших городах и населенных пунктах. Решение проблем образования – это будущее страны.

Ключевые слова: экономика, политика, образование, экологические катастрофы, технология обучения, художественное воспитание, культурология

Shchebrova S.Y.,

*Research Assistant of the Educational Laboratory of the
Department of Theory and History of Culture, A.I. Herzen State
Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy*
**Problems of Russian Education
in the Era of [De]globalization**

Abstract. The article discusses modern environmental disasters, the occurrence of which became a challenge to production, science, education. To solve problems, the formation of a unified educational system, the introduction of modern technologies for teaching reading allowing to master large blocks of information is relevant. If the state needs talented researchers in any field of science, it is necessary to develop a system of art education at all stages of school education. Culturological education could allow graduates to quickly retrain for new specialties, which is especially important for employment in small cities and towns. Solving the problems of education is the future of the country.

Keywords: economy, policy, education, environmental disasters, teaching technology, art education, culturology

Когда горят леса или происходят наводнения в Сибири, вряд ли кто связывает эти экологические катастрофы с проблемами российского образования. Однако достаточно привести несколько примеров, чтобы убедиться в этом. Любому грамотному человеку известно, что лес способствует регулированию водного баланса. Однако вырубка лесов на территории Иркутской области «черными лесорубами» в размере 20–40 миллионов кубометров ежегодно, приводит к страшным пожарам, поскольку остающиеся в тайге кучи мусора, опилок, веток быстро сохнут и становятся легко воспламеняющимся материалом. Летом 2019 года дым от горящего в Якутии, Бурятии и Красноярском крае леса дошел до Томской, Новосибирской, Омской, Кемеровской областей и Алтайского края. Огонь и дым вызвали миграцию медведей, поскольку выгорела не только сибирская тайга, но и ее обитатели. Голодные медведи последовательно вытеснили из привычных мест обитания своих сородичей, с конца лета – осени 2019 г. приблизившись к жилью человека в Новосибирской, Томской, Кемеровской областях и Алтайском крае. Однако не только бурые медведи угрожают жизни человека. Есть и другая сторона этого вопроса: от гигантских пожаров занимаются торфяники, технологий тушения которых не разработано, что угрожает состоянию всей планеты (8).

Но разве жители огромных сибирских пространств высказывают протесты власть придержащим, требуя прекращения разрушительной деятельности «черных лесорубов»? Вряд ли население Сибири соотносит происходящее как результат выработанной собственной

позиции «моя хата с краю», активно распространившейся еще с советского времени. С тех пор пассивные настроения по поводу устройства собственной судьбы глубоко укоренились в менталитете наших сограждан. Вот показательный пример. В 1990-е и начале 2000-х годов сельским жителям нашей страны Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии выдавалось Свидетельство о государственной регистрации права на недвижимость – земельные участки. На основании полученного свидетельства сельские жители регулярно платят налоги за свои земельные участки в государственную казну. Правда, это свидетельство немногим отличается от ваучера на промышленном предприятии, поскольку реальное выделение земельного участка, составляющее в среднем, 3 га, государство гарантирует в том случае, если к осени будет получен фермерский урожай. Поскольку обработать участок без техники невозможно, земля находится в «виртуальном пространстве», при этом налог на нее вполне реален. Но возникает вопрос: а чем три «виртуальных» гектара отличаются от одного дальневосточного гектара? Что 1 га, что 3, – их придется обрабатывать лопатой. Не имеющее работы сельское население России вполне может справиться с этой задачей, но для этого нужно выделить конкретные земельные участки. А тут требуется понимание, что, предоставив крестьянам землю, государство укрепляет собственную территорию, поскольку лучшая защита – не ракеты «Тополь», а конкретные люди, живущие на своей земле. Сейчас представители государственной власти предпочитают уклоняться от решения аграрного вопроса, а крестьяне – забыть о своем праве на труд на собственной земле. Однако чтобы выжить, крестьянам приходится идти в «черные лесорубы», заниматься браконьерством, либо продавать тонны занесенных в «Красную книгу» растений в КНР и Монголию. В Прибайкалье и Забайкалье идет настоящая война за клубни саранки и корни солодки, что грозит подорвать ресурсы этих растений по всей забайкальской части их ареала. Следствием бесконтрольного выкапывания лекарственных растений являются эрозия почв, нарушение среды обитания (произрастания) соседних видов животных и растений, нарушение всей экосистемы в целом (2).

Подобные экологические катастрофы, вызванные деятельностью человека, известны как в древней, так и в современной истории.

Достаточно напомнить о катастрофическом усыхании Аральского моря. Безудержный полив хлопковых плантаций из рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья привел к обмелению и пересыханию этих водных артерий Арала, вследствие чего произошло сокращение морского пространства и засоление прибрежных территорий. На смену морским кораблям пришли «корабли пустыни» – верблюды, по-хозяйски расположившиеся рядом с ржавыми рыболовецкими судами. Сокращение акватории Арала вызвало возникновение пыльных бурь на землях Казахстана, а в Таджикистане – деградацию почв, подвергшихся эрозии и засолению. К настоящему времени пахотные земли Таджикистана сократились на четверть, следствием чего стала миграция населения в сопредельные страны, прежде всего, в Россию. Но и в России появляется все больше территорий, откуда люди стремятся сбежать, поскольку нет работы, нет школ, медицинского обслуживания. Наряду с сельскими районами, это моногорода: Амдерма (1), Воркута и другие города Крайнего Севера. Исход населения с этих территорий и Дальнего Востока, где в 1990-е годы также были закрыты градообразующие предприятия, в процентном отношении составляет: Игарка (–72%), Сусуман (–69%), Мурманской (–36%) и Сахалинской (–22%) областей, Камчатского края (–31%) (7).

Понятно, что второе пришествие в нашу страну эпохи первоначального накопления капитала сопровождается отторжением всего, что экономически невыгодно бизнесу. И касается это, прежде всего, территорий, расположенных «далеко от Москвы». Однако так было не всегда. Важнейшим «капиталистическим мероприятием» была Столыпинская аграрная реформа 1906 г., открывшая движение миграционных потоков на восток страны. К 1926 году, уже в советское время, количество населения в этом регионе увеличилось до 13,1%, а к 1989 году – до 21,8% (3).

Почему же в настоящее время освоение Сибири и Дальнего Востока неактуально для государства? Ведь с 1989 по 2010 гг. население Чукотского АО уменьшилось почти на 70%, Магаданской области – на 60%, Камчатской области – примерно на 30%, при этом растут безработица, бедность и процесс криминализации региона (3). Катастрофическое состояние экономики не позволяет содержать в надлежащем порядке эти территории. Ухудшение качества жизни заставляет людей покидать освоенные места.

Но, возможно, экономические проблемы коснулись только далеких от центра регионов? О том, что это не так свидетельствуют вымирающие города центральной и северо-западной части России: Тульской (–22%), Ленинградской (–21%), Ивановской (–19%), Тверской (–18%), Псковской (–16%) и других областей (7).

Тогда, вероятно, все благополучно в «культурной столице страны» – г. Санкт-Петербурге?

Если окинуть город с высоты птичьего полета, то можно увидеть, что современная городская застройка представлена простыми объемными сооружениями серого цвета. При этом гигантские сооружения размещаются не в новостройках, где подобный авангардизм вполне уместен и актуален, а в исторической части города, что ведет к разрушению архитектурной ансамблевой среды. А ведь именно гармония городского пейзажа привлекает в Санкт-Петербург многочисленных российских и зарубежных туристов. Нельзя забывать, что «геометрические формы не ограничиваются только ролью внешних географических очертаний заключенного в них пространства или ролью разделительных линий – в самой их системе и динамической устремленности выражается сам внутренний характер сакрального или, что то же самое, идеального пространства» (4, с. 176).

Таким пространством можно назвать территорию ГАО РАН (Пулковская обсерватория). Это научный объект, включенный в списки ЮНЕСКО (объект № 540-008) не только как архитектурно-ландшафтный ансамбль, но и как научное учреждение – наблюдающая обсерватория. Особую ценность для российской и мировой науки имеет наблюдение за космическими объектами по методике первого директора Пулковской обсерватории В.Я. Струве, а именно, – *из одной географической точки*. Однако в 2014 году правительство Санкт-Петербурга, вопреки национальному законодательству и международным обязательствам страны, разрешило компании Setl City (РФ) строительство комплекса «Планетоград». Это является нарушением Закона 1945 года, запрещающего жилищное строительство на охранной территории Пулковской обсерватории. До 2018 года районный и городской суды принимали сторону защиты ГАО РАН, однако Постановление Президиума Российской Академии наук № 110 от 05. 06. 2018 фактически узаконило закрытие Пулковской обсерватории. Самое обидное, что ликвидация астрометрических наблюдений происходит в

год 180-летнего юбилея ГАО РАН (Пулковская обсерватория), построенной в 1839 г. по распоряжению императора Николая I.

И такие примеры не единичны. Город стремительно заполняют многочисленные нелепые здания, получившие в народе иронические названия. Такова «призма» (Eightedges, т.е. «Восемь граней», мастер-план Евгения Герасимова и архитектора Сергея Чобана, – здание между Малоохтинским пр. и Малоохтинской наб.). «Чайник» (90-метровый гиперболический параболоид банка «Санкт-Петербург», построенный по соседству с «призмой» на месте бывшего холерного кладбища по проекту той же архитектурной мастерской в 2011 г. (5). Тяжеловесный «утюг» (10-я Советская, 4–6, архитектурное бюро «Студия 44»). Разнокалиберные архитектурные кошмары возникают в городе как по черному волшебству. Панораму Синявинской набережной разрушает крыша серого стеклянного здания, похожая на гигантскую летающую тарелку. Разноэтажное здание в стиле хай-тек на Свердловской набережной, 58, литера А (архитектурная мастерская Цыцина, 2009–2013, ЖК «Платинум») разрушило панораму Свердловской набережной.

В настоящее время возникла угроза существованию и развитию исторически сложившемуся комплексу науки и высшей школы на Васильевском острове, поскольку готовится продажа здания Двенадцати коллегий, Новобиржевого Гостиного двора, дворца Петра II, Кадетского корпуса и других. Планируется постройка части зданий Университетского комплекса в Пушкине-Павловске-Колпино и жилом районе Славянка. Но захотят ли добираться на неблагоустроенную и необеспеченную транспортом территорию кампуса профессора Университета? Или, как это было в советское время при переносе в Петергоф ряда факультетов тогдашнего Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, преподаватели найдут другое место работы? И хотя попытка переноса университета в Петергоф официально признана ошибкой, а расположенные здесь факультеты собираются вернуть на Васильевский остров, в здания Академии тыла и транспорта (6), вряд ли это остановит сторонников выкорчевывания Санкт-Петербургского университета из его исторической почвы.

С другой стороны, вокруг главного здания СПбГУ находятся Научная Библиотека им. А.М. Горького СПбГУ, Библиотека Музея антро-

пологии и этнографии им. Петра Великого (*Кунсткамера*) Российской академии наук, Научная библиотека *Эрмитажа* и ряд других. Как и куда придется переносить театры и музеи Санкт-Петербурга, находящиеся сейчас в шаговой доступности? Как эти намерения соотносятся с мечтой основателя города – Великого Петра – о Васильевском острове как центре науки и образования? Какой смысл в масштабном расширении СПбГУ, если постоянно ликвидируются или сливаются кафедры, уменьшается количество преподавателей и студентов? И этому сокращению не видно конца по всей стране. Следует также сказать о переводе вузовских преподавателей на позиции частично занятых, о метрических способах оценки эффективности и качества интеллектуального труда, сокращении тысяч общеобразовательных школ по всей стране и активном внедрении платного образования. Возникает вопрос о сохранении всей системы российского школьного и университетского образования.

И тут нужно сказать о качестве современного российского образования.

Когда экологические катастрофы множатся, а население страны не способно предвидеть результаты своей деятельности – это образовательная катастрофа. И неважно, жителю небольшого поселка или мегаполиса наплевать на свою судьбу и судьбу страны. Это проблема не только исторического образования, но и других дисциплин. Но если говорить конкретно, то в школе необходимо изучение истории в полном объеме, поскольку сейчас подготовка к ЕГЭ приводит к произвольному сокращению времени на освоение материала по всеобщей истории. Это способствует узости мышления, а также росту шовинистических настроений. Кроме этого в материалах ОГЭ и ЕГЭ невозможно быстро учитывать последние достижения исторической науки. А это формирует у школьников, а затем и у студентов настрой на использование неактуальных исторических материалов, незаинтересованность в их поиске. Возможно, имеет смысл готовить к экзамену творческие сочинения, создаваемые на основе исторических источников, чтобы научить школьников основам аналитической работы. Однако для этого нужно осваивать большие объемы текстов, что достаточно проблематично, поскольку в начальной школе используются устаревшие технологии обучения чтению. Если раньше семья готовила ребенка к школе, то повышение пенсионного

возраста вряд ли позволит бабушкам бросить работу ради внука-дошкольника. Значит, это должны делать воспитатели в детских садах. Но государственного подхода в решении этой проблемы нет, а самостоятельно воспитатели детских садов заниматься этим не будут. Нужны учебники и учебно-методические пособия, учитывающие психологические особенности детей, помогающие определить объем учебной нагрузки в соответствии с возможностями ребенка.

В значительной степени снять стресс, ощутить гармонию мира могла бы помочь система художественного воспитания, которую Япония, Китай, многие европейские страны вводят на всех этапах школьного обучения. Пение, танец, рисование – те дисциплины, которые помогают человеку стать творцом не только в гуманитарных науках. Без этого невозможны открытия в естественнонаучной сфере, технологическом производстве автомобилей, ракет, самолетов. Но как научить ребенка понимать красоту, если «Мировая художественная культура» в настоящее время практически не преподается в школах, особенно сельских? При этом появление учебного предмета «Мировая художественная культура» в значительной степени было продиктовано запросами искусствоведческих наук, узкая специализация которых в изучении живописи и литературы, музыки и архитектуры, скульптуры и театра, дизайна и кино приводила к все более острому ощущению недостаточности разрозненно-односторонних подходов к многосторонне-целостному процессу художественного развития человечества.

Важнейшей задачей дисциплины «Мировая художественная культура» являлось *интеллектуальное развитие школьников, их способностей к аналитическому и синтетическому мышлению, адекватной интерпретации художественных произведений*. В центр внимания ставилось *понимание Человека как творца и творения культуры* в разные исторические эпохи и в современности. Как показала вузовская практика, выпускники школ, где преподавалась «Мировая художественная культура», более осознанно, творчески и успешно учились не только на гуманитарных, но и на естественнонаучных факультетах университетов.

В настоящее время в университетах наблюдается сокращение культурологических кафедр и резкое уменьшение количества часов на преподавание культурологии, что подрывает как перспективы развития культурологии, так и основы гуманитарного образования.

Эта ситуация противоречит Основам государственной культурной политики (Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»), Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года (утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р) и другим федеральным законам и нормативно-правовым актам Президента Российской Федерации. Тем самым нарушается базовый принцип стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, к которым относятся сохранение и развитие культуры, повышение качества профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, а также развитие фундаментальных научных исследований. Такое положение дел имеет далеко идущие и необратимые последствия, главное из которых – отторжение отечественной и мировой культуры от подавляющего большинства современной молодежи, и, как следствие, непонимание молодым поколением своей роли в сохранении и воспроизводстве культурных традиций. Культурологическое образование могло бы позволить выпускникам быстро переквалифицироваться на новые специальности, что особенно актуально при трудоустройстве в небольших городах и населенных пунктах.

Образование – это наше будущее, и хочется, чтобы это будущее было без катастроф.

Список литературы

1. Амдерма, посёлок [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.visitnao.ru/chto-posmotret/goroda-i-poseleniya/amderma-gorod-prizrak/>
2. В Забайкалье будут штрафовать за уничтожение корней «союлки» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/accidents/2455907.html>
3. Денисенко Михаил. Население России до 2025 года. [Электронный ресурс] // ProEtContra. – 2012. – Июль – октябрь. – С. 155–156. – Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_56_153-171.pdf.

4. *Исаев И.А.* Топос и номос: пространства правопорядков / И.А. Исаев. – М.: Норма, 2007. – 416 с.
5. *Михаил Золотоносов.* Как напротив Смольного появляются стеклянные призмы 06/11/2014 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.online812.ru/2014/11/06/009/>
6. *Никита Гранько.* Университетский проект: пять зданий СПбГУ в Петергофе. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://paper.ru/uni-in-petergof/>
7. *Олеся Волкова, Александр Соколов, Игорь Терентьев.* Исследование РБК: как вымирают российские города [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2015/54c0fcaf9a7947a8f1dc4a7f>
8. Федеральные СМИ рассказали о масштабной вырубке лесов на Байкале. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/297902/>

Щепеткина С.В.,

кандидат ветеринарных наук, руководитель научного консультационного центра по разработке и трансферу системных технологий в ветеринарии и сельском хозяйстве, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины»

**Ветеринария в номенклатуре
научных специальностей:
сельскохозяйственная или медицинская наука**

Аннотация. В статье представлено обоснование необходимости внесения изменений в номенклатуру научных специальностей РАН с переносом ветеринарной медицины (ветеринарии) из сельскохозяйственных в медицинские науки. Отнесение ветеринарии наряду с зоотехнией, агрономией, почвоведением и др. к сельскохозяйственным наукам, разная ведомственная подчиненность ветеринарного образования (Минсельхоз) и науки (Минобрнауки) привело к значительному регрессу в ветеринарной медицине. Это повлекло за собой массовое распространение инфекционных (в т.ч. эпидемически значимых) болезней, невозможность выпуска безопасных продуктов питания и созданию абсурдных законодательных актов.

Ключевые слова: ветеринария, медицина, сельскохозяйственные, медицинские науки, эпидемиология, эпизоотология, инфекционные болезни

Shchepetkina S.V.,

Candidate of Veter. Sc., Head of the Scientific Advisory Center for the Development and Transfer of System Technologies

*in Veterinary Medicine and Agriculture, Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Academy of Veterinary Medicine”*

**Veterinary Medicine in the Nomenclature of Scientific
Specialties: Agricultural or Medical Science**

Abstract. The article presents the rationale for making changes to the nomenclature of scientific specialties of the Russian Academy of Sciences with the transfer of veterinary medicine (veterinary medicine) from agricultural to medical Sciences. The attribution of veterinary science along with animal science, agronomy, etc. to agricultural Sciences, different departmental subordination of veterinary education (Ministry of agriculture) and science (Ministry of education and science) has led to a significant regression in veterinary medicine. This leads to the mass spread of infectious (including epidemically significant) diseases, the inability to produce safe food, and the creation of absurd legislation.

Keywords: veterinary medicine, medicine, agricultural, medical sciences, epidemiology, epizootology, infectious diseases

«Медицинский врач лечит человека,
а ветеринарный врач – человечество».
Иван Петрович Павлов,
русский и советский учёный, физиолог,
вивисектор, создатель науки
о высшей нервной деятельности,
физиологической школы; лауреат
Нобелевской премии «за работу физиологии
пищеварения», академик Императорской
Санкт-Петербургской академии,
действительный статский советник
(1849–1936)

Сложно переоценить социальное значение ветеринарной медицины. Ветеринарные врачи лечат домашних (собаки, кошки, хомячки и декоративные птицы), сельскохозяйственных (коровы, козы, овцы, свиньи, лошади, куры, индейки, гуси), диких и зоопарковых животных, контролируют распространение зоонозов и зооантропонозов,

обеспечивают выпуск безопасных продуктов питания, проводят доклинические и клинические исследования медицинских препаратов.

За последние 20 лет вследствие необходимости обеспечения продовольственной безопасности страны основной задачей являлось наращивание объемов производства, а безопасности и качеству продукции должного внимания не уделялось. Ветеринарная наука оказалась не востребованной, а ветеринарное образование претерпело ряд деформаций: развитие было сконцентрировано на лечении собак и кошек.

Большинство ветеринарных НИИ были реорганизованы в филиалы ФНЦ и финансировались по остаточному принципу. К чему это привело? Всероссийский научно-исследовательский институт птицеводства (ныне филиал ВНИТИП РАН) являясь обособленной единицей, полностью обеспечивал потребности российского птицеводства в вакцинах. В настоящее время долги его составляют более 14 млн руб., воду включают на один час в день, а командировочные расходы сотрудникам не выплачиваются с 2017 года. Вакцины для российского птицеводства производят коммерческие, преимущественно зарубежные, организации. Схожая ситуация сложилась в свиноводстве, молочном животноводстве и аквакультуре.

Осложняет ситуацию то, что в 90-е – 2000-е годы большинство ученых перешли работать в коммерческие организации, то есть в вузах и НИИ остались корифеи, умеющие успешно справляться с особо опасными инфекциями (сибирская язва, ящур, бруцеллез, туберкулез), а для решения проблем с оппортунистическими инфекциями, возникающими вследствие увеличения объемов производства и ввода генетического материала из-за рубежа, их знания оказались невостребованными. Поколение же молодых преподавателей и ученых не работало на предприятиях и научить специалистов фактически ничему не может.

Низкий уровень образования, разрушение российской ветеринарной науки привело к невозможности обеспечить достаточный уровень профессиональных компетенций ветеринарных врачей. Нахождение ветеринарии в сельскохозяйственных науках снизило возможность развития ветеринарии как науки практически до нуля.

В настоящее время на рассмотрении РАН находится новая номенклатура научных специальностей (5). Проект полного варианта

номенклатуры должен быть представлен на заседание ВАК в июне 2020 года. К I уровню будут относиться естественные, технические, медицинские, сельскохозяйственные, социальные и гуманитарные, а также военные, военно-технические и специальные науки.

В классификации медицинских наук II уровня в настоящее время рассматриваются следующие разделы:

- клиническая медицина;
- профилактическая медицина;
- медико-биологические науки;
- фармацевтические науки.

Исходя из определения целей и задач каждой представленной в предлагаемой номенклатуре науки и исторически сложившихся взаимоотношений между ними представляется весьма странным, что ветеринария находится в сельскохозяйственных науках.

Медицина – система научных знаний и практической деятельности, целями которой являются укрепление и сохранение здоровья, продление жизни людей, предупреждение и лечение болезней человека, а также облегчения страданий от физических и психических недугов.

Ветеринария – область научных знаний и практической деятельности, направленных на предупреждение болезней животных и их лечение, выпуск полноценных и безопасных в ветеринарном отношении продуктов животноводства и защиту населения от болезней, общих для человека и животных (10).

Если рассматривать формальные определения, указанных в номенклатуре научных специальностей, то между ветеринарией и медициной имеется значительное сродство, в отличие от сельскохозяйственных наук. Профессиональный стандарт «ветеринарный врач» (1) включает в себя практически все профессиональные компетенции, представленные в профстандартах специалистов в области медицины (7).

Данное сродство очень четко видно при рассмотрении III уровня номенклатуры научных специальностей. При этом если в определении медицинских наук слова «медицина» и «человек» заменить на «ветеринария» и «животное», то суть и содержание определений практически не изменится.

К сельскохозяйственным наукам II уровня наряду с зоотехнией и ветеринарией отнесены: агрономия, лесное и водное хозяйство; агроинженерия и пищевые технологии.

Агроно́мия – наука сельскохозяйственного производства растений и грибов; представляет собой комплекс разнообразных наук и занимается исследованием всех явлений, имеющих значение при этом производстве.

Лесное хозяйство – отрасль экономики, в функции которой входит: изучение и учёт лесов, их воспроизводство, охрана от пожаров, вредителей и болезней, регулирование лесопользования, контроль за использованием лесных ресурсов.

Водное хозяйство – занимается изучением, учётом, планированием комплексного использования водных ресурсов, охраной поверхностных и подземных вод от загрязнения и истощения и транспортировкой их к месту назначения (потребления). Основная задача – обеспечение всех отраслей народного хозяйства водой в необходимом количестве и соответствующего качества.

Агроинженерия – направление сельского хозяйства, которое занимается проектированием и совершенствованием производственных процессов в агропромышленном секторе.

Пищевые технологии – отрасль знания прикладного характера, занимающаяся изучением способов производства и хранения продуктов питания.

Ни одна из вышеперечисленных наук не имеет никакого отношения ни к медицине, ни к ветеринарии.

Зоотехния (объединяемая с ветеринарией) представляет собой науку о разведении, кормлении, содержании и правильном использовании сельскохозяйственных животных для получения от них возможно большего количества высококачественной продукции при наименьших затратах труда и средств. В соответствии с классификацией является приоритетным направлением в сельскохозяйственных науках.

Медицинские науки имеют следующую классификацию:

Клиническая медицина – группа дисциплин, на диагностику и лечение болезней с использованием достижений медицинской науки и современных методик. В ветеринарии также есть группы клинических дисциплин, которые подразделяются на точно такие же классификационные единицы, а диагностические методы и приемы, как и используемое оборудование – аналогичны медицинским. Эпизоотический и эпидемический процессы также имеют общие закономерности развития, а ряд дисциплин абсолютно идентичны.

Профилактическая медицина – раздел медицины, который занимается проблемами укрепления здоровья и профилактики различных инфекционных и неинфекционных заболеваний: сердечно-сосудистых, онкологических, респираторных, диабета и т.д. В ветеринарии также основой основ является профилактика заболеваний, что позволяет у продуктивных животных – обеспечить продуктивное долголетие для получения максимального количества качественных, безопасных продуктов питания для людей (молоко, яйца, мясо). В отношении мелких домашних животных (собак и кошек) – заботиться об увеличении продолжительности их жизни.

Профилактическая медицина имеет целью предупреждения заболеваний, как в отношении одного индивидуума, так и в отношении групп, популяций людей. Ранее эта область в медицине называлась «Санитария и гигиена», и она также входит в область профессиональных компетенций ветеринарных врачей. В ветеринарной медицине ветеринарные врачи заботятся о предупреждении заболеваний как в отношении одного, так и в отношении групп и популяций животных.

Гигиена изучает влияние факторов внешней среды на организм человека с целью оптимизации благоприятных и профилактики неблагоприятных воздействий. Работа ветеринарного врача сопоставима с работой врачей стационара – необходимо не только осуществлять мониторинг циркулирующих на предприятии микроорганизмов, но и подбирать эффективные дезинфектанты, осуществлять контроль качества дезинфекции на каждом этапе технологического цикла предприятий на каждой производственной единице.

Санитария – система мероприятий, обеспечивающих охрану здоровья и профилактику различных заболеваний и комплекс мер по практическому применению разработанных гигиенической наукой нормативов, санитарных правил и рекомендаций, обеспечивающих оптимизацию условий воспитания и обучения, быта, труда, отдыха и питания людей с целью укрепления и сохранения их здоровья. В профстандарте ветврача (1) четко указаны эти профессиональные компетенции.

Эпидемиология – изучает демографию инфекционных процессов, мероприятия по их локализации и снижению заболеваемости, и включает в себя, но не ограничивается изучением эпидемий. Такими

же исследованиями, только в отношении животных, занимается эпизоотология. С учетом смежных и актуальных проблем: антимикробной резистентности, проблемы зоонозов (сальмонеллеза, листериоза, стафилококкоза, кампилобактериоза и др.) целесообразно было бы объединить междисциплинарные исследования и отнести решение этих задач к медицине (как это сделано во многих зарубежных странах).

Медико-биологические науки – совокупность наук, исследующих природное (биологическое) состояние человека как в норме, так и в патологии. К ним относятся анатомия и морфология человека – наука о строении человеческого организма; физиология – наука о жизнедеятельности человеческого организма; биохимия – наука о биохимическом составе организма человека и химических реакциях, происходящих в нем; биомеханика – наука, изучающая механические процессы происходящие в живых тканях, органах и организме человека в целом. Идентичный классификатор присутствует и в ветеринарии.

К фармацевтическим наукам относятся **фармацевтика** – решающая производственно-технологические проблемы процесса изготовления лекарственных средств и субстанций и **фармацевтическая химия** – наука о химических свойствах и превращениях лекарственных веществ, методах их разработки и получения, качественного и количественного анализа.

Идентичные науки есть и в ветеринарии. При этом подавляющее количество лекарственных препаратов для животных разрабатываются именно фармацевтическими компаниями, а медицинские препараты проходят весь перечень доклинических и клинических испытаний на животных. Следует отметить, что в связи с отсутствием адекватной нормативной документации многие медицинские разработки применяются в ветеринарии без обеспечения должной степени безопасности, что приводит к развитию и распространению болезней, антимикробной резистентности, появлению остаточных количеств фармакологически активных веществ в продуктах питания для людей.

Так, Приказом Минсельхоза РФ от 06.03.2018 N 101 «Об утверждении правил проведения доклинического исследования лекарственного средства для ветеринарного применения, клинического иссле-

дования лекарственного препарата для ветеринарного применения, исследования биоэквивалентности лекарственного препарата для ветеринарного применения» (6) полномочия, ответственность за проведение вышеуказанных исследований (6, п.4), план исследований (6, п.53), оценка соотношения возможного риска с прогнозируемой пользой для целевых животных (6, п.70), решение о прекращении исследований при подтверждении, что применение лекарственного препарата представляет угрозу для здоровья животных, и (или) людей и (или) загрязнения окружающей среды (6, п.75), а также оценка рисков – возлагается на разработчика препарата, при этом извещение о проведении испытаний контролирующих органов носит лишь уведомительный характер (6, п.72). Результаты исследований оцениваются самим разработчиком и предоставляются для формирования регистрационного досье.

Такого же рода законодательные абсурды есть и в проекте Федерального закона «О биологической безопасности Российской Федерации» (9), где в целях снижения уровня распространения инфекционных болезней, вызываемых возбудителями, обладающими устойчивостью к лекарственным препаратам, химическим и (или) биологическим средствам (9, с.25), появляются новые формулировки и предлагается запрет использования антимикробных препаратов в ветеринарии «не в лечебных целях» (9, с.27). Такая же формулировка звучит в Плане реализации Стратегии предупреждения распространения антимикробной резистентности в Российской Федерации до 2030 г. (8) (с. 2,3), где в качестве мер по реализации Стратегии (4) предлагаются введение запрета на использование противомикробных препаратов для ветеринарного применения не в лечебных целях (8, п.2), регулирование использования противомикробных препаратов при изготовлении кормов (8, п.3) и введение административной ответственности за использование в ветеринарии противомикробных препаратов, не включенных в утвержденном порядке перечни и за использование в ветеринарии противомикробных препаратов не в лечебных целях (8, п.4).

В профстандартах смежных областей не указывается возможность работы ветеринарных специалистов. Например: в профессиональном стандарте микробиолога (2) не указана специальность ветеринария, в то время как микробиологические исследования – рутинная прак-

тика ветеринарных специалистов не только в лабораториях, но и на предприятиях. Кроме того, должность «главный микробиолог» прописана в должностях работников сельского хозяйства (3).

Отнесение ветеринарии наряду с зоотехнией, агрономией, лесным и водным хозяйствам, и др. к сельскохозяйственным наукам, разная ведомственная подчиненность ветеринарного образования (Минсельхоз) и науки (Минобрнауки) привело к значительному регрессу ветеринарного образования, стагнации научных направлений в области ветеринарии, отсутствию государственного финансирования, невозможности участия ветеринарных специалистов в грантовых, международных и междисциплинарных фундаментальных и прикладных научных исследований; к массовому распространению инфекционных, в том числе эпидемически значимых, болезней; невозможности обеспечения выпуска безопасных продуктов питания, а также снижению социального значения ветеринарной медицины в обществе и созданию абсурдных законодательных актов. Все это было бы невозможно, если бы ветеринарная медицина была отнесена в номенклатуре научных специальностей РАН к медицинским наукам.

Таким образом, считаем целесообразным внести в номенклатуру научных специальностей РАН изменения и перенести ветеринарию (ветеринарную медицину) из сельскохозяйственных в медицинские науки.

Список литературы:

1. ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]: Профессиональный стандарт Ветеринарный врач, Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от «23» августа 2018 г. N 547н – Режим доступа: http://base.garant.ru/72086166/#block_1000;
2. ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]: Профессиональный стандарт Микробиолог Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 октября 2014 г. N 865н – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70809824/>;
3. ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]: Приложение к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15 февраля

2012 г. № 126н «Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих» Раздел «Квалификационные характеристики должностей работников сельского хозяйства» – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70150526/paragraph/76/doclist/o/selflink/o/highlight/%D0%9C%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3;o>;

4. ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]: Стратегия предупреждения распространения антимикробной резистентности в Российской Федерации до 2030 г – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71677266/>;

5. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации – Режим доступа: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2331;

6. Министерство юстиции российской федерации [Электронный ресурс]: Приказ Минсельхоза РФ от 06.03.2018 № 101 «Об утверждении правил проведения доклинического исследования лекарственного средства для ветеринарного применения, клинического исследования лекарственного препарата для ветеринарного применения, исследования биоэквивалентности лекарственного препарата для ветеринарного применения», зарегистрирован в Минюсте РФ 05.06.2018 за № 51296 – Режим доступа: <https://minjust.consultant.ru/documents/39654>;

7. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/docs/101/69/2/2>;

8. Правительство России [Электронный ресурс]: План на 2019–2024 годы по реализации Стратегии предупреждения распространения антимикробной резистентности в России на период до 2030 года – Режим доступа: <http://government.ru/docs/36320/>;

9. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]: Законопроект № 850485–7 О биологической безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Законопроект № 850485–7 О биологической безопасности Российской Федерации – Режим доступа:

10. Электронный фонд правовой и нормативной документации [Электронный ресурс]: Закон о ветеринарии с изменениями на 27 декабря 2019 г. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9004249>

Яковлева Н.Г.,

кандидат экономических наук, доцент, в. н. с.

Института экономики РАН,

Института нового индустриального развития

им. С.Ю. Витте

**Социально-экономические основания
коммерциализации и финансиализации
образования¹**

Аннотация. В статье с теоретических позиций рассматривается процесс маркетизации образования на этапе позднего капитализма и все более усиливающей позиции неолиберальной модели экономики. Маркетизация образования на данном этапе капитализма характеризуется не только усилением коммерциализации данной сферы, но и все более довлеющими процессами бюрократизации и менеджериализации. Делается вывод, что, на данном этапе развития капиталистической системы, образование являясь общественным благом все более приобретает форму коммерческой услуги.

Ключевые слова: образование, маркетизация образования, коммерциализация образования, менеджериализация образования, бюрократизация образования

¹ За основу данного текста взяты две статьи автора: Яковлева Н.Г. Коммерциализация, бюрократизация, менеджериализация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления, 2017, №3, С. 121–130; Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114.

Yakovleva N.G.,

Candidate of Econ Sc., Leading researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and Institute of Institute of New Industrial Development N.A. S.Y. Witte

Socio-Economic Bases of Commercialization and Financialization of Education

Abstract. The article considers the process of marketization of education at the stage of late capitalism from a theoretical point of view. The position of the neoliberal model of the economy is becoming increasingly stronger at this stage. Marketization of education characterized by increased commercialization at this stage of capitalism. Additionally, the bureaucracy and manageritalia education is also growing. As a result, education, being a public good, increasingly takes the form of a commercial service at this stage of the development of the capitalist system.

Keywords: education, marketization of education, commercialization of education, manageritalia of education, bureaucracy in education

В конце XX – начале XXI века развёртывание неолиберальной модели позднего капитализма¹ во многих странах привело к десоциализации экономики и общества. Это отразилось в первую очередь на социальной сфере, в частности образовании. Как отмечает Месарош И. (20), для того, чтобы не потерять контроль над ситуацией, современный неолиберальный капитализм вынужден усиливать не столько «внешнюю» агрессивную экспансию, сколько «внутреннюю», вторгаясь в сферы, которые раньше непосредственно не являлись рыночными (образование, медицина, наука, культура, коммунальное хозяйство) с тем, чтобы коммерциализировать их и включить в систему получения прибавочной стоимости.

В первую очередь эти процессы нашли выражение в уменьшении бюджетного финансирования образования. В свою очередь это привело к усилению рыночных механизмов в деятельности образовательных организаций: увеличение числа платных программ, развитие частного сектора образования, рост платы за обучение, распространение

¹ Понятие «поздний капитализм» введено в работах Э. Мандела (19), Ф. Джемиссона (17), а также А.В. Бузгалина и А.И. Колганова (2, 3).

ние образовательных кредитов. В итоге это привело к разворачиванию повсеместного процесса коммерциализации образования.

Под коммерциализацией образования мы понимаем процесс все большего подчинения всех слагаемых образовательного процесса, интересов, мотивов и ценностей его акторов, социального управления, деятельности образовательных организаций (причем как государственных, так и частных), в конечном итоге – всего образовательного процесса целям получения коммерческого результата, а не прогресса личностных качеств субъектов этого процесса, т.е. прогресса образования как такового. Отметим, что под коммерческим результатом понимается не только получение прямой денежной выгоды, но и то, что содействует ее максимизации – место в рейтингах, большее количество учащихся в условиях подушевого финансирования, количество призеров всевозможных олимпиад (для школ) и т.д.

Усиление коммерциализации образования – это международная тенденция, которая проявилась и усиливается во многих развитых и развивающихся капиталистических странах мира. Коммерциализация образования и социальные последствия данного процесса изучаются учеными и практиками сферы образования, приведем некоторых из них: Derek Bock (1), Lauder H., Hughes D. (18), Tom G. Griffiths, Robert Imre (23), Ravi Kumar (21) Sara C. Motta (22) и др.

Если обратиться к книге дважды ректора Гарвардского университета¹ Дерека Бока «Университеты в условиях рынка (коммерциализация высшего образования)»², то мы увидим насколько остро стоит проблема всепоглощающей коммерциализации перед Гарвардом и другими ведущими мировыми университетами, все более превращающимися в коммерческие корпорации. Предисловие книги Бока начинается со слов: «На протяжении последних 25 лет университеты (*авт. имеется ввиду американские*) с небывалой энергией продают свои знания и умения частным лицам и корпорациям»,

¹ Гарвардский университет по версии рейтинга QS World University Rankings 2016/2017 занимает 3-е место в мире https://ria.ru/abitura_world/20160905/1475519112.html

² Бок Дерек. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования/пер. с англ. С. Карпа; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 224 с.

а заканчивается неутешительным вердиктом: «Наблюдая за происходящим, я опасаясь, что под воздействием коммерциализации может измениться сама природа академических учреждений, и нам придется об этом пожалеть» (1).

Основными причинами коммерциализации американских университетов Бок Д. видит (1):

- сокращение государственного финансирования, побудившее некоторые университеты и их подразделения заняться поиском денег;
- обострившееся соперничество между университетами;
- множество новых возможностей получения дохода, открывшихся перед университетами благодаря появлению сложных и наукоемких технологий, в частности Интернета.

Этот выдающийся деятель западного образования, как и многие другие западные эксперты, опасается, «что коммерчески ориентированная деятельность университетов отодвинет на задний план всякую другую, и что учебные программы будут оцениваться по их прибыльности, а отнюдь не по интеллектуальному достоинству» (1).

В России процесс коммерциализации образования изучается не столь активно, хотя все признаки и проявления результатов, в том числе негативные социальные последствия, данного процесса наблюдаются на протяжении трех десятилетий. Однако за последние десять лет и в нашей стране появились работы, исследующие процесс коммерциализации образования и его последствия с экономической, социологической и философской точек зрения, приведем лишь некоторые, наиболее значимые на наш взгляд: Зборовский Г.Е. (4), Ключарев Г.А. (5), Миронов В.В. (6), Осипов А.М. (7), Смолин О.Н. (9), Суббето А.И., Чекмарев В.В. (10), Яковлева Н.Г. (12,13,14,15).

Необходимо отметить, что в сфере управления образованием, в прочем, как и другими социальными сферами, на современном этапе возникло две, казалось бы, противоположных, но на самом деле воспроизводящих друг друга тенденции: *коммерциализация* и одновременно *бюрократизация образования*, которые в свою очередь породили превратную форму процесса управления образованием – *менеджеризацию*.

Бюрократизм в данном случае мы можем определить, как власть управляющей подсистемы, которая приводит к замещению интересов общества интересами бюрократии. Рассмотрим более подробно

проявления бюрократизации в сфере образования в целом и в сфере высшего образования в частности.

Во-первых, бюрократизация образования характеризуется разрастанием бюрократического аппарата государственного управления и увеличением его исключительно бюрократических, формальных функций, сводящихся к сбору отчетности и все более тотальному контролю выполнения сугубо формальных показателей деятельности образовательных организаций.

Во-вторых, бюрократизация образования привела к трансформации непосредственно процесса образования – сферы сотворчества учителя и ученика в процессе совместной деятельности-диалога – в пространство административного диктата чиновника (власти «бюро»), подчиняющего и преподавателя, и ученика формальным критериям, характеризующим не способности ученика и его творческий потенциал, а конкретные формальные результаты обучающего.

Бюрократизация образования – это подчинение творческого по своей сущности процесса образования формально-бюрократическим процедурам и нормам. С одной стороны, деятельность образовательных организаций все больше контролируется различными государственными инстанциями (в России это – Росособнадзор, Росаккредитация и т.д.), что влечет за собой большое количество отчетной документации в большинстве своем дублирующийся в бумажной и электронной форме. С другой стороны, образовательные организации изнутри превращаются в жесткие вертикальные бюрократические структуры с многочисленным административным аппаратом. Здесь прямо реализуется сущность феномена «бюрократизм». Термин «бюрократия» происходит от двух корней «бюро» – канцелярия, «кратос» – власть, т.е. дословно бюрократия – это власть канцелярии, власть «бюро», административного аппарата; этот тезис подробно развит в социологии М. Вебера.

Процесс бюрократизации в сфере образования развивается в той мере, в какой «бюро» (администрация школ и университетов, региональные и федеральные органы власти) подчиняют целям своего воспроизводства весь образовательный процесс, контролируя и регулируя деятельность педагогов, преподавателей, учеников и студентов исходя из целей соблюдения формально-бюрократических правил и норм. При этом делается упор на управление образователь-

ными организациями сверху, а не снизу, при участии учителей и преподавателей, учеников и студентов

В реальных условиях рыночной экономики XXI века бюрократизация проявляется не только во взаимодействии государства и сферы образования как таковой, она проникает в структуру непосредственно образовательных организаций и порождает такое явление как – менеджеризация.

Менеджеризация является процессом, не тождественным бюрократизации, хотя и тесно связанным с ним. Во многих образовательных организациях высшего образования России идет (или уже близок к завершению) процесс передачи руководства организациями от преподавателей и ученых управленцам-менеджерам, сопровождающийся, во-первых, отказом от избрания руководителей, во-вторых, резким снижением полномочий коллегиальных органов руководства ВУЗами, в-третьих, увеличением административного аппарата управления образовательной организацией и в-четвертых, отрывом реальных (в том числе – «теневых») доходов административно-управленческого аппарата (менеджеров) от доходов преподавателей, достигающем 10–20-ти кратной величины. Осуществляя функции управления образовательной организацией менеджер в первую очередь ориентируется с одной стороны на достижение высокого коммерческого результата для образовательной организации, а с другой – на выполнение формально-бюрократических требований институтов государственного контроля и надзора за деятельностью образовательных организаций. В такой ситуации содержательная сторона образования, т.е. непосредственно образовательный процесс и его качество уходит на второй план, а на первый план выходит эффективность управления образовательной организацией.

Дальнейшее углубление коммерциализации образования привело к формированию нового явления – финансиализации этой сферы. Объясняется это тем, что эволюция позднего капитализма последних десятилетий, приведшая к доминированию финансового капитала по отношению к капиталу реального сектора, привела к разворачиванию процесса, получившего название – «**финансиализация**». Данный процесс захватил не только сферу собственно экономических отношений. Процесс финансиализации приводит к подчинению финансовому капиталу *общества* и потому он не может не затронуть

социальную сферу (образование, наука, культура, здравоохранение) экономики, в частности сферу образования. Перед современным обществом встает новая проблема – **финансиализации образования и ее социальных последствий**. Финансиализация образования – это явление, которое пока проявляется в большей степени в развитых капиталистических странах и потому пока еще не стало предметом развернутых исследований и обсуждений.

Основой исследованию финансиализации образования может выступить обоснованный в ряде работ отечественных и зарубежных ученых уже отмеченный выше взгляд на финансиализацию экономики как процесс подчинения реального сектора экономики финансовому капиталу, т.е. экспансии финансового сектора (Бузгалин А.В., Колганов А.И. (3), Рязанов В.Т. (8), Файн Бен (11, 16). Как отмечает в своей книге «(Не)реальный капитализм» Рязанов В.Т. (8) «финансиализация не является новым явлением в хозяйственной жизни капиталистического общества, но углубление финансиализации на протяжении 10–20 прошедших лет включало попытку превращения в финансовый актив всех сфер нашей жизни». Таким образом можно утверждать, что эти процессы привели к трансформации всех социальных отношений и институтов позднего капитализма.

Необходимо отметить, что *финансиализация образования и финансирование образования – это взаимосвязанные, но не равнозначные процессы*. Финансирование образования в настоящее время идет преимущественно по трем каналам: бюджетное финансирование, плата за обучение студентами и спонсорская поддержка, включающая, в частности, эндаумент-фондирование.

Финансиализация образования – это, как и в случае с финансиализацией общества, не процесс выделения финансовых средств образовательным организациям, а нечто иное. В качестве рабочего определения, которое далее будет уточнено и раскрыто, будем исходить из того, что это явление развивается в той мере, в какой образовательный процесс (его цели, содержание, формы, критерии прогресса) подчиняется целям функционирования финансового капитала. Основой данного подхода к определению финансиализации образования является все усиливающееся влияние финансовых мотивов и рынков, финансовых корпораций и учреждений, конкретных влиятельных лиц из финансовой сферы управление образовательными

организациями, и непосредственно на образовательный процесс. Существенно, что этот процесс затрагивает не только частный, но и общественный сектора образования. Посредством образования – это опосредованное влияние на все социальные слои общества – от высшего и среднего класса до прекариата; на все возрастные группы – от воспитанников детских садов до пенсионеров.

Здесь возникает очевидный вопрос: *интересам каких социально-экономических групп отвечает процесс финансиаризации образования?* Данный выше ответ – финансового капитала – будет очевидным, но не достаточным. В современных условиях большая часть социальных акторов в той или иной мере включена в процесс финансиализации, т.к. с конца XX века даже реальный сектор экономики получает значительную (а в многих случаях – бóльшую) часть своего дохода от участия в финансовых транзакциях. Более того, элита финансового капитала тесно сращена с государственно-бюрократическим аппаратом. Первая задает образованию коммерческий вектор, вторая – подчиняет его государственной бюрократии. Реализацией обоих векторов и занимаются менеджеры образовательных организаций, получающие все большую власть и контролирующие функции управления образовательными организациями. Посредством них такой симбиотический социальный слой как сращенный с высшей бюрократией персонифицированный финансовый капитал подчиняет себе процесс образования, который – в пространстве обратных связей – производит новых менеджеров и других акторов финансового капитала и государственной бюрократии. Так менеджеризация образования усиливает его финансиализацию и обратно.

Для сферы образования в данных условиях, характерно глубокое противоречие. С одной стороны, четвертая промышленная революция, и технологический прогресс обуславливают изменение роли образования в социальной жизни – экстенсивный («вширь») и интенсивный («вглубь») прогресс образования во всех возможных формах, что приводит к социальной востребованности образования для всех и через всю жизнь. Как таковое образование – это создание неограниченных общественных благ (благ, которые можно «раздавать не теряя») и как таковое оно должно было бы и с социальной точки зрения быть общедоступно (в частности, бесплатно для учеников, финансируясь из общественных источников – государством, некоммерческими органи-

зациями и фондами и т.п.). С другой стороны, усиление неолиберальных трендов, десоциализация и сокращение общественного (государственного и т.п.) финансирования социального сектора экономики, в частности образования, приводит к обратным результатам.

Таким образом, **одной из черт рыночной экономики неолиберального этапа стало все большее превращение образования из общественного блага в коммерческую услугу.**

Список литературы

1. Бок Дерек. Университеты в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования/пер. с англ. С. Карпа; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 224 с.

2. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы политической экономии, 2018, №2. С. 10–38.

3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.

4. Зборовский Г.Е. Модернизация образования сквозь призму социальной политики // Журнал исследований социальной политики, 2010, Т. 8 № 1, С. 87–104.

5. Ключарев Г.А. О ходе реформ в российском образовании // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2015. – С. 324–346.

6. Миронов В.В. Размышления о реформе российского образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование, 2013, №3, С. 32–70.

7. Осипов А.М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 5. С. 63–72.

8. Рязанов В.Т. (Не)реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: Экономика, 2016.

9. Смолин О.Н. Системные проблемы образования в России и пути их преодоления / Сборник материалов Международного Кон-

гресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: ЛЕНАНД, 2015, С. 47–52.

10. Субетто А.И., Чекмарев В.В. Битва за высшее образование России: 1992–2003 гг. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2003.

11. Файн Б. Финансиализация: марксистский взгляд // Вопросы политической экономии, 2019, №1. С. 34–50.

12. Яковлева Н.Г. Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрапункты // Экономическое возрождение России. 2017. №4. С. 49–59

13. Яковлева Н.Г. Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления, 2017, №3, С. 121–130.

14. Яковлева Н.Г. Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018а. № 3. С. 149–153

15. Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104–114. DOI: 10.31857/S013216250007744-1.

16. Fine B. Locating Financialization. Historical Materialism, 2018, No. 2: 97–116.

17. Jameson F. Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism. London – New York: Verso, 1991.

18. Lauder H., Hughes D. (Editors). Trading in Futures: Why Markets in Education Don't Work. Buckingham: Open University Press, 1999/

19. Mandel E. Late Capitalism. London – New York: Verso, 1987.

20. Mészáros I. The Structural Crisis of Capital. New York: Monthly Review Press, 2010.

21. Ravi Kumar (Editor). Education and the Reproduction of Capital: Neoliberal Knowledge and Counterstrategies. Palgrave Macmillan, 2012, 251 p.

22. Sara C. Motta, Mike Cole. Education and Social Change in Latin America. Palgrave Macmillan, 2013, 308 p.

23. Tom G. Griffiths, Robert Imre. Mass Education, Global, Capital, and the World: The Theoretical Lenses of Istvan Mészáros and Immanuel Wallerstein. St. Martin's Press LLC, 2013, 201 p.

**Производство, наука и образование
в эпоху трансформаций:
Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI)
Том I**

*Сборник материалов VI Международного конгресса
«Производство, наука и образование
в эпоху трансформаций:
Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО-VI)*

Подписано в печать 24.05.2020.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Печ. л. 26,5.
Тираж 500 экз. Заказ

